

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

С. Г. Ильенко

КОММУНИКАТИВНО-СТРУКТУРНЫЙ
СИНТАКСИС
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

*Допущено Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
Министерства образования и науки РФ
в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по направлению
«Филологическое образование»*

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2009

ББК 81.2Р-4
И 45

Печатается по рекомендации кафедры русского языка и решению редакционно-издательского совета РГПУ им. А. И. Герцена

Ответственный редактор
М. Я. Дымарский

Редактор
И. А. Мартыанова

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор **К. А. Рогова**
(Санкт-Петербургский государственный университет);
доктор филологических наук, профессор **Г. М. Васильева**
(Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Ильенко С. Г.

И 45 Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / Отв. ред. М. Я. Дымарский. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. — 398 с.

ISBN 978-5-8064-

Учебное пособие содержит изложение всех вопросов синтаксиса современного русского языка, предусмотренных программами университетов, а также вопросы и задания для самостоятельной работы студентов. Адресовано студентам филологических специальностей и преподавателям университетов, специалистам по синтаксису.

ББК 81.2Р-4

ISBN 978-5-8064-

© С. Г. Ильенко, 2009
© Н. М. Сергеева, дизайн обложки, 2009
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009

Список рекомендуемой литературы	6
Несколько замечаний о причине и смысле появления этой книги, или О «замыслах» науки и «вымыслах» обучения ее основам	8
Аксиоматика	18
Проблематика	20
О предмете синтаксиса, или Что и как должно изучаться в син- таксисе на современном этапе	25
Введение	25
Антропоцентризм языковой системы и необходимость инте- грального подхода	27
«Окно в морфологию», или Синтаксис как часть грамматики наряду с морфологией	28
Основания коммуникативно-структурного подхода	32
Лексико-синтаксическая координация	41
Проблема синтаксических единиц на современном этапе их изучения	44
Словосочетание и его типы (лекция с элементами диалога).....	61
Элементарные и неэлементарные словосочетания	62
Из истории изучения словосочетания	63
Сопоставление основных признаков словосочетания и пред- ложения	65
Синтаксическая связь между компонентами словосочетания	69
Общая характеристика подчинительной связи в словосоче- тании	73
Морфологическая характеристика словосочетаний	80
Семантическая характеристика словосочетания	82
Словосочетания с прямым (неопосредованным) и опосредо- ванным значениями	82
Соотнесенность членов предложения и компонентов слово- сочетания	83
Свободные и несвободные словосочетания	85
Двусоставное предложение. Подлежащее и сказуемое	86
Введение	86
Подлежащее	88
Сказуемое	92
Простое глагольное сказуемое	95

Осложненное сказуемое	96
Составные сказуемые	98
Составное именное сказуемое	99
Составное глагольное сказуемое	103
Сложные сказуемые	103
Односоставные предложения	108
Введение	108
Номинативное предложение	114
Генитивное предложение	119
Глагольно-личные предложения	121
Определенно-личное предложение	124
Обобщенно-личное предложение	127
Неопределенно-личное предложение	127
Инфинитивное предложение	131
Безличное предложение (краткий конспект с заданиями для самостоятельной работы)	137
Проблема вокативного предложения	141
Концепция иерархии членов предложения на современном этапе их изучения (конспект)	150
Введение	150
Общая характеристика детерминантов	157
Несколько замечаний о семантической структуре предло- жения, семантическом синтаксисе и проблеме типологии предложения	162
Структурная схема предложения	167
Введение	167
Анализ структуры предложения с опорой на понятие струк- турной схемы	171
Межличностная составляющая предложения (коммуникативная ось)	180
Введение	180
Типы предложений по цели высказывания	183
Вопросительные предложения	189
Побудительные предложения	194
Повествовательные предложения	198
Неполное предложение как средство межличностного контакта	201
Обращение	214
Роль обращения в организации текста	218
Вводные компоненты	220
Способы выражения вводных компонентов	222
Вопрос о вставных конструкциях	227

Актуальное членение предложения (высказывания)	228
Парцелляция	232
Понятие о системе осложненного предложения и место в ней однородных и обособленных членов предложения	233
Однородные члены предложения	235
Обобщающие слова и их типы	245
Обособленные члены предложения	250
Сложное предложение	261
Семантико-структурная и коммуникативная природа слож- ного предложения. Общая типология	261
Сочинение и подчинение как традиционная оппозиция при построении типологии сложного предложения	271
Сложноподчиненное предложение как ядерная конструкция сложного предложения	280
Структурно-семантическая классификация	286
Бессоюзное сложное предложение	304
Чужая речь: оппозиция «прямая vs. косвенная речь» как ориентир представления проблемы в учебных целях	320
Актуальные процессы русского синтаксиса (на материале прозы последнего двадцатилетия) (<i>И. А. Мартынова</i>)	338
Сложное синтаксическое целое (<i>М. Я. Дымарский</i>).....	353
Итоговое задание для самопроверки	375
Заключение	387
Послесловие	390
Именной указатель	393

Основной

- Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.
- Белошапкина В. А.* Современный русский язык: Синтаксис. — М., 1977.
- Виноградов В. В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975.
- Грамматика русского языка. Т. 2. — М., 1952–1954.
- Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970.
- Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 1988.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998 (2-е изд.: 2004).
- Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. (Или: Изд. 8-е, с предисл. акад. Ю. Д. Апресяна: М., 2001.)
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. — М., 1958.
- Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис (с. 592–835) / Под общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб., 1999.
- Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. (Или: Изд. 3-е, с предисл. Е. В. Клобукова: М., 2001.)

Дополнительный

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. — М., 1976.
- Борисова М. Б.* Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. — СПб., 1998. С. 248–258.
- Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. — М., 1959.
- Ванников Ю. В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. — М., 1979.
- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М., 1976.

-
- Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. Изд. 3-е, испр. — М., 2006.
- Дымарский М. Я.* Высказывание и коммуникативность // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры: Колл. моногр. / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. — СПб., 2005. С. 292–332.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.
- Иванова В. Ф.* История и принципы русской пунктуации. — Л., 1962.
- Ильенко С. Г.* Синтаксические единицы в тексте // Ильенко С. Г. Русистика: Избр. труды. — СПб., 2003.
- Лаптева О. А.* Русский разговорный синтаксис. — М., 1976.
- Мартьянова И. А.* Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. 2-е изд. — СПб., 2002.
- Мартьянова И. А.* Текст киносценария и киносценарий текста. — СПб., 2003.
- Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970.
- Русская грамматика. Т. 2. — М., 1980.
- Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979.
- Современный русский литературный язык / Под ред. Н. М. Шанского. — Л., 1981. [Раздел «Синтаксис» (с. 412–579) написан И. П. Распоповым.]
- Тарланов З. К.* Университетский курс синтаксиса в научно-историческом освещении. — Петрозаводск, 2007.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. — Л., 1990.
- Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. — СПб., 1992.
- Шаймиев В. А.* Краткий словарь-справочник современных лингвистических терминов в цитатах. — СПб., 1999.
- Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе: Словосочетание. — М., 1966.

Любезные читатели!

Перед вами издание, которое (впрочем, как и любое) необходимо представить. Однако почти всякому, кто принимается за предисловие, вспоминаются известные слова Лермонтова о том, что читатели предисловий не читают. Смущенный пишущий начинает искать разные способы выхода из затруднительного положения. Одни делают свое предисловие очень кратким, другие придумывают для него новые названия (например, «Вместо предисловия»), третьи надеются привлечь адресата необычностью первого высказывания, в нашем случае — необычностью устаревшего обращения: *любезные читатели* (а не просто *читатель*) — то есть «предусмотрительные к другим», «учтивые» (как указывает толковый словарь), а также «уважающие труд других людей, вызывающие симпатию своей любознательностью» (это привносится в данном случае автором).

Итак, любезные читатели, на кафедре русского языка старейшего в России педагогического университета — Герценовского — не однажды возникала потребность в создании учебного пособия по современному русскому литературному языку, в том числе по **синтаксису**.

Писать учебник по более или менее сложившемуся трафарету мы сочли нецелесообразным. К тому же в наше «компьютерно-интернетное» время, при современных издательских возможностях, необходимость в учебниках «для всей страны» стремительно себя изживает.

Ведущим российским университетам целесообразно располагать специальными **сериями учебных книг**, предназначенных не просто студентам соответствующей специальности, а конкретным студентам, слушающим курс конкретного профессора. Было бы отрадно, если бы каждая такая учебная книга (включающая не только теорию предмета, но и разного рода материалы для самостоятельного использования) представляла как новаторская, обладала «лица необщим выраженьем» (по формуле Е. А. Баратынского). Это, безусловно, не исключает возможности, а при успешном результате — необходимости гораздо более широкого использования учебных книг, чем рамки отдельно взятого вуза. Думается, что именно так может осуществляться в этой сфере известный принцип дополнительности Нильса Бора.

Обдумывая содержание, объем, главные ориентиры будущего издания, исполнители хорошо понимали, что, предпринимая обновление жанра учебного пособия, надо иметь в виду не только форму, но также исходные теоретические установки.

Что касается обновления формально-композиционной организации курса, то оно выливается в использование трех видов подачи материала: 1) лекций, 2) лекций с элементами диалога, 3) конспектов лекций¹.

Большинство лекций и цикл конспектов подготовлены С. Г. Ильенко, темы «Сложное синтаксическое целое» — М. Я. Дымарским, «Актуальные процессы русского синтаксиса (на материале прозы последнего двадцатилетия)» — И. А. Мартыановой.

Однако формально-композиционное обновление — не главное и не самоцель. Намного существеннее обновление содержательное — а оно необходимо: его требует время, его требуют и значительные изменения в том, каков сегодняшний студент. В последнее время наша школа в поисках новых содержательных и организационных ориентиров наряду с определенными успехами утратила многое из того, что накапливалось десятилетиями. Это прежде всего затронуло гуманитарную сферу, естественно

¹ Конспектами лекций авторы сочли возможным ограничиться в тех случаях, когда соответствующие темы наилучшим образом отражены в существующей учебной литературе.

и филологическую. Обнаружилась, в частности, значительная трещина в том (иногда, правда, хрупком) единстве, которое существовало в обучении русскому языку и литературе. Почтение к словесности стремительно утрачивается. Стали забываться признания ученых о роли искусства в развитии науки, в том числе словесного искусства с таким его мощным инструментом, как человеческая речь. Напомним хотя бы принципиальное признание В. И. Вернадского: «Некоторые части даже современного научного мировоззрения были достигнуты не путем научного искания или научной мысли — они вошли в науку извне: из религиозных идей, из философии, из общественной жизни, из искусства»².

В это же десятилетие у студентов (даже филологов) обнаружили более отчетливо трудности в восприятии **аспектной** подачи синтаксической системы русского языка. Иначе говоря, в очередной раз встал вопрос о методологическом и методикотеоретическом основаниях курса. И преподавательский опыт, и обращенность к психолого-педагогическим основам подсказывали, что в обучении языку необходимо сохранить последовательную ориентацию на форму. Обобщенно выражаясь, грамматическая структура — это взаимодействие форм, но она подчинена обслуживанию коммуникативной функции языка. Как это органично соединить? Какая общесемантическая языковая категория может представить это в единстве? Один из возможных вариантов в данном случае и предлагается. Речь идет о выдвигании в качестве организатора структурно-коммуникативного описания **категории лица**. Именно эта категория лежит в основе как грамматического, так и коммуникативного значения основной еди-

² Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. — М., 2004. С. 200.

См. также: «Две ветви познания — искусство и наука — были и для В. И. Вернадского «как бы продолжением органов чувств, связывающих его со всем человечеством, со всей вселенной. «Художественное творчество выявляет нам космос, проходящий через сознание живого существа, — писал он. — Прекращение деятельности человека в области искусства... не может не отразиться болезненным... подавляющим образом на науке» (Баландин Р. К. Жизнь, мысль, бессмертие. — М., 1988. С. 122. Цит. по: Штайн К. Э., Бобылев С. Ф., Пейренко Д. И. Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края. — Ставрополь: СГУ, 2008. С. 287.

ницы синтаксиса — предложения, т. е. в основе формирования предикативности и так называемой коммуникативной оси (о чем будет сказано особо).

Автор исходит в данном случае из того, что появление еще одного учебного пособия может быть оправдано решением двух основных задач: общеметодической (соотнесенность объекта науки и предмета учебной дисциплины) и общеметодологической (определение общего подхода к изучению синтаксической системы). Иначе говоря, надо было ответить прежде всего на два вопроса:

1) в чем суть общего и различного в соотнесенности науки с учебной дисциплиной, которая предназначена для обучения научным основам и их применению, а следовательно: каково соотношение индукции и дедукции в преподнесении учебного материала;

2) каковы основные методологические (общетеоретические) ориентиры предлагаемого лекционного курса.

Ответ на первый вопрос подразумевает прежде всего нахождение оптимальной пропорции между дедукцией и индукцией, между анализом и синтезом, поскольку собственно научное исследование языка и его «преподнесение» в качестве предмета обучения — **принципиально разные процессы**. Главное их различие связано с разной природой их антропоцентризма. По замечанию М. В. Панова, «в нашей отечественной культурной традиции лингвистика и методика преподавания русского языка всегда были союзники»³. Поэтому на первый взгляд может показаться, что объект науки и предмет обучения этой науке — «близнецы-братья». Но это не так. Да, братья, даже родные, но **не близнецы**. Если применительно к языкознанию при исследовании его объектов довлеет формула «человек в языке», то при знакомстве с предметами лингвистического обучения довлеет другая формула: «язык в человеке». Отсюда вытекает ряд следствий, среди которых главная — ориентация на интеграцию при обучении, синтез, — и это несмотря на замечательные достижения при при-

³ Панов М. В. Лингвистика и методика преподавания русского языка // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 31.

менении «аспектного» метода в науке. Исследовать и усвоить — не одно и то же. Не случайны были жалобы представителей технической интеллигенции 50–80-х годов, чувствующих себя ответственными за культуру, в том числе — языковую: «“Грамматика русского языка” АН СССР 1952–1954 гг., как и словарь, были для нас настольными книгами, а вот “Русская грамматика-80” написана лингвистами для себя!»⁴

Доля правды в этом высказывании есть: в «Грамматике-80», особенно в ее томе, посвященном синтаксису, больше внимания уделено презентации новых решений теоретических проблем (не всегда бесспорных), чем конкретному описанию синтаксических единиц и их функций, которые при аспектном (автономном) рассмотрении распадаются на отдельные и не всегда связываемые друг с другом в сознании читателя островки⁵. Эти «отдельные островки» не должны преобладать и при обучении русскому языку⁶.

Именно потому, что дидактические задачи имеют дело с учетом возможностей человека **своевременно** (ключевое слово!) переработать то количество информации, которое он получает (а ее становится все больше и больше), — наиболее действенной становится ориентация на интеграцию. Говоря о методических устремлениях курса, следует помнить и об осуществлении **общефилологического подхода**, связанного, как было сказано, с обучением словесности в целом. Нельзя ограничиваться лишь отбором так называемого «иллюстративного материала»: он должен рассматриваться в принципиально ином качестве — как речевой и текстовый источник синтаксической, а в необходимых слу-

⁴ При этом подразумевался прежде всего второй — синтаксический — том «Русской грамматики». Разделы же I тома, посвященные, в частности, морфологии и словообразованию, подобных нареканий не вызывали.

⁵ В этом свете не кажется убедительным тезис: «Академические грамматики русского языка должны быть одним из **основных** источников курса синтаксиса» (*Казаков В. П.* Словосочетание в лекционном курсе синтаксиса // Тенденции развития русского языка: Сборник статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. — СПб., 2001. С. 120; полужирный шрифт мой. — *С. И.*).

⁶ Читая курс синтаксиса в 1980-е годы, я опиралась на аспектное рассмотрение синтаксической системы — и на первых порах делала это с увлечением. Но результаты освоения студентами курса синтаксиса оказывались значительно хуже, что проявлялось как на государственных экзаменах, так и в дипломных работах.

чаях — и общелиологической интерпретации. И, наконец, еще одно методическое признание — пристальное внимание к слушателю, рассматриваемому как соучастник становления курса.

Реализация же методологической основы курса связана с выявлением той его главной опоры, которая обычно именуется лингвистическим направлением или основным подходом. В данном случае избирается **коммуникативно-структурный подход**.

Представляется, что объявление в 80-е годы об уже сформировавшемся семантико-структурном направлении (подходе) было фактом не столько действительным, сколько желаемым (см. учебное пособие В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова⁷). Этот «новый подход» не был подкреплен ни вновь сложившейся терминологией (за исключением теории сложного предложения), ни системой научно-исследовательских методик.

Поворот же к тщательному изучению языковой семантики, функционально-смысловых полей (А. В. Бондарко, Ю. А. Пупынин, М. Д. Воейкова и др.⁸), говорящей личности (Т. Г. Винокур, Ю. Н. Караулов и др.), речевых актов в лингвистической прагматике (Н. Д. Арутюнова, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева, Р. И. Павилёнис и др.), а также к «устройству текста», наиболее антропоцентричного речевого произведения (О. И. Москальская, И. Р. Гальперин, Г. А. Золотова, Н. А. Слюсарева, М. Я. Дымарский и др.), — все это требовало усиления (в данном случае в курсе синтаксиса) коммуникативной составляющей. Естественно, это привело к значительному, принципиально важному пополнению терминологии, связанному прежде всего с актуальным членением предложения (*коммуникативное намерение, тема, рема,*

⁷ «§13. Структурно-семантическое направление. Структурно-семантическое направление в наше время представлено несколькими разновидностями: в одних случаях больше внимания уделяется структуре, в других — семантике <...> Структурно-семантическое направление является очередным этапом эволюции традиционного языкознания, которое не остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных аспектов в изучении и описании языка и речи» (Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. III. Синтаксис и пунктуация. — М., 1981. С. 31).

⁸ Следует особенно выделить книгу Т. В. Шмелевой «Семантический синтаксис: Текст лекций» (Красноярск, 1988).

тема-рематическая структура, коммуникативная перспектива и др.) (И. П. Распопов, О. А. Лаптева, И. И. Ковтунова)⁹.

Важно подчеркнуть особо, что в формировании предлагаемой в данном случае обновленной модели описания синтаксической системы русского языка (в учебных целях) существенную роль сыграла книга И. П. Распопова¹⁰, в которой автор разграничивал «конструктивно-синтаксический» и «коммуникативно-синтаксический» аспекты строения предложения. Применительно ко второму он писал: «предложение характеризуется как единица коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым сообщительным смыслом» (указ. соч., с. 31)¹¹.

Необходимыми условиями для осуществления предложением — главной единицей синтаксиса — коммуникативной функции являются 1) наличие **средств, ориентированных на отражение фактов, событий окружающей действительности, «положений дел»**; 2) наличие **мыслительного механизма**, связанного с переработкой этого отражения; 3) наличие **средств, обеспечивающих оптимизацию** самого коммуникативного процесса.

При этом надо иметь в виду, что «в практике человеческого общения коммуникативная функция может реализоваться и **без синтаксической организации как таковой** — за исключением интонационной оформленности, которая в случаях типа *Вот еще!*, *Неужели?*, *Ау!*, *Нет* и т. п. оказывается единственным средством, придающим данной знаковой последовательности характер выска-

⁹ Что касается учебников, то наиболее полно вопрос об актуальном членении изложен О. А. Крыловой в учебнике под ред. Л. А. Новикова (см. Список рекомендуемой литературы.)

¹⁰ *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970. См. рецензию: *Ильенко С. Г.* [Рецензия на:] Распопов И. П. Строение простого предложения... // *Русский язык в школе.* 1972. № 1.

¹¹ Наши отклонения от общей концепции И. П. Распопова, не считая некоторых частных, связаны с тем, что в качестве основы, предопределяющей собственно-коммуникативную «ветвь» предложения, мы выделяем категорию лица, которая — что принципиально — является в то же время определяющей и в формировании предикативности. Кроме того, мы значительно расширяем арсенал средств, которые, принадлежат к области синтаксиса, нацелены на увеличение эффективности самого коммуникативного **процесса** (у И. П. Распопова в число таких средств входят только актуальное членение, которому посвящена основная часть его книги, и типы предложений по цели высказывания).

звания, **единицы коммуникации**. Фактически лишённые синтаксической организации, такие высказывания, однако, успешно осуществляют коммуникативную функцию, могут служить полноценными репликами в диалоге, способными резко изменить его течение и т. д. С другой стороны, такие высказывания находятся в абсолютной зависимости от конкретной ситуации общения и вне этой ситуации лишены смысла и способности выполнять коммуникативную функцию. Такие высказывания мы называем **ситуативно зависимыми** — в отличие от **ситуативно независимых** высказываний, которые в обязательном порядке обладают синтаксической организацией. Ситуативно зависимое — наиболее древний тип человеческого высказывания: в его основе лежит механизм безусловной и автоматической соотнесённости с **моментом речи** (и только с ним!), отработанный миллионами лет эволюции в системах коммуникации животных. Ситуативно независимое высказывание, обладающее синтаксической организацией, может быть соотнесено с **различными планами действительности** (в том числе и воображаемой) и способно сохранять осмысленность и выполнять коммуникативную функцию, даже будучи вырванным из ситуации (контекста), к которой (которому) оно изначально было прикреплено» (М. Я. Дымарский).

Говоря о трех условиях функционирования предложения в качестве коммуникативной единицы (наличие системы средств отражения, мыслительного механизма и средств оптимизации коммуникативного процесса), мы имеем в виду *предложение как основу ситуативно независимого высказывания*.

Выбор общего методологического направления — коммуникативно-структурного — предопределяется особой ролью категории лица (в которой главенствующим признается 1-е лицо), являющейся точкой отсчета как для «формализаторов» предикативности (модальности и синтаксического времени), так и для «формализаторов» коммуникативной оси.

Авторы и редакторы предлагаемой книги относят себя к тому «ряду синтаксистов» (о которых упоминает В. А. Белошапкова), для которых отправной категорией, формализующей предикативность, является именно **категория лица**. Именно она есть не только глубинное, но и явное проявление антропоцентричности

всей языковой системы, она же составляет одну из важнейших ориентаций и при философском осмыслении языка.

О **коммуникативной оси** скажем несколько подробнее, поскольку это понятие в излагаемой концепции становится весьма существенным фактором.

Коммуникативная сущность языка может быть представлена как сообщение, предназначенное кем-то кому-то. Речь идет об адресации от Я к ТЫ с возможностью постоянной взаимозамены, при которой ТЫ становится Я, а Я исполняет роль ТЫ. Ср.:

Старший брат. *Это ты принес такую красивую елку?*

Младший брат. *Нет, не я, а почему ты подумал, что это я?*

Старший брат. *Я же знаю, что ты любишь сюрпризы.*

Создается ситуация, когда оба участника коммуникации совмещают в себе две функции: говорящего — и слушателя, являющегося потенциальным говорящим. В свое время М. Бубер писал о симбиозе Я—ТЫ, противопоставленном симбиозу Я—ОНО, рассматривая и то и другое в качестве единых «*основных слов*» и закрепляя за каждым из них принципиально различные аспекты мира человека: «**Мир как опыт** принадлежит основному слову Я—ОНО. Основное слово Я—ТЫ создает **мир отношений**»¹².

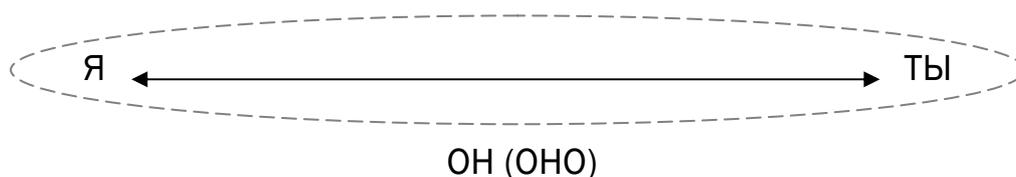
Таким образом, наличие в грамматическом строе языка трех лиц — это не что иное, как осознание субъектом себя в окружающем мире, осознание себя как лица говорящего, как Я, среди объектов которого в условиях коммуникации выделяется слушатель, выполняющий в то же время и роль адресанта. Это величайшее назначение слушающего (быть одновременно потенциальным говорящим) и освящено особым местоимением — ТЫ, тогда как прочие объекты «обслуживаются» местоимением 3-го лица.

Более того: наличие в грамматическом строе языка категории лица — это фундаментальная черта, отличающая человеческий

¹² Бубер М. Я и ТЫ // Бубер М. Два образа веры. — М., 1995. С. 18. См. также рецензию на первое издание работы «Я и Ты»: Жуков В. Н. [Рец. на:] М. Бубер. Я и Ты. Пер. с нем. — М.: Высшая школа, 1993 // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 249–253.

язык от систем коммуникации животных (иногда, как известно, довольно развитых). Выше упоминалось о том, что исходная, базовая составляющая коммуникативности — механизм безусловной соотнесенности (ситуативно зависимо) высказывания с моментом речи — была отработана миллионами лет эволюции в системах коммуникации животных. Это значит, что в них уже была заложена основа категории времени. Но только в человеческом языке появляется категория лица, отражающая организующую роль говорящего по отношению к речи и к коммуникации в целом; можно сказать, что именно эта категория «делает» человеческий язык.

Коммуникативная ось — это коммуникативная категория, отражающая отношения между говорящим и слушающим, грамматикализованная обслуживаемым ее симбиозом Я—ТЫ; при этом подразумевается наличие категории ОН и — еще шире — ОНО, символизирующей весь окружающий мир:

К синтаксическим категориям, связанным с той сферой языка, которая обобщается понятием коммуникативной оси, относятся типы предложений по цели высказывания, обращения, вводные компоненты, актуальное членение, неполные предложения, парцелляция и др. С наибольшей очевидностью коммуникативная ось реализуется в диалоге: «Подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (Л. В. Щерба).

Все сказанное обнаруживает сущностную роль категории лица: как при формировании предикативности, поскольку и конкретное время, и модальность (наклонение) определяются относительно говорящего лица, — так и при формировании коммуникативной оси, где это проявляется с еще большей очевидностью.

Остановимся на **аксиоматике** (совокупность основных аксиом) и **проблематике** (обозначение наиболее острых проблем) синтаксической науки.

1. Язык, основная функция которого — быть средством общения, то есть, по сути дела, быть средством создания повсеместных «очагов соучастия», совместной деятельности, есть не просто способ отражения действительности, жизни в различных ее сферах, — а есть непосредственная составляющая этой жизни, необходимая и неукоснительно проявляющаяся в человеческом общежитии.

2. Нельзя утверждать, что именно предложение, как основная единица синтаксиса (а следовательно, синтаксис в целом), осуществляет коммуникативную функцию. Синтаксис осуществляет лишь **завершение формирования коммуникативной функции** языка, выступая в качестве полигона взаимодействия всех единиц языковой системы, «понуждая» эти единицы именно с помощью разнообразных синтаксических структур вступать в определенные отношения. Именно это взаимодействие, в котором цементирующую роль играет организация предложения, и обеспечивает выполнение основного назначения языка — быть средством общения.

3. Участие в обеспечении коммуникации не только синтаксиса и, как следствие, оценка его роли в качестве завершающего этапа порождает необходимость постоянного учета взаимосвязи синтаксических единиц с единицами других уровней.

М. В. Панов, развивая свою морфологическую концепцию, использовал метафоры «окно в лексику», «окно в синтаксис». Заглядывать в «окна» других языковых уровней необходимо. Но применительно к синтаксису эта метафора должна быть уточнена. Последовательность и глубина взаимообусловленности синтаксиса и морфологии настолько очевидны (и при этом достаточно изучены), что можно говорить не об «окне», а об **«окнах в морфологию»**. Связь синтаксиса с лексикой тоже очевидна, но чаще на уровне интуиции, и, хотя в области синтаксических свойств слова, обусловленных его семантикой, многое открыто и описано (прежде всего благодаря исследованиям Г. А. Золотовой и Ю. Д. Апресяна, сколь бы различны ни были их подходы и концепции), — тем не менее, рассмотрение соотношенности син-

таксиса и лексики не оснащено системой методических приемов. Поэтому, если оценивать ситуацию объективно, мы можем говорить лишь о «форточке в лексику»¹³.

В эту «форточку» проникают прежде всего факты, связанные с глагольным управлением, представленные в различных справочниках¹⁴. Но не только. Пожалуй, более существенными являются факты лексико-синтаксической координации, на которые синтаксисты пока, к сожалению, обращают недостаточно внимания¹⁵.

Суть лексико-синтаксической координации¹⁶ определяется как языковой факт, связанный с тем, что синтаксическая единица (словосочетание, сложноподчиненное предложение) включает в себя господствующее слово, мотивирующее своим лексическим значением регулярную связь с так или иначе формализованным зависимым компонентом. В словосочетании эта формализация зависимого компонента связана с падежной парадигмой (выбор соответствующего падежа, обусловленный семантикой господствующего слова: *нет ребенка* (Р. п.), *подарить ребенку* (Д. п.), *порадовать ребенка* (В. п.), *любоваться ребенком* (Т. п.), *заботиться о ребенке* (П. п.). В сложноподчиненном предложении «зависимым формализатором» становится изъяснительный союз (чаще всего *что*) придаточной части, присоединяемой к опорному (контактному) слову главной части: *Юра тут же похвастался мне, что записал ночное пение Никулая* (Л. Петрушевская. Номер один, или В садах других возможностей); *Тело обожает, чтобы его новые клетки были лучше, умнее, образованнее ста-*

¹³ Несколько иное положение дел — в морфологии, где взаимоотношения с лексикой рассматриваются более последовательно. См., напр.: Шарандин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. — Тамбов, 2001.

¹⁴ Напр.: Прокопович Н. Н., Дерibas Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. — М., 1975.

¹⁵ Существенный в этом плане шаг в области сложного предложения был сделан на герценовской кафедре русского языка, где создан ряд работ, развивающих идею лексико-синтаксической координации. См.: Ильенко С. Г., Лёвина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. — СПб., 2007; Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте: Коллективная монография / Под ред. С. Г. Ильенко. — СПб., 2008.

¹⁶ Эта идея (как и термин) была обоснована в докторской диссертации С. Г. Ильенко (1964).

рых и отмерших клеток (Л. Петрушевская. Ответ на анкету журнала «NAGYVILAG»).

4. При изучении системы языка (в данном случае синтаксической) надо иметь в виду существование ее в триаде **язык — речь — текст**. Речь — «деятельностная категория». Отсюда возникает необходимость активного «подключения» к ее рассмотрению концепции **речевых актов**.

Но тем не менее при описании грамматического строя языка нельзя забывать, что важнейшей задачей обучения остается осмысление языковой системы, а главное — овладение ею и ее функциональными возможностями.

1. Ядром синтаксиса в будущем может стать изучение текстообразовательных потенций синтаксических единиц и их категорий. Первой ласточкой этого направления можно назвать уже упоминавшуюся книгу Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой «Коммуникативная грамматика русского языка». Стремительное «информационное нашествие» провоцирует неизбежный рост потребностей в услугах языка, в данном случае — речевых произведений. Отсюда — и наше особое внимание к третьему звену упомянутой триады: **язык — речь — текст**.

Коммуникация осуществляется не отдельными предложениями-высказываниями, а их содружествами. Недаром в истории русской литературы воспринималось как некий поэтический вызов стихотворение В. Брюсова, состоящее всего из одной строки (*О, закрой свои бледные ноги!*)¹⁷. Но до сих пор определение статуса текстообразования, отработка системы методики анализа текста остается наиболее острой **проблемой**.

¹⁷ Лишь сравнительно недавно развился новый жанр «однострочных произведений»: *Я не из тех, кто говорит «отнюдь»*; *А женщина, как море, улеглась*; *По телефону вы выглядели лучше*; *Что делать — знает тот, кто виноват* и др. (В. Вишневский); *Тут как-то раз мне дали в глаз. Вот, собственно, и весь рассказ* (И. Иртенев) (в последнем случае имеем минимальное содружество предложений). С другой стороны, представляется очевидной генетическая близость этого жанра к давно известному жанру афоризма.

2. Принцип **синхроничности** курса синтаксиса русского языка не должен исключать необходимые диахронические ориентиры. В разные периоды функционирования русского языка они и «по количеству», и «по качеству» оказываются различными.

У великого А. А. Шахматова в его знаменитом «Синтаксисе русского языка», хотя и не исключалась ориентация на будущее языка, основное внимание было уделено его прошлому — отсюда достаточно широкое привлечение материалов русских диалектов и других славянских языков.

Сегодня ориентация изменилась. Непременно сохраняя необходимую оглядку на языковое прошлое¹⁸, наиболее последовательно надо иметь в виду факты сегодняшней динамики русской речи: это напрямую связано с отшлифовкой культуры речи. Речевое обновление, захватывая прежде всего лексический плацдарм, имеет отношение и к грамматике, прежде всего — к синтаксису. Признавая некоторые удачи, надо тем не менее поддерживать трепетное гротовское отношение к **языковой норме**: при всем понимании ее динамичности, уважение к норме должно оставаться неизменным.

3. Курс синтаксиса современного русского языка в исходном замысле был нацелен на изучение его книжного типа: возобладала гротовская тенденция, связанная отнюдь не с шахматовским представлением о специалисте-лингвисте, который должен «охватывать язык в целом», учитывая его книжный и разговорный варианты, диалекты, а «не создавать правила». Я. К. Грот — поклонник нормы. И отстаивает право лингвиста на создание правил языкового употребления.

Однако в конце XX века стали расшатываться границы между разговорным и книжным типами речи — прежде всего в художественной литературе и публицистике. Это затронуло в первую очередь **лексику и синтаксис**.

¹⁸ Историческая ориентация успешно представлена в недавно вышедшем пособии: Синтаксис современного русского языка: Препринт учебника для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев / Под ред. С. В. Вяткиной. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

При этом тогда же произошел взрыв (в буквальном смысле слова) интереса к изучению разговорной речи. В академическом Институте русского языка группу, позднее сектор, по изучению разговорной речи возглавила Е. А. Земская. Материалы оказались поразительными и позволили руководителю группы и ее коллегам прийти к теоретическим обобщениям и конкретно представить систему — весьма и весьма специфическую — русской разговорной речи. Группа, ориентированная на соответствующую проблематику, была создана и в Саратове (О. Б. Сиротина и др.)¹⁹.

Естественно, при чтении курса синтаксиса нельзя было не обращать внимания как на сами факты разговорной речи, так и на связанные с ними научные достижения. Лекторы на свой страх и риск, каждый по-своему, делали соответствующие «вставки» в курс.

В предлагаемой книге обозначены две возможности подобных вставок. Одна связана с репрезентацией разговорной речи в книжном типе — и не только в речи персонажей, но прежде всего в авторском повествовании, где тяготение к разговорному типу речи проявляется все больше и больше.

Вторая возможность — это знакомство с так называемыми фоновыми синтаксическими структурами разговорной речи как с проявлением оппозиции *книжный тип vs. разговорный тип*. Эту возможность мы рассматриваем как генеральную²⁰.

Если суммировать нововведения, предлагаемые в данной учебной книге, получим следующее.

1. Признание **интеграции** в качестве главного принципа изложения основ синтаксической системы.

2. Ориентация на **коммуникативно-структурный подход** при описании синтаксической системы; определение особой роли **категории лица** и рассмотрение в качестве ведущих категорий, присущих предложению, не только предикативности, но и **коммуникативной оси**.

¹⁹ Вопросы разговорной речи так или иначе ставились и на герценовской кафедре русского языка — при изучении брянских говоров (Н. П. Гринкова, В. И. Чагишева, В. А. Козырев, Л. А. Балясникова, Н. И. Батожок, А. Ю. Кожевников, И. Н. Смирнов и др.).

²⁰ Мы полагаем необходимым введение в учебные планы университетов курса **синтаксических основ русской разговорной речи**, что особенно важно для будущих преподавателей русского языка как иностранного.

3. Установление и уточнение явлений **лексико-синтаксической координации**.

4. Ориентация на **текстообразовательные функции** синтаксических единиц как в системе синтаксиса в целом, так и в текстах художественных произведений двух последних десятилетий.

5. Введение в **особый собственно коммуникативный «блок»** синтаксического описания не только актуального членения и средств целеустановки, но и таких категорий, как неполное предложение, обращение, вводные компоненты, парцелляция.

6. Расширение **роли и объема иллюстративного материала**, который должен не только выполнять задачу оправдательной цитаты, но и служить импульсом к развитию исследовательских способностей студентов, последовательно осуществляя взаимосвязанность и взаимообусловленность учебных дисциплин, преподаваемых в циклах лингвистической и литературоведческой подготовки будущих филологов²¹.

Таковы общие ориентиры замысла представляемой книги.

В заключение не могу не сказать теплых благодарственных слов коллегам, оказавшимся причастными к этому изданию.

Как профессору, читающему курс современного русского языка, в особенности синтаксиса, мне чрезвычайно повезло в двух отношениях. Во-первых, студенты и аспиранты всегда были моими преданными союзниками, особенно те, кто проявлял интерес к лингвистике и в дальнейшем посвятил себя ей. Не могу назвать всех, но, воспользовавшись известной формулой В. А. Жуковского, назову учеников, «победивших своего учителя»: В. А. Козырева, В. Д. Черняк, М. Я. Дымарского, И. А. Мартыанову, В. А. Шаймиева, Н. Л. Шубину. А во-вторых, сложилось так, что ведущими практические занятия «за мной» оказались мои ученики (бывшие и моими студентами, и аспирантами, и

²¹ Не случайно примеры в конспектах лекций сопровождаются указанием на автора, а в развернутых лекциях — и на произведение, иногда даже на главы. В тех случаях, когда для лучшего понимания языковой функции рассматриваемой синтаксической категории требуется обращение к контексту, из которого извлечен пример, дается развернутый содержательно-текстовый комментарий. При чтении курса будущим филологам-русистам эта позиция носит принципиальный характер.

докторантами) — профессора, оригинальные самостоятельные исследователи, работы которых приобрели известность, — уже названные М. Я. Дымарский (выступающий в данном издании в качестве ответственного редактора) и И. А. Мартьянова. Много мы обсуждали вместе. Тем не менее, в качестве автора этой книги выступает С. Г. Ильенко. И не столько потому, что ею выполнена основная часть текста (дело не в этом), сколько потому, что в этой книге отразились прежде всего именно ее опыт, ее осмысление курса синтаксиса, за реализацию которого она и должна взять на себя ответственность.

Мне хотелось бы надеяться на то, что если это издание окажется в чем-то полезным — как дополняющее известные описания синтаксического строя русского языка, — то мои ученики, обогатив (а может быть — и опровергнув) мой опыт своим — и своим обновленным видением современных синтаксических проблем, — подготовят следующее издание, с несомненным основанием назвав его авторами и себя. Благодарю их за постоянную отзывчивость при обсуждении сложнейших проблем синтаксической науки и готовность подставить плечо своему учителю «в нужное время и в нужном пространстве» — таком ныне противоречивом и в лингвистическом отношении.

С неизменной теплотой и благодарностью я всегда произношу имена двух прекрасных специалистов по русскому синтаксису, профессоров Петербургского университета Г. Н. Акимовой и К. А. Роговой. Многолетнее общение с этими замечательными учеными, безусловно, оказало существенное влияние на формирование синтаксической концепции, представленной в этой книге.

Искренне благодарю за постоянную поддержку и интерес к этому (и не только!) изданию моих бывших студентов — а ныне блестящих ученых, известных русистам своими разнообразными содержательными трудами, — В. А. Козырева и В. Д. Черняк.

Моя благодарность — моему неизменному помощнику в техническом оформлении рукописей — Марине Левиной.

С. Г. Ильенко
апрель 2009

Лингвистика XX века (в том числе и отечественная) предложила целый ряд принципиально новых или существенно обновленных теоретических идей и прагматических ориентаций, которыми мы пользуемся не только в исследовательских целях, но и в целях учебно-методических: функционализм, антропоцентризм, семантический синтаксис, теория референции, трансформационный метод, связанный с преобразованием менее эксплицитного языкового выражения в более эксплицитное, и др. При этом не удалось, однако, избежать такого старого греха, как нарушение однозначности научного термина. Это касается и термина *синтаксис*.

Исключение составляет учебно-методическая сфера, где не одно столетие синтаксис трактуется, хотя и по-разному, но с учетом этимологии этого слова (*греч.* σύνταξις [syntaxis] — составление, строй, сплетение) и определяется чаще всего как часть грамматики, изучающая связи слов друг с другом и те единства, которые благодаря этим связям создаются. Этим назначением синтаксиса и объясняется то, что именно на этом языковом уровне получает окончательное завершение основная функция языка (языка в целом, а не одного его уровня) — быть средством общения (коммуникативная). Общаемся мы, прибегая не к отдельным словам — и тем более не к отдельным звукам, — а используя определенным образом организованные структуры с присущими им связями слов.

Действительно, хотя по набору отдельных слов и можно догадаться о теме информации, но смысл (важный для коммуни-

кации) остается неясным. Сравните, например, следующий ряд, состоящий из существительных: *толпа, зал, шепот, хозяйка, дама, генерал*, — глаголов: *заколебаться, приближаться, пробежать*, — прилагательного *важный*, наречия *вдруг*, местоимения *она*, служебных слов *но, по, к, за*. Сопоставьте его с известными строками из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

*Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.*

И тем не менее, нельзя считать приемлемой распространенную формулировку «синтаксис — коммуникативный уровень языка». Еще раз подчеркнем: синтаксису принадлежит лишь **завершающая фаза в формировании коммуникации**, которая невозможна и без слов, и без звуков. И пушкинская строка «*Но вот толпа заколебалась*» воспринимается как коммуникация не только потому, что она есть предложение, но и потому, что в ней есть слова с определенным лексическим значением, представленные той или иной морфологической формой в соответствующей звуковой оболочке.

Но как бы мы ни стремились поставить синтаксический уровень в один ряд с другими уровнями языка, он тем не менее сохраняет за собой исключительную роль в **формировании смысла** высказывания. Эта его исключительность в оформлении мысли требует четкого и доказательного определения исходных **принципов его изучения**.

В данном курсе имеются в виду следующие принципы.

1. Необходимость **интегрального** подхода к освещению синтаксического строя языка.

2. Последовательное рассмотрение синтаксиса как части грамматики — в неразрывной **связи с морфологией**.

3. **Структурно-коммуникативная** ориентация как теоретическая и методологическая основа синтаксиса в его научно-учебной интерпретации (язык не просто отражает жизнь: язык — это важнейший факт самой человеческой жизни, и факт непреложный).

4. Учет лексико-синтаксической координации (по М. В. Панову — «окно в лексику»).

Охарактеризуем эти принципы подробнее.

Наука о языке и уровень ее развития, естественно, предопределяют процесс обучения языку. Но этот процесс, однако, не должен быть ее копией, плохой фотографией, теряющей пленительный облик самой науки.

Если наука, обогатившись совокупностью методов познания, имеет целью исследовать закономерности состояния и развития природы и общества, то *обучение наукам*, предопределяемое той же общей установкой, обязательно включает в себя еще одну задачу: практически овладеть основами наук должна **человеческая личность**, от которой «чистые науки», как показывает исторический опыт, иногда отгораживались каменной стеной.

Другими словами, **антропоцентризм объемнее и последовательнее проявляется** не собственно в лингвистике, а в **обучении** ей. Повторим: лингвистика живет по формуле «человек в науке», обучение же лингвистике должно жить по формуле «наука в человеке». Наука о русском языке и учебный курс русского языка — две принципиально разные системы постижения истины. Конечно, и к той, и к другой применим тезис пушкинского Сальери:

<...> Звуки умертвив,
Музыку я **разъял**, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию,

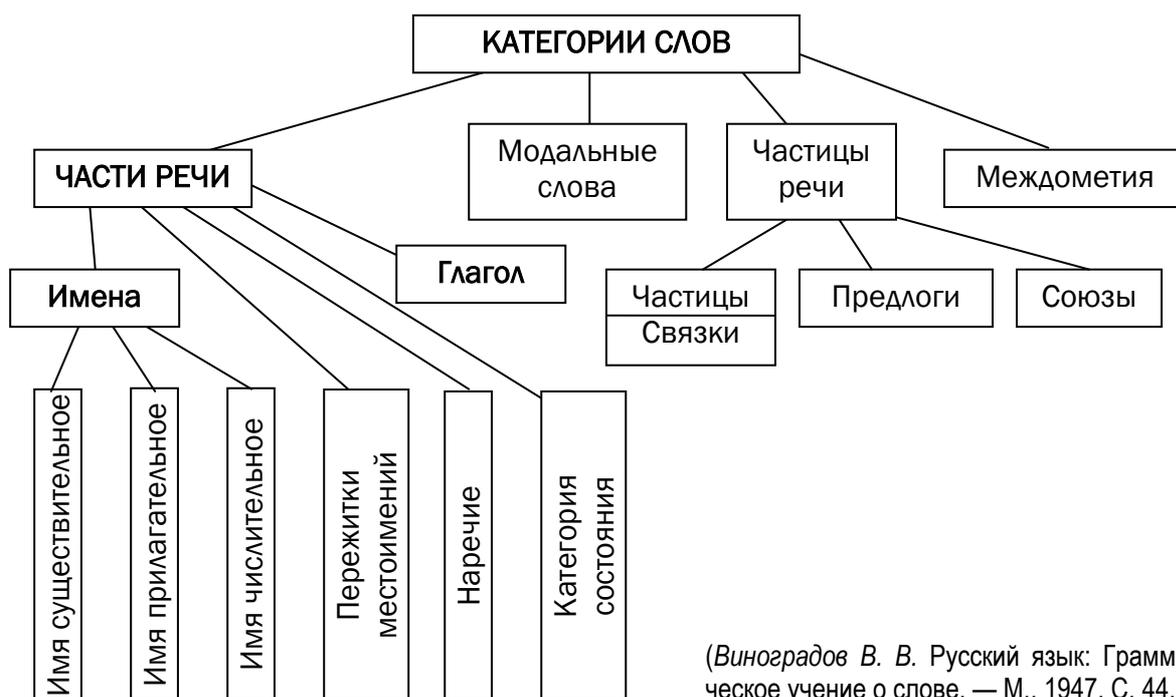
— но применим он к ним по-разному. Истолкование этой метафоры в нашем случае должно сводиться к установлению удельного веса анализа и синтеза в науке — и в курсе ее основ. Присутствие анализа и синтеза в первом и во втором случае количественно и качественно различно. Главная трудность и состоит в том, чтобы найти оптимальную пропорцию использования этих способов познания. Тем не менее, ясно, что в «курсе

науки» должен преобладать синтез. «Поверять алгеброй гармонию» надо и в курсе, имея в виду, главным образом, выделение крупных языковых блоков, например морфологии и синтаксиса в грамматике, составляющих по существу единое взаимообусловленное целое — гармоническое целое, подчеркнем мы. Именно это гармоническое целое и следует постоянно иметь в виду в курсе синтаксиса, к сколь бы частным вопросам мы ни обращались.

Что же считать **опорными** факторами синтаксиса? Ответы могут быть разными. Но в репертуар этих ответов войдут три ориентира: части речи, коммуникативная роль синтаксиса, специфика связи слов друг с другом.

« »,

1. Первый ориентир — части речи. Здесь уместно напомнить, что в отличие от элементарной грамматики, рассматривающей **все** слова как части речи, В. В. Виноградов относит к частям речи лишь те, которые **выступают в качестве членов предложения**, все же другие слова подводятся им под более обобщенную категорию **слов**:

(Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1947. С. 44.)

2. Второй ориентир — предложение, являющееся основным структурно оформленным видом высказывания — минимальной единицей, выполняющей ту или иную информативную функцию. Сюда включаются как «традиционное предложение», так и неструктурируемые или лишь отчасти структурируемые высказывания: *Пред зеркальцем Параша, чинно сидя, кухарка брилась. Что с моей вдовой? «Ах, ах!» — и шлепнулась* (А. С. Пушкин. Домик в Коломне. Пример иллюстрирует сразу несколько видов высказываний). (См. также широкое употребление неструктурируемых высказываний в диалогах: — *Ты счастлив?* — *Увы;* — *Вы видели Рим?* — *Да.*)

3. Третий ориентир — связи слов друг с другом: сочинительные vs. подчинительные и предикативные (о последних подробно — позже). *Герцен противник террора, а это простить ему новое поколение русских революционеров уже не может* (М. Шишкин. Русские в Швейцарии); *Бесы могут принять образ светлого ангела или даже Иисуса Христа* (Мифы народов мира. Бесы).

Этот последний признак синтаксиса, с точки зрения собственно грамматической, является самым формализованным. Напомним, что сам термин *синтаксис* (строй, составление, сплетение) раскрывает природу этого раздела грамматики, изучающего СВЯЗИ и ОТНОШЕНИЯ. (Если вспомнить тезис о том, что лингвистика XX века ориентирована на изучение ОТНОШЕНИЙ — в отличие от лингвистики предшествующих веков, начиная с Аристотеля, с ее опорой на СУБСТАНЦИЮ, — то станет понятным интерес к синтаксической науке, возросший во второй половине XX века.)

Перечисленные сущностные ориентиры синтаксиса свидетельствуют о неразрывном переплетении собственно синтаксических категорий (предложение, связи слов) с морфологическими. И вот что читаем у А. А. Потебни: «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи: если их нет, то нет и нашего предложения» («Из записок по русской грамматике»). (А ведь как негодуют учителя русского языка, когда ученик «путает части речи и члены

предложения», — но, оказывается, в этом можно подозревать даже самого Потемкина!)

Академик Л. В. Щерба продемонстрировал роль частей речи в предложении своим знаменитым примером: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*. Этот пример, донесенный до потомков писателем Л. Успенским, бывшим студентом академика, стал достоянием отнюдь не только лингвистов, но всей интеллигенции 60–70-х годов — и «физиков», и «лириков».

Подойдем к нему с лингвистической точки зрения. Это уже делалось: одними — для яркого противопоставления лексики и грамматики, другими — для доказательства «отвлеченного, абстрактного характера» последней, третьими — для доказательства коммуникативной роли синтаксиса и т. д.¹

Действительно, это пример грамматической абстракции, но вместе с тем семантически значимый. Мы догадываемся, что какой-то *кто-то кого-то как-то* «потревожил» и *что-то делает с маленьким* этого *кого-то*. Если мы несколько изменим этот пример и скажем: *Бокр и бокренок будланули и кудрячат глокую куздру*, то общий смысл изменится: в данном случае уже два существа *что-то совершают* над третьим. (Обратите внимание: в первом случае *глокая* в качестве определения к *куздре* воспринимается скорее как негативная характеристика, тогда как во втором — может восприниматься как 'достойная сочувствия'.)

Если сравнить приведенные два варианта «Глокой куздры», то первый вывод очевиден: изменение связей «слов», создавая разные отношения между ними, приводит к разным смыслам. Отсюда — следующий вывод: смысл — а значит, окончательное формирование коммуникации — зависит от синтаксических связей. Но только ли?

Продолжим щербовский эксперимент. Используя интонацию конца и соответствующую мелодику русского предложения, построим следующее интонационное целое, включающее ряд

¹ См. интересное сообщение о понимании «Глокой куздры» Л. Ельмслевом (главой копенгагенской школы структурализма), у которого в 1961 г. стажировался Б. А. Успенский, бывший в то время аспирантом МГУ: *Успенский Б. А. Ego Loquense: Язык и коммуникативное пространство*. — М., 2007. С. 189–190.

звуковых комплексов: *ая дир гин со*. И другой вариант: *дир со гин ая*. Что-нибудь можно понять? Конечно, нет.

Но что же в щербовском эксперименте опознается, кроме «связей слов»? Ответ прост: части речи «русского образца»: существительные (*бокр, бокренок, куздра*), прилагательное (*глокая*), глаголы (*будланула, кудрячит*), наречие (*штеко*), союз *и*. Без опоры на уже знакомые части речи никакого смысла из экспериментальной фразы Щербы «вывести» было бы нельзя. Именно это обстоятельство и имел в виду Потебня; но необходимо было перевести это точное морфологическое наблюдение в синтаксический аспект. Теперь нам кажется, что этот теоретический шаг весьма прост (как правило, все талантливые, и даже гениальные, научно-исследовательские шаги воспринимаются впоследствии как само собой разумеющиеся).

«Всего-навсего» надо было заменить непосредственно морфологическую ориентацию на части речи ориентацией, связанной с их важнейшим собственно синтаксическим свойством, а именно — со спецификой связи каждой части речи с другими частями речи: прилагательное, например, согласуется с существительным (*злая колдунья* — а значит, можно — *глокая куздра*), глагол управляет существительным (*стегнуть лошадь* — а значит, можно *будлануть бокра*). Иначе говоря, в результате синтаксических возможностей частей речи так, а не иначе **вступать друг с другом в соответствующие синтаксические связи**, можно выявить соответствующие словосочетания — в наших примерах согласуемые и управляемые, то есть выделить особую синтаксическую единицу.

Итак, этот перевод в строго синтаксическое русло обозначения главенствующей роли частей речи, обладающих способностями вступать в связь друг с другом определенным способом, и привел к понятию **словосочетания**, что произошло как следствие исследовательских подходов к синтаксису Ф. Ф. Fortunatova, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, придавшее подчинительному словосочетанию статус второй (наряду с предложением) единицы синтаксиса.

Таким образом, одним из важнейших принципов и исследования синтаксиса, и рассмотрения его в учебных целях является

принцип последовательного учета его взаимосвязи с морфологией, выступающей вместе с ним составной частью грамматики. А это, в свою очередь, связано с общенаучной и общедидактической посылкой: при обучении той или иной дисциплине иметь в виду интегральный подход.

Теоретической — в известном смысле философской — подоплекой такого подхода выступают два обстоятельства: 1) рассмотрение человеческой речи не просто в качестве обеспечения жизненно необходимой деятельности людей (напомним исходный тезис марксизма: «Труд создал человека»), но в качестве **деятельности как таковой**; 2) ориентация на такое направление в философии, как **диалогизм**.

Естественно, существует и собственно лингвистическая подоплека — опыт и результаты предыдущих направлений в изучении грамматики русского языка. Все эти предпосылки приводят нас к формулированию такого подхода к изучению синтаксиса, который целесообразно назвать **коммуникативно-структурным**. Конкретизируем каждое из названных оснований для отстаивания именно такого подхода.

-

1. Роль труда в становлении человека, действительно, велика — но наряду с другими факторами. Сторонники диалогического направления в философии неоднократно подчеркивали роль в становлении человека общения, провоцирующего зарождение и развитие языка. Мартин Бубер писал: «Ни одиночка, как таковой, ни совокупность, как таковая, не являются фундаментальными фактами человеческой экзистенции <...> Фундаментальным фактом человеческой экзистенции является «человек с человеком». Если что и составляет характерную особенность человеческого мира, то это прежде всего нечто, возникающее здесь между существом и существом, подобного чему нельзя найти нигде в природе»². Недаром возник часто повторяемый афоризм: «Слово тоже дело».

² Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М., 1995. С. 230.

Человек, чтобы выжить, обречен дышать, пить, есть, передвигаться, точно так же он **обречен говорить**. Когда перечитываешь строки Гете о попытках Фауста перевести начало Евангелия от Иоанна: «В начале было слово», — приходишь к мысли, что речь идет не столько о поиске лишь одного возможного варианта, сколько о необходимой взаимосвязи всех названных вариантов: слова, мысли, силы, дела³.

Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создании жизнь вдохнуть?
«Была в начале сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было дело», — стих гласит.
(Перевод Б. Пастернака)

2. Коммуникативно-структурный подход органично вписывается в современное философское направление диалогизма. Обычно его связывают прежде всего с именами Мартина Бубера, Ойгена Розенштока-Хюсси, Эммануэля Левинаса, а с 70–80-х годов XX века и с именем М. М. Бахтина. Философскую противопоставленность субъекта объекту М. Бубер заменил противопоставленностью симбиозов слов «Я—ТЫ» и «Я—ОНО». Он писал: «Мир двойствен для человека в силу двойственности его отношения с ним... Основные слова суть не отдельные слова, но пары слов. Одно основное слово — это сочетание Я—ТЫ. Другое основное слово — это сочетание Я—ОНО. Мир как опыт принад-

³ Ср.: «Язык воспроизводит действительность» (Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974. С. 27). Иначе у А. Ф. Лосева: «То, что необходимо, конкретизируется в мысли-слове как неизбежный результат его развития, то есть его бытие» (Лосев А. Ф. Философия имени. Диалектика мира: Из ранних произведений. — М., 1990. С. 217).

лежит основному слову Я—ОНО. Основное слово Я—ТЫ создает мир отношений»⁴. Подчеркивая значение этого второго симбиоза, М. Бубер вводит понятие сферы «Между» (*нем.* *das Zwischen*), называя его «первичной категорией человеческой действительности». Словно бы поясняя эту мысль, М. М. Бахтин пишет: «...все в этом мире приобретает значение, смысл и ценность лишь в соотнесении с человеком»⁵. Эта важная посылка становится основополагающей для создания философом концепции *Другого*, в диалоге с которым осуществляется познание окружающего мира и осознание самого себя (*Я*). О. Розеншток-Хюсси ввел в теорию диалога метафору «слушательский тракт», пытаясь на конкретном собственно речевом уровне представить соотношение характера речевого действия говорящего и реакции слушателя. При некоторой субъективности и неполноте она представляет определенный интерес:

болтает — улыбается
 разговаривает — слушает
 рассказывает — запоминает
 учит — учится
 поет — сопереживает
 командует — слушается
 доказывает — понимает
 пророчествует — исполняется⁶.

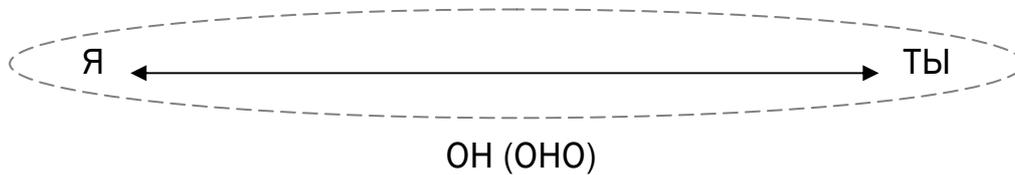
Приведенный подход к сущности языка и его роли в человеческой жизни заставляет задуматься об обобщенной категории собственно лингвистического характера. Один из ответов на этот вызов может быть представлен введением понятия *коммуникативной оси*. **Коммуникативная ось — это коммуникативная категория, отражающая отношения между говорящим и слушающим, грамматикализованная обслуживающим ее сим-**

⁴ Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. — М., 1995. С. 18.

⁵ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М., 1986. С. 509.

⁶ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. — М., 1994. С. 150. См. также главу «Крест реальности» (там же, с. 55–61). См. также одну из последних философских работ по диалогу: Соболева Е. М. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3.

биозом Я—ТЫ, при котором местоимение первого лица Я содержит в себе потенциальную сему ТЫ, а местоимение второго лица ТЫ — потенциальную сему Я.

См. реализацию коммуникативной оси в «Женитьбе» Н. В. Гоголя, д. II:

Кочкарев. *Я сейчас брошу тебя; мне какое дело?*
Подколесин. *Да кто ж просил тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.*
Кочкарев. *Да ведь ты пропадешь, ведь ты без меня ничего не сделаешь. Не жени тебя, ведь ты век останешься дураком.*
Подколесин. *Тебе что до того?*
Кочкарев. *О тебе, деревянная башка, стараюсь.*
Подколесин. *Я не хочу твоих стараний.*

3. Коммуникативно-структурный подход должен быть осмыслен и в контексте истории отечественных грамматических исследований.

Учение о простом и сложном предложении в славянских грамматиках (в том числе в русских) получило относительно обобщенно-классификационный вид лишь в XIX веке, примечательном в истории грамматики своей логико-грамматической ориентацией, предполагавшей прямолинейное перенесение на язык собственно логических категорий (Ф. И. Буслаев, Н. И. Греч и др.). Отсюда отождествление предложения с суждением, пристрастие к собственно смысловым (не всегда грамматически оформленным) фактам, предопределившее, в частности, концепцию членов предложения как совокупности главных и второстепенных членов: определения, дополнения и обстоятельства, — первоначально «приютивших» в своем составе и так называемые придаточные предложения (структурное различие между членом предложения и придаточным не было в глазах представителей этого направления столь существенным и часто игнорировалось)

(Ф. И. Буслаев). (Не случайно в теории **сложного предложения (СП)** Ф. И. Буслаев прежде всего и упоминается как создатель логико-грамматической классификации сложноподчиненного предложения.)

Однако в России логико-грамматическое направление подвергалось весьма острой (иногда не без запальчивости) критике со стороны А. А. Потебни и его учеников, отстаивавших идею национальной специфики языка, в том числе предложения, которое рассматривалось как факт *конкретного языка в конкретный исторический* период его развития и, как следствие, должно было характеризоваться **с точки зрения собственно языковой**. Для А. А. Потебни предложение — это конструкция, содержащая в своем составе *verbum finitum* (спрягаемую форму глагола). Безоговорочная опора на суждение, отражающее особенности человеческого мышления вообще, была категорически отвергнута. Соответственно, требовался и пересмотр концепции предложения, в том числе — сложного.

Под влиянием общетеоретических положений А. А. Потебни начались поиски собственно лингвистических подходов к предложению и его грамматической сущности. При этом для одних приоритетной оказалась содержательно-функциональная сторона предложения, рассматриваемая в ряде случаев в отрыве от формы: так, В. А. Богородицкий подвергает анализу (и, соответственно, интерпретирует), по сути дела, не СП в его целостности, а лишь смысловые отношения между его частями (простыми предложениями, в него входящими). Особенно это проявилось при классификации сложноподчиненных предложений, представленных в «Общем курсе русской грамматики», где, например, не различаются разные по структуре *причинные и следственные предложения*, поскольку они передают одни и те же смысловые отношения, несмотря на разное их структурирование: в первом случае при помощи весьма разнообразных причинных союзов, во втором случае — при помощи единственного следственного союза *так что*.

Для других приоритетной стала форма, трактуемая в ряде случаев достаточно упрощенно. Даже А. М. Пешковский в своем знаменитом и до сих пор теоретически значимом «Русском син-

таксисе в научном освещении» фактически подменил классификацию сложного предложения классификацией союзов, которые связывают его составные части.

Однако оба этих подхода вылились в концепции, так и оставшиеся почти без методического «стажа», тогда как буслаевские установки просуществовали в учебной практике 150 лет (и до сих пор живы в практике школьного обучения). Это объясняется не только методическими пристрастиями, но и лингвистической ситуацией второй половины XIX — начала XX века, когда синтаксис оказался на положении пасынка. Однако надежда на то, что «и на синтаксической улице будет праздник», всегда оставалась. И этот «праздник» наступил. Не случайно именно на середину XX века пришелся настоящий «сложнопредложенческий бум». Его начало во многом связано с публикацией статьи Н. С. Поспелова «О грамматической природе сложного предложения» (1950), предопределившей принципиально новый подход к исследованию СП в целом и типологии СПП (сложноподчиненного предложения) в частности. Этот подход был определен как **структурно-семантический**. Термин совмещал в себе ориентацию как на структурные показатели, так и на семантику — при условии (и это очень важно) ее грамматикализации, то есть подтверждения значения формой.

Наше пристальное внимание к категории сложного предложения могло бы показаться в данном случае преждевременным, если бы не одно обстоятельство: термин «структурно-семантический», употребляемый для обозначения принципа типологии сложноподчиненного предложения, был в известном смысле механически использован как название подхода к синтаксису в целом. В учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова § 13 (с. 31–38) назван «Структурно-семантическое направление». Начинается этот параграф так: «Структурно-семантическое направление является очередным этапом эволюции традиционного языкознания, которое не остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений разных аспектов в изучении и осмыслении языка и речи».

Русистов 60–80-х годов XX в. можно понять. Многие из них, не разделяя односторонних принципов логического (Ф. И. Бусла-

ев), психологического (А. А. Потебня, А. А. Шахматов), формального (Ф. Ф. Фортунатов, М. Н. Петерсон) направлений, не избежали соблазна провозгласить тезис о формировании нового направления.

Тем не менее, в «Русской грамматике», вышедшей в 1980 году под ред. Н. Ю. Шведовой, была предложена и фактически реализована идея **аспектного** описания синтаксиса и, главным образом, предложения. Как взаимосвязанные (но описываемые отдельно) выделены структурный, семантический и коммуникативный аспекты. Методически выверенные, эти аспекты представлены в блистательном учебнике В. А. Белошапковой. Было бы бессмысленно критиковать этот общий подход: он дал весомые результаты, особенно в применении к исследовательской практике (см. работы М. В. Всеволодовой, И. И. Ковтуновой, О. А. Крыловой, Е. В. Падучевой, Т. В. Шмелевой и др.); но было бы методически недальновидным не сохранить в преподавательской практике возможность и другого подхода — интегрального. Интеграция же курса синтаксиса, предпринимаемая в учебных целях, должна подразумевать коммуникативно-структурные основания.

Ведь в конечном итоге назначение синтаксиса, на уровне которого завершается оформление главной функции языка — быть средством общения, — сводится к реализации двух задач: отразить мысль, указывающую на «положение дел» в реальной (или вымышленной) действительности, и скоординировать межличностное общение. Важно не только **что** сообщается (первая задача), но **кем, кому и как** (вторая задача). Поскольку основной единицей синтаксиса является предложение, постольку именно при его анализе следует показать реализацию этих задач. Она может быть представлена в виде схемы (см. с. 39).

Поясним в самых общих чертах смысл неразрывной связи структурно-смысловой и адресатно-личностной составляющих предложения — связи, которая существует исключительно благодаря категории лица.

В самом деле, соотнесенность «положение дел vs. предложение» невозможна без наличия третьего (промежуточного, а лучше — интерпретационного) звена, создаваемого в результате **осмысления этого «положения дел» лицом говорящим**. Пред-

Объектно-референтная
(репродуктивно-референциальная)
составляющая
 (средства отражения «положения дел»)
 (что сообщается)

Субъектно-межличностная
составляющая
 (собственно коммуникативные
 средства адресации и актуализации)
 (кому и кем сообщается)

$N_1 — V_f$

Народ разошелся. (А. С. Пушкин. Капитанская дочка)

Роняет лес багряный свой убор...
 (А. С. Пушкин. 19 октября 1825 г.)

Статуя. Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Дон Гуан. Я? Нет. Я звал тебя и рад, Что вижу (А. С. Пушкин. Каменный гость)

ставляется, что прямой выход на референтный уровень, идущий, если иметь в виду философскую подоплеку, прежде всего от Б. Рассела, не всегда правомерен. Великие мыслители, начиная с Аристотеля (с ожесточением упрекавшиеся в известные времена в идеализме), никогда не забывали, что окружающее перерабатывается человеческой мыслью.

Категория же предикативности, которая во всех современных грамматиках трактуется как грамматическое значение предложения, должна «подпираться» понятием структурной схемы предложения. Иначе — прежде всего типом двусоставного предложения. Зачем и почему? Представляется, что в трактовке предикативности как соотнесенности высказывания с действи-

тельностью, реализованной в категориях модальности и синтаксического времени, есть известная недоговоренность. «Положение дел» — то есть фрагмент действительности — не может формализоваться лишь с ориентацией на модальность и время даже на таком абстрактном уровне, как синтаксический. Видимо, не случайно В. В. Виноградов при первой попытке раскрыть суть предикативности сводил ее к связи сказуемого с подлежащим, т. е. учитывал **субстанции** и их **признаки**, представленные в виде двух главных членов предложения, если оно двусоставное; при односоставности эту роль берет на себя один член — предикат. Иначе говоря, предикативность должна подразумевать предикативную схему S — Pr (*субъект — предикат*), которая приобретает морфологизованный вид в структурной схеме предложения, являющейся его формой⁷:

N ₁ V _f	<i>Игра началась.</i>
N ₁ Cop Adj _{1/5}	<i>Пианист талантлив.</i>
Inf Cop Inf	<i>Жизнь прожить — не поле перейти.</i>

Вопрос о трактовке предикативности — один из самых острых вопросов синтаксической теории. Говорить о ее сущности нам предстоит еще не раз. В данном случае лишь укажем на ее трактовку Г. А. Золотовой, которая на современном этапе представляется наиболее целесообразной, особенно если иметь в виду учебные цели: «Сопряженность предикативного признака с субъектом — его носителем, выражающая в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность к действительности»⁸. Однако, в отличие от концепции Г. А. Золотовой, под понятие «грамматический субъект» (подлежащее) мы подводим лишь имя, выраженное **именительным падежом**, выделенное в процессе совершенствования грамматических отношений для наиболее эффективного выражения производителя действия.

⁷ N₁ — имя в именительном падеже; V_f — спрягаемая форма глагола; Adj — прилагательное; Inf — инфинитив; Cop — глагол-связка (спрягаемая форма глагола *быть*, в том числе нулевая в настоящем времени).

⁸ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. С. 104.

Что же касается понятия коммуникативной оси, рассматриваемого нами прежде всего как явление бинарное и вслед за концепцией М. Бубера учитывающего в *Я* элементы семы *ТЫ*, а в *ТЫ* элементы семы *Я*, то структурообразующая роль коммуникативной оси в организации процесса коммуникации более чем очевидна.

Таким образом, ориентация на отражение «положения дел» (факта, события), на учет мыслительных действий при этом отражении и, наконец, на непереносимость «предоставления услуг» для проведения самого коммуникативного процесса, — таковы необходимые условия для осуществления предложением его основной функции. Иначе говоря, речь идет о следующих составляющих:

1. Репродуктивность, базовым компонентом которой является предикативность;

2. Ментализационность, базовым ядром которой является ментализационная автономность (законченная мысль, формализованная прежде всего интонацией конца и другими проявлениями способов осмысления «положения дел»);

3. Адресованность, ядром которой являются симбиоз Я—ТЫ, а также актуальное членение и целеустановка при сопутствующих средствах, включающих в себя обращение, вводные компоненты, парцелляцию и эллипсис.

Синтаксис последовательно связан не только с морфологией, но и с лексикой. Это привело нас в свое время к введению термина «лексико-синтаксическая координация»⁹. Лексико-синтаксическая координация есть факт языковой системы. Ее суть заключается в том, что вновь образуемая единица (словосочетание, предложение) включает в себя **слово**, мотивирующее своим **лексическим значением** регулярную (или почти регулярную) связь

⁹ См. прежде всего: Проблемы лексико-синтаксической координации: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. С. Г. Ильенко. — Л., 1985, а также: Ильенко С. Г., Лёвина И. Н. Лексико-синтаксический словарь русского языка: Модели сложноподчиненного предложения. — СПб., 2007.

с зависимым компонентом. При этом вновь возникшее синтаксическое образование обладает и новым смыслом, и новым лексико-синтаксическим статусом. Так, употребление обобщенных существительных: *люди, вещи, предметы* и др. — диктует, как правило, появление у них атрибута (чаще со связью согласования: *умные, хорошие, ленивые, аккуратные* и т. д. *люди*; *красивые, полезные, бесполезные* и т. д. *вещи*; *острые, незаметные, забытые* и т. д. *предметы*).

Отсюда возникновение в предложении неразложимых словосочетаний: *Отца всегда привлекали умные люди; Бесполезные вещи в доме только мешают; Острых предметов дети должны остерегаться* и др. Они близки к фразеологизмам, ср.: *Появившийся молодой человек привлек внимание зрителей*. Приведенные выше словосочетания: *умные люди, бесполезные вещи, острые предметы* — можно определить в качестве **предложенческих фразеологизмов**, подчеркивая этим их фактическую «неразложимость», но лишь в рамках предложения.

В сфере сложного предложения факт лексико-синтаксической координации проявляется, главным образом, в сложно-подчиненных изъяснительных предложениях, придаточная часть которых, открываемая союзом *что, будто* и др., регулярно обуславливается соответствующим контактным словом главной части, чаще — глаголом (как правило, из сферы человеческой рефлексии):

— **говорения**: *Максимилиан Волошин говорил, что главное произведение поэта — сам поэт* (Е. Рейн);

— **мысли**: *Я вдруг сообразил, что сорок шестой день его рождения мы будем праздновать в океане — по пути в изгнание* (Э. Радзинский. Наполеон: исчезнувшая битва); *Бродский считал, что настоящих любителей поэзии в мире всего один процент* (М. Козаков. Третий звонок);

— **созерцания**: *Как страшно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустому поводу* (А. П. Чехов. Чайка);

— **чувства**: *Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души* (А. С. Пушкин — В. И. Туманскому, 1825);

— **побуждения** (с изъяснительным союзом *чтобы*): *О. Н. (Ефремов. — С. И.) мыслил категорией театра как целого, хотел, чтобы актер понимал свою соподчиненность этому высшему целому* (А. Смелянский. Уходящая натура).

Большинство глаголов — контактных слов сложноподчиненного изъяснительного предложения обладает свойством быть опорными словами и при образовании соответствующих словосочетаний: *говорили о литературе, видели фильм, боялись наводнения* и т. д.¹⁰

Таковы в самом общем виде те исходные установки, на которые мы будем опираться, представляя далее конкретный материал в виде лекций, кратких конспектов, проверочных заданий.

¹⁰ От лексико-синтаксической координации целесообразно отграничивать **семантико-синтаксическую корреляцию**, когда к разным семантическим эффектам приводит сложнейшее взаимодействие всей структуры синтаксической единицы с ее конкретным (всем, а не с одной лексемой) лексическим составом.

Суть этого явления ярко проступает, например, в использовании сложноподчиненного предложения Л. Н. Толстым: *Несмотря на то, что доктора лечили его* (Пьера. — С. И.), *пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел*.

Благодаря структуре СПП, определяемой главным образом союзом *несмотря на то, что*, усиленным в главной части частицей *все-таки*, в нем обнаруживается существенная «смысловая прибавка»: лечение докторов не только не способствует выздоровлению, а провоцирует обратное. (Именно таково было в этот период мнение Л. Н. Толстого, иронически относившегося к результатам цивилизации, в том числе официальной медицины.) Эта пресуппозиция, из которой исходил Л. Н. Толстой и которая непосредственно словесно не высказана, извлекается из факта семантико-синтаксической корреляции. Стоит заменить в данном сложноподчиненном предложении уступительный союз *несмотря на то, что* на причинный *так как* (опустив при этом в главной части частицу *все-таки*), т. е. создать другую синтаксическую структуру при сохранении прежнего лексического состава, как мы обнаружим, что оригинальная пресуппозиция, из которой исходил Л. Н. Толстой, заменится наиболее распространенной: лечение докторов способствует выздоровлению: *Так как доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства, он выздоровел*.

Проблема языковых единиц, в том числе синтаксических, сложно и противоречиво решаемая в теоретическом аспекте, в аспекте учебно-методическом неожиданно предстает как достаточно прозрачная и декларативная. В учебниках стало обычным лишь называть состав единиц, не поясняя их специфичности и не оговаривая их «права» квалифицироваться именно в качестве **единиц**.

Так, в известном учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова читаем: «Синтаксическими единицами являются словосочетание (1), простое предложение (2), сложное предложение (3), сложное синтаксическое целое (4)»¹:

- 1) *Татьяна, милая Татьяна!* (А. С. Пушкин);
- 2) *Пушкин уехал в Грузию* (Е. Баратынский);
- 3) *Побледневшее небо стало опять синеть, но то уже была синева ночи* (И. С. Тургенев);
- 4) *Москва тогда стала (как и остается несмотря ни на что до сих пор) удивительным средоточием лингвистической мысли. Ученые, съехавшиеся из разных стран на Международный съезд славистов в Москве в сентябре 1958 года, были поражены скоплением молодых талантов, которые перед ними выступили на вечернем семинаре, устроенном во время съезда в Педагогическом институте иностранных языков. В один голос иностранцы мне говорили, что не видели ничего подобного ни в одной другой стране. Почему это стало возможным? Кроме общих (и справедливых) ссылок на неиссякаемую талантливость России и начало первой оттепели, высвободившей умы, особенно юные, не тронутые еще морозами, должны были действовать и какие-то особые причины. Тогда мне приходило в голову,*

¹ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: В 3 ч. — Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. — М., 1981. С. 5.

что лингвистика была единственной областью гуманитарного знания, где уже существовали достаточно строгие методы исследования, а контроль правительственной идеологии еле ощущался, а по существу отсутствовал. Не удивительно, что многие одаренные молодые люди устремились в эту сферу занятий (Вяч. Вс. Иванов).

Несколько обстоятельнее представлен состав синтаксических единиц (на этот раз включающий три позиции: словосочетание, предложение и сложное предложение) в учебнике В. А. Белошапковой². Но и в этом случае остался приглушенным как вопрос об общем статусе синтаксической единицы, так и вопрос о ее языковом и речевом воплощении, а также об употреблении в условиях книжного типа речи, с одной стороны, и разговорного — с другой.

Подобная декларативность в презентации синтаксических единиц уязвима еще и потому, что во многих теоретических работах по данной проблеме сложное предложение в качестве языковой единицы не называется³. Это отразилось, например, в материалах совместного советско-чехословацкого симпозиума 1967 г., посвященного проблемам уровней языковой системы и их взаимодействия. Стоит сравнить различия в составах единиц, включающих в себя все языковые (а не только синтаксические) единицы, предложенных Фр. Данешем и К. Гаузенбласом, Н. Д. Арутюновой, А. С. Мельничуком, О. Лешкой, чтобы обнаружить, при всем их различии, одну общую черту: сложное предложение и сложное синтаксическое целое (ССЦ) в состав языковых единиц, как правило, не включаются⁴. Оговорка «как правило» связана с

² Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977.

³ Более того: на сегодня относительно бесспорным можно считать выделение в качестве синтаксических единиц лишь **словосочетания** и **предложения**. Правомерность же выделения остальных единиц — синтаксемы, сложного предложения и сложного синтаксического целого — остается предметом дискуссий.

⁴ См. публикации в сб. статей: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969:

Данеш Фр., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и система языковых средств (выделены единицы: **высказывание, предложение, словоформа, морфема, фонема**);

Арутюнова Н. Д. О минимальной единице грамматической системы (**предложение, синтагма, слово, морфема**);

16-м примечанием к статье Фр. Данеша и К. Гаузенбласа: «Что касается сложного предложения, то здесь налицо несомненная разница между сложноподчиненным и сложносочиненным предложением. Первое имеет характер грамматической единицы (и можно было бы рассматривать ярус сложноподчиненного предложения как «верхний ярус» уровня предложения), в то время как второе имеет скорее структуру сверхсинтаксического текстового образования»⁵.

Подчеркнутая ориентация на уровневую организацию языка при рассмотрении языковых единиц естественна, поскольку языковые единицы (в их взаимодействии) являются основными составляющими грамматического строя языка с такими его подсистемами, как лексика, словообразование, морфология и синтаксис. При этом, однако, нельзя упускать из виду и того, что системно-структурная организация языка является производной от его функций, и прежде всего основной из них — **коммуникативной**. Эта методологическая посылка была четко сформулирована в свое время Э. Косериу: «...язык функционирует не потому, что он система, а наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели»⁶.

Именно это обстоятельство оказывается исходным при попытках построить функциональную систему языковых единиц.

Я. Кухарж подчеркивал: «Функции наименования (слова. — С. И.) и высказывания (предложения. — С. И.) представляют в системе языка как бы два полюса, которые притягивают к себе

Мельников Г. П. Языковая стратификация и классификация языков (по синтагматической оси: **речевой поток, сообщение, главные члены сообщения (тема и рема), синтагматический комплекс монем, монема**);

Мельничук А. С. Взаимодействие грамматических единиц различных уровней в рамках предложения (*формально-грамматические единицы*: **предложение, синтагма, словосочетание, член предложения, словоформа, морфема**; *конкретно-знаковые единицы*: **предложение, синтагма, словосочетание, слово, морфема**);

Лешка О. Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание (**текст, предложение, словоформа, морфема**).

⁵ Данеш Фр., Гаузенблас К. Указ. соч. С. 18.

⁶ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблемы языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 156.

единицы разных уровней, направляют и приспособливают их для своих потребностей»⁷.

Характеризуя языковые единицы в целом, следует иметь в виду их общие формальные свойства: **воспроизводимость** (существование «в готовом виде»), **исчислимость** (возможность подсчитать — «обозреть» количество единиц того или иного уровня), **компонентность** (предназначенность быть компонентом единицы следующего, более высокого, уровня)⁸.

Особенность синтаксического уровня языка заключается в том, что, в отличие от других, этот уровень не ограничивается одной единицей. Объяснения этому обстоятельству легко найти. Именно этот уровень предстает в качестве завершающего этапа формирования коммуникативной функции языка. Именно здесь происходит своеобразное аккумуляирование языковых единиц всех существующих уровней⁹. Именно на синтаксическом уровне глубже и полнее всего проявляется знаковая природа языка. Наконец, именно на этом уровне создаются компоненты, формирующие текст.

Некоторого пояснения требует выделение в качестве самостоятельной единицы **сложного предложения**. Возможность его признания / непризнания самостоятельной единицей связана с двойственностью его языковой природы. По коммуникативной функции простое и сложное предложения идентичны, поскольку и тому, и другому присуща цель сообщения. Различаются же они в структурно-семантическом плане: первое — монопредикативно, второе — полипредикативно. При этом сложное предложение выступает не просто как формальная совокупность предика-

⁷ Кухарж Я. О функциональном использовании структурных единиц языка // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969. С. 274.

⁸ См. об этом подробнее: *Норман Б. Ю.* Синтаксис речевой деятельности. — Минск, 1978.

⁹ В. А. Белошапкова, напоминая о том, что долгое время предметом синтаксиса называли связную речь, уточняет: «В наше время связная речь осознана как специальный лингвистический объект; оформилась и активно развивается особая наука о связной речи (текстолингвистика), в центре которой находится понятие “связность речи”, получающее разнообразное толкование» (Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977. С. 5).

тивных единиц, а как качественно новое образование, призванное зафиксировать типизированные отношения между предикативными единицами (простыми предложениями). Если есть основания для выделения особой единицы, фиксирующей типизированные отношения между словами и словоформами (словосочетание), то есть еще больше оснований для выделения в качестве самостоятельной такой единицы, которая фиксирует отношения между предикативными единицами.

Пояснений требует и понятие **синтаксемы** — самой «молодой» синтаксической единицы, история изучения которой насчитывает всего полвека.

В 1969 г. Г. А. Золотова опубликовала статью «О синтаксической форме слова»¹⁰, где впервые была высказана гипотеза, согласно которой минимальной единицей синтаксиса является не словосочетание, а словоформа с ее синтаксическими свойствами; в 1988 г. вышел в свет «Синтаксический словарь» — итог работы автора над понятием синтаксемы¹¹.

В преподавании морфологии долгое время существовал раздел, посвященный значениям падежей (в том числе с различными предлогами). В разных контекстах формы одного и того же падежа могут принимать разные частные значения: эти значения и перечислялись в данном разделе. Например, для родительного падежа без предлога приводились значения: части (иначе — родительный партитивный: *выпить чайку*), отрицания (*нет ответа*), принадлежности (*стол отца*) и целый ряд других¹². Г. А. Золотова кардинально переосмыслила этот материал, взглянув на него с позиций не морфологии, но синтаксиса.

Каждая (предложно-)падежная форма, с этой точки зрения, представляет собой потенциальный компонент синтаксической конструкции, причем в самой этой форме содержится информация о том, в какой позиции, в какой функции и с каким значением

¹⁰ См.: Мысли о современном русском языке: Сб. ст. — М., 1969.

¹¹ Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 1988.

¹² См., например, изложение этого вопроса в учебнике: Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: В 2 ч. — Ч. I: Фонетика и морфология (теоретический курс). — М., 1958. [Изд. 6-е, испр. и доп. / Под ред. и с предисл. Е. С. Скобликовой: М., 2009]

она может участвовать в том или ином синтаксическом построении. Например, типовая словоформа **в + П. п.** (*в саду, в поле, в классе*) употребляется либо 1) в качестве локального детерминанта, либо 2) в роли сказуемого, либо 3) в роли присловного распространителя с определительно-обстоятельственным значением; кроме того, 4) она может выступать в качестве заголовка, то есть в изолированной синтаксической позиции. В каждой из этих функций данная словоформа сохраняет пространственное значение. Ср. примеры:

- 1) *В лесу раздавался топор дровосека* (Н. А. Некрасов);
- 2) *Завтра я весь день буду в поле*;
- 3) *Вчерашний разговор в классе не остался без последствий*;
- 4) *В враге* (А. П. Чехов).

Заметим, что другие синтаксические функции, значения и позиции для данной типовой словоформы закрыты: она не может употребляться ни в качестве подлежащего (с каким бы то ни было частным значением), ни со значением, скажем, субъекта, ни в функции прямого дополнения и др. Для обслуживания этих других функций, позиций и для выражения соответствующих значений существуют другие типовые словоформы. Таким образом, словоформа **в + П. п.** может быть описана как элементарный компонент более сложных синтаксических построений, обладающий набором признаков:

- 1) **форма** — предложный падеж с предлогом **в**;
- 2) определенный круг синтаксических **функций** (они перечислены и продемонстрированы выше);
- 3) **значение** — пространственное;
- 4) определенный круг синтаксических **позиций** (изолированная, независимый член предложения, зависимый член предложения).

Если же рассмотреть другую типовую словоформу — беспредложный винительный падеж, — то окажется, что ей присущ аналогичный набор признаков, но значения этих признаков будут иными:

-
- 1) **форма** — беспредложный В. п.;
 - 2) **функция** — дополнение;
 - 3) **значение** — прямого объекта;
 - 4) **позиция** — только зависимого члена предложения (при-
словного распространителя).

Продолжая (вслед за Г. А. Золотовой) эти наблюдения, мы можем убедиться в том, что каждая типовая словоформа обладает стандартным комплексом признаков, которые исчерпывающим образом описывают способ (способы) ее функционирования в качестве компонента синтаксических построений.

Именно такой комплекс, представляющий собой единство четырех признаков (форма, значение, функции, позиции), Г. А. Золотова назвала *синтаксемой*, которая, по мнению автора, является мельчайшей, далее неделимой единицей синтаксического уровня языковой структуры¹³ — то есть минимальной единицей синтаксиса.

Нетрудно заметить, что понятие синтаксемы сконструировано по образцу понятия фонемы в интерпретации Н. С. Трубецкого: подобно тому, как у последнего фонема представляет собой пучок дифференциальных признаков, синтаксема у Г. А. Золотовой — также пучок признаков (форма, значение, функция, позиция). В этом смысле понятие синтаксемы находится в отношениях преемственности с лучшими достижениями лингвистической мысли (точнее — лингвистического функционализма) XX в.; с общенаучной точки зрения, обоснование и разработка этого понятия могут быть признаны безупречными.

Однако с точки зрения собственно лингвистической, понятие синтаксемы обладает внутренней противоречивостью и являет собой предмет для дискуссий. Если сопоставить его с другими «эмическими» понятиями (фонема, морфема, лексема и др.), то обнаружится следующее несоответствие. Фонема — единица, которая организует соответствующий уровень языко-

¹³ Наиболее обстоятельную характеристику синтаксемы см.: Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., 1988 (вступительная статья). Более сжато синтаксема охарактеризована в книге: Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.

вой структуры и поэтому составляет главный объект фонологии. Фонема реализуется в звуке, который изучается фонетикой и также составляет ее главный объект. Аналогичное можно сказать по отношению к морфеме, лексеме: данные единицы образуют соответствующие уровни языковой структуры и составляют первичные объекты изучения соответствующих разделов науки о языке. Но вот сказать о синтаксеме, что именно она организует синтаксический уровень структуры языка, **невозможно!** Синтаксис всегда осмыслялся как раздел науки о языке, изучающий синтаксические построения — то есть соединения слов как компоненты связной речи; **синтаксема же не есть синтаксическое построение**, она есть лишь его элементарный компонент. Роль синтаксем по отношению к синтаксическому уровню языковой структуры сопоставима не с ролью фонемы по отношению к фонологическому уровню, а с ролью дифференциального признака фонемы по отношению к этому уровню.

Исходя, вероятно, из подобных соображений, авторы многих существующих пособий по русскому синтаксису попросту игнорируют это понятие и не включают синтаксему в число синтаксических единиц. Между тем, если помнить о том, что **синтаксис — часть грамматики**, основания для признания синтаксем единицей грамматического строя языка бесспорны. Синтаксему целесообразно трактовать как единицу вспомогательного уровня — не собственно синтаксическую, но и не чисто морфологическую: это переходная единица, в которой — прежде всего — и осуществляется сплав морфологии и синтаксиса.

Разговор о составе синтаксических единиц окажется неполным, если не учесть, что предпринятое в последние десятилетия изучение разговорной стихии языка¹⁴ с такими ее главными характеристиками, как устная (звуковая) оформленность и диалогическая структура, привело к выводу о том, что в разговорном типе речи, помимо общих с книжным типом синтаксических единиц (хотя и специфически реализованных), есть особые, присущие именно ему интонационно-специфичные единицы: **фраза**

¹⁴ См. прежде всего: Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. — М., 1973; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981.

(часть текста с интонацией понижения на конце), **синтагма** (интонационно-смысловое единство, выражающее в контексте одно понятие, представленное, как правило, двумя или несколькими словами, но также, в отличие от словосочетания, и одним словом): *Давай ему чашечку купим... фарфоровую* (разг. речь).

Однако есть еще один сюжет, неизбежно возникающий при описании синтаксических единиц. Он связан с известной оппозицией *язык vs. речь*. Если смысл этой оппозиции предельно упростить, то применительно к синтаксису он выглядит так: язык имеет дело с моделями (абстрактными формулами), речь — с их конкретной реализацией (прежде всего лексической). Например: структурная схема двусоставного предложения $N_I V_f$ — **факт языка**, а «живое» высказывание *Ребенок плавает* — **факт речи**.

Слишком увлеченные известным экспериментом Л. В. Щербы с «глокой куздрой», синтаксисты долгое время отдавали предпочтение единицам языка в формализованном понимании. Трактовка же синтаксической модели Г. А. Золотовой, основанная на тезисе о том, что схем, «свободных для любых классов лексики, свободных от семантической избирательности, не существует», была воспринята в качестве антитезы той ориентации, которая имела в виду сугубо отвлеченный образец. Не случайно, представляя систему русских предложений, Г. А. Золотова оперирует полнокровными речевыми образцами типа *Матери понравилась картина*, т. е. примерами-эталоном¹⁵.

При всей перспективности такого подхода на современном этапе изучения синтаксических единиц, представляется целесообразным сохранить ориентацию и на абстракции собственно грамматического характера, связав их со статусом языка, тогда как результаты лексико-грамматической координации отнести к речи. В таком случае некоммуникативные синтаксические единицы будут противопоставляться при демонстрации оппозиции *язык vs. речь* как собственно грамматикализованные единицы — единицам лексически наполненным.

¹⁵ Стоит заметить, что плодотворность этого принципа поддержана и «Русской грамматикой», где каждый тип предложения также представляется речевым образцом — примером-эталоном.

Сложнее обстоит дело с единицами коммуникативными. В этом случае грамматической формуле предложения в языковом аспекте противостоит в речевом аспекте факт не только в его лексической конкретизации, но еще и приобретающий такие свойства, как модальная характеристика, актуальное членение, а также принадлежность к одному из компонентов парадигмы предложения, связанной с реализацией его структурной схемы (ср., например, возможность появления эллипсиса и др.). Иначе говоря, преобразование «языкового» предложения в его «речевой» вариант оказывается связанным с качественно новой единицей, нуждающейся в особом термине. Так появилась оппозиция *предложение vs. высказывание*; применительно к сложному предложению она приобретает вид: *сложное предложение vs. сложное высказывание*¹⁶.

В результате, рассматривая оппозицию *язык vs. речь* на синтаксическом уровне, можно иметь в виду следующую схему:

Кодифицированный литературный язык	
Языковая единица	Речевая единица
Синтаксема	Речевая реализация синтаксемы (словоформа)
Словосочетание	Речевая реализация словосочетания
Предложение	Высказывание
Сложное предложение	Сложное высказывание
	Конструкция с прямой речью
Разговорная разновидность литературного языка	
Диалогическое единство (ДЕ) →	Речевая реализация ДЕ
Фраза	Речевая реализация фразы
Синтагма	Речевая реализация синтагмы

Комментируя приведенную схему, следует сделать особую оговорку относительно конструкции с прямой речью (КПР). В собственно языковом аспекте она представляет собой, как и

¹⁶ Оппозиция *предложение vs. высказывание* была обоснована прежде всего в работах чешских лингвистов — В. Матезиуса, Ф. Данеша и др., однако с более узким осмыслением понятия высказывания. В русскоязычной традиции под высказыванием обычно подразумевается полнокровный факт речи — со всеми вытекающими отсюда особенностями.

сложное предложение, полипредикативную структуру, однако в речи она, благодаря регулярному использованию глаголов говорения (или их эквивалентов) и грамматической двучастности, обретает черты особого структурно-семантического типа с такой специфической функцией, как **передача чужой речи**.

КПР, строго говоря, есть явление текста, и лишь условно, имея в виду прежде всего «методическое удобство», ее можно причислить к единицам синтаксиса, тем более что элементарная КПР, организованная по модели:

{кто — кому (факультативно), как (факультативно),
что (собственно чужая речь)},

— достаточно стандартизирована:

«Ложь и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася (И. С. Тургенев. Ася).

Присматриваясь к приведенной схеме, легко заметить разную функциональную нагрузку синтаксических единиц в коммуникативном отношении. Это делает возможным разговор о том, что область синтаксиса, по существу, представлена тремя уровнями: 1) синтаксемно-синтагматическим (докоммуникативным); 2) предложеческим (коммуникативным); 3) текстоориентированным (суперкоммуникативным).

Таким образом, рассмотрение синтаксических единиц в свете современных лингвистических тенденций требует, во-первых, расширения их состава за счет внимания не только к книжному, но и к разговорному типу речи, во-вторых, последовательного учета оппозиции *язык vs. речь*, в-третьих, уяснения их связи с уровневой организацией языковой системы в целом, а главное — выявления их места в осуществлении коммуникативной функции языка.

Внимание к разговорному типу речи наряду с книжным подразумевает учет специфики каждого из них. Особенности этих двух основных типов речи можно суммировать следующим образом:

Книжный тип	Разговорный тип
Экстралингвистические признаки	
Официальность в общении Строгая контролируемость (последовательная регламентация)	Неофициальность в общении Ослабленная контролируемость (непринужденность)
Контекстуальность	Ситуативность
Подготовленность	Неподготовленность
Общелингвистические признаки	
Преобладание письменной формы	Преобладание устной формы
Преобладание монологической речи	Преобладание диалогической речи
Использование нейтральных и высоких языковых средств	Использование нейтральных и сниженных языковых средств
Собственно синтаксические признаки	
Развернутая синтагматика	Расчлененная синтагматика
Ориентация на тема-рематическую организацию	Ориентация на коммуникативные центры
Эмоционально-интонационная приглушенность	Эмоционально-интонационная выразительность

Пример книжного типа речи:

Теория вероятностей есть математическая наука, изучающая закономерности в случайных явлениях.

Условимся, что мы будем понимать под случайным явлением.

Случайное явление — это такое явление, которое при неоднократном воспроизведении одного и того же опыта протекает каждый раз несколько по-иному (Е. С. Вентцель. Теория вероятностей).

Пример разговорного типа речи:

Когда я вышла замуж, мне подарили маленького щенка. Испанский пудель. Замечательный. Красавец. И его постриг парикмахер. И у него на хвосте была эта самая... кисточка, а на мордочке было две бородавки (из материалов группы Е. А. Земской).

Примеры имитации разговорного типа речи в художественных произведениях:

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как исцарапалась: проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице, — черт возьми, по улице! — по метле, и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто. Слышишь? (Н. В. Гоголь. Ревизор).

Пушкин. *А где-то нам сегодня ночевать?*

Самозванец. *Да здесь в лесу. Чем это не ночлег* (А. С. Пушкин. Борис Годунов).

Итак, перечислим единицы синтаксиса с краткими определениями и примерами.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ — непредикативная единица, состоящая из двух или нескольких слов, находящихся друг с другом в подчинительной связи и служащая для обозначения атрибутивных (*жаркое лето*), объектных (*вырастить дерево*), субъектных (*переписанная учеником тетрадь*) и обстоятельственных (*гулять в парке*) отношений.

Односторонность есть главная причина несчастий человека (Л. Н. Толстой. Дневник. 19 марта 1847 г.):

главная причина несчастий человека — неэлементарное словосочетание, которое может быть представлено как соединение нескольких элементарных:

*главная причина;
причина несчастий,
несчастий человека.*

ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Определения предложения:

Элементарное (школьное) определение:

Предложение — это сочетание слов или отдельное слово, выражающее законченную мысль.

Академическая грамматика:

Предложение есть синтаксическая структура коммуникативного назначения, в основе которой лежит одна из существующих в системе языка конструктивных формул, обладающая категори-

ей предикативности как парадигматически выявляющегося единства категорий синтаксического времени и модальности (Грамматика-80).

Рабочее определение курса:

Предложение — единица межличностного общения, обладающая грамматическим значением предикативности, т. е. сопряженностью предикативного признака с субъектом (его носителем), соотнесенную благодаря категориям лица, модальности и времени с актом речи, характеризующаяся интонацией законченности и построенная по одной из структурных схем.

В тот год осенняя погода стояла долго на дворе (А. С. Пушкин).

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ — коммуникативная полипредикативная единица, служащая для формализованной передачи отношений между входящими в нее предикативными единицами (простыми предложениями) и имеющая интонацию завершенности.

Другое определение: сложное предложение — это структурно-семантическая и интонационная целостность, выступающая как коммуникативная единица, состоящая из двух или нескольких предикативных компонентов (частей), находящихся друг с другом в определенных отношениях, что выражается набором грамматических средств, главным из которых являются союзы (сочинительные и подчинительные), союзные слова и интонация.

Каждый раз, когда приближалась осень, начинались разговоры о том, что многое в природе устроено не так, как нам бы хотелось (К. Паустовский).

Яков Друсин пишет в дневниках, что Олейников был «единственный человек, который мог не бояться пошлости» (П. Вайль).

Живите в доме — и не рухнет дом (А. Твардовский).

Кто-то решил, что наука должна быть непременно скучной (А. Сивявский).

Слово хорошо тогда, когда оно верно выражает мысль (К. Ушинский).

Рукописи не горят — горят писатели (А. Битов).

К этим трем основным синтаксическим единицам Г. А. Золотова «прибавила» четвертую (словоформу, или синтаксему). Несколько сузив трактовку этой единицы, будем пользоваться следующим определением:

СЛОВОФОРМА (синтаксема) — минимальная, далее неделимая единица, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как компонент словосочетания или предложения:

Накануне отъезда поднялась снежная буря (Б. Пастернак) (компонент предложения — детерминант);

Дни поздней осени бранят обыкновенно (А. С. Пушкин) (компонент словосочетания).

Более развернутая характеристика синтаксемы представлена выше. Здесь же, дополняя эту характеристику, напомним слова классика отечественного языкознания: «Иллюзия независимости и автономности формы слова приводит к отрыву морфологии от синтаксиса. Поддаваясь иллюзии, наука долго рассматривала слово как исходный пункт грамматического анализа. Между тем форма слова есть лишь частный случай формы словосочетания, проявившейся здесь лишь в более сложном и искаженном виде <...> Форма слова подлежит поэтому сведению к формам словосочетания, так же как морфология в целом подлежит сведению к синтаксису»¹⁷.

Специфические же единицы разговорного синтаксиса, в выделении которых ведущую роль играет интонация, могут быть сведены к трем:

СИНТАГМА — интонационно-смысловая часть фразы, выделяемая паузой, увеличением темпа и интонацией понижения:

Ты с собой щетку взял зубную?

ФРАЗА — относительно автономная речевая единица интонационного завершения:

¹⁷ Кацнельсон С. Д. Краткий очерк языкознания. — Л., 1941. С. 5, 34.

У нее есть сын-подросток. Пятый класс. Капризы жуткие.

В диалогической речи выделяют:

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО — два или несколько высказываний, принадлежащих разным лицам и связанных друг с другом по смыслу и грамматически.

— Что еще у вас есть из моих бумаг, естественно, кроме того, что мы с вами написали?

— Карта Аустерлица, которую вы мне дали. И письма русского царя после Тильзита, Сир (Э. Радзинский).

Единицам синтаксиса противопоставляются **единицы текста:**

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ (ССЦ) — дву-частное структурно-тематическое единство, состоящее из двух или нескольких предложений (первое из которых обозначает тему), связанных друг с другом по смыслу, грамматически и посредством единой коммуникативной перспективы (стандартизированной тема-рематической устроенности).

Философия и есть внутреннее познание человека, в то время как наука есть внешнее познание мира вне человека. В человеке открывается абсолютное бытие, вне человека — относительное (Н. Бердяев).

Давно известно, что прелесть жизни не только в ожидании будущего и в настоящем, но отчасти и в воспоминаниях. Часто воспоминание сродни выдумке, творчеству. Кто из нас, вспоминая, не придает пережитому черты несбывшегося? Кто, вспоминая, не оставляет в памяти только сущность пережитого?

Воспоминания — это не пожелтевшие письма, не старость, не засохшие цветы и реликвии, а живой, трепещущий, полный поэзии мир (К. Паустовский).

КОНСТРУКЦИЯ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ (КПР) — функционально-партитурная единица, состоящая из вводящей (авторской) части и вводимой чужой речи, отражающей все ее специфические языковые особенности.

Мать сказала тогда Жерому: «Я боюсь, он гонится слишком за многим, и поэтому потеряет все» (Э. Радзинский).

Обобщим синтаксические единицы книжного типа и текста в таблице:

Единицы синтаксиса и текста

Е д и н и ц ы с и н т а к с и с а	<p style="text-align: center;">Словосочетание</p> <p><i>Весенняя пора. Весенний воздух. Весеннее настроение</i> (Иллюстрации к толкованию слова <i>весенний</i> в Словаре Д. Н. Ушакова)</p> <p style="text-align: center;">Предложение (предикативная единица)</p> <p><i>Небо меркло</i> (А. С. Пушкин)</p> <p style="text-align: center;">Сложное предложение (полипредикативная единица)</p> <p><i>Было жарко, хотя недавно прошел бурный дождь</i> (В. Набоков); <i>Наступило молчание, и Берлиоз побледнел</i> (М. Булгаков);</p> <p style="text-align: center;"><i>Страшно жить на этом свете, В нем отсутствует уют, Ветер веет на рассвете, Волки зайчика грызут</i> (Н. Олейников)</p> <hr/> <p style="text-align: center;">Словоформа (синтаксема)</p> <p><i>В вагоне. Темно от вещей и людей</i> (В. Панова)</p>
Е д и н и ц ы т е к с т а	<p style="text-align: center;">Сложное синтаксическое целое (ССЦ, СФЕ)</p> <p>а) со стандартизированным зачином: $N_1; Inf; N_1 \text{ Cop } N_1; N_1 V_f$ <i>Разница между Кушнером и Бродским есть разница между печалью и тоской, страхом и ужасом. Печаль и страх — реакция на время. Тоска и ужас — реакция на вечность. Страх и печаль обращены вниз. Тоска и ужас — к небу</i> (С. Довлатов);</p> <p>б) с нестандартизированным зачином <i>У меня был выдающийся преподаватель русского языка. Я обязан <u>ему</u> весьма многим. <u>Он</u> привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто</i> (Г. Плеханов)</p> <p style="text-align: center;">Элементарная конструкция с прямой речью</p> <p><i>Сколько звезд! — сказал Александр Александрович</i> (Б. Пастернак)</p> <p style="text-align: center;">Осложненная конструкция с прямой речью (Диалогема)</p> <p><i>— Христос Воскресе! — сказала Матрена Павловна, склоняя голову и улыбаясь, с такой интонацией, которая говорила, что нынче все равны, и, обтерев рот свернутым мышкой платком, она потянулась к нему губами. — Воистину, — отвечал Нехлюдов, целуясь</i> (Л. Толстой)</p>

()

Дополнительная литература

1. Кузмина Е. С. Синтагматика научного текста. — М., 1986.
2. Курилович Е. Основные структуры языка. Словосочетание и предложение: Очерки по лингвистике. — М., 1962.
3. Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском языке. — М., 1966. (Введение: с. 5–39; Моделирование словосочетаний: с. 143–163.)
4. Светозарова Н. Д. Синтагма // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
5. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. — М., 1971.
6. Смольянинова Е. Н. Словосочетание в теоретическом и методическом аспектах: Учебное пособие к спецкурсу. — Л., 1990.
7. Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. — Одесса, 1976.
8. Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. — М., 1957. С. 450–453.
9. Шмелева Т. В. Компоненты синтаксической связи // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В. А. Белошапковой. — М., 2001. С. 66–79.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ — непредикативная единица, отражающая атрибутивные (любопытный студент, зимняя стужа), объектные (похвалить студента), субъектные (усвоенное студентом правило) и обстоятельственные (направлялся в университет)¹ отношения, состоящая из двух или нескольких знаменательных слов, находящихся в подчинительной связи (согласования, управления, примыкания).

¹ Что касается словосочетаний типа *читать медленно*, зависимый компонент которых в элементарных описаниях называют обстоятельством образа действия, то они справедливо трактуются А. И. Смирницким как «частный случай определения» (Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. — М., 1957).

Наиболее лаконичное определение словосочетания принадлежит В. А. Белошапковой: «Слово и связанная с ним подчинительной связью форма другого слова»².

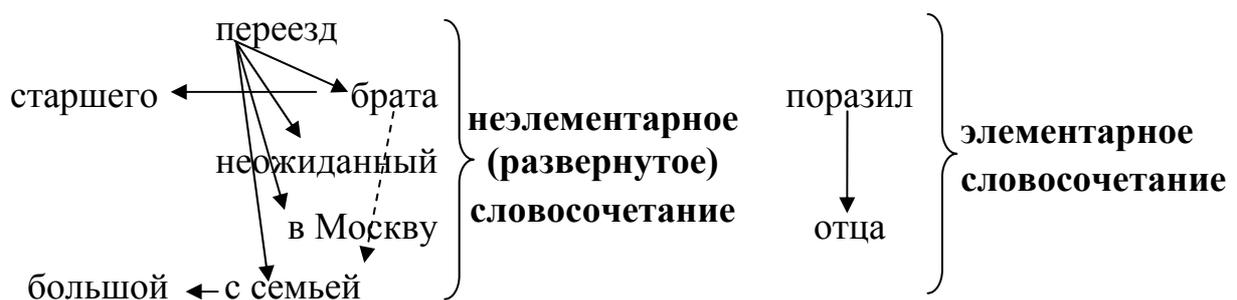
Словосочетания делятся на **элементарные**, состоящие из двух компонентов и представляющие собой минимальное словосочетание: *Гусары демонстративно промолчали* (Г. Горин, Э. Рязанов), — и **неэлементарные**, состоящие из нескольких компонентов: *Город проводил своих любимцев* (там же).

Покажем смысл этого противопоставления на конкретном примере:

Старший брат неожиданно переехал в Москву. С ним была его большая семья. Все это поразило отца.

Обратите внимание на то, что информацию, выраженную этими тремя предложениями, можно передать двумя словосочетаниями — неэлементарным и элементарным, находящимися в составе **одного** предложения:

Неожиданный переезд старшего брата в Москву с большой семьей поразило отца.

Неэлементарные словосочетания могут быть однонаправленными и неоднаправленными. В предложении: *Пример отно-*

² Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977. С. 75.

шения Петра к побежденным шведам всегда волновал Пушкина (Д. Гранин. Вечера с Петром Великим) — находим и те, и другие:

однонаправленные		неоднонаправленные	
пример →	отношения → Петра	Петра ←	отношения → к шведам
отношения →	к шведам → побежденным	Пушкина ←	волновал → всегда

В специальной литературе представлены различные трактовки словосочетания, которые сводятся к следующим позициям:

— рассмотрение словосочетания в качестве основной единицы синтаксиса, включающей в себя и предикативную основу предложения («законченное словосочетание») (Ф. Ф. Фортунатов³, М. Н. Петерсон);

— рассмотрение в качестве единицы синтаксиса, помимо предложения, словосочетания, возникающего в составе предложения (А. А. Шахматов);

— рассмотрение словосочетания как второй синтаксической единицы *номинативного характера* (строительного материала предложения) (В. В. Виноградов);

— рассмотрение словосочетания как второй синтаксической единицы *номинативного характера* (строительного материала предложения), а также вывод за пределы словосочетания детерминантов (Н. Ю. Шведова, В. А. Белошапкова): *В Польше назревал мятеж против Сигизмунда III* (Р. Скрынников).

Перечисляя точки зрения, следует особо оговорить вклад в теорию словосочетания А. М. Пешковского. Представляется, что в специальной литературе появилась по существу тенденция замалчивать его оригинальную концепцию словосочетания. Между тем Пешковского можно считать родоначальником не просто концепции — новаторской концепции словосочетания.

³ «...то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения, или выражение его части» (Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. — М., 1957. С. 451).

Синтаксис, по Пешковскому, в отличие от морфологии (изучение частей речи и их отдельных форм), изучает не просто собрание форм, а их строение и расположение. Пешковский уточняет, даже по-своему «разоблачает» формулу А. А. Потемби: «Есть части речи — есть предложение». Предложение — это не просто набор частей речи, это — их взаимосвязи, их расположение. Отсюда: суть формы словосочетания заключается в его коммуникативном значении для понимания предложения в целом.

Так, предложение *Хочу читать книгу сестры другу* для Пешковского распадается на синтагмы (по формулировке Л. В. Щербы), которые, как известно, могут состоять из одного слова: *Хочу читать/ книгу сестры/ другу*. Изменим порядок слов, сохраняя те же формы: *Сестры/ читать хочу/ книгу/ другу*. Понимание этого предложения затруднено: скорее, оно может служить почти загадкой («Что я хотел сказать?»), поскольку отдельные формы слов не объединены в формы словосочетания в их обычном контактном употреблении.

В связи с необходимостью ввести понятие *формы словосочетания* Пешковский приводит пример двусмысленности, которую можно расшифровать, с его точки зрения, только выделяя формы словосочетаний: *Вели ему помочь*. Данное предложение можно понять как: 1) 'вели, чтоб он помог' (*Вели ему / помочь*); 2) 'вели, чтоб ему помогли' (*Вели / ему помочь*).

С точки зрения слушающего, различие трактовок объясняется омонимией управляемых форм: оба глагола в этом предложении управляют дательным падежом (*вели ему, помочь ему*). С точки зрения говорящего, различие трактовок исходит — как сказали бы мы сегодня — из разных пресуппозиций. Для предложения *Вели ему / помочь* ('чтоб он помог') пресуппозицией является: говорящему известно, что кто-то другой, а не тот, кто обозначен местоимением *ему*, нуждается в помощи; для предложения *Вели / ему помочь* ('чтоб ему помогли') пресуппозицией является: говорящему известно, что в помощи нуждается именно тот, кто обозначен местоимением *ему*.

Пешковским сформулированы собственно синтаксические условия создания формы словосочетания:

1) наличие «бесформенных» слов — предлогов, союзов, частиц («частичных слов»): усилительных, выделительных, отдельно — повелительных, отрицательных и даже «условно» вводных слов;

2) наличие того или иного порядка слов;

3) использование ритма и мелодии;

4) характер связей между словами.

Следует прокомментировать 3-е условие. Речь идет не только о том, что Пешковский приравнивает к словосочетанию, благодаря особому вниманию к ритму и мелодии, «отдельные формы слов» (по Щербе — синтагм), но и о подведении под форму словосочетания односоставных предложений типа *Пожар! Воры!* Объясняет это Пешковский следующим образом.

Первое: здесь есть выражение мысли, а это, по Пешковскому, важно в том числе и для понимания словосочетания, «для того чтобы сочетание слов было словосочетанием, т. е. имело определенный смысл»⁴. Второе: здесь имеются собственно синтаксические средства формы словосочетания (мелодия и ритм). Так что условно это словосочетания, а еще правильнее — «слова в форме словосочетания».

Сопоставление основных признаков словосочетания и предложения выглядит следующим образом:

	Предложение	Словосочетание
Функция	Коммуникативность (завершенность при передаче информации как некоего целого)	Некоммуникативность (незавершенность при передаче информации как некоего целого)
Грамматическое значение	Предикативность	Непредикативность
Грамматическая связь (форма)	Координация (связь сказуемого с под-	Подчинительная связь (согласование, управле-

⁴ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. С. 35–36.

	лежащим) (с учетом модально-временной характеристики)	ние, примыкание) (без учета модально-временной характеристики)
Интонационная характеристика	Законченность, обозначающая конец предложения	Принадлежность одной синтагме

Вопрос. Является ли словосочетание «строительным материалом» предложения?

Ответ. В. В. Виноградов ввел это выражение для того, чтобы определить назначение словосочетания, что сегодня должно восприниматься метафорически, и то для очень немногих случаев. Эта метафора должна рассматриваться в качестве противопоставления другому взгляду на словосочетание (В. П. Сухотин).

Не предложение строится из словосочетаний, а словосочетание возникает в предложении. Критическое отношение к пониманию словосочетания как «строительного материала» предложения проявил уже Д. Н. Шмелев, разбирая предложения типа *Я помню чудное мгновенье...* Он иронизировал: если рассматривать такое предложение с точки зрения выявления «строительных блоков», то оказывается, что *мгновенье* попадает в два блока одновременно: *помню мгновенье* и *мгновенье чудное*⁵.

Кроме того, часто случается, что дополнительная актуализация одного из компонентов словосочетания возникает в пределах предложения. Так, словосочетание *больные ноги* возникает при необходимости актуализации признака в предложении *Больные ноги старушки мешали ей быстро идти*.

⁵ Приведем рассуждение Д. Н. Шмелева полностью: «Анализируя предложение *Он сообщил брату странную новость*, мы вправе, конечно, выделить такие номинативные единицы (словосочетания), как *сообщил брату* и *сообщил новость*. Но будут ли эти единицы действительно «строительным материалом» предложения <...>? Ведь сомнительно уже то, что «строительный материал» предстает в частично удвоенном виде *сообщить брату* и *сообщить новость* — для построения фразы с одним глаголом. Но главное, что вообще этот «строительный материал» подается не к месту строительства «коммуникативной единицы»; наоборот, он образуется при разборе уже готового построения и распределяется по «складам», представленным разобщенными подразделениями, описывающими разные словосочетания» (Шмелев Д. Н. Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. — М. 1976. С. 43).

Дополним эту аргументацию примерами из классической поэзии, где одно и то же стержневое слово обуславливает по коммуникативным требованиям самые разные зависимые компоненты:

*В последний раз Гудал садится
На белогривого коня* (М. Ю. Лермонтов. Демон);

*Измучив доброго коня,
на брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый* (М. Ю. Лермонтов. Демон);

Под ним весь в мыле конь лихой (М. Ю. Лермонтов. Демон);

*Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?* (А. С. Пушкин. Медный всадник)

*Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня* (А. С. Пушкин. Зимнее утро);

*Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый* (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила);

*Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем* (Н. А. Некрасов. Мороз, Красный нос);

*В блестящем наряде на гордом коне
Его пред полком я видала* (Н. А. Некрасов. Русские женщины);

*Уныло Зара перед ним
Коня походного держала* (М. Ю. Лермонтов. Измаил-Бей);

*Верный конь и слон домашний
Под столом его живут* (С. Маршак. Великан).

Словосочетания, подобные приведенным нами, для ряда лингвистов (В. П. Сухотина, Д. Н. Шмелева — прежде всего) являются аргументом в доказательстве тезиса о том, что словосочетание формируется в предложении, а не является его «строительным материалом». Действительно, в реальной речи конкретное словосочетание возникает в рамках предложения. Что же касается его отвлеченного образца, то только в этом случае можно говорить о «строительном материале» предложения. И то с натяжкой.

Воспроизводимыми (готовыми) могут быть лишь словосочетания как художественный прием, когда первая метафора или значимое, повторяемое на протяжении всего романа словосоче-

тание приближается к художественному синтаксическому фразеологизму: *зеленая старуха* — восприятие мальчиком Алешей Пешковым матери отчима в «Детстве» М. Горького, или в «Козлиной песни» К. Вагинова: *неизвестный поэт* там — устойчивое словосочетание, которое постоянно используется даже в названиях глав («*Детство неизвестного поэта*», «*Тепелкин и неизвестный поэт*»).

В шутовом, но серьезном рассказе А. П. Чехова «Что чаще встречается в романах, повестях и т. п.» перечисляются следующие «готовые» словосочетания, ставшие штампами: *обедневший дворянин, тупоумные лакеи, белокурые друзья, рыжие враги, подмосковная дача, заложенное имение на юге, графиня со следами когда-то бывшей красоты*.

В политическом дискурсе возникает целый ряд «идеологических фразеологизмов», которые закрепляются в массовом сознании как идеологемы эпохи.

В толковом словаре Д. Н. Ушакова находим, например, словосочетания, наиболее распространенные в советский период: *антирелигиозное общество, антирелигиозная пропаганда, антирелигиозное воспитание, классовый враг, борьба противоречий, идейное искусство, идейное противоречие, гнилой либерализм, акулы капитализма, внутрипартийная борьба, вредный элемент*.

А вот примеры из «Словаря перестройки» под ред. В. И. Максимова (СПб., 1992): *межрегиональная депутатская группа, театр абсурда* (о советской действительности), *казарменный социализм, дорога к храму, общеевропейский дом, русское зарубежье* и др.

Даже если под «строительным материалом» понимается лишь **отвлеченный образец** (хотя никто закрытого списка отвлеченных образцов словосочетания еще не представлял) — такой образец также невозможно рассматривать в качестве строительного материала для предложения, не говоря уже о том, что при практическом использовании им всегда пренебрегают.

Понятие «строительного материала», воспринимаемое ныне в качестве метафоры, у В. В. Виноградова было тесно связано с определением словосочетания «как единого, но расчлененного понятия». С точки зрения логики, **расчлененное** понятие может

быть обозначено только устойчивым сочетанием (*левое полушарие, Северный полюс* и т. п.). Что же касается других случаев, то они не могут обозначаться наименованием «единое, но расчлененное». Между тем у В. В. Виноградова это не только примеры, подобные приведенным выше, но и такие, как *уехать в Португалию, жить в Китае* и др.

Таков в общих чертах ответ на ваш вопрос.

Словосочетания обычно характеризуются по синтаксическим связям, по морфологическому выражению стержневого компонента и по семантической функции. Поскольку собственно синтаксической является именно связь между компонентами словосочетания, постольку с нее и начнем разговор.

Выделяются следующие типы подчинительных связей:

СОГЛАСОВАНИЕ — подчинительная связь, при которой формы рода, числа, падежа зависимого компонента повторяют формы рода, числа, падежа стержневого компонента: *лютый холод, июльский зной, красная стена*.

УПРАВЛЕНИЕ — подчинительная связь, при которой косвенный падеж зависимого компонента предопределяется лексико-грамматическим значением стержневого компонента: *молиться обо всех, стоять под стеной*.

ПРИМЫКАНИЕ — подчинительная связь, при которой зависимый компонент, выраженный неизменяемой морфологической формой, обнаруживает свою подчиненность стержневому компоненту, главным образом, благодаря контактному расположению: *стоять там, стоять долго*.

Ср. у А. Ахматовой:

*И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною (Requiem).*

Остановимся на каждом из этих типов подробнее.

СОГЛАСОВАНИЕ может быть полным и неполным. В первом случае у обоих компонентов совпадают все названные категории (род, число и падеж): *шумная толпа*; во втором — не все: *город Москва* (нет согласования по роду).

Понятие неполного согласования связывают с двумя основными случаями:

1) при использовании приложения: *Проняло насквозь добра молодца... сном-дремотою, зевотою* (А. К. Толстой);

2) в однородных рядах типа: *очень красивая и отменно некрасивая сестры, поразившие / поразившая гостей*, — где выбор формы зависит от содержательной трактовки (*поразили обе, поразила одна*).

В связи с упоминанием о приложении необходимо коснуться вопроса о выделении главного (определяемого) и подчиненного (определяющего, в данном случае — приложения) компонентов в подобных словосочетаниях. Поскольку оба компонента в них выражены словами одной и той же части речи, а формы их совпадают, разграничение стержневого слова и приложения часто вызывает затруднения. Ср.:

*Он (Онегин. — С. И.) поскорей звонит, вбегает
К нему слуга француз Гильо,
Халат и туфли предлагает
И подает ему белье (А. С. Пушкин).*

В данном случае *француз Гильо* можно квалифицировать как приложение, а *слуга* как определяемый компонент. Основанием для такого решения служит смысловая роль каждого из компонентов в предложении. Иногда для такой дифференциации требуются или значительный контекст, или дополнительные размышления:

*«Мой секундант? — сказал Евгений. —
Вот он: мой друг, monsieur Guillot».*

На представление имени *Гильо* по-французски исследователи уже обращали внимание, полагая, что таким образом подчеркивается стремление Онегина придать своему слуге признаки принад-

лежности к своему кругу (Ю. М. Лотман, В. С. Баевский), так же как замена слова *слуга* текстовым синонимом *мой друг* (наше наблюдение). Получается, что оба компонента имеют значительный смысловой вес, и однозначно определить, какой из них является приложением к другому, невозможно.

Для характеристики случаев, подобных этому последнему, предлагалось даже следующее решение: отказаться от подведения их под категорию согласования (поскольку согласование — вид подчинительной связи, а здесь трудно как раз решить, что чему подчинено) и трактовать их как явления особого типа — как *взаимосвязь*. Если сама мысль об особом типе связи в подобных случаях продуктивна, то выбор термина *взаимосвязь* представляется неоправданным. Более целесообразно назвать такую связь *параллелизмом*.

Представление о *взаимосвязи* применимо, скорее, к связи между подлежащим и сказуемым, обозначаемой термином *координация*. Координация содержит в ряде случаев и элементы согласования: *Гость приехал* и *Гости приехали*. Однако координация ни в коем случае не сводится к согласованию. Поскольку, говоря о согласовании, необходимо четко обозначить объем этого понятия, то есть указать, какие явления под это понятие подводятся, а какие — нет, остановимся на понятии координации подробнее.

Необходимость категориально обособить взаимосвязь подлежащего со сказуемым понятием *координация* диктуется принципиально иным соотношением подлежащего и сказуемого, чем при компонентах словосочетания, находящихся в *подчинительной* (согласовательной) связи. Особенности этого соотношения заключаются в следующем:

1) **инклюзивное уподобление** по лицу (*я напишу, ты напишешь, мы напишем, вы напишете*),

2) **невозможность определить стержневое слово** — то есть отсутствие подчинения, грамматического неравноправия. Зависимость формы *напишу* от *я* мнимая, поскольку равно возможна и другая трактовка: *я* обусловлено формой *напишу*.

Характеризуя координацию как особый тип связи, присущий исключительно компонентам предикативного центра предложения, следует также обратить внимание на:

— более широкую употребительность синтаксических синонимов двусоставных конструкций — односоставных предложений с одним главным членом — личной формой глагола (ср.: *Люблю тебя / Я люблю*): *Неприменно напишу ему письмо*; при повелительном значении *ты* почти невозможно (*Неприменно напиши ему письмо!*); если бы сказуемое было подчинено подлежащему, такое употребление было бы невозможным;

— способность сказуемого облекаться в самые различные морфологические формы: *А я — при исполнении новых обязанностей*; *И банкет — кстати* (неслучайно от квалификации подобных предложений как неполных давно отказались: ведь в коммуникативном отношении они полноценны, в структурном — вполне самодостаточны);

— обязательное наличие у сказуемого показателей времени и модальности — даже при нулевой связке: *Друг спортсмен* (ср. *был спортсменом, будет спортсменом*); *И банкет — кстати* (*был кстати, был бы кстати...*).

Последний признак координации — самый очевидный. Совокупности же названных признаков достаточно, чтобы уяснить глубокое различие между согласованием как видом подчинительной связи в словосочетании и координацией как особым типом связи между компонентами предикативного ядра предложения.

Вставка о координации появилась здесь неслучайно. Это необходимо не только для определения объема связи согласования, но еще и для того, чтобы лишний раз подчеркнуть идею изоморфизма, пронизывающего синтаксическую систему. В данном случае в центре нашего внимания — указание на коррективы к этой идее. **Суть изоморфизма синтаксической системы** заключается не в полной одинаковости связей на разных ее уровнях (как иногда думают), а в **единстве сходного и различного**. Связь управления на уровне словосочетания изоморфна связи между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения нерасчлененной структуры, то есть эти связи имеют одну глубинную природу, но это не означает полного тождества этих связей — отнюдь! Точно так же и связь координации содержит элементы, общие со связью согласования, но ни в коем случае

не сводима к ней. Только при попытках внимания не только к общему, но и к различному (удачных, а иногда не очень) возникает более глубокое представление о специфике связей каждой подсистемы синтаксиса.

Прежде чем перейти к двум другим видам подчинительной связи в словосочетании — управлению и примыканию, — обратимся к обобщенной типологии подчинительных связей, которая была предложена В. А. Белошапковой.

<p>Необязательные связи (бурная) река (мгновенно) остановиться</p>	<p>Обязательные связи любоваться рекой расположиться в палатке</p>
<p>Непредсказуемые связи расположиться</p>	<p>Предсказуемые связи а) любоваться рекой чувствовать природу б) выходить из школы входить в школу в) добрее сестры</p>
<p>Собственно синтаксические связи любоваться (→ объектное значение)</p>	<p>Семантико-синтаксические связи отправиться</p>
<p>рекой зимой самолетом</p>	<p>рекой (место) зимой (время) самолетом (средство)</p>

Подобному обобщению подчинительных связей В. А. Белошапковой предшествовало суждение В. В. Виноградова об относительном значении слова, когда оно в своей реализации требует обязательного грамматико-семантического распространения, — в противоположность абсолютному значению слова, не требующему такого распространения. У А. М. Пешковского это противопоставление получило терминологическое обозначение «сильное (обязательное)» и «слабое (необязательное)» управление⁶,

⁶ Следует обратить внимание на пренебрежение лексико-синтаксической координацией в формулировке учебника под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федо-

ср.: *написать книгу, любить прогулки* — но: *читать в библиотеке, танцевать на вечере*.

УПРАВЛЕНИЕ. Основная характеристика **управления** складывается отнюдь не только из противопоставления сильной / слабой связи. Полнота этой характеристики подразумевает прежде всего детальное описание значений падежных форм зависимых компонентов — как предложных, так и беспредложных. Поскольку обычно это представляется в курсе морфологии, постольку обратим внимание только на следующие примеры, которые иллюстрируют часто допускаемые ошибки в предложном управлении: **убеждение о необходимости, *настаивать о праве, *постановить о нарушении, *указывать об этом* и т. п.

Задание. Прокомментируйте и исправьте ошибки в приведенных примерах. Приведите собственные примеры подобных нарушений. Как вы полагаете, с чем связана частотность таких ошибок?

В связи с только что сказанным надо пояснить разграничение беспредложного и предложного управления. Беспредложное управление не требует предлога, и, как следствие, при одном и том же лексическом значении стержневого компонента употребляется одна-единственная форма зависимого компонента: *любоваться морем, картиной* и т. п.

Предложное управление требует предлога и отличается возможностью разных форм зависимого компонента, поскольку большую роль играет именно предлог. Ср.: *[Книга] лежит на столе, под столом, в столе...* Отсюда возникает возможность существенного уточнения семантики управления⁷.

рук: «Употребление того или иного косвенного падежа, а также предложно-падежного сочетания может вызываться лексико-грамматическим характером главного слова или определяться смыслом речи. В зависимости от этого различаются слабое и сильное управление» (Современный русский язык. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. — М., 1964. С. 221).

⁷ Кстати, именно эта идея существенного взаимодействия стержневого слова с управляемым обнаруживается в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой, где со скрупулезной точностью представлены формы типа *в саду, около сада* и т. п.

Противопоставление слабой и сильной связи можно распространить на согласование и примыкание, начиная с терминов и кончая текстовой реализацией словосочетаний.

Поясним. Даже во фразеологизированном словосочетании (*железная дорога, крупный план, классическая музыка*) формально следует указывать на способ связи. С формальной точки зрения, *железная дорога* и *ухабистая дорога* — примеры согласования, однако первое словосочетание отличается сильной связью, в то время как *ухабистая дорога* — пример слабого (необязательного) согласования. Еще один пример сильного согласования — цельные словосочетания, которые выступают (как и фразеологизированные) в качестве одного члена предложения: *В комнату вошла девушка с голубыми глазами* (опустить *голубыми* невозможно).

Так же и в случаях примыкания. В словосочетании *находиться там* глагол *находиться* требует указания на место, что и выражено наречием. Когда оно становится обязательным при сказуемом-глаголе, требующем по значению обязательного распространения, примыкание может рассматриваться как сильная связь. В предложении: *Скучно вы живете, друзья!* — связь *жить скучно* носит обязательный характер (без примыкающего компонента предложение станет неполным или приобретет совершенно иной смысл) и может рассматриваться как пример «сильного» примыкания. И наоборот, в предложении: *В сегодняшнем концерте известный артист очень выразительно читал стихи Бродского* — связь *читать выразительно* не является обязательной, ее можно рассматривать как пример «слабого» примыкания (примыкающие компоненты при этом можно опустить без ущерба для грамматической полноты предложения). Различия, как и при управлении, вызываются прежде всего характером значения стержневого компонента. Глагол *читать* в значении 'исполнять' требует обязательного распространения словоформой с объектным значением (*читать что*), обстоятельственный же распространитель при нем факультативен. Напротив, глагол *жить* в значении 'вести определенный образ жизни' требует обязательной характеристики этого образа жизни, которая и может быть выражена как примыкающей, так и управляемой словоформой (ср. ах-

матовское: *Я научилась просто, мудро жить — и Я научилась жить без тебя*).

В особых случаях отмечается переход управления в примыкание (для этого есть особый термин *именное примыкание*): *прийти к вечеру, встреча в саду*. (Расширенное понимание примыкания представлено в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 гг.)

ПРИМЫКАНИЕ характеризуется прежде всего тем, что зависимое слово является неизменяемым. Это значит, что при характеристике примыкания решающее значение имеет не собственно форма зависимого слова (поскольку примыкают неизменяемые слова, говорить об их форме затруднительно), а самый факт использования неизменяемого слова, в общем случае — наречия, в частных — простых форм сравнительной степени, инфинитива и деепричастия. И определяется этот факт в большинстве случаев общекатегориальным значением части речи — значением действия, присущим глаголу. Поэтому большинство словосочетаний с примыканием — глагольно-наречные. Отсюда и довольно регулярное употребление этой связи при стержневом слове — отглагольном существительном (*чтение вслух, бег вприпрыжку*) — и крайне редкое употребление этой связи при стержневом слове, которое не является отглагольным существительным: *яйца всмятку*.

Прилагательные же вступают в связь с весьма небольшим числом наречий со значением меры (*очень, весьма* и т. п.), а также со значением места и времени: (*По-военному и по-столичному элегантный брат покори́л всех де́вушек*) — и приближающимися к ним оценочно-выделительными: *по-особому красивая де́вушка*. Разумеется, способностью присоединять примыкающий распространитель обладают качественные прилагательные; относительные же прилагательные приобретают такую способность только при условии перехода в качественные (*удивительно бумажная душа*).

Отдельно следует сказать о словосочетаниях с зависимым инфинитивом, который также обычно квалифицируется как примыкающая словоформа. Случаи типа *попытка убежать, жела-*

ние *доработать*, *стремление достигнуть* представляют собой не просто сочетания отглагольного существительного с инфинитивом, а номинализованные сказуемые: за каждым таким словосочетанием стоит предложение с составным глагольным сказуемым, модальная связка которого в целях компрессии содержания преобразована в существительное (ср.: *Пленник обязательно попытается убежать* → *Попытка убежать удалась пленнику только с третьего раза*; *Автор хочет доработать рукопись* → *Желание доработать рукопись заставило автора забрать ее из издательства*; *Юная актриса стремится достигнуть высот мастерства* → *Эта актриса отличается от многих своих коллег стремлением достигнуть высот мастерства*). Отсюда следует, что в таких словосочетаниях не столько возникает связь примыкания, сколько сохраняется особый вид связи, цементирующий компоненты составного сказуемого⁸; при номинализации сказуемого этот вид связи становится внешне неотличим от примыкания, но не сливается с ним полностью.

Вопрос. Как квалифицировать связь между детерминантом и предикативным центром предложения?

Ответ. В литературе ее называют «детерминированием» (Н. Ю. Шведова), «свободным присоединением» (В. П. Малащенко). Об этих терминах можно сказать следующее.

Термин *детерминирование* никак не раскрывает самую суть этого явления. Термин В. П. Малащенко в отношении раскрытия содержания понятия более выразителен, но только при условии разъяснения компонента *присоединение*. Его понимание затруднено еще и тем, что в теории сложного предложения в него вкладывается существенно иное содержание. В качестве рабочего наименования для данного явления можно предложить термины

⁸ Во многих пособиях, а также в академической Русской грамматике (1980) связь между компонентами составного глагольного сказуемого трактуется как примыкание. Такое решение представляется неоправданным упрощением: ведь примыкание — вид подчинительной связи, а внутри составного сказуемого подчинение увидеть затруднительно. Компоненты сказуемого вступают в особую взаимно-направленную связь, на что указывал П. А. Лекант в своей книге «Типы и формы сказуемого в современном русском языке» (М., 1976. С. 21).

свободное управление и свободное примыкание: Для родителей ты всегда ребенок; Вчера была гроза — с существительным и наречием, так как в языковой системе форма существительного в косвенном падеже характеризует управление, а форма наречия — примыкание.

Вопрос. Как вы относитесь к тому, что в учебнике В. А. Белошапковой словосочетания делятся на два типа — сочинительные и подчинительные⁹?

Ответ. Возможность подвести под категорию словосочетания некоторые сочинительные конструкции оговаривал еще В. В. Виноградов, в основном применительно к тем случаям, когда сочинительное словосочетание может без потери смысла быть заменено соответствующим текстовым синонимом: *Меня любили отец и мать / Родители меня любили*. Такого рода примеры (их очень мало) логически понятны, хотя и они формально уязвимы.

Приведем позицию В. В. Виноградова в более развернутом виде. Она была изложена во Введении к II тому «Грамматики русского языка» 1954 г.: «Таким образом, понятие сочинительных, или однородных, словосочетаний вырастает на почве смешения словосочетаний и так называемых однородных членов предложения, на почве общего неразграничения словосочетания и предложения»;

«Но парные сочетания слов, принадлежащих к одной и той же части речи и соединенных соединительными (а иногда и противительными) союзами, если они **подверглись лексико-семантической стабилизации** (выделено нами. — С. И.), довольно широко употребляются в номинативной функции и тем самым раздвигают пределы словосочетаний в сторону так называемых словесных рядов. Сюда относятся сочинительные словосочетания типа: *отец и мать* (родители), *день и ночь* (сутки), *муж и жена*, *униженные и оскорбленные* и т. п.

Словосочетания, образуемые посредством союзной сочинительной связи, приходится рассматривать как **функциональные**

⁹ Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977. С. 74–75.

(выделено нами. — С. И.)» (Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 1. — М., 1954. С. 42–45).

В. А. Белошапкова же слишком расширяет понимание сочинительного словосочетания, включая в него и все те случаи, где есть или непосредственное метафорически объединяющее слово, как в примере из А. С. Пушкина: [*В гармонии соперник мой Был*] шум лесов иль вихорь буйный, Иль иволги напев живой, Иль ночью моря шум глухой, Иль шепот речки тихоструйной, — или же стержневое слово, обладающее общей семой с компонентами однородного ряда, как в приведенном В. А. Белошапковой пушкинском примере, где общая сема — 'способ передвижения': [*Долго ль мне гулять на свете*] то в коляске, то верхом, то в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком? С точки зрения данной трактовки, попало бы в ряд сочинительных и сочетание *пароходу и человеку* в названии известного стихотворения В. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Но для выражения идеи памяти о человеке в оставленных им делах эффективнее однородный ряд, а не словосочетание.

Такое решение представляется не строго грамматическим, и в учебных целях, на мой взгляд, его следует исключить.

Вопрос. Чем объяснить вашу принципиальную позицию: включать основной синтаксический признак словосочетания — подчинение — в систему синтаксических связей русского языка в целом?

Ответ. Принципиальность этой позиции связана с идеей изоморфизма, которую последовательнее всех других отстаивала В. А. Белошапкова. Смысл этой позиции весьма глубок. Он позволяет наглядно обнаружить те системные связи, которые существуют между единицами подсистем синтаксиса: словосочетанием, простым предложением, сложным предложением (а для некоторых лингвистов, например, для Т. В. Шмелевой, — и ССЦ).

Общность связей, проявляющихся в подсистемах синтаксиса, наиболее ярко подчеркивает его единство, предостерегает от той изолированности в рассмотрении каждой из подсистем, которая подчас встречается при чтении курса.

Субстантивно-	адъективные:	<i>красивая девочка, раннее утро</i>
	субстантивные:	<i>дом Пушкина, шляпа королевы</i>
	адвербиальные:	<i>кофе по-варшавски, дом напротив</i>
	инфинитивные:	<i>попытка уехать, желание петь</i>
Глагольно-	субстантивные:	<i>послушать песню, увлечься спортом</i>
	адвербиальные:	<i>бегать быстро, учиться старательно</i>
	инфинитивные:	<i>поехать учиться, предложить объяснить</i>
Адъективно-	субстантивные:	<i>жалостливый к животным, глубокая по мысли</i>
	адвербиальные:	<i>весьма хороший, очень известный</i>
Адвербиально-	адвербиальные:	<i>очень неудачно, отменно хорошо</i>

Правомерно ли традиционное наименование морфологических типов словосочетаний только по стержневому компоненту (глагольные, именные и т. д.)? В самом деле, чаще принято давать название словосочетания по стержневому компоненту, от которого зависит подчиненный. Это неправомерно. Сам тип связи определяется и формой зависимого компонента. Ср. два словосочетания: *красивая девушка* (субстантивно-адъективное) / *дева красоты* (субстантивно-субстантивное). Они различаются лексически, морфологически, синтаксически и стилистически, поэтому одной характеристики *субстантивное словосочетание* явно недостаточно.

Вопрос. Можно ли сводить характеристику стержневого слова к следующему: «слово, от которого задается вопрос»?

Ответ. Сущность главного (стержневого) слова необходимо пояснить, поскольку рекомендация по определению главного (стержневого) слова часто сводится к указанию на то, что именно от него ставится вопрос к зависимому. Между тем в принципе (и в речевой практике это бывает) можно поставить вопрос и от зависимого компонента: *Постели белую скатерть. — Белую что?* Поэтому ссылка только на вопрос от стержневого слова к зависимому — неточность.

Главным (стержневым) словом является то, которое выступает в форме, требуемой не его связью в данном словосочетании, а **зависимостью от другого** компонента предложения, в то время как форма зависимого компонента предопределяется непосредственно в пределах данного словосочетания. При согласовании, как известно, она предопределяется родом, числом, падежом стержневого слова: *красивый голос*. При управлении — лексико-грамматическим значением стержневого слова: *восхищаться голосом*. При примыкании же, как уже было сказано, предопределяется не собственно форма зависимого слова, а самый факт использования неизменяемого слова. И определяется этот факт в большинстве случаев общекатегориальным значением части речи — значением действия, присущим глаголу.

Проиллюстрируем специфику стержневого и зависимого компонентов примером из книги Дм. Быкова «Был ли Горький?»:

Меру более самоубийственную трудно было придумать (речь идет о запрещении цензурой «Весенних мелодий» в полном виде — и о разрешении напечатать «Песню о буреветнике», ставшую манифестом первой русской революции. — С. И.). В словосочетании *меру более самоубийственную* форма компонента *более самоубийственную* определяется непосредственно формой стержневого слова *меру*, которое представлено женским родом, множественным числом и винительным падежом, форма же компонента *меру* — его связью с **другим** компонентом предложения *придумать*.

Именно это обстоятельство побудило синтаксистов различать понятия *слово* и *словоформа*: при согласовании стержневое слово именуется словоформой (именно форма стержневого компонента учитывается в формировании словосочетания), тогда как при управлении важно **лексическое значение** стержневого слова (формы могут быть различными: например, личная форма глагола, инфинитив, причастие и деепричастие и т. д.): *увидел сестру, увидеть сестру, увидевший сестру, увидев сестру*.

Семантические виды словосочетаний определяются отношением, возникающим между стержневым и зависимым компонентом. Зависимый компонент может обозначать (по отношению к главному) объект, субъект, атрибут и т. д. На этом и основана следующая — наиболее распространенная — классификация:

Объектные	посадить дерево, воспитать ребенка, написать книгу, сшить платье, почувствовать красоту, радоваться встрече, заниматься литературой, увлекаться музыкой, управлять государством
Субъектные	открытый Ломоносовым закон, выявленная Шахматовым специфика одноставных предложений
Атрибутивные	интересная книга, чтение вслух, житейская мудрость, целительная мудрость, седая мудрость
Обстоятельственные	въехать в город, выйти из дворца, отойти от окна
Количественные	три девушки, несколько книг

При семантической характеристике можно также воспользоваться идеей Т. А. Тулиной, разделившей все словосочетания на прямые и опосредованные.

()

I. Семантически непосредственные словосочетания:

*В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.* (А. С. Пушкин)¹⁰

¹⁰ Большая и прозрачно выраженная конкретность непосредственных словосочетаний представлена здесь эпитафией сыну декабриста С. Г. Волконского, бывшего на каторге с приехавшей к нему женой, урожденной М. Н. Раевской (дочкой знаменитого героя Отечественной войны 1812 года и правнучкой М. В. Ломоносова). Ср. в этом примере два принципиально разных и тонко использованных поэтом словосочетания: «благословляет мать» и «молит за отца».

II. Семантически опосредованные словосочетания:

...вставала при свечах она (А. С. Пушкин) (ср. *вставала рано утром*);

Если дозировка соблюдена, то моющий эффект будет одинаковым (Наука и жизнь) (Ср.: *эффект от применения моющего средства*).

Противопоставление прямых (неопосредованных) и опосредованных словосочетаний основано на том, что последние имеют эллиптическую природу, вызванную пропуском того или иного структурно-смыслового компонента. Семантически неопосредованным словосочетанием называется словосочетание, которое представлено в данном контексте как семантически исчерпанное. Опосредованным же называется такое, которое в данном контексте требует особого пояснения: *вставала при свечах* — то есть самым ранним утром.

Семантические отношения между стержневыми и зависимыми компонентами словосочетаний позволяют «получить ответ на вопрос: как мыслят русские?» (Ю. Н. Караулов). В «Ассоциативном словаре русского языка» отражена картина сочетаемости компонентов в массовом употреблении: реакциями на слово *муж* оказываются прилагательные *верный* (29), *любимый* (27), *хороший* (20), *любящий* (14), *мой* (11), *чужой* (10), *неверный* (5), *добрый* (5), *дорогой*, *заботливый*, *плохой* (4).

Включение в состав единиц синтаксиса не только предложения, но и словосочетания, утвердившееся в русистике с момента выхода в свет академической «Грамматики русского языка» 1952–1954 гг., породило вопрос о соотносительности членов предложения и компонентов словосочетания. В учебно-методической практике он решался достаточно примитивно: каждому компоненту словосочетания придавался и статус члена предложения, выбранного, соответственно, из традиционной триады второстепенных (определение, дополнение, обстоятельство) и главных

членов предложения. Это противоречило, однако, тезису «Граматики-54» о том, что «строительным материалом» предложения является словосочетание, предполагающему, казалось бы, прямую ориентацию при анализе предложения на компонент словосочетания. Так, например, отношения атрибутивного характера в словосочетании типа *звонкий голос* должны переноситься в этом же качестве и в предложение (термин *определение* становится при этом избыточным): *И скоро звонкий голос Оли В семействе Лариных умолк* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). Так поступили авторы раздела «Синтаксис» Русской грамматики (1980).

Представляется, что статус *члена предложения* могут приобретать **отнюдь не все компоненты словосочетания** (в связи с этим вспоминаются известные споры об определении, которое ряд синтаксистов, не смущаясь, выводил за пределы членов предложения). Однако «относиться» к членам предложения могут компоненты, характеризующиеся не только подчинительной связью, но и координацией (главные члены), и детерминанты, а также обособленные члены предложения (ведь в данном случае можно обнаружить, в результате появления **полупредикативности**, возможность перехода компонента словосочетания в «повышенный» разряд — в состав членов предложения).

Поясним это последнее замечание. Отнесенность обособленного определения *испуганная грозой* к членам предложения, благодаря полупредикативности, особенно проявляется при сравнении с общим с ним по смыслу предложением, где полная предикативность передается собственно личной формой глагола *испугалась*:

Девочка, испуганная грозой, бросилась бежать (полупредикативные отношения) / *Девочка испугалась грозы и бросилась бежать* (предикативные отношения).

Для выбора решения, связанного как с первой позицией (допущение параллелизма в рассмотрении словосочетания и членов предложения: определение — атрибутивное словосочетание, дополнение — объектное словосочетание и т. д.), так и с позицией Русской грамматики (1980), есть основания в практике грамматического разбора.

Словосочетания делятся на свободные (1) и несвободные, или цельные (2):

1) *Мы печально провожаем голубые корабли* (*печально провожаем, провожаем корабли, голубые корабли*); в свободном словосочетании связь и семантика таковы, что срастания компонентов не происходит, каждый из них может рассматриваться не только как компонент словосочетания, но и как член предложения;

2) ***Восемь лет*** *я не был в Горюхине* (А. С. Пушкин) (а также: *с голубыми глазами, с бледным лицом* и т. п.). Несвободные (цельные) словосочетания выступают в роли одного члена предложения.

Такова синтаксическая, морфологическая и семантическая характеристики словосочетания.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Сокровенная связка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39. 1980. № 4.
2. *Курилович Е.* Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М., 1962.
3. *Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. — М., 1976.
4. *Распопов И. П.* Сказуемое как конструктивный центр предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. — Л., 1975.
5. *Храковский В. С.* Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // Вопросы языкознания. 1983. № 3.
6. *Чернов В. И.* Именные предикативные конструкции в современном русском языке. — М., 1985.
7. *Чернов В. И.* Конструкции с знаменательными связками в современном русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1986. № 1.
8. *Юрченко В. С.* Сказуемое (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1977. № 6.

Академик А. А. Шахматов выделил в синтаксическом строе русского языка два типа простых предложений: односоставное и двусоставное (основное). Поскольку в центре нашего внимания будут двусоставные предложения, ограничимся лишь примером, напоминающим сразу о двух типах односоставных предложений:

В доме темно. Сладко пахнет полуувядшей осокой. Тишина
(А. И. Куприн).

Двусоставным называется предложение, грамматический центр которых состоит из двух взаимообусловленных главных членов — подлежащего и сказуемого:

Наступила весна (А. П. Чехов);
И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил (Б. Пастернак);
Свобода не бывает тайной (В. Пелевин);
Неловкое молчанье наступило опять (А. Белый);
Человек есть существо противоречивое (Н. Бердяев);
В камни стрелять — стрелы терять (посл.);
Нередко мысль рождается сразу в стихотворной счастливой рубашке (А. Кушнер).

Подлежащее и сказуемое — взаимообусловленные и равноправные члены предложения. «По своей роли в организации предикативной основы предложения, в его распространении, а также в организации целого текста падежная форма имени не менее значима, чем спрягаемая форма глагола»¹.

Следует, однако, обратить внимание на то, что в «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой термин *главные члены* употребляется для наименования не только подлежащего и сказуемого, но и других компонентов, которые входят в структурную схему. (Компоненты, не входящие в структурную схему, а лишь распространяющие ее, названы *распространяющими членами*.) «Русская грамматика» существенно расширяет понятие главных членов: признавая главными членами (и включая их в структурные схемы) **оба** компонента предложений типа *Нет воды*, *Прибавилось воды* и др., авторы были вынуждены использовать в качестве базового понятие *главные члены* (но не *подлежащее* и *сказуемое*), ибо в противном случае им пришлось бы утверждать возможность выражения подлежащего формой родительного падежа имени существительного (ср. формы *воды* в двух приведенных примерах).

Хотя выше было сказано, что подлежащее и сказуемое — взаимообусловленные и равноправные члены предложения, в

¹ Русская грамматика: В 2 т. Т. II. Синтаксис. — М., 1980. С. 454.

грамматической теории издавна существуют точки зрения, утверждающие их неравноправие.

1. Согласно одной из них, более существенным из главных членов является подлежащее — как абсолютно независимый член предложения (Л. А. Булаховский)².

Эта позиция, судя по определению, была принята и в «Грамматике русского языка» (Т. II. — М.: АН СССР, 1954). Приведем это определение: «Подлежащее — это главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложения, выраженный обычно именем существительным, местоимением или другими склоняемыми словами в форме именительного падежа и обозначающий предмет (в широком смысле этого слова), признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется в сказуемом» (С. 370).

2. Согласно второй точке зрения, более существенным из главных членов является сказуемое (вербоцентрический подход: А. М. Пешковский, И. П. Распопов, В. С. Храковский). Еще ранее А. А. Дмитриевский выдвигал идею одного главного члена — сказуемого³. Отстаивая «права» подлежащего, Д. Н. Овсяннико-Куликовский называл его «виновником акта предикации».

Подлежащим называется главный член двусоставного предложения, выраженный, в общем случае, именительным падежом имени, который обозначает лицо, предмет, явление — носителя признака, который представлен сказуемым.

² Булаховский Л. А. Грамматика современного русского литературного языка. — Киев, 1952.

³ Дмитриевский А. А. Опыт учебника русского синтаксиса для младшего возраста // Филологические записки. — Воронеж, 1880. № I. С. I–III, 1–26; № 2. С. 27–62; *его же*. Практические заметки по русскому синтаксису // Там же. — Воронеж, 1877. №№ 3–4; 1878. №№ 1, 2, 4. Подлежащее А. А. Дмитриевский предлагал уравнивать с дополнениями. Аналогичное решение находим и у создателя структурного синтаксиса Л. Теньера (1893–1954), который именовал все падежные формы, группирующиеся вокруг сказуемого, *актантами*, при этом называя тот из них, который мы квалифицируем как подлежащее, *первым актантом* (Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988 [оригинальное издание: *Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale*. — Paris, 1959]).

Странный гость побывал у меня в феврале (Б. Ахмадулина);
Разумный эгоизм все равно рано или поздно обернется пустотой и одиночеством (М. Рошин);
Я отправился в Святогорский монастырь (С. Довлатов);
Пьеса кончена! (А. П. Чехов);
В бесконечных буднях и горе — праздник, и пожар — забава, на пустом лице и царапина украшение (М. Горький);
Я поэт. Этим и интересен (В. Маяковский);
Детская изобретательность безгранична (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

Кроме имени существительного, собирательного или количественного имени числительного, местоимения, подлежащее может быть выражено субстантивированным прилагательным, причастием, порядковым числительным, а также инфинитивом.

Город в этот ранний час был почти пуст (К. Паустовский);
Все ярко, все бело кругом (А. С. Пушкин);
И сразу оба замолчали (П. Антокольский);
Уходящие скрылись (Л. Соловьев);
Жертвовать собою для счастья других было привычкой Сони (Л. Толстой).

Особую группу составляют количественно-именные словосочетания в роли подлежащего:

Часа за два до рассвета двадцать четыре человека вышли на лед (А. Толстой);
Несколько раненых шли по дороге (Л. Толстой);
С Обуховского завода четыре тысячи рабочих идут на Невский (А. Толстой. Сестры);
В санях сидело три ямщика и баба (Л. Толстой. Хозяин и работник);
Зайцев с десятка спасалось на нем (бревне. — С. И.) (Н. А. Некрасов. Дед Мазай и зайцы);
Около шестисот арнаутов рассыпались по Бессарабии (А. С. Пушкин. Кирджали).

В таких случаях есть определенные тонкости в выборе формы числа сказуемого. В качестве справочного пособия можно

использовать академическую «Граматику русского языка» 1954 г., а помимо Граматики-54 — известный и удачный опыт Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской⁴.

В этот вечер у Нины Яковлевны сидело с десяток гостей (В. Я. Шишков. Угрюм-река);

У князя в сакле собралось уже множество народа (М. Ю. Лермонтов. Бэла).

В дореволюционное время слуги, говоря о барине и барыне, употребляли множественное число, хотя имелся в виду один человек:

Третьего дня Петр Сергеевич приехали (А. П. Чехов. Вишневый сад. Реплика Дуняши);

Госпожа какая-то вас спрашивают-с (И. С. Тургенев. Холостяк. Реплика слуги Вилицкого — Митьки).

К подлежащим относят и количественно-именные сочетания с предлогами *около*, с:

Около тысячи человек спали вместе (Н. В. Гоголь);

Прошло, вероятно, около года (В. Г. Короленко);

Прошло, вероятно, с год;

Прошло минут с десять (Ф. М. Достоевский).

Возможность признания таких сочетаний подлежащими дает наличие при них сказуемого — такого же, как и при именительном падеже имени: *Прошло два года*.

Занимать позицию подлежащего могут и самые различные субстантивированные грамматические формы:

⁴ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. — М.: Наука, 1976. В этом словаре приведены не только варианты форм, но и данные по реальному их употреблению. При этом дается почти исчерпывающая библиография, включающая и статьи крупных филологов, в частности: Шмелев Д. Н. Некоторые особенности согласования в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1962. № 4.

*Невозможное было возможно.
Но возможное было мечтой (А. Блок);
Прошло вчера. Проходит завтра (П. Антокольский);
И не однажды самых бойких
Влекло безумное «сбежим!» (П. Антокольский);
Это «не хочу» поразило Антона Прокофьевича (Н. В. Гоголь);*

Между лавок опять появился богатенький в каракулях, он утирался белым с бахромой полотенцем. Утершись, каракулевый где-то там наверху у себя неожиданно заговорил: — А через час Сызрань. — Уже Сызрань? — преувеличенно удивился Петр, который за каждым движением каракулевого следил обожающими и завистливыми глазами. Но каракулевый ничего не ответил (А. Г. Малышкин. Люди из захолустья).

Подлежащее может быть представлено и фразеологизированной моделью: *Нищие — и те при этих словах замерли.*

Предложения, в которых форма выражения подлежащего совпадает с формой выражения сказуемого, принято называть **предложениями тождества**.

Номинативно-номинативные: *Поэт — эхо мира (М. Горький);
Эпитеты — одежда слов (В. Солоухин).*

Инфинитивно-инфинитивные: *Любить — значит бороться и побеждать (М. Горький).*

При практическом разборе предложений тождества нередко возникают трудности отграничения подлежащего от сказуемого, которое, как правило, обладает оценочным компонентом значения и следует за подлежащим:

Молчание — самая удобная форма лжи (Д. Гранин).

В ряде же случаев для квалификации подлежащего и сказуемого в предложениях тождества приходится прибегать к контексту:

Моя трагедия — почерк. Напишешь новую книгу — 200–300 страниц, а разобрать никто, кроме меня, не может. Приходится все написанное передиктовывать машинистке. Пока лежит передиктованное, думаешь с боязнью: ну как умрешь, так никто и не прочтет никогда, что я тут написал (В. Солоухин).

В данном случае целесообразно слово «трагедия» считать подлежащим (во всяком случае, если к этому члену предложения подходить с точки зрения актуального членения, это тема — исходный пункт высказывания, в то время как *почерк* — рема, т. е. то, что сообщается о теме). Обратим внимание, что во всех последующих предложениях так или иначе повторяется тема почерка (*напишешь; разобрать никто, кроме меня, не может; написанное; что я тут написал*). Иначе говоря, рема продолжает свою работу по развитию идеи почерка, заявленной в первом предложении.

Ограниченность подлежащего в способах выражения позволяет представить его суть весьма лаконично, подчеркивая два его признака: наличие внешнего показателя абсолютной его независимости; ограниченность в способах выражения.

Продемонстрированная выше зависимость формы числа сказуемого от подлежащего лишней раз указывает на присутствие элементов согласования в **координации** — **связи между сказуемым и подлежащим**, принципиально отличающейся от согласования прежде всего тем, что она всегда сопровождается модально-временной характеристикой, ср.: *Мне вспоминалась грустная сестра / Сестра была грустная.*

Сказуемое — главный член двусоставного предложения, обозначающий признак субъекта (представленного подлежащим) и выраженный спрягаемой формой глагола (или включающий ее).

Станция пряталась в березовой роще (Б. Л. Пастернак);

День был пасмурный (Н. Д. Телешов);

Недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть (Н. А. Некрасов).

Поясним в самом общем виде приведенное определение, сравнив его с определением, данным в учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой: «Сказуемое — главный член предложения, который обозначает то, что говорится о предмете речи» (с. 175).

В этом определении обращается внимание лишь на один существенный признак сказуемого: необходимость его связи с подлежащим. Эта необходимость подтверждается и приведенными в разьяснении стандартными вопросами: *Что делает предмет? Какой он? Кто он такой? Что такое предмет?*

Вопросы (известная и достаточно удачная методическая находка) почти исчерпывающе характеризуют грамматическую семантику сказуемого, ср.: *(Он) бегаёт / красивый / футболист.*

Но в определении необходимо указать на способ выражения сказуемого, хотя бы на его основу — спрягаемую форму глагола: без спрягаемой формы нет и сказуемого. Спрягаемая форма может присутствовать и в качестве так называемой связки, в том числе и в варианте, который принято называть *нулевой связкой*:

Евгений Онегин — ∅ фигура трагическая⁵.

Наличие нулевой связки выявляется путем изменения модально-временной характеристики предложения. Если в рассматриваемом предложении имеется нулевая связка, то при переводе предложения в план прошедшего, будущего времени или одного из ирреальных наклонений связка обязательно принимает материально выраженный характер («всплывает»):

Евгений Онегин был (был бы... и т. д.) фигурой трагической.

Сравнительному однообразию способов выражения подлежащего противостоит большое разнообразие способов выражения сказуемого, что обусловлено его функцией — носителя признака — и сложностью его значения.

В значении сказуемого целесообразно различать два компонента: грамматический и собственно смысловой. **Грамматический компонент** — это совокупность значений 1) наклонения, 2) времени (при изъявительном наклонении), 3) лица или рода, 4) числа. Эта совокупность значений образует базис конкретного значения категории предикативности, присущего данному пред-

⁵ ∅ — знак нулевой связки.

ложению, причем первостепенную роль для выражения предикативного значения играют наклонение, время и лицо, в то время как род и число играют роль согласовательных значений, обеспечивающих связь сказуемого с подлежащим.

Существует ли в языке морфологическое средство, способное выразить все указанные значения? Да, — и причем только одно: спрягаемая форма глагола. Более того: в языке нет другого средства, которое могло бы *морфологически* выразить значения наклонения и времени. Именно по этой причине сказуемого без спрягаемой формы глагола, как уже сказано, быть не может.

Смысловой компонент значения сказуемого выражается либо основой спрягаемой формы глагола (в случае простого глагольного сказуемого), либо отдельным знаменательным словом — в составных сказуемых.

Классификация типов сказуемых основана на способе выражения грамматического и смыслового компонентов значения сказуемого. В случае, когда оба компонента выражены одной глагольной формой, говорят о простом глагольном сказуемом (*Грачи прилетели; Игра началась*). В тех же случаях, когда грамматический и смысловой компоненты значения распределены между отдельными словоформами, говорят о составных и сложных сказуемых (*Я поэт; Метель начала подниматься*). Дальнейшие разграничения связаны с морфологическими способами выражения смыслового компонента значения сказуемого.

Простое (элементарное) сказуемое	Совмещение обоих компо- нентов значе- ния в одной форме слова	<i>На чужом языке мы теряем восемь- десять процентов своей личности</i> (С. Довлатов)	
Составное (неэлементар- ное) сказуемое	Распределение компонентов значения между связкой и при- связочной частью	<i>Ночь становилась холодна</i> (Л. Мар- тынов) ↓ грамм. компонент (изъявительное накл., прош. вр., ед. ч.) + зна- чение становления признака	↓ Смысловой компонент (собственно признак)

Выделяются следующие типы сказуемых:

- Простое глагольное сказуемое: *Все чаще я по городу брожу* (А. Блок).
- Составное глагольное сказуемое: *И вдруг вся толпа кинулась бежать* (Л. Чуковская).
- Составное именное сказуемое: *Супружество нам будет мукой* (А. С. Пушкин).
- Сложные сказуемые (состоящие из более чем двух компонентов): *Я должен был объясниться* (А. П. Чехов); *Я должна стать невицей*.
- Осложненное сказуемое: *Снег так и валил мягкими хлопьями* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

Следует иметь в виду, что из всех названных типов сказуемых лишь два являются **базовыми**: **простое глагольное** и **составное именное** с т. н. **формальной связкой**. Все остальные типы сказуемых производны от этих двух базовых и при анализе могут быть сведены к одному из них. Это замечание существенно для анализа предложения с точки зрения реализации в нем той или иной структурной схемы. Дело в том, что во всех существующих перечнях структурных схем русского предложения учтены лишь названные базовые типы сказуемых; использование же в предложении сказуемого производного типа интерпретируется как **модификация** структурной схемы (подробнее об этом см. в параграфе, посвященном структурной схеме предложения).

Простое глагольное сказуемое (ПГС) представлено любой спрягаемой формой глагола, выражающей одновременно грамматический и смысловой компоненты значения сказуемого:

- Ты не веришь* словам без искусства (А. Ахматова);
- Заговорило сразу десять человек* (М. Горький);
- Век скоро кончится, но раньше кончусь я* (И. Бродский);
- Борис тотчас его бы разуверил* (А. С. Пушкин);
- А ты, младое вдохновенье,*
Волнуй мое воображенье (А. С. Пушкин);

*Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети (А. Ахматова);
Медсестра невесело засмеялась (Т. Толстая);
Иван Антоныч, принесите плеть!
Сейчас дер Гольдберг будет петь! (Д. Хармс).*

Следует особо оговорить случаи типа последнего, ср. также: *Мальчик будет хорошо плавать*. Сказуемое здесь также простое глагольное (*будет* не связка, а собственно морфологический способ выражения будущего времени глагола несовершенного вида: сказуемое выражено составной формой буд. вр.). Ср.: *Мальчик скоро начнет хорошо плавать* — составное глагольное сказуемое: *начнет* — факт не морфологии, а синтаксиса — связка.

ПГС может быть выражено и фразеологизмом (*С утра до ночи мальчишки били на даче баклуши*).

Простое глагольное сказуемое, как и любой другой тип сказуемых, может быть осложнено. Покажем способы осложнения сказуемого на примере ПГС.

Понятие осложнения сказуемого было предложено Н. Ю. Шведовой. Она же выделила и подтипы осложнения. Перечислим их.

1. Повтор личной формы глагола, иногда с участием союзов:

*А сердце забилося, забилося (А. И. Куприн);
А бедный Илюша ездит да ездит учиться к Штольцу (И. А. Гончаров).*

2. Использование конструкции *инфинитив + спрягаемая форма одного и того же глагола*, иногда с участием частицы *то*:

Стрелять не стреляет, а ружье держит (Н. В. Гоголь).

Позиция инфинитива при использовании этого типа осложнения фиксирована: он находится в начале предложения, так как выражает — с точки зрения актуального членения — тему высказывания, что и подчеркивается частицей *то*, а в следующем примере еще и союзом *а*:

— Посуди, товарищ командир, легко ли нам, все ноги посадили без обуви-то. А *пойти-то*, конечно, *пойдем* (А. Гайдар).

3. Использование конструкции *спрягаемая форма глагола взять + союз и (да и) + спрягаемая форма (основного) глагола*:

*Только под ногами временами
Вдруг **возьмет** и глухо **хрустнет** снег,
Как о выстреле воспоминанье* (Л. Мартынов).

Хотя форма глагола *взять* в подобных предложениях является спрягаемой, по функции она приближается к модальной частице (один из парадоксов русской грамматики!), внося в сказуемое оттенок неожиданности, непредсказуемости, осуществления действия вопреки каким-либо обстоятельствам:

*Дама от этого отказывалась, говоря: «Нет, нет, меня не будет дома!» — а Степа упорно настаивал на своем: «А я вот **возьму да и приду!**»* (М. Булгаков)

4. Использование при глаголе частиц *так и*, *было*, *чуть не*:

*А солнышко **так и греет, так и греет*** (Д. Н. Мамин-Сибиряк);
*Тарантьев **ушел было** в переднюю, но вдруг воротился опять* (И. А. Гончаров);
*Экипаж доктора **чуть не опрокинулся*** (Ю. Олеша).

К названным типам осложнения целесообразно добавить еще один, **пятый**: выражение сказуемого аналитическими сочетаниями, имеющими отчасти фразеологизированный характер:

*Будто я — бригадный командир одной из стрелковых дивизий, **веду наступление** в Карпатах* (М. А. Шолохов).

Глагол в таких сочетаниях имеет обедненное, почти формальное значение (которое всегда является производным, отличным от прямого номинативного значения), и только все сочетание целиком имеет смысл. Поэтому такое сочетание всегда может быть заменено одним глагольным словом (*веду наступление* = *наступаю*) и функционирует как один компонент предложения.

В приведенном примере — простое глагольное сказуемое, выраженное аналитическим фразеологизированным сочетанием. Подобные сочетания принадлежат книжному типу речи и широко распространены в официально-деловом и научном стилях, хотя нередко примеры использования их и в других стилях:

*Кажется, ваша история там (в Петербурге. — С. И.) **наделала много шума**...* (М. Ю. Лермонтов) (*наделала шума = нашумела*);

*На данном этапе исследования мы **проводим анализ** функционирования модальных частиц в сложном предложении (проводим анализ = анализируем);*

*В настоящее время экспертная комиссия **осуществляет проверку** подлинности найденных документов (осуществляет проверку = проверяет).*

Очень часто такие сочетания выступают в роли связки составного сказуемого:

*Уважаемый Игорь Николаевич, вы **имеете возможность ответить** своим оппонентам (имеете возможность ответить = можете ответить);*

*Предложенная в диссертации методика исследования **дает возможность выявить** новые аспекты рассматриваемой проблемы (дает возможность выявить = позволяет выявить).*

В обоих приведенных примерах составное глагольное сказуемое, в котором аналитическое сочетание выступает в роли модальной связки.

В составных сказуемых, как уже было сказано, выражение смыслового и грамматического компонентов значения распределено между вспомогательным глаголом — связкой — и присвяточной частью.

Следует, однако, иметь в виду, что **связка** в строгом смысле этого термина — только глагол *быть* в спрягаемой форме; только этот глагол выполняет исключительно функцию выражения грамматического компонента значения сказуемого. Все остальные глаголы, выступающие в качестве связок, передают, помимо

грамматического компонента, дополнительные значения, так или иначе характеризующие признак (в широком смысле), выраженный присвязочной частью.

Составные сказуемые принято различать по способу морфологического выражения присвязочной части: в составных глагольных сказуемых (СГС) это инфинитив, в составных именных сказуемых (СИС) — имя или наречие. Однако этот критерий не вполне надежен, а главное — не вполне отвечает реальному положению дел. Присвязочный инфинитив может иметь место и в СИС: *Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка. В примере подлежащее — *долг*, сказуемое — *защищать*: составное именное с нулевой формальной связкой, ср. синтаксический синоним: *Долг наш — защита крепости до последнего нашего издыхания*).

Более надежным критерием разграничения СГС и СИС является тип связки. Каждому типу сказуемых свойственны свои типы связок; в русском языке есть только один глагол, который может выступать в качестве связки как в СГС, так и в СИС, — *стать* (примеры см. ниже).

Типы связок СИС могут быть классифицированы в двух аспектах: по характеру значения с точки зрения его полноты и собственно по значению.

В первом аспекте различаются следующие типы связок:

1) формальная — глагол *быть* в спрягаемой форме, в том числе в нулевой форме настоящего времени.

*Я поэт, и был поэт⁶,
И поэтом я умру* (К. Бальмонт).

Лексическое значение глагола *быть* в функции формальной связки практически сведено к нулю. Между тем этот глагол мо-

⁶ *был поэт, буду поэтом* отличается от *буду неть*: при существительном «быть» не указывает на морфологическое время (его у имен нет), а выражает синтаксическое время предложения в целом.

жет выступать и в своем полном лексическом значении, служа простым глагольным сказуемым, ср. известный диалог:

— Видишь суслика? — коптер показал в поле.
— Нет, — честно признался я.
— И я не вижу. А он — **есть**, — глубокомысленно проинформировал Гера (И. Охлобыстин, Р. Качанов. ДМБ);

2) полузнаменательная — глаголы *являться, казаться, стать, становиться, слыть, притворяться, представляться* и др. Название «полузнаменательная» обусловлено тем, что в функции связки эти глаголы выступают в обедненном лексическом значении, ср.: *Молодой офицер четко, по-военному, **представился** жене командира — и Ваше решение **представляется** мне **неудачным***. Важным признаком полузнаменательной связки является возможность заменить ее формальной связкой: при этом исчезает оттенок смысла, но сама грамматическая конструкция не разрушается⁷. Ср.:

*Важным признаком данного заболевания является высокая температура →
Высокая температура — важный признак данного заболевания.*

3) знаменательная — глаголы движения и положения в пространстве:

Бенгальский стоял красный, а Римский был бледен (М. Булгаков).

Этот пример особенно показателен: формальная связка в *Римский был бледен* со всей очевидностью подчеркивает связочную функцию глагола *стоял*.

СИС с т. н. знаменательной связкой⁸ представляют собой результат контаминации простого глагольного сказуемого и СИС с формальной связкой:

⁷ Эту особенность полезно использовать в качестве критерия в практическом анализе.

⁸ «Знаменательная связка» — термин, строго говоря, оксюморонного характера, поскольку связка есть по определению вспомогательный компонент сказуемого, который как бы не должен иметь самостоятельного лексического значения.

+ Бенгальский стоял
Бенгальский был красный

Бенгальский стоял красный

Эту особенность полезно иметь в виду в практике анализа предложения: предположение о данном типе сказуемого проверяется путем разложения его на ПГС и СИС с формальной связкой.

С точки зрения собственно значения различаются следующие типы связок:

1) нейтральные (*быть, являться*):

Окончательное условие истинного всечеловечества есть свобода (В. Соловьев);

Литература в России всегда была всем, в том числе парламентом (А. Кушнер);

2) со значением становления признака во времени (*стать, становиться, делаться*):

Ночь становилась холодна (Л. Мартынов);

3) со значением модальности недостоверности (*казаться, слыть, притворяться*):

По прошествии лет молодость казалась яркой и значительной (Л. Улицкая);

4) со значением движения и положения в пространстве:

Пушкин вышел вперед бледный и решительный (Ю. Тынянов).

В качестве присвязочной части в составных именных сказуемых может выступать:

1) имя существительное (в им., твор. и др. косвенных падежах):

Ведь жалость — сестра презрения (А. И. Куприн);

Поэтическая мысль не подлежит пересказу: высказанная в прозаической форме, она становится либо банальностью, либо абсурдом (А. Кушнер);

Зачем у вас я на примете? (А. С. Пушкин)⁹;

2) имя прилагательное:

Мир без песен неинтересен (Л. Мартынов);

3) местоимение:

Тарантас мой (М. Е. Салтыков-Щедрин);

Аркадина. *Ты мой... ты мой, и этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой* (А. П. Чехов);

4) причастие:

Сырая ночь окутана туманом (Э. Багрицкий);

5) наречие:

Разгадка мрачного настроения доктора была налицо (Д. Н. Мамин-Сибиряк);

6) сравнительная степень имени прилагательного:

*В мягком свете грусти и разлуки
Прошлое дороже и видней* (И. Уткин);

7) инфинитив:

Единственное мое развлечение теперь — перечитывать старые письма (Б. Лившиц).

В безличных предложениях может также использоваться модель составного именного сказуемого, в этом случае присвязочной частью оказывается слово категории состояния:

Не спится, няня: здесь так душно! (А. С. Пушкин)

⁹ В подобных случаях присвязочная часть формально представлена предложно-падежной формой существительного, семантически же такие формы ближе к наречиям (и потому иногда именуется наречными выражениями). Ср. ниже случаи выражения присвязочной части СИС наречием и инфинитивом — то есть случаи, применительно к которым использование термина *составное именное сказуемое* выглядит довольно условным.

Составное именное сказуемое с формальной связкой является одним из двух базовых типов сказуемого. Все другие разновидности именных сказуемых, а также некоторые виды сложных сказуемых являются модификациями данного базового типа.

Составное глагольное сказуемое, в отличие от СИС, представляет собой модификацию простого глагольного — с добавлением либо модальной (модальная связка), либо фазовой (фазисная связка) характеристики основного действия, обозначаемого присвязочной частью — инфинитивом.

Соответственно, в качестве связки в СГС выступают два типа глаголов:

1) с модальным значением (характеризующим отношение субъекта действия, обозначенного подлежащим, к собственно действию, выраженному инфинитивом: *хотеть, желать, уметь, мочь, любить, мечтать, иметь право* и т. п.):

А Муравьев все еще хотел верить в победу (О. Форш);

Вера Александровна на Марию нарадоваться не могла (Л. Улицкая);

2) со значением фазы действия (фазисные глаголы):

Я стал много читать (Е. Шварц);

Даша продолжала молчать (А. Толстой).

Сложными называются сказуемые, состоящие более чем из двух компонентов:

Рассудок мой изнемогает,

И молча гибнуть я должна (А. С. Пушкин).

Должна гибнуть — сложное 3-хчленное сказуемое, состоящее из 1) нулевой формальной связки (ср. при переводе предложения в план прошедшего: *И молча гибнуть я была должна*),

2) модального компонента, выраженного кратким прилагательным (*должна*) и 3) смыслового компонента, выраженного инфинитивом. Аналогичный пример: *Разлюбить вас я не в силах, Нина* (А. П. Чехов).

Сложные сказуемые представляют собой модификации более простых типов сказуемых, возникающие как результат необходимости более полно охарактеризовать основной признак, выражаемый смысловым компонентом. Ср.:

<i>дер Гольдберг будет петь</i>	ПГС (исходный базовый тип)
↓	
<i>дер Гольдберг готовится петь</i>	СГС (+ модальная связка)
↓	
<i>дер Гольдберг начинает готовиться петь</i>	Сложное 3-хчленное (+ фазисная связка)
↓	
<i>дер Гольдберг может начинать готовиться петь...</i>	Сложное 4-хчленное (+ модальная связка)

Отдельные виды сложных сказуемых могут быть охарактеризованы как глагольные (таков только что приведенный пример), однако в целом сложным сказуемым свойственно совмещение типов вспомогательных компонентов, присущих как составным глагольным, так и составным именным сказуемым. Например, в сказуемом *должна гибнуть* совмещаются формальная связка, свойственная СИС, и вспомогательный компонент с модальным значением, что свойственно СГС. Учитывая, что, как уже было сказано, последовательное разграничение составных именных и составных глагольных сказуемых возможно лишь с опорой на типы связок, классифицировать сложные сказуемые на именные и глагольные нецелесообразно. Иногда сложные сказуемые, совмещающие признаки СГС и СИС, называют смешанными:

Анна Петровна видела все это и должна была оставаться безмолвной свидетельницей расхищения (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Смысловой компонент здесь — существительное с зависимыми словами, представляющее единую номинацию (*безмолвной свидетельницей расхищения*). Однако квалифицировать сказуе-

мое как составное именовое невозможно, так как компонент с модальным значением (*должна*) в СИС невозможен. Перед нами случай модификации исходной модели СИС:

была свидетельницей СИС с формальной связкой (исходный базовый тип)
 ↓
оставалась свидетельницей СИС с полузнаменательной связкой
 ↓
должна была оставаться свидетельницей Сложное 4-хчленное

Обобщим охарактеризованные типы сказуемых:

Простое глагольное		<i>До пятнадцати лет Петерс гулял с бабушкой за ручку</i> (Т. Толстая); <i>Но людям я не делал зла...</i> (М. Ю. Лермонтов); <i>Володин пожал плечами</i> (В. Пелевин).
Осложненное простое глагольное		<i>И вот уже поет, поет она,</i> <i>Начав с какой-то песни самой старой</i> (К. Симонов).
Составные	Составное именовое	с формальной связкой <i>Кто б ни был ты, о мой читатель...</i> (А. С. Пушкин)
		с полузнаменательной связкой <i>Так, неожиданно, Катя стала учительницей</i> (А. Толстой).
		со знаменательной связкой <i>В тоске безумных сожалений</i> <i>К ее ногам упал Евгений</i> (А. С. Пушкин).
	Составное глагольное	с модальной связкой <i>Я никому не мог сказать</i> <i>Священных слов «отец» и «мать»</i> (М. Ю. Лермонтов).
с фазисной связкой <i>Метель начала подыматься</i> (Н. Некрасов).		
Сложные	трехчленное	<i>Я Ø должна вам объяснитьсь откровенно</i> (А. С. Пушкин); <i>Всё лучше Ø перед кем-нибудь</i> <i>Словами облежить мне грудь...</i> (М. Ю. Лермонтов)
	четырёхчленное	<i>...Он (Ницше. — С. И.), в конце концов, принужден был остаться лицом к лицу со всеми ужасами своего существования</i> (Л. Шестов).

В «Грамматике русского языка» 1954 г. более сложная классификация типов сказуемого. Глава, посвященная сказуемому, занимает в этом издании более ста страниц; подробнейшим образом описываются способы его выражения. Значительную часть составляют параграфы, посвященные согласованию сказуемого с подлежащим. Целесообразно использовать это издание для справок (С. 386–522). Это лучшее справочное пособие в этом отношении.

Эта «рекомендательная справка» нуждается лишь в одном уточнении: на современном этапе при характеристике взаимоотношений подлежащего и сказуемого, в отличие от Грамматики-54, справедливо используется термин *координация* (см. об этом в лекции о словосочетании).

В современном русском языке все более широко используется составное именованное сказуемое. В. И. Чернов на основании весьма значительного материала показал соотношения частотности 21 связки: *стать* — 2480, *казаться* — 1536, *делаться* — 710, *являться* — 176, *слыть* — 36¹⁰.

Развитие именованного сказуемого происходит благодаря:

1) расширению репертуара отрицательных конструкций:

Старость не радость;

2) разнообразию предложно-падежных форм, выражающих сказуемое:

Исаакиевская площадь во мраке (Ю. Тынянов);

3) широкому использованию в роли компонентов сказуемых слов с обобщающим значением (*люди, человек, ребенок, животное, зверь* и т. д.):

Я — человек с характером (М. Горький).

В реальной речи может обнаруживаться конкуренция глагольных и именных сказуемых; при этом именованное носит более

¹⁰ См. его работы, указанные в библиографическом списке.

обобщающий характер. Приведем выразительную иллюстрацию из «Скупого рыцаря»:

Альбер. *Барон, вы лжете.*

Герцог (сыну). *Как смели вы?*

Барон <...> *Ты мог отцу такое слово молвить!.. <...>*

Альбер. *Вы лжец* (А. С. Пушкин).

Альбер начинает с использования личной формы глагола, но, все больше раздражаясь постыдной клеветой отца, скупого рыцаря (барона) — поведавшего герцогу, что сын якобы «хотел его убить», «покушался на него», о чем он знает «точно», — завершает обобщением «Вы лжец». Барон-отец бросает сыну вызов, Альбер этот вызов принимает. Драма кончается словами герцога: *Он умер. Боже! Ужасный век, ужасные сердца!* (Но до этого, когда барон был еще жив: *Что видел я, что было предо мною? Сын принял вызов старого отца.*) Приведенные подробности последней сцены пушкинской «маленькой трагедии» помогают лучше постигнуть разное назначение форм *Вы лжете* vs. *Вы лжец*, т. е. глагольного и именного сказуемого.

Дополнительная литература:

1. *Гак В. Г.* О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. — СПб., 1991. С. 62–86.
2. *Гиро-Вебер М.* К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 6.
3. *Ивич М.* Оппозиция «односоставное предложение» — «двусоставное предложение» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1965. № 4.
4. *Попов А. С.* Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964.
5. *Проничев В. П.* Типы и модели именных генитивных предложений в современном русском языке. — Л., 1990.
6. *Рогова К. А.* Обобщенно-личные предложения: семантика и прагматика // Преподавание русского языка как иностранного: традиции и перспективы. — СПб., 1999.
7. *Юрченко В. С.* Односоставные предложения // Русский язык в школе. 1991. № 6.

Односоставными называются такие простые предложения, грамматический центр которых, в отличие от двусоставных, представлен только одним главным членом. Ср. двусоставные:

Манилов совершенно растерялся (Н. В. Гоголь);

В 1912 г. Щерба определил фонему как единицу, способную дифференцировать слова и их формы (Л. В. Бондарко)

— и односоставные предложения:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.

Очертанья столицы во мгле.

*[Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле]* (А. А. Ахматова);
Эй, Осип, позови сюда трактирного слугу (Н. В. Гоголь);
В других городах мне ничего не показывали (Н. В. Гоголь).

Впервые в качестве самостоятельной синтаксической категории односоставное предложение выделил академик А. А. Шахматов. До него в грамматиках односоставные предложения рассматривались как неполные. Особую проблему при рассмотрении односоставного предложения составляет характеристика предикативности, в особенности если иметь в виду определение Г. А. Золотовой, трактующей предикативность как «сопряженность предикативного признака с субъектом — его носителем, выражающую в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность к действительности»¹.

В односоставных предложениях сопряжение субъекта и предиката полностью не представлено, оно обладает синтаксически скрытым характером. В предложениях глагольно-личных субъект-лицо содержится в морфологической форме глагола — главного члена.

Например, в предложении *Без труда не вытащишь и рыбки из пруда* (посл.) форма глагола одновременно содержит указания как на лицо, так и на действие.

В предложении: *Душенька, рекомендую тебе — Павел Иванович Чичиков* (Н. В. Гоголь) — глагольная форма *рекомендую* одновременно указывает и на действие, и на лицо этого действия (*я*), то есть на субъект.

В предложениях же типа *[Хлестаков. Какой скверный городишко!] В овощных лавках ничего не дают в долг* (Н. В. Гоголь) форма *не дают* указывает на лицо, мыслимое неопределенно.

Что касается предложений типа *Гром*, то в исконно назывных предложениях, по мнению С. Д. Кацнельсона, само имя содержит в себе сему действия (*гремит*) — так же, как безличный

¹ Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. С. 104.

глагол в исконно безличных предложениях (*Дождит*) содержит сему производителя².

Односоставные предложения, главные члены которых не обладают соответствующими семами, указывающими на предмет или действие, характеризуются тем, что предикативность в них реализуется лишь благодаря своим формализаторам — конкретным значениям синтаксических времени, модальности и лица, причем эти значения могут быть реализованы не только при помощи словоформы, выступающей в качестве главного члена. Например, в инфинитивных и безличных предложениях значение синтаксического лица регулярно выражается формой Дат. падежа:

Тебе решать (2-е синт. лицо);

Нам пора собираться (1-е синт. лицо);

Отцу нездоровится (3-е синт. лицо).

Наиболее распространенная классификация односоставных предложений представлена следующими типами:

1. Номинативные³ (с главным членом — именем в именительном падеже):

Ночь. Вокруг тишина (С. Есенин).

2. Определенно-личные (с главным членом — формой глагола 1-го и 2-го лица ед. и множ. числа или формой повелительного наклонения, кроме 3-го лица) (у Пешковского отсутствуют):

Любите живопись, поэты (Н. А. Заболоцкий).

Х л е с т а к о в . Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут (Н. В. Гоголь).

Лежала на столе четвертка чистой бумаги <...>, да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такие негодные! (Н. В. Гоголь)

² Кацнельсон С. Д. Развитие речевого мышления // Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. — М., 2001. С. 223.

³ от лат. *nominativ* — именительный падеж.

3. Неопределенно-личные (с главным членом — формой глагола множ. числа, настоящего времени 3-го лица или прошедшего времени):

Меня часто спрашивают о происхождении моего псевдонима (Тэффи).

4. Обобщенно-личные (форма главного члена совпадает с формами определенно-личных и неопределенно-личных предложений) (у Шахматова в качестве самостоятельного класса отсутствуют):

У скупого в Крещение льду не выпросишь (посл.).

5. Безличные (с главным членом — безличным глаголом или словом категории состояния):

Скрипело, свистало и выло в лесу,

И гром ударял в отдаленье, как молот (Н. А. Заболоцкий);

Мне еще хочется пожить здесь (Н. В. Гоголь).

6. Инфинитивные (с главным членом — независимым инфинитивом):

Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! (А. Н. Островский. Гроза)

Не нагнать тебе бешеной тройки (Н. А. Некрасов).

Однако **исходная классификация односоставных предложений**, предложенная акад. А. А. Шахматовым, была несколько сложнее. Он выделил четыре их группы, в том числе две с главным членом, форма которого может совпадать с формой подлежащего.

Здесь следует особо оговорить употребление терминов *подлежащее* и *сказуемое* применительно к главному члену односоставного предложения. В практике обучения такое употребление распространено довольно широко. Между тем А. А. Шахматов эти термины в данном случае не использовал — по принципиальным соображениям. Он писал: «Сравнительно со способами сло-

весного выражения главных членов в двусоставных предложениях, главный член односоставного предложения может быть отождествлен **формально** или с подлежащим, или со сказуемым, причем, конечно, не следует забывать, что такое «сказуемое» отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что «подлежащее» односоставного предложения вызывает представление и о субъекте и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту»⁴.

Эти соображения несколько не устарели, их полезно учитывать и сегодня — особенно принимая во внимание тот факт, что главный член односоставного предложения отнюдь не всегда совпадает по форме с подлежащим или сказуемым двусоставного предложения. Он **может** совпадать — но может и **не совпадать**. Например, не бывает подлежащих двусоставного предложения, выраженных формой Род. п. имени, — в односоставном же генитивном предложении мы обнаруживаем именно такой главный член (см. ниже); не бывает сказуемых двусоставного предложения, выраженных независимым инфинитивом (без вспомогательного глагола), — между тем в односоставном инфинитивном предложении главный член именно таков. Таким образом, употребление терминов *подлежащее* и *сказуемое* по отношению к главным членам односоставных предложений некорректно⁵.

Итак, классификация А. А. Шахматова (в общем виде):

⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941. С. 50. Выделено мной. — С. И.

⁵ Некорректное использование этих терминов часто провоцируется необходимостью охарактеризовать главный член односоставного глагольного предложения с точки зрения его структурно-смысловой организации. В этом случае, чтобы избежать противоречий с теорией, достаточно пользоваться формулой «главный член в форме такого-то сказуемого». Например, по отношению к предложениям: (1) *Не спится, няня*: (2) *здесь так душно!* (3) *Открой окно да сядь ко мне* — характеристика должна выглядеть следующим образом: 1) главный член в форме простого глагольного сказуемого; 2) главный член в форме составного именного сказуемого с нулевой формальной связкой; 3) главный член в форме простого глагольного сказуемого.

I. Бесказуемо-подлежащие предложения

1.1. Именные номинативные:

Гроза! (А. Н. Островский);

1.2. Именные количественные:

Три часа утра (Н. Г. Помяловский);

1.3. Именные генитивные⁶:

Ишь, книг-то, книг-то! (Л. Н. Толстой);

1.4. Именные предложные:

Вместо предисловия.

II. Сказуемо-бесподлежащие предложения (с главным членом — личной формой глагола), иначе — спрягаемо-глагольные бесподлежащие

2.1. Определенно-личные:

Не помню ничего, не докучайте мне (А. С. Грибоедов);

Не оставь меня, мой друг (А. Ф. Писемский).

2.2. Неопределенно-личные:

Били в набат (А. С. Пушкин);

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова (А. С. Пушкин);

Тише едешь — дальше будешь (посл.).

III. Вокативные⁷ предложения:

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

Соня (тоном упрека). *Дядя!* (А. П. Чехов)

⁶ от *лат. genitiv* — родительный падеж.

⁷ от *лат. vocativ* — звательный падеж.

IV. Безличные предложения:

Ну и дождило! (А. Толстой);
Темно в окнах (А. П. Чехов).

Выделение А. А. Шахматовым односоставных предложений в самостоятельный синтаксический тип, противопоставленный двусоставным предложениям, — один из важнейших шагов синтаксической теории в XX веке. Эта идея сыграла весьма существенную роль в ее дальнейшем развитии.

Номинативным называется односоставное предложение субстантивного типа, главный член которого выражен именительным падежом, обозначающее наименование предмета (в широком смысле слова) и идею его существования, бытия.

Поздний вечер.
[Пустеет улица] (А. Блок);
[Нет солнца, луна не взошла,
Как будто весь мир умирает.]
Затишье, снежок, полумгла (Н. А. Некрасов).

Различают простые номинативные предложения (состоящие из именительного падежа имени): *Воскресенье. [В Вашингтоне пусто и тихо.]* (Б. Полевой) — и номинативные предложения с детерминантами: *В воздухе тишина* (А. П. Чехов); *И снова тишь* (Г. Иванов).

По общей семантике выделяют ряд разновидностей номинативного предложения:

Бытийные:	<i>Аллея вязов, холм зеленый.</i> <i>[Иду, восторгом упоенный]</i> (А. Блок).
Указательно-бытийные:	<i>Вот парадный подъезд</i> (Н. А. Некрасов). <i>Вот и командир, — сказал Лихачев</i> (Л. Н. Толстой). <i>Вот мельница. Она уж развалилась</i> (А. С. Пушкин).
Рекомендательные:	<i>Мать, осторожно оглядываясь:</i> <i>— Щи, лапша горячая!</i> (М. Горький)

Из трех общих разновидностей номинативных предложений особенно богаты частными значениями **бытийные**:

Временное значение

Вечер. Тридцать минут седьмого. Вся семья приютилась около круглого стола в небольшой комнате (Н. Г. Помяловский. Молотов);

*Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты* (Г. Иванов).

Пространственное значение

Петербург. По главной аллее Летнего сада идут три человека (А. И. Куприн. Домик).

Процессно-событийное значение

*Среди могил неясный шепот,
Неясный шепот ветерка,
Печальный вдох, тоскливый ропот,
Тоскливый ропот ивняка* (К. Бальмонт);

*Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн* (К. Бальмонт).

Состояние

Стены. Жар. В зубах песок (А. Белый).

Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть... (А. П. Чехов)

Качественное значение

*Царственные дали, царственная белизна.
Царственные глыбы неизмерных льдин.
Стылость, неподвижность, мглистость, онемелость,
Беспредельность снежных роковых равнин* (В. Брюсов).

ЗАДАНИЕ. Проанализируйте знаменитое стихотворение К. Д. Бальмонта «Челн томленья» с точки зрения роли, которую играют в тексте номинативные предложения. Сопоставьте его с последней строфой не менее знаменитого стихотворения И. А. Бродского «Письма римскому другу» (не имея возможности привести это большое стихотворение целиком, рекомендуем все же учесть при анализе полный текст). Как вы думаете, одинакова ли роль номинативных предложений в обоих текстах? Почему оба стихотворения заканчиваются двусоставными предложениями? Обоснуйте свое мнение.

К. Бальмонт

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.
Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей.
Ищет светлых снов чертог.
Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.
Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воеет в бездне вод.

И. Бродский

Письма римскому другу

(Из Марциала)

[последняя строфа]

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце,
стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На разохшейся скамейке —
Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

При исследовании функционирования номинативных предложений в поэзии символистов появилась удачная метафора: «визитная карточка символизма». В самом деле, в творчестве поэтов этого направления (и «старшей», и «младшей» ветвей) номинативное предложение представлено весьма широко.

*Бюст Цезаря. Огонь в камине.
И пес, зевающий у ног.
И старомодный темно-синий
Шелками вышитый шлафрок (Г. Иванов).*

*Гавань спокойная. Гул умирающий.
Звон колокольный, с небес долетающий (К. Бальмонт).
В давнем — грядущие встречи,
В будущем давность мечты:
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты (А. Белый).*

Несмотря на семантическое и вытекающее из него функциональное разнообразие номинативных предложений, им свойственна прикрепленность к довольно узко очерченному кругу типовых контекстов. С одной стороны, бытийные номинативные предложения — принадлежность художественной речи в ее письменной форме (в научных, научно-популярных, официально-деловых текстах, в устной разговорной речи они встречаются редко⁸). Чаще всего бытийные предложения используются в описательных контекстах: они позволяют емко и лаконично описать как ситуацию в целом, так и предметно-ситуативный фон, на котором разворачивается действие. Высказывалось даже предположение, что на распространение бытийно-номинативных предложений в этой функции оказало влияние широкое использование их в ремарках драматических произведений, ср.:

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь, в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит Клещ, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи,

⁸ Как правило — в виде констатации явлений природы, времени суток: *Уже утро! Дождь!* и т. п. Ср. у А. С. Грибоедова: *Лизанька*. <...> *Да расходитесь. Утро* (Горе от ума).

табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня — хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатин только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер.

Начало весны. Утро. (М. Горький. На дне) [ремарка к первому акту]

Однако влияние драматической традиции на распространение номинативных предложений не следует преувеличивать. В номинативном предложении имя — лучше даже сказать, Имя (с большой буквы!) — предстает во всей полноте своих выразительных возможностей: с помощью ряда имен в именительном падеже можно описать не только любую ситуацию — целую жизнь, а то и мироздание. Именно поэтому номинативные предложения часто используются не изолированно, а выстраиваются в цепочки (ср. многие из приведенных выше примеров). Поэты и философы давно оценили этот ни с чем не сравнимый потенциал цепочки номинативов — достаточно вспомнить хотя бы такой классический пример, как знаменитое стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...».

Завершая характеристику номинативных предложений, необходимо подчеркнуть, что их следует отграничивать от сходных по форме предложений и номинативно-именных конструкций:

Номина- тивные предложения	Двусоставные предложения		Вокативные	Именитель- ный темы (представле- ния)
	с опущен- ным подле- жащим	с опущен- ным сказуемым		
<i>Полночная тьнь. Тишина. Стук сердца и стук часов.</i> [Как ночь непо- нятно черна! Как тяжёк ее покров!]	<i>Хочу в Москву. Великолеп- ный город!</i> (В. М. Инбер) <i>Разбойники! Воры! Уро- ды!</i> <i>Собака не</i>	<i>Обнимаю вас, чертей, Ваш Васи- лий Теркин.</i> (А. Твар- довский)	<i>Земфира. Так понял пес- ню ты мою? Алеко. Зем- фира!</i> <i>Земфира. Ты сердиться волен, Я песню про тебя</i>	<i>Шахматы! — говорил Остап. — Знаете ли вы, что такое шахматы? (И. Ильф, Е. Петров)</i>

(З. Гиппиус) <i>Вот роцца и укромная по- лянка, Обрыв крутой, где зелень и пе- сок.</i> (Г. Иванов)	<i>той породы!</i> (С. Я. Мар- шак)		<i>пою.</i> (А. С. Пушкин)	
---	---	--	-------------------------------	--

Генитивными называются односоставные предложения именного строя, главный член которых выражен формой Род. падежа имени существительного:

Огня! — кричат. — Огня! (И. А. Крылов)

Предложения генитивного типа противопоставлены номинативным в том отношении, что если вторые употребляются преимущественно в книжном типе речи (см. выше), то первые практически безраздельно принадлежат устно-разговорному типу. Генитивные предложения нередко встречаются в текстах художественных произведений — но, как правило, в речи персонажей или в тех случаях, когда авторская речь имитирует речь персонажа (сказ).

Семантические разновидности генитивных предложений могут быть сведены к следующим основным:

1. Генитивно-количественные: предложения, указывающие на значительное количество чего-л. (часто сопровождаются эмоциональной оценкой восхищения, ужаса и т. п.):

— *А уж грибов там, ягод!..* (разг.)

— *А народу-то, народу...* (разг.)

2. Генитивно-императивные: предложения требования (просьбы, приказания):

— *Бинтов, горячей воды, побыстрей!* (разг.)

3. Генитивно-оптативные: предложения желания, пожелания:

- *Чайку бы сейчас...* (разг.)
- *Ну, счастливого вам пути... Хороших попутчиков!* (разг.)

В отличие от номинативных предложений, генитивные могут рассматриваться не только как самостоятельный тип односоставных именных предложений, но и как регулярные неполные реализации предложений других типов. Генитивно-количественные предложения, в частности, могут быть интерпретированы в качестве неполных реализаций номинативно-количественных предложений с опущенным количественным словом в Им. падеже:

А уж грибов там, ягод!.. ← Там тьма грибов, Сколько там грибов!

Генитивно-императивные и генитивно-оптативные предложения допускают интерпретацию в качестве неполных реализаций односоставных глагольно-личных или инфинитивных предложений с опущенной глагольной формой:

*Чайку бы сейчас... ← Чайку бы выпить сейчас,
Хороших попутчиков! ← Желаю вам хороших попутчиков.*

Тем не менее, в большинстве грамматик существование генитивных предложений признается⁹. Аргументом в пользу этой позиции является не только широкое использование моделей генитивных предложений в речи, но также свойственная им специфическая интонационная окраска, часто сопровождаемая участием модальных частиц. За этими двумя признаками скрывается специфика модального значения генитивных предложений, отраженная уже в названиях их типов. Приведенные выше при-

⁹ П. А. Лекант по поводу связи генитивных предложений с соотносительными конструкциями пишет: «Влияние количественно-именной конструкции на генитивное предложение вероятно лишь в плане происхождения данного типа предложений, а не в плане построения конкретного генитивного предложения» (Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — М., 1974. С. 38).

меры показывают, что «восполнение» генитивного предложения до номинативно-количественного или глагольного односоставного неизбежно ведет к утрате именно того особенного оттенка, ради выражения которого генитивное предложение, собственно, и употребляется.

Итак, наличие специфического модального оттенка, закрепленное в особом интонационном оформлении и сопровождаемое участием модальных частиц, наличие воспроизводимых структурных моделей и широкое распространение в речи — достаточные основания для того, чтобы признавать генитивные предложения особым типом русского односоставного предложения.

Дополнительная литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. — СПб., 1991. С. 41–62.
2. Седельников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 3.
3. Сятковский С. И. О принципах классификации простого предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1965. № 3.
4. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967.

Начнем с демонстрации места глагольно-личных предложений в общей системе односоставных предложений.

Место глагольно-личных предложений в системе односоставных

Именного строя	Номинативные	<i>Ночь. Вокруг тишина</i> (С. Есенин).
	Генитивные	<i>А уж народу там...</i> (Б. Екимов)
	Вокативные	Наталья Дмитриевна. <i>Мой ангел, Бога ради / От двери дальше отойди.</i> Платон Михайлович (глаза к небу). <i>Ах! <u>ма-тушка!</u></i>

Глагольного строя	Глагольно-личные	Определенно-личные	<i>Подавай занавес!</i> (А. П. Чехов); <i>Постарайся не разлюбить меня</i> (Гр. Козинцев).
		Неопределенно-личные	<i>В дверь уже барабанили</i> (В. Пелевин); <i>Об игре Фрейндлиха в «Ревизоре» пишут мне восторженные отзывы</i> (Б. Пастернак)
		Обобщенно-личные	<i>Об этой ночи словами не расскажешь</i> (А. Курприн); <i>Идешь и полной грудью дышишь, Спускаешься к Неве на лед, И ветра над собою слышишь Широкий солнечный полет</i> (Г. Иванов)
	Безличные	<i>По одной фразе судить человека нельзя</i> (Г. Адамович); <i>У него [Треплева] нехорошо на душе</i> (А. П. Чехов)	
	Инфинитивные	<i>И вам судьбы своей не избежать!</i> (Н. А. Некрасов)	

Возможны следующие **три подхода к выявлению типов глагольно-личных предложений.**

1. Структурно-семантический — с учетом семантики спрягаемой формы и образуемой на ее основе семантики предложения в целом. С этой точки зрения, выделяются следующие типы односоставных глагольно-личных предложений:

Определенно-личные	<i>Люблю тебя, Петра творенье!</i> (А. С. Пушкин) ¹⁰
Неопределенно-личные	<i>По улице Слона водили, Как видно, напоказ</i> (И. А. Крылов)
Обобщенно-личные	<i>За один раз дерево не срубишь</i> (посл.).

2. Парадигматический — принадлежность к односоставным (точнее — к данной структурной схеме) признается лишь при условии сохранения специфической семантики предложения неза-

¹⁰ К сожалению, пример «Люблю тебя, Петра творенье» может показаться «затасканным» (хотя по отношению к Пушкину такое прилагательное некорректно). Но дело в том, что он очень выразителен и доходчиво передает собственно синтаксическую сущность явления.

висимо от изменений спрягаемой формы. В этом случае из трех типов глагольно-личных предложений остается только один:

Неопределенно-личные	<i>У паровоза громко спорили</i> (А. Снегов)	спорят будут спорить спорили бы
----------------------	---	---------------------------------------

Сравните потерю специфического значения определенно-личными и обобщенно-личными предложениями в ряде форм парадигмы: *любил, любил бы* — эти формы соотносятся не только с *я*, но и с любым другим личным местоимением, и с именами существительными.

3. Синтагматический — принадлежность к определенно- или неопределенно-личным предложениям определяется возможностью соотнесения или только с собственно личными местоимениями (к которым относятся только местоимения 1-го и 2-го лица), или с местоимением 3 лица и любым существительным.

Односоотно- сенные:	Определенно-личные	Я, ТЫ, МЫ, ВЫ — и только [Я] улыбаюсь, [ты] улыбаешься...
------------------------	--------------------	---

Неодносо- отнесенные:	Неопределенно-личные	Множество лиц [Они] улыбаются, [дети] улыбались и др.
--------------------------	----------------------	--

Такова самая распространенная, в том числе и в учебных пособиях, типология (классификация) односоставных глагольно-личных предложений. Она возникла, главным образом, как в целом положительная реакция на классификацию глагольно-личных предложений, представленную по-разному двумя классиками русской синтаксической мысли — А. А. Шахматовым и А. М. Пешковским. Интерес к этой типологии не прекращался. Много ценных идей, связанных с ее осмыслением (в ряде случаев весьма успешным), появляется и развивается в XXI веке. Одна из самых значимых работ принадлежит К. А. Роговой, убедительно раскрывшей суть обобщенно-личных предложений — подчеркивание формы повторяющегося действия. Думается, что основное положение этой статьи может восприниматься в качестве класси-

ческой формулы обобщенно-личного предложения: «...Обобщение... оказывается «удвоением» ситуации — созданной в воображении и оказавшейся реальностью. Что касается субъекта, то он является одновременно действующим лицом в этой ситуации и лицом, прогнозирующим ее и таким образом проверяющим правильность своих наблюдений и выводов». При этом приводится очень удачный пример из В. Набокова: «Когда читаешь такие звучные и глянцевиные строки, как: «Подлетает к подъезду одер Дон Кихота и надушенный Санчо на красивом осле...» — чувствуешь сомнение и легкую тошноту». Столь развернутая ссылка на статью К. А. Роговой¹¹, надеемся, вызовет желание читателя обратиться к ней, чтобы полностью понять изложенную в ней концепцию.

Определенно-личным называется односоставное предложение, главный член которого выражен глагольной формой 1-го или 2-го лица ед. и мн. числа (в том числе и формой повелительного наклонения), указывающей одновременно на действие и на лицо, представленное определенно.

Но прошу, пересиль себя. Останься! (Б. Пастернак)

Ну а дочь мою любишь?

Как не любить! Люблю (А. Н. Островский)/

Виноградную косточку в теплую землю зарюю,

И лозу поцелую, и спелые грозди сорву,

И друзей созову, на любовь свое сердце настрою...

А иначе зачем на земле этой вечной живу? (Б. Окуджава)

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.

Высокопарных слов не стоит опасаться.

Давайте говорить друг другу комплименты —

ведь это все любви счастливые моменты.

Давайте жить, во всем друг другу потакая, —

тем более, что жизнь короткая такая. (Б. Окуджава)

¹¹ Рогова К. А. О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка: Сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. — СПб., 2001. С. 162–163.

Следует обратить особое внимание на смысл термина «определенно-личное», поскольку с ним прямо связан круг явлений, подводимых под понятие определенно-личного предложения. Между значениями 1-го и 2-го лица, выраженными соответствующими глагольными формами, и значением 3-го лица существует важное различие. Грамматический смысл 1-го лица заключается в том, что субъект действия (обозначенного глаголом) совпадает с **говорящим**. Грамматический смысл 2-го лица заключается в том, что субъект действия совпадает со **слушающим**. Грамматический же смысл 3-го лица — в совпадении субъекта действия с кем-то иным, не включенным в структуру текущего коммуникативного акта. Этим «кем-то иным» может быть кто угодно и что угодно. Между тем для участников текущего коммуникативного акта фигуры говорящего и слушающего всегда известны, **определены**. Именно этот смысл и несет термин «определенно-личное предложение»: в таком предложении всегда говорится о действии, состоянии и т. п. либо говорящего, либо слушающего — *определенных лиц*, противопоставленных 3-му лицу, которое относительно данного коммуникативного акта никак не определено.

Поэтому неверно думать, будто определенно-личным является всякое предложение, в котором нет (или «не видно») подлежащего, но из контекста или ситуации известно, о ком идет речь. Это одно из самых распространенных заблуждений. Не являются, например, определенно-личными подчеркнутые предложения в следующем примере:

*В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался,
Изменят — рад был отдохнуть*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

Единственная допустимая квалификация подобных предложений — двусоставные неполные (с опущенным подлежащим).

Однако необходимо отметить, что существует точка зрения (и весьма убедительная), согласно которой определенно-личные предложения, за исключением конструкций с формами повели-

тельного наклонения, представляют собой не особый тип односоставных предложений, а лишь регулярные неполные реализации двусоставных предложений. В самом деле: «*Виноградную косточку в теплую землю зарою*» у Б. Окуждавы и **Виноградную косточку я в теплую землю зарою* — полные синонимы; ни смысловых, ни интонационных различий между ними нет. Регулярность использования неполных вариантов объясняется с этих позиций тем, что подлежащее однозначно восстанавливается благодаря использованию глагольных форм 1-го или 2-го лица.

Если принять изложенную точку зрения, то состав определенно-личных предложений должен быть ограничен только предложениями с формами повелительного наклонения:

*Отец мой, ради бога,
Оставь меня!* (А. С. Пушкин. Пир во время чумы)

Действительно, местоименное подлежащее в таких предложениях используется в особых случаях — когда отдается несколько приказаний нескольким людям или группам людей (*Вы собирайте хворост, а вы готовьте место для костра*). Если же местоименное подлежащее используется в предложении, обращенном к одному лицу, то возникают явные смысловые и стилистические приращения: подчеркнутая вежливость просьбы, нерешительность просьбы или приказания и т. п. Н. В. Гоголь, например, удивительно точно передает колебания и нерешительность Хлестакова в диалоге с Осипом, чередуя побудительные определенно-личные предложения с побудительными же, но двусоставными (обратите внимание и на ремарки):

Хлестаков (ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом). Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (громким, но не столь решительным голосом). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

<...>

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи (Ревизор, действие 2-е).

Обобщенно-личным называется односоставное предложение, главный член которого выражен, главным образом, глагольной формой 2-го л. ед. ч., указывающей одновременно на повторяющееся действие и на лицо, представленное обобщенно или — что реже — конкретно.

Обобщенное лицо и обобщенное действие:

От своей тени не уйдешь (посл.);

Не узнав горести, не узнаешь и радости (посл.);

Умей грешить, умей и каяться (посл.);

Сперва рассуди, а потом осуди (посл.).

Конкретное лицо и обобщенное действие:

[*Каждую ночь просыпаюсь и читаю «Войну и мир».*] *Читаешь с таким любопытством и таким наивным удивлением, как будто раньше не читал* (А. П. Чехов);

Слушаешь гармонику или затихающие колокола, а сам воображаешь себя врачом и рисуешь картины — одна другой лучше (А. П. Чехов);

[*Обыкновенно днем я не сплю, но*] *на пароходе приляжешь — смотришь, и спишь уже* (Н. Гарин-Михайловский).

Неопределенно-личным называется односоставное предложение, главный член которого выражен формой 3-го лица мн. ч. наст. или буд. времени, а также мн. ч. прошедшего времени, указывающей одновременно на действие и на лицо, представленное неопределенно: *Уже поздно ночью к составу **подали** паровоз*

(А. Гайдар). Целесообразно различать собственно неопределенно-личные и обобщенные неопределенно-личные предложения¹².

Собственно неопределенно-личные:

— *Развязать его.*

Мальчика развязали.

— *Благодари же барина, — сказал исправник (А. С. Пушкин).*

Иногда утешают, что после смерти не исчезнем, но превратимся в траву, в цветок, дерево (В. Солоухин).

Обобщенные неопределенно-личные:

По платью встречают, по уму провожают (посл.).

При практическом разборе следует иметь в виду совпадение по форме неопределенно-личных предложений и двусоставных неполных, когда по контексту или ситуации и говорящему, и слушающему понятно, о ком **конкретно** идет речь:

— *Легли? — спросил князь.*

Тихон, как и все хорошие лакеи, знал чутьем направление мыслей барина. Он угадал, что спрашивали о князе Василье с сыном.

— *Изволили лечь и огонь потушили, ваше сиятельство (Л. Н. Толстой).*

В случае неопределенно-личного предложения или у говорящего нет потребности в упоминании субъекта действия — коммуникативно важным является само действие, — или говорящему по какой-то причине выгоднее прибегнуть к формуле «говорят», «спрашивают», «не любят» и т. д. — то есть применить своего рода «дипломатическую» фигуру умолчания, а в ряде случаев это и в самом деле не столь важно. Отсюда — важнейший признак неопределенно-личных предложений: **явление нейтрализации категории числа в глагольной форме**. Когда говорят: *Хорошо тебя постригли*, — никто не думает, что это совершали два или несколько парикмахеров, так же как и в ситуациях типа *доставили телеграмму, принесли бандероль*. Форма мн. ч. в неопределен-

¹² Возможно также отнесение неопределенно-личных предложений с обобщенным значением к обобщенно-личным.

но-личных предложениях, таким образом, не передает значения множественного числа (!), а приобретает значение **неопределенного множества** субъектов (**лиц**): именно эту особенность и отражает название данного типа односоставных предложений.

В отдельных случаях можно увидеть совпадение собственно неопределенно-личного и обобщенно-неопределенного значений: *Про хорошего шахматиста говорят: у него свой стиль игры* (В. Солоухин).

Итак, типология односоставных сложных предложений в истории русского синтаксиса сложилась под влиянием подходов к этой проблеме, с одной стороны, А. А. Шахматова, противопоставившего определенно-личные предложения неопределенно-личным (обобщенно-личные предложения широко представлены в его материалах, но при анализе в самостоятельный тип не выделены), с другой стороны — А. М. Пешковского, выделившего в особые типы обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения (определенно-личные же он «приравнял» к двусоставным с опущенными подлежащими «я», «ты», «мы», «вы», заметив некоторое стилистическое различие между ними).

В самом деле, если мы попробуем извлечь из монолога барона — Скупого рыцаря следующие строки (его жизненное кредо), то обнаружим знаковое различие между предложениями *Хочу себе сегодня пир устроить* и целым рядом последующих односоставных — и двусоставными (*Я царствую!*):

Барон

*Счастливым день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.
<...>
Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блестящие груди. <...>
Я царствую! . Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!
Я царствую... (А. С. Пушкин. Скупой рыцарь)*

Добавим еще некоторые иллюстрации (главным образом из поэтических текстов) глагольно-личных предложений и их «конкурентов» — двусоставных предложений, — показывающие постоянную и непрекращающуюся частотность их употребления, столь индивидуального в коммуникативном отношении.

*Все те слова, что тебе берегу,
В книгах найдешь
Или в собственном сердце* (А. Дементьев).

*Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать* (Г. Иванов).

Все эти толки, мнения и слухи, неизвестно по какой причине, больше всего подействовали на бедного прокурора. Они подействовали на него до такой степени, что он, пришедши домой, стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с сего умер. Параличом ли его, или чем другим прихватило, только он как сидел, так и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, как водится, всплеснув руками: «Ах, боже мой!» — послали за доктором, чтобы пустить кровь, но увидели, что прокурор был уже одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал (Н. В. Гоголь).

*Закроешь глаза на мгновенье
И вместе с прохладой вдохнешь
Какое-то дальнее пенье,
Какую-то смутную дрожь* (Г. Иванов).

В детстве говорили, что я похож на отца (Ю. Олеша).

На ташкентском православном кладбище есть эпитафия, подписанная Н. В. Шеманской:

*Под камнем этим педагог.
Он в жизни прост был, без затей;
Глагол, наречие, предлог —
Вот чем он жег сердца людей.
Прохожий, стой! Не убегай!
Кто б ни был ты, неважен пол,*

*Остановись и prospрягай
Какой-нибудь глагол¹³.*

Одним из самых удачных примеров обновления концепций Шахматова — Пешковского, как уже было сказано, является концепция К. А. Роговой, знакомство со статьей которой (см. выше) было бы удачным завершением этой темы.

Инфинитивным называется односоставное предложение, главный член которого выражен **независимым** инфинитивом, называющим модально охарактеризованный процесс, который соотнесен с субъектом, представленным именем или местоимением в косвенном падеже: *Никогда не забыть Мерцалову этого дня* (В. Гроссман).

Если сравнить инфинитивное предложение с двусоставным, совпадающим с ним по общему смыслу: *Никогда не забудет Мерцалов этого дня*, — то неизбежно обнаружится, что такая замена неполноценна, поскольку исчезает заложенная в исходном предложении модальность невозможности. Это явно не замена, а неудачная подмена. Поищем именно замену: *Никогда Мерцалов не сможет забыть этого дня*. В этом случае модальное значение невозможности получает выражение в модальной связке составного глагольного сказуемого.

Легко, таким образом, заметить, что для инфинитивных предложений характерно постоянное сопровождение инфинитива модальным значением желательности, долженствования, возможности / невозможности (реже — и другими).

Важнейший отличительный признак рассматриваемых конструкций заключается в том, что **инфинитив** в подобных предложениях — **независимый**. Ведь инфинитив может употребляться и в собственно безличных предложениях, где он зависит от категории состояния: *Мерцалову невозможно будет забыть этот день*; *Мерцалову надо забыть этот день* и т. д. Модальность в таких случаях выражается словами категории состояния с мо-

¹³ Из статьи Т. Царьковой «И в эпитафии напишут...» // Звезда. 1997. № 10.

дальной функцией (не путать с модальными словами! — см. приведенную выше классификацию слов, включающих и части речи, у В. В. Виноградова в «Русском языке»).

Существуют две точки зрения на грамматическую квалификацию инфинитивных предложений:

1) рассмотрение их в качестве частного случая безличного предложения (Е. М. Галкина-Федорук);

2) выделение их в самостоятельную синтаксическую категорию (К. А. Тимофеев).

Е. М. Галкина-Федорук исходит из синтагматической характеристики предложений с главным членом — инфинитивом, а именно из несочетаемости с именительным падежом имени (ср.: *мне надо ехать* (с главным членом *надо ехать*) и *мне ехать* (с главным членом — собственно инфинитивом)). К. А. Тимофеев, выделяя инфинитивные предложения в особый синтаксический класс, опирается на специфику их модально-временной характеристики. Точка зрения К. А. Тимофеева, как наиболее грамматически доказательная, принимается в данном случае за основу.

Модальная специфика инфинитивных предложений

Названные выше модальные значения (желательность, долженствование и др.) выражаются в инфинитивных предложениях **не прямо**, то есть не словесно (в отличие от абсолютного большинства других типов предложений), а **косвенно**, то есть самой конструкцией, обладающей совокупностью признаков: а) отсутствие (и невозможность присутствия) подлежащего, б) независимый инфинитив в роли главного члена, в) специфическая (конструктивно закрепленная) интонация, г) выражение субъекта дательным падежом. Кроме того, модальные значения в инфинитивных предложениях широко поддерживаются **частицами**, а в некоторых случаях выражение модальных значений без них невозможно (особенно это касается невозможности, желательности):

*Не вернуть мне ту ночку прохладную,
Не видать мне подруги своей.
Не слышать мне ту песню отрадную,
Что в саду распевал соловей* (С. Есенин);

Выставить бы Филонова
так, чтобы ахнул Париж... (Е. Евтушенко)

Таким образом, модальная специфика инфинитивного предложения проявляется в невозможности выступать в прямой объективной модальности. Под прямой модальностью, повторим, подразумевается словесное выражение модального значения. Что же касается объективной модальности, то напомним, что различаются объективные и субъективные модальные значения. Объективные выражаются прежде всего при помощи формальной связки (спрягаемой формы глагола *быть*). При этом необходимо различать **ядерные** объективные (относящиеся к ядру категории модальности и обязательные для реализации предикативности) и **периферийные** (необязательные, специализированные) модальные значения. К первым относятся значения реальности / ирреальности, при этом внутри ирреального значения выделяются две разновидности: императивность и сослагательность¹⁴. Ко вторым относятся значения возможности / невозможности, желательности, долженствования, предположительности и др. Если ядерные модальные значения имеют объективный характер, то применительно к периферийным значениям провести четкую грань между объективным и субъективным характером модальности можно далеко не всегда. Например, косвенно (конструктивно) выраженное значение предположительности имеет, скорее, объективный характер в инфинитивных предложениях в таком контексте:

¹⁴ Н. Ю. Шведова выделяет не два, а пять синтаксических наклонений, объединенных значением ирреальности: 1) **побудительное**: *Пусть папа всегда будет дома!*; 2) **сослагательное**: *Папа был бы дома всегда*; 3) **условное** *Если папа будет / был бы дома всегда...* (предложение в этом наклонении всегда является придаточным условия); 4) **желательное**: *Вот бы папа всегда был дома! Ах, если бы папа всегда был дома!*; 5) **долженствовательное**: *Папа будь дома всегда... [а мама гулять будет]* (предложение в этом наклонении является частью сложносочиненной конструкции).

Нетрудно видеть существенное различие внутри этого набора: лишь два первых значения обеспечиваются регулярным изменением спрягаемой формы глагола, для реализации же остальных требуются дополнительные условия: присутствие модальных частиц, особая интонация, участие в определенном типе сложного предложения. По этой причине и представляется целесообразным отнести значения (3–5) к периферийным.

Укрываться ли от ливня зонтом? Попробовать спрятаться под навесом? Ни в том, ни в другом, пожалуй, уже не было смысла.

Напротив, прямо выраженное значение предположительности имеет явно субъективный характер в предложении:

*Дождь, возможно, скоро кончится*¹⁵.

Прямая модальность в инфинитивных предложениях — величайшая редкость, она связана с особым употреблением всего нескольких глаголов восприятия¹⁶:

Берегов не видать — их скрыла тьма (М. Горький. На плотях).

В приведенном примере использована нулевая форма наст. вр. глагола *быть*, ср.: *Берегов **было** не видать / **будет** не видать / **было бы** не видать* и т. п. Таким образом, модальное значение этого предложения складывается из двух компонентов:

1) прямо выраженное объективно-модальное значение реальности;

2) косвенно выраженное объективно(?)-модальное значение невозможности.

¹⁵ Анализ этих и подобных примеров подводит к предположению, что модальные значения, выраженные строевыми средствами синтаксиса (предикативным центром предложения), мы склонны воспринимать как объективные, другими средствами (например, вводным компонентом) — как субъективные. Между тем само разграничение объективных и субъективных модальных значений весьма условно, поскольку и те, и другие имеют один источник — сознание говорящего, оценивающего и описывающего ситуацию. Почему же, в таком случае, это разграничение возникло? Мера субъективности представления ситуации воспринимается по-разному в зависимости от того, какими средствами воспользовался говорящий: если только строевыми — субъективность не ощущается (хотя она есть!). За этими особенностями скрывается глубокое различие между строевыми средствами синтаксиса и средствами коммуникативной адаптации предложения, принадлежащими категории коммуникативной оси.

¹⁶ Особенность употребления заключается в том, что инфинитив в данном случае сближается с категорией состояния, становится синонимичен ей (ср.: *Берегов не видать* — *Берегов не видно*; *О вас давно ничего не слышать* — *О вас давно ничего не слышно*).

В большинстве же инфинитивных предложений формальная связка отсутствует, ср. невозможное: **Выставить бы было Филонова...* — а следовательно, отсутствует и прямое выражение модального значения. **Косвенная** (только конструктивно выраженная) **модальность** — **важнейший признак инфинитивного предложения**. В отличие от предложения *Берегов не видать*, в большинстве инфинитивных предложений отсутствует прямо выраженное объективно-модальное значение — имеется лишь косвенно выраженное периферийное модальное значение, объективный / субъективный характер которого представляет собой спорный вопрос:

*Отложена дуэль. От переспелой вишни
на пальцах алый сок. В ту пору без труда
ссужали время мне — но амба, годы вышли,
платить или бежать. Еще бы знать куда...* (Б. Кенжеев)

Однако сам факт характеризованности описываемого действия / состояния периферийным модальным значением оказывается очень ярким признаком. Дело в том, что любое ядерное значение, будучи обязательным, воспринимается как нечто само собой разумеющееся; напротив, периферийное значение, в общем случае обязательным не являющееся, сразу же обращает на себя внимание. Если же периферийное значение выражено косвенно, то синтаксическая конструкция, обладающая таким значением, воспринимается как ярко окрашенная, уникальная. Именно такой уникальной конструкцией является русское инфинитивное предложение.

Косвенная модальность обнаруживается благодаря использованию частиц и соответствующей интонации (в том числе вопросительной и побудительной): *Разве что передовую вам еще показать...* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда). Механизм формирования модальности в инфинитивных предложениях покажем, прибегая к методическому приему постановки вопросов.

Сравните:

Кто пошел в театр?

| *Брат пошел в театр.*
| (прямая объективная модальность)

С каких пор дождит?	<i>Уже с утра дождит.</i> (прямая объективная модальность)
С кем пойти в театр?	? <i>С братом пойти в театр</i> (невозможно!). <u>Возможные предложения:</u> <i>С братом пойти в театр?</i> (вопросительное); <i>С братом бы пойти в театр</i> (оптативное, т. е. выражающее модальность желательности).

Ср. у Г. Иванова:

*И что же делать? В Петербург вернуться?
Влюбиться? Или Оперá взорвать?
Иль просто лечь в холодную кровать?
Закрывать глаза и больше не проснуться?*

Основные типы модальных значений инфинитивных предложений могут быть сведены к следующим:

Инфинитив с частицей <i>бы</i> (в редких случаях с <i>ли</i>)	Инфинитив без частицы <i>бы</i>
I. Желательность	I. Долженствование / неизбежность
<i>Как бы мне, рябине, к дубу перебраться...</i> (И. Суриков)	<i>Не первую волку зиму зимовать</i> (посл.)
<i>Все б глаз не оторвать от города Петрова</i> (Б. Ахмадулина)	<i>Быть оттепели!</i> (А. П. Чехов)
II. Возможность	II. Невозможность
<i>Но как же / Отсюда выйти вам, неосторожный?</i> (А. С. Пушкин)	<i>Правда прямо идет — и ни обойти ее, ни объехать</i> (посл.)
<i>Куда мне деться в этом январе?</i> (О. Мандельштам)	<i>Уж не мечтать о нежности, о славе, Все миновало, молодость прошла</i> (А. Блок)
III. Просьба — совет	III. Приказание
<i>Матушка ты моя, помолчать бы тебе.</i> (М. Горький)	<i>Схватить гонца!</i> (А. С. Пушкин)
<i>К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам...</i> (А. С. Грибоедов)	<i>Сейчас послать за Шуйским!</i> (А. С. Пушкин)

IV. Предположение

(вопросительное предложение с частицей *ли*)

Что, сестрицы? в поле чистом

Не догнать ли их скорей?

Плеском, хохотом и свистом

Не пугнуть ли их коней?

(А. С. Пушкин)

IV. Инфинитив темы

Спать? Невозможно.

*Ночь такая бывает только в жизни
раз*

(П. Антокольский)

В «Грамматике русского языка» под ред. В. В. Виноградова, вышедшей в 1954 г. (см. т. II), в годы, когда и развернулась дискуссия по поводу соотносительности безличного и инфинитивного предложений, связанная прежде всего с именами авторов первых докторских диссертаций, посвященных этой проблематике, — Е. М. Галкиной-Федорук (безличные предложения) и К. А. Тимофеева (инфинитивные предложения — при этом инфинитивная структура была представлена в ее историческом развитии), — именно эти два ученых и явились составителями глав, посвященных безличному¹⁷ и инфинитивному предложениям¹⁸.

Мы сознательно подробнее остановились на характеристике инфинитивных предложений, поскольку их теоретическое осмысление более трудно.

()

Безличным называется односоставное предложение, главный член которого называет процесс или состояние, не зависящее от его субъекта, и выражается безличным глаголом или категорией состояния, принципиально не сочетающимися с именительным падежом имени:

*Мне не хватает нежности твоей,
Тебе моей заботы не хватает* (С. Щипачев).

¹⁷ Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова. — М., 1954. Т. II. Ч. 2. С. 12–42.

¹⁸ Там же. С. 43–88.

При определении безличного предложения следует учитывать семантический, морфологический (чем выражен главный член) и синтагматический (невозможность сочетания с им. пад. имени) критерии.

Безличные предложения — специфическая особенность синтаксического строя русского языка. Потребность в них настолько велика, что возникает даже грамматическая возможность образовывать от невозвратного личного глагола (без постфикса –ся) предназначенные для безличного предложения возвратно-безличные формы¹⁹: *Не ходится уже по утрам* или *Сегодня мне плохо ходится*. Эта возможность широко используется как в разговорной речи, так и в поэтическом синтаксисе. Ср.:

*Очень
знать нам хочется,
звездная Медведица,
Как вам*

НОЧЬЮ

ХОДИТСЯ,

Как вам

НОЧЬЮ ЕЗДИТСЯ!

(В. Маяковский. Пролетарка, пролетарий,
заходите в планетарий)

Отсюда и появление многочисленных (реалистических и мифологических) рассуждений о происхождении безличных предложений и отражении в них русского национального характера²⁰.

Безличное предложение подробно описано как в специальных работах, так и в учебных пособиях. Этот факт, так же как и подробное рассмотрение природы односоставных предложений, позволяет вынести тему «Безличное предложение» в раздел самостоятельных заданий, сопроводив задание вопросами, отражающими суть собственно безличного предложения.

¹⁹ *Королькова А. В.* Возвратные глаголы в современном русском языке: структурно-семантический аспект: Учеб. пос. — СПб., 2009.

²⁰ *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. — М., 1996. С. 35–36 (Параграф 1.2: Склонность к пассивности и фатализму).

Задания для самостоятельной работы

1. Напишите реферат о семантике безличного предложения и способах морфологического выражения главного члена.

(Напомним основные способы:

- 1) безличный глагол,
- 2) личный глагол в безличном значении,
- 3) категория состояния, по другой терминологии — «предикативное наречие» (объясните причину двойного наименования),
- 4) отрицание *нет* — с учетом и объяснением
 - а) особенностей употребления и теоретической интерпретации предложений:

*Ни огня, ни черной хаты,
[Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одна]*

(А. С. Пушкин. Зимняя дорога);

б) возможности рассматривать слово *нет* в качестве отрицательной формы наст. вр. глагола *быть*, ср.: *У нас нет времени — У нас не было времени.*)

2. Ответьте на вопрос: правомерно ли определять главный член безличного предложения *Про батарею Тушина было забыто* (Л. Толстой. Война и мир) как краткое причастие пр. вр. ? Если нет, то как следует квалифицировать это слово (словоформу?) с морфологической точки зрения? Можно ли, как Н. Ю. Шведова²¹, считать подобные структуры архаичными? (Ср. наиболее частое употребление синтаксических синонимов: *Про батарею Тушина забыли.*)

3. Обратите внимание на семантические типы безличных предложений в книге А. А. Шахматова «Синтаксис русского язы-

²¹ Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. — М., 1964.

ка» и на интерпретацию А. М. Пешковским («Русский синтаксис в научном освещении») следующих двух примеров:

Мне было холодно ехать.

Мне было свойственно краснеть.

Ответьте на вопрос: в чем сходство и в чем различие подходов к интерпретации безличных предложений А. А. Шахматова и А. М. Пешковского?

4. Ознакомьтесь с размышлениями А. Вежбицкой о русском безличном предложении (*Вежбицка А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. — М., 1996. С. 35–36*) и с критикой ее позиции в книге З. К. Тарланова «Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии» (Петрозаводск, 1999). Чья позиция представляется вам более обоснованной? Аргументируйте свое мнение.

5. Ознакомьтесь с размышлениями В. И. Классовского о безличном предложении²². Сформулируйте свое к ним отношение:

«Предложения вроде *Мне не спится, мне лень, мне жаль, у меня нет друзей, можно, нельзя* и им подобные, называемые «безличными», — более чем стилистическая роскошь, более чем идиоматические обороты того или другого языка: они — целое отражение целой системы космологического объективизма, т. е. системы мировоззрений, по которым природа не раздваивается на производителя и произведение. Здесь, говоря грамматическим языком, подлежащее или представляется в виде неопределенного понятия «нечто», или в виде несмелого, как бы ненамеренного намека на личную причину всех явлений, в отношении к ним внешнюю. По этому пониманию вещей, данное животное есть только сравнительно усложненная питательная трубка, в которой происходят роковые процессы. Рядом с ним, с этим мировоззрением, стоит другое, противоположное, которое можно назвать субъективизмом. Здесь все преемственно связывается в одну общую цепь, в начале которой поставлен самосознательный абсо-

²² *Классовский В. И.* Можно ли считать доказанным, что именительный падеж есть единственная форма при выражении логико-грамматического подлежащего? // *Классовский В. И.* Нерешенные вопросы в грамматике. — СПб., 1870.

лутный субъект, а на всем ее протяжении и впереди ее — бездонный план целесообразных, конечных начертаний. Грамматически выражаясь, здесь открыто преобладает именованное подлежащее — именительный падеж. Итак, искони живут рядом, рассчитанные на свободный выбор свободной воли, две космологические теории, и обе они не могли, по необходимости, не отразиться в сложном выполнении одной из органических потребностей человека, в языке. Которая из них представляется преобладающей в языке? Очевидно, субъективная (отсюда предложения открыто-личные, с именительным подлежащего, решительнее и многочисленнее, чем так называемые «безличные», с подлежащим в косвенных падежах).

Перед читателем предстал обзор предложений, которые А. А. Шахматов назвал односоставными. В этот круг он ввел и так называемое вокативное предложение, сопроводив его чеховским примером, ставшим классическим:

С о н я (тоном упрека). *Дядя!* (А. П. Чехов. Дядя Ваня)

Под вокативным предложением понимается, таким образом, изолированное обращение, которое используется как самостоятельное высказывание с фиксированным коммуникативным заданием: одернуть адресата, напомнить ему о недопустимости нарушения неких правил²³. К указанной А. А. Шахматовым целеустановке можно добавить стремление выразить ласку, одобрение (ср. реплики матери, обращенные к младенцу: *Лапушка моя, зайнька...* и т. п.), — или, еще, выразить радость от встречи. Фиксированная целеустановка сопровождается и соответствующим интонационным оформлением — особым для каждого из названных случаев, но, тем не менее, подвластным любому носителю русского языка. Именно интонация превращает простую номинацию адресата в полноценное высказывание. Способность выступать в качестве полноценного высказывания (что

²³ А. А. Шахматов формулировал это так: упрек, укор, желание подействовать на адресата, скрытое «как тебе не стыдно!» (Синтаксис русского языка... — С. 86).

отнюдь не свойственно обычному обращению!), в свою очередь, и побудила А. А. Шахматова выделить данное явление в особый тип, назвав его вокативным предложением (напомним, от *лат. vocativ* — звательный падеж).

Кроме высказываний с целеустановкой упрека, ласки или выражения радости от встречи, к вокативным предложениям в качестве особой разновидности следует отнести **зов**:

- *А где же Гришуха? —*
отец мимоходом сказал.
- *В горохах, — сказала старуха.*
- *Гришуха! — отец закричал* (Н. А. Некрасов).

Отличительным признаком ситуации, в которой используется данная разновидность вокативных предложений, является сравнительно значительное расстояние, разделяющее говорящего и слушающего, и отсутствие прямой видимости (говорящий не видит того, кого зовет).

Однако интерпретация вокативных предложений именно как **предложений** спорна. Ведь, рассматривая их наряду с другими типами односоставных предложений, мы тем самым придаем им статус особого структурного типа русского предложения, в то время как собственно структурной спецификой они не обладают. Звательный падеж, входивший в древнерусскую падежную парадигму, современным русским языком утрачен: сохранились лишь отдельные архаичные формы (*старче, боже, отче* и др.), и, кроме того, в разговорной речи используются специализированные формы почти просторечного характера (*мам (ма), пап (па), Валь, Миш, Галь* и т. д.); регулярная же форма вокатива существительных со значением лица в современном русском языке отсутствует.

Специфичность «вокативных предложений» наблюдается лишь в коммуникативном отношении и проявляется, как уже сказано, в особой целеустановке, увязанной в единый комплекс с особым интонационным оформлением. В таком случае, целесообразнее и рассматривать «вокативные предложения» в одном ряду с обращением, в рамках собственно коммуникативных

средств. Это соображение подкрепляется еще и тем фактом, что существуют высказывания, лексически представленные незнаменательными словами — например, модальными частицами (*Ну уж!*; *Вот еще!*; *Да ну?!* и мн. под.), — а кроме них, еще и высказывания, представленные междометиями. Если следовать логике выделения «вокативных предложений» в особый структурный тип, то тогда необходимо дополнить типологию односоставных предложений «частичными предложениями», «междометными предложениями»... Ясно, что такое решение неприемлемо. И прежде всего потому, что применительно к таким «предложениям» проблема главного члена окажется неразрешимой: ведь главный член должен хоть что-то называть! А если это предложения без главного члена, то это и предложения без предикативности... между тем предложения без предикативности быть не может.

Другое дело — **высказывание**, которое может опираться на модель предложения, а может и не опираться. «Междометное предложение» — нонсенс; а вот междометное высказывание — безусловный факт речи. **Речи** — но не языковой системы.

То же следует отнести и к «вокативным предложениям».

В. В. Виноградов, предложив свою классификацию частей речи, ввел понятие **категории слов**, внутри которой только знаменательные слова названы частями речи — те, которые предназначены для выполнения функции членов предложения. Модальные слова и междометия выведены за пределы частей речи — они несут лишь собственно коммуникативную нагрузку. Обращение, а вместе с ним и «вокативное предложение», по своей основной функции — тоже представители собственно коммуникативной сферы. Возможно возражение: обращение не только коммуникативно, но и номинативно, ведь оно так или иначе «отражает «положение дел», называя адресата. Действительно, обращение может быть носителем номинации. Приведем особенно выразительный пример:

— *Антракт, негодяи!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Глава 15 «Сон Никанора Ивановича» занимает особое место в романе М. Булгакова. Эта сатирическая сцена отражает не только одно из самых известных деяний советских властей, связанных с ограблением народа (в деревне это страшное по своим последствиям подлинное ограбление — так называемая продразверстка, в городе — несколько смягченное, но насилие — изъятие у населения золота). Здесь, кроме этого, талантливо изображены пошлость и абсолютная глухота к нравственному, воцарившиеся в годы НЭПа — по лаконичной формуле Б. Брехта, «Сначала хлеб, а нравственность потом». Действительно, обращение «негодяи» обобщает и тогдашнее отношение власти к людям в целом, и оценку того слоя коммерческой элиты, которая сформировалась во времена НЭПа. Хорошо это обыграно и благодаря гротесковым приемам восприятия «Скупого рыцаря» и самого Пушкина центральным персонажем главы Никанором Ивановичем Босым — ограниченным необразованным мещанином, который, будучи «председателем домкома номер триста два-бис по Садовой», «совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: «Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «А за квартиру Пушкин платить будет?». Да, в этом контексте обращение «негодяи» — смысловой центр. Но ведь и вводные слова могут становиться смысловым центром, что вовсе не означает запрета на их грамматический переход в другой морфологический класс.

(Отступление это, казалось бы, для сюжета односоставного предложения — весьма частное. Но отнюдь не для сюжета о выделенных Шахматовым в особый класс вокативных предложений.)

В заключение — еще несколько слов о роли А. А. Шахматова в развитии отечественной синтаксической мысли и о месте его концепции в современной синтаксической теории.

Все идеи, связанные с концепцией Шахматова о двусоставности *vs.* односоставности русского предложения, весьма существенны для понимания роли «Синтаксиса русского языка» в истории отечественного синтаксиса. Мы можем почти с легкостью употреблять словосочетание *буславское направление в*

синтаксисе (как синоним термина *логико-грамматическое направление*). Но неслучайно словосочетание *шахматовское направление* не употребляется: Шахматова нельзя безоговорочно отнести ни к одному из направлений, которыми принято обозначать этапы развития синтаксических идей в России. Это самобытный наш мыслитель и гениальный языковед, сумевший усвоить уроки западной лингвистики и овладеть лучшими достижениями грамматической мысли (где бы они ни появлялись), создать собственное направление, в котором одним из центров в осмыслении синтаксического строя языка является учение об односоставном предложении. Этот принципиально новый поворот в организации синтаксического материала способствовал выявлению не замеченных до Шахматова больших — а иногда и не очень, но весьма важных — синтаксических категорий. Вот почему заменить шахматовский подход теорией структурных схем, парадигмы предложения и т. д. (что сегодня иногда пытаются делать) невозможно.

Здесь необходимо сказать *Спасибо* (с большой буквы!) и Н. Ю. Шведовой и ее ученикам: они много сделали для решения сложнейшей задачи современного языкознания — искать новые пути к наилучшему способу моделирования языковой системы, — и ряд приемов (при этом весьма важных и удачных) сумели найти.

Однако немислимо лишь с этим единственным ориентиром ни восхититься — полюбить, ни до конца понять родной язык. Это и означало бы «*Звуки умертвив, музыку... разъять, как труп*». Думается, впрочем, что и ни одна совокупность ориентиров, принятых в той или иной теории и весьма оправданных в исследовательской практике, не может быть абсолютизирована.

Обозревая историю и современное состояние отечественного синтаксиса, можно и нужно говорить об актуальности существования собственно **шахматовского направления**, важным звеном которого является учение об односоставных предложениях.

Обобщим их типологические черты таблицей.

Семантика и грамматика односоставных предложений

Тип предложения	Значение	Морфология главного члена (структура)	Возможная валентность слева (синтагматика)
Номинативное	Бытийность	Именительный падеж имени	Личная форма глагола, совмещающая вещественное и грамматическое значения, или глагол-связка
Генитивное	Количество / требование / оптатив	Родительный падеж имени	Инфинитив или предикативная группа
Определенно-личное	Действие, совершаемое определенным лицом (если к определенно-личным относить только предложения с формой повел. накл. — действие, к совершению которого побуждается адресат)	Формы 2-го л. повелительного наклонения, а также 1-го или 2-го лица изъявительного наклонения (избирательно)	Собственно личное местоимение (<i>я — мы, ты — вы</i>)
Неопределенно-личное	Действие, совершаемое неопределенным лицом	Личная форма глагола 3-го лица мн. ч. наст./буд. вр.; прош. вр. мн. ч.	Валентность слева невозможна
Обобщенно-личное	Действие, совершаемое обобщенным лицом, или повторяющееся действие одного субъекта	Личная форма глагола 2-го лица ед. ч. наст. вр.	Именит. падеж личного местоимения 2-го лица
Безличное	Состояние, процесс, присущие субъекту или окружающей среде	Безличный глагол, категория состояния	Невозможность сочетания с именительным падежом имени

Инфинитивное	Процесс, приписываемый субъекту как возможный, желательный, необходимый и др.	Независимый инфинитив	Невозможность сочетания с именительным падежом имени
--------------	---	-----------------------	--

Завершая главу, посвященную односоставным предложениям, продемонстрируем роль одного из их типов — неопределенно-личного — в организации текстового пространства. Отметим, что в данном случае уместен именно шахматовский подход к односоставным предложениям (а не анализ, опирающийся на структурную схему V_{f3pl}). Рассмотрим эпизод из «Мастера и Маргариты», посвященный аресту Никанора Ивановича Босого и встрече его со следователем компетентных органов, о которых было не принято «говорить вслух». Вот этот эпизод — его языковое воплощение, столь увлекательно выразительное, требует объемной цитаты:

Нетрудно догадаться, что толстяк с багровой физиономией, которого поместили в клинику в комнате № 119, был Никанор Иванович Босой.

Попал он, однако, к профессору Стравинскому не сразу, а предварительно побывав в другом месте.

От другого места у Никанора Ивановича осталось в воспоминании мало чего. Помнился только письменный стол, шкаф и диван.

Там с Никанором Ивановичем, у которого перед глазами как-то мутилось от приливов крови и душевного возбуждения, **вступили** в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путаный, а вернее сказать, совсем не вышел. <...>

— Вы Никанор Иванович Босой, председатель домкома номер триста два-бис по Садовой? <...>

— Я Никанор, конечно, Никанор! Но какой же я к шуту председатель!

— То есть как? — **спросили** у Никанора Ивановича, прищуриваясь.

— А так, — ответил он, — что ежели я председатель, то я сразу должен был установить, что он нечистая сила! <...>

— Про кого говорите? — **спросили** у Никанора Ивановича.

— Коровьев! — вскричал Никанор Иванович, — в пятидесятой квартире у нас засел! Пишите: Коровьев. Его немедленно надо изловить! Пишите: шестое парадное, там он.

— Откуда валюту взял? — **задушевно** спросили у Никанора Ивановича.

— Бог истинный, бог всемогущий, — заговорил Никанор Иванович, — все видит, а мне туда и дорога. В руках никогда не держал и не подозревал, какая такая валюта! <...> Брал, но брал нашими, советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало. Хорош и наш секретарь Пролежнев, тоже хорош! Прямо скажем, все воры в домоуправлении. Но валюты я не брал!

На просьбу не валять дурака, а рассказывать, как попали доллары в вентиляцию, Никанор Иванович встал на колени и качнулся, раскрывая рот, как бы желая проглотить паркетную шашку.

— Желаете, — промычал он, — землю буду есть, что не брал? А Коровьев — он черт.

Всякому терпению положен предел, и за столом уже **повысили** голос, **намекнули** Никанору Ивановичу, что ему пора заговорить на человеческом языке.

Тут комнату с этим самым диваном огласил дикий рев Никанора Ивановича, вскочившего с колен:

— Вон он! Вон он за шкафом! Вот ухмыляется! И пенсне его... Держите его! Окропить помещение!

Этот достаточно обширный фрагмент из «Мастера и Маргариты» обнаруживает разнообразие функциональных резервов, присущих всему составу глагольно-личных предложений. Естественным «героем дня» фрагмента становится неопределенно-личное предложение с главными членами *поместили, вступили в разговор, спросили, [задушевно] спросили, намекнули*. Этот ряд продолжен и в последующем фрагменте, описывающем завершение эпизода: *вывели, поместили, съездили, побывали, не нашли, уехали*. Подчеркнуто неоднократное повторение одного и того же типа односоставного предложения не случайно. Ведь прежде чем Босого доставили в психиатрическую клинику профессора Стравинского, он побывал **в другом месте**. Данное словосочетание становится в главе 15-й устойчивым: **От другого места у Никанора Ивановича осталось в воспоминании мало чего**. Цепочка неопределенно-личных дается на фоне других односоставных и неполных предложений: **«Брал, но брал нашими, советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало. <...> Прямо скажем, все воры в домоуправлении. Но валюты я не брал!»** Это признание — готовность сознаться, сопровождаемая страхом, — закан-

чивается полным предложением *Но валюты я не брал!*, подытоживающим «главную задачу» подследственного — отместить самое страшное в советское время обвинение: *валюты я не брал*, т. е. «с иностранцами связей не имею».

Синтаксически эпизод с Босым решен так, что вырастает в метафору: словно бы там (в самом страшном заведении страны) Босой оказывается в окружении меняющихся необычных действий, неизвестно кем производимых, словно бы направляемых всемогущей рукой. А не конкретным лицом.

Босой, однако, проявляет себя в духе времени — ищет шпионов и врагов (и кого же? — все того же насолившего ему Коровьева). И быстро из испуганного до смерти человека превращается в доносчика — с неизбежной серией побудительных предложений: *Пишите: Коровьев. Его немедленно надо изловить! Пишите: шестое парадное, там он.* И далее: — *Желаете, — промычал он, — землю буду есть, что не брал? А Коровьев — он черт. <...> И за столом уже повысили голос, намекнули Никанору Ивановичу, что ему пора заговорить на человеческом языке.* И Босой не заговорил, а дико заревел: *Вон он! Вон он за шкафом! Вот ухмыляется! И пенсне его... Держите его! Окропите помещение!*

Даже в устах столь несимпатичного персонажа выразительный потенциал односоставных предложений — неоспорим.

()

Дополнительная литература

1. *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке. — М., 1989.
2. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. Изд. 6-е. — М., 1959. С. 273–277.
3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. С. 283–284.
4. *Храковский В. С.* Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. — Л., 1985.
5. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. — Л., 1941. С. 274–281, 290–292, 310–314, 392–393, 398–399, 407–414.
6. *Шведова Н. Ю.* Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6.
7. *Щерба Л. В.* О второстепенных членах предложения // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. — Л., 1958. С. 92–103.

Члены предложения — его компоненты, выраженные знаменательными частями речи, выступающие в качестве минимальных его составляющих, отражающих предикативные отношения (со связью координации) или детерминантные отношения (со связью детерминации), а по мнению ряда лингвистов — и присловные отношения (с подчинительной связью: согласования, управления и примыкания).

Единственный бесспорный вопрос в теории членов предложения — **наличие главных членов**, составляющих его грамматическую основу, определяющих предикативное значение:

Кибитка остановилась у крыльца комендантского дома (А. С. Пушкин).

Между тем необходимость в предложении не только главных членов, но и распространяющих их компонентов очевидна.

Ср., например, XV строфу из 8-й главы «Евгения Онегина» с препарированным текстом, освобожденным от второстепенных членов:

<i>К ней дамы подвигались ближе;</i>	дамы подвигались
<i>Старушки улыбались ей;</i>	старушки улыбались
<i>Мужчины кланялись ниже,</i>	мужчины кланялись
<i>Ловили взор ее очей;</i>	ловили
<i>Девицы проходили тише</i>	девицы проходили
<i>Пред ней по зале, и всех выше</i>	
<i>И нос и плечи подымал</i>	подымал нос генерал
<i>Вошедший с нею генерал.</i>	
<i>Никто б не мог ее прекрасной</i>	никто б не мог назвать
<i>Назвать; но с головы до ног</i>	
<i>Никто бы в ней найти не мог</i>	никто бы найти не мог
<i>Того, что модой самовластной</i>	
<i>В высоком лондонском кругу</i>	
<i>Зовется vulgar. (Не могу...)</i>	зовется ... не могу

Пять основных точек зрения на выделение и квалификацию второстепенных членов:

- необходимо выделение не только главных, но и второстепенных членов при их дальнейшей классификации (Ф. И. Буславев, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и др.);
- необходимо выделение общей категории второстепенных членов без их дифференциации (А. М. Пешковский);
- рассмотрение второстепенных членов не как членов предложения, а как компонентов, находящихся при подлежащем и сказуемом (Г. В. Колшанский);
- рассмотрение в качестве второстепенных членов (присхемных распространителей¹) так называемых детерминантов, а всех

¹ «Присхемный» означает *распространяющий структурную схему* — то есть предикативный центр — предложения, а не какое-либо слово.

других — в качестве компонентов словосочетания: присловных распространителей (Н. Ю. Шведова);

- отказ от выделения второстепенных членов в качестве синтаксической категории (М. Н. Петерсон).

Основные отличия второстепенных членов от главных:

- не входят в предикативную основу;
- менее морфологизированы в способе выражения;
- вступают друг с другом и с главными членами в подчинительные связи.

Исторически сложившиеся критерии классификации второстепенных членов:

1. **Логико-грамматический** — при непоследовательном разграничении смыслового и собственно синтаксического начал (Ф. И. Буслаев);

2. **Формально-синтагматический** — выделение согласуемых, управляемых и примыкающих частей речи (А. М. Пешковский);

3. **Морфологизированный** (А. А. Шахматов).

В книге «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова представлена следующая классификация:

1. Приложение

Чижа захлопнула злодейка-западня (И. А. Крылов);

2. **Определение** (объем его ограничен только согласованным определением)

Улыбались сонные березки (С. Есенин);

3. **Обстоятельство** (выражено только наречием)

Мы расстались дружески (А. С. Пушкин);

4. **Простое дополнение** (объем его ограничен только формами имени без предлога)

У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина
(А. С. Пушкин);

5. **Релятивное дополнение** (выражено именем с предлогом — сюда попадают не только формы *с книгой*, но и *после чаю, под Москвой* и др.)

У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина
(А. С. Пушкин);

6. **Дополнительный глагольный член** (выражен инфинитивом, зависимым от существительного, прилагательного и лексически полнозначного глагола: *мечта поехать, рад поехать, люблю читать*);

7. **Дополнительный субстантивный и адъективный член** (*Ты привыкла меня видеть девочкой*).

Н. Ю. Шведова вслед за В. В. Виноградовым поставила вопрос о выделении категории **детерминантов**, то есть неглавных членов, относящихся ко всему предложению в целом (подробнее о детерминантах см. ниже):

Под старость жизнь такая гадость (А. С. Пушкин);

В начале 1812 года я спешил в Вильну, где находился наш полк
(А. С. Пушкин).

Если выделять детерминанты в качестве особой категории, а словосочетания рассматривать в качестве самостоятельной синтаксической единицы, то целесообразно все зависимые компоненты считать не членами предложения, а компонентами словосочетания, входящего в предложение как некое единство. В таком случае, в уже приведенном предложении *У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина* (А. С. Пушкин) будут выделены такие его члены: *я* — подлежащее, *увидел* — сказуемое, *у окошка* — детерминант. Остальные слова (*комендантского, дома, стоящего, Швабрина*) придется признать зависимыми компонентами словосочетаний: *окошко дома, комендантский дом, увидел Швабрина, стоящий Швабрин* — и отказать им в статусе членов предложения. Можно ли признать такое решение удовлетворительным? Сомнительно.

Возможно несколько иное решение: считать, что в качестве детерминанта и в качестве сказуемого в этом предложении выступают неэлементарные словосочетания *у окошка комендантского дома* и *увидел стоящего Швабрина*. Однако в таком случае придется, как минимум, пересмотреть всю типологию сказуемых, поскольку придется учесть все случаи выражения сказуемого словосочетаниями — что вряд ли возможно в принципе.

Исходя из подобных рассуждений, многие специалисты считают оправданным сохранение статуса членов предложения за присловными распространителями — то есть не главными членами и не детерминантами. Чаще всего это мотивируют следующими аргументами:

- последовательной соотнесенностью частей речи и членов предложения: «Существенный признак предложения состоит в том, что в предложение входят части речи» (А. А. Потебня);
- приобретением «присловными распространителями» дополнительных значений, происходящим именно в составе предложения и невозможном в рамках собственно словосочетания:

Значение	Пример	Пояснения
Условно-временное	<i>Осенняя муха злее кусает</i> (посл.)	когда / если наступает осень...
Условия	<i>Смутные времена рождают самозванцев</i> (афоризм); <i>Плохие книги не только бесполезны, но и вредны</i> (Л. Толстой)	если времена смутные... если книга плоха...
Причины	<i>Трусливый друг страшнее врага, потому что врага опасешься, а на друга надеешься</i> (афоризм)	страшнее, так как труслив (и может предать)
Следствия	<i>...поклонники Достоевского бредут петербургскими маршрутами Раскольникова, любители Булгакова гуляют у Патриарших прудов, знатоки Конан Дойля рыщут по девонширским болотам</i> (А. Генис)	Достоевский — следовательно , маршруты Раскольникова... и т. д.

- способностью присловных распространителей к обособлению (в том числе и на правах вторичной предикации):

Народ, с Петей в середине, бросился к балкону (Л. Толстой).

Сохраняя за присловными распространителями статус членов предложения, чаще всего используют наиболее распространенную классификацию второстепенных членов предложения:

ДОПОЛНЕНИЕ	
Прямое	<i>Снега покрыли гладкие равнины</i> (М. Кузмин); <i>Я помню дни солнцеворота</i> (Б. Пастернак).
Косвенное	<i>Сердце к сердцу не приковано</i> (А. Ахматова); <i>Ветром счастья веет от стихов Бунина</i> (В. Набоков); <i>Конец зиме пропели петухи</i> (А. Островский).
ОПРЕДЕЛЕНИЕ	
Согласованное	<i>Есть обаянье в древней речи</i> (Б. Ахмадулина); <i>По неизведанным путям ходить меня ты научила</i> (Ф. Сологуб).
Несогласованное	<i>Я на правую руку надела Перчатку с левой руки</i> (А. Ахматова); <i>Море чуть дышит в объятьях волны</i> (Д. Мережковский); <i>И в комнате опального поэта Дежурят страх и муза в свой черед</i> (А. Ахматова).
Приложение	<i>Как раньше катит волны красавица-река</i> (М. Горький).
ОБСТОЯТЕЛЬСТВО	
Времени	<i>Князь Андрей приехал в Петербург в августе 1809 года</i> (Л. Толстой).
Места	<i>Я иду полями</i> (С. Есенин).
Цели	<i>Чичиков ушел в комнату одеться и умыться</i> (Н. Гоголь).
Причины	<i>Начальник хотел, чтобы группа «В» (временно освобождённые от работы по болезни) была поменьше, чтобы лагерь побольше людей выставил на работу</i> (В. Шаламов).
Условия	<i>Народы живучи, века могут они лежать под паром и снова при благоприятных обстоятельствах оказываются исполненными сил и соков</i> (А. Герцен).
Образа действия ²	<i>А глаза глядят уже сурово в потемневшее трюмо</i> (А. Ахматова); <i>Но дико светская вражда Боится ложного стыда</i> (А. С. Пушкин).

² Обстоятельства образа действия имеют явный **определятельный** оттенок значения.

...

Наличие частных функций у определения:

1. Качественная *Звонок в дверь прервал бурную сцену* (Л. Улицкая).
2. Выделительная *Присутствующие прекрасно уразумели смысл царской речи* (Р. Скрынников).
3. Количественная *Четвертый посетитель потребовал чашку кофе* (И. Тургенев).

Непоследовательность традиционной классификации второстепенных членов предложения:

1. Смешение в классификации грамматического и семантического начал: противопоставленность прямого и косвенного дополнений основана на падежной форме (формально-грамматическое основание), классификация же обстоятельств — на семантике.

2. Невозможность «уложить» многочисленные языковые факты в традиционную триаду. Ср., например:

*И лихо пляшут на морозе
Мальчишки с кипами газет* (С. Маршак);
*Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда* (С. Есенин).

3. Возможная двойственность при квалификации второстепенных членов:

Сестра уехала к родственникам (дополнение);
ср.: *Я уехал в санаторий, а сестра — к родственникам* (обстоятельство места).

4. Невозможность ввести в указанную триаду второстепенные члены с двойной подчиненностью (*дуплексивы*)³, при кото-

³ Дуплексивы в данном понимании также интерпретируются как **вторичные сказуемые** (англ. secondary praedicates / predicates, нем. sekundäre Prädikate). Данная трактовка приобрела в западной лингвистике особую популярность после работы: Nichols J. Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian. Berkeley: University of California Press, 1981.

рой род и число члена предложения определяется подлежащим, а падеж — сказуемым (Л. Д. Чеснокова):

Семантика дуплексива	Примеры
Временная	<i>Ребенком она хорошо пела.</i>
Причинная	<i>Его пригласили как крупного специалиста.</i>
Очередности	<i>Его увидели первого.</i>

Детерминант — член предложения, относящийся к его структурной схеме, а не к отдельному слову, т. е. детерминант не подчинен какому бы то ни было отдельному компоненту, а распространяет весь предикативный центр (структурную схему) предложения.

Связь детерминанта со структурной схемой определяется как *детерминация* или как *свободное присоединение*⁴.

По форме детерминант может совпадать с компонентом словосочетания:

В лесу собирали грибы (запели, отдыхали... — возможно любое другое предложение).

Детерминант *В лесу* не связан с глаголом-сказуемым определенного лексического значения (ср. *В лесу запели*; *В лесу отдыхали дети* и др.). Форма *В лесу* вступает в связь детерминации со всем предложением в целом, а не подчиняется отдельному слову. *В лесу запели* — это предложение, в котором *запели* выступает как предикативный центр, а *в лесу* распространяет этот центр, — в отличие от *Избушка находилась в лесу*, где *в лесу* — зависимый компонент словосочетания *находилась в лесу*, поскольку форма

⁴ Строго говоря, связь детерминанта с предикативным центром предложения описывается как «свободное присоединение» (В. П. Малащенко, Н. Ю. Шведова) за неимением лучшего термина; эта связь еще ждет своего осмысления. Подробнее об этом см., в частности: Дымарский М. Я. Возвращаясь к типологии синтаксических связей: два базовых принципа организации языковых структур // Мир русского слова. 2008. № 1. С. 12–23. — *Прим. ред.*

находилась лексически неполноценна: без указания на место она бессмысленна.

Таким образом, детерминант *В лесу*, распространяющий предикативный центр предложения *В лесу запели*, есть распространитель **присхемный**, а зависимый компонент словосочетания *находилась в лесу* есть распространитель **присловный**.

Характерные признаки детерминанта:

1) употребляется при любых структурных схемах во всех типах предложения и во всех членах его модально-временной парадигмы (см. следующую ниже таблицу);

2) преимущественно занимает первое место в предложении. Этот последний признак не является основным, о чем убедительно писала в своем учебнике В. А. Белошапкова⁵.

Типы предложений	Реальная модальность (синтаксический индикатив)		
	прошедшее время	настоящее время	будущее время
Двусоставное	<i>В лесу пели дети</i>	<i>В лесу поют дети</i>	<i>В лесу будут петь дети</i>
Неопределенно-личное	<i>В лесу пели</i>	<i>В лесу поют</i>	<i>В лесу будут петь</i>
Безличное	<i>В лесу стихало</i>	<i>В лесу стихает</i>	<i>В лесу будет стихать</i>
Номинативное	<i>В лесу была тишина</i>	<i>В лесу тишина</i>	<i>В лесу будет тишина</i>
Инфинитивное	<i>В этом лесу было не найти грибов</i>	<i>В этом лесу не найти грибов⁶</i>	<i>В этом лесу будет не найти грибов</i>

⁵ Суть дела не в самой позиции абсолютного начала предложения, но в актуальном членении. С точки зрения актуального членения, детерминант всегда является **темой** — либо единственной (*Сегодня / жарко*) ["/" — знак актуального членения], либо дополнительной (*От холода / мальчик // начал дрожать*). При прямом нейтральном порядке слов тема должна занимать в высказывании первое место; однако довольно широко распространены и случаи инверсии темы и ремы: *Жарко сегодня!*; *Мальчик начал от холода дрожать*. Ясно, что и при инверсии детерминант остается детерминантом. — Прим. ред.

⁶ Большинство синтаксистов квалифицирует инфинитивные предложения как предложения с недифференцированной категорией времени — и справедливо; однако некоторые инфинитивные предложения позволяют строить модально-временную парадигму.

Ирреальная модальность
Синтаксическое сослагательное наклонение
<i>В лесу пели бы дети / В лесу пели бы / В лесу стихало бы / В лесу была бы тишина / В этом лесу было бы не найти грибов</i>
Синтаксическое побудительное наклонение
<i>Пусть в лесу поют дети / Пусть в лесу поют / Пусть в лесу стихает / Пусть в лесу будет тишина / Пусть в этом лесу будет не найти грибов</i>

Приведем примеры из самых разных текстов с различной временной характеристикой и различными видами детерминантов.

<p><i>В то время нас всех поразили идеи математической теории информации</i> (Вяч. Вс. Иванов);</p> <p><i>В монастыре я познакомил Таню с хранителем Логиновым</i> (С. Довлатов);</p> <p><i>С улицы через распахнутые стекла доносился шум толпы</i> (С. Довлатов);</p> <p><i>Через минуту в лодку полетели камни</i> (И. Ильф, Е. Петров);</p> <p><i>И мальчик был счастлив вследствие приезда Пьера</i> (Л. Толстой);</p> <p><i>Несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григория Ивановича не прибавлялись</i> (А. С. Пушкин).</p>	двусоставное, прошедшее время
<p><i>Где-то капает о камень вода</i> (Е. Замятин);</p> <p><i>По крови Эдгар По ирландец</i> (К. Паустовский);</p> <p><i>В отличие от поэзии проза является не искусством слова, а искусством предложения, искусством высказывания</i> (В. Руднев);</p> <p><i>Совершенно в духе Руссо «оковы просвещения» противопоставлены воле</i> (Ю. Лотман).</p>	двусоставное, настоящее время
<p><i>В такое утро каждому хочется танцевать</i> (Ю. Олеша).</p>	односоставное, безличное, настоящее время

Предваряя таблицу типов детерминантов по значению, необходимо подчеркнуть, что в основном эти значения совпадают с компонентами словосочетания, передающими такие значения, как временные, причинные, условные, целевые и др. Мы в этом убедились, разбирая предложно-падежную форму *в лесу* (значе-

ние места). Подобные формы в школьных (и не только!) учебниках принято называть обстоятельствами.

Однако особое назначение детерминантов — распространять предложение в целом — пополняет их состав. Прежде всего, нужно отметить существование детерминантов с субъектным и объектным значением: *Мне скучно, бес...* (А. С. Пушкин); *Тебе не угодишь*, — которые, разумеется, не могут подводиться под категорию обстоятельственных словоформ. Кроме того, особую группу детерминантов составляют словоформы со значениями включения / исключения, ограничения, выделения и др. (см. табл. ниже), которые не подводятся под аналогию ни с одним из выделяемых традиционно типов второстепенных членов. Приведем опыт классификации, которая дана в «Русской грамматике» под ред. Н. Ю. Шведовой:

Типы детерминантов

Субъектные; субъектно-объектные	<i>Я увидел также у Солженицына другое, чем у меня, отношение к прогрессу</i> (А. Д. Сахаров).
Объектные; объектно-обстоятельственные	<i>Для куклы приготовили особую комнату рядом со спальней наследника Тутти</i> (Ю. Олеша).
Времени	<i>В начале сентября, вечером, меня неожиданно вызвали к начальнику полета</i> (В. Пелевин).
Пространства	<i>В издательстве явственно ощущалось какое-то странное беспокойство</i> (Л. Чуковская).
Причины, основания, повода	<i>От мороза кровь стынет в жилах</i> (А. Королев). <i>Из-за жары приемная комиссия сидела в решетчатой беседке китайского вида во дворе клуба</i> (В. Пелевин).
Условия	<i>При наличии характера школа хорошо воспитывает</i> (М. Горький).
Уступки	<i>Вопреки обычным представлениям, время отнюдь не всегда ставит все на свои места</i> (Н. Кожевникова). <i>Каждый вечер в ущерб заданным урокам я читаю и перечитываю одну и ту же книгу — «Война и мир»</i> (Тэффи).

Цели	<i>Чего хочу? С какой целью открою душу вам свою...</i> (А. С. Пушкин)
Включения Исключения	<i>По соседству со мной работали: К. Чуковский, автор предисловия к нашему сборнику, и Э. Г. Герштейн — составительница отдела прозы (Л. Чуковская).</i>
Ограничения Выделения	<i>В глазах обывателя великие таланты и гении всегда являются чем-то вроде сумасшедших (Е. Замятин).</i>
Замещения	<i>Трике, догадливый поэт, Его (куплет. — С. И.) на свет явил из праха, И смело вместо belle Nina Поставил belle Tatiana (А. С. Пушкин).</i>
Сопутствия	<i>За чаем они (Софья Петровна и Наташа. — С. И.) припомнили, что фигура Захарова отличалась военной выправкой (Л. Чуковская).</i>
Соответствия	<i>В соответствии с традицией главную армию могли возглавлять либо сам царь, либо старшие бояре думы (Р. Скрынников). Согласно ей (теории Гурджиева. — С. И.), всего лун у Земли было пять — именно поэтому звезда, символ нашего государства, имеет пять лучей (В. Пелевин).</i>
Способа	<i>Влюбиться можно и ненавидя (Ф. Достоевский).</i>
Сравнения Сопоставления	<i>В отличие от многих других я дожил до времени перемен (Вяч. Вс. Иванов).</i>

Эту типологию можно дополнять, уточнять, но общий принцип, однако, следует признать целесообразным.

В лингвистической литературе понятие детерминанта несколько в ином качестве рассматривают и при изучении семантической структуры предложения. Оговорим вопрос о семантике предложения и о выделении понятия *семантическая структура предложения*.

Во второй половине XX века общее весьма интенсивное развитие семасиологии привело к необходимости изучения семантической структуры предложения, которая в элементарном виде предстает в виде отражения в предложении субъектно-объектно-предикатных отношений:

Татьяна спит / Татьяне спится

Шалун уж заморозил пальчик.

Ему и больно, и смешно...

формы Им. и Дат. падежей, с точки зрения грамматической организации предложений, выполняют в них разные функции, но в **семантическом** плане и та, и другая обозначают **субъекта**

См. дополнительные примеры отношений *субъект — предикат* (по «Русской грамматике»):

носитель действия	действие	
<i>Мальчик</i>	<i>прыгал</i>	
носитель интеллектуального действия	интеллектуальное действие	предмет
<i>Мальчик</i>	<i>читает</i>	<i>книгу</i>
носитель психологического состояния	состояние	
<i>Мальчик</i>	<i>радуется</i>	
<i>Мальчику</i>	<i>весело</i>	
обладатель чего-л.		предмет обладания
<i>У мальчика</i>		<i>велосипед</i>

Семантический синтаксис — это особое направление в современной синтаксической теории, требующее дальнейшего развития (что целесообразно представить в специальном курсе⁷). В данном же случае, осуществляя в учебных целях интегральный

⁷ См., в частности: Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций. — Красноярск, 1988.

подход, мы опускаем этот раздел (хотя в исследовательской практике он имеет весьма существенное значение).

Учет достижений семантического синтаксиса позволяет придать типологии русского предложения существенно более компактный характер. Один из удачных опытов такой типологизации представлен в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой (М., 1998. С. 104–105)⁸. Приведем исходные положения этой типологии.

Элементарные единицы синтаксиса (в концепции «Коммуникативной грамматики») — синтаксемы с предметным и синтаксемы с признаковым значением, — вступая в предикативную связь, образуют модель предложения с определенным типовым значением. Говорящий, в соответствии со смысловыми потребностями, избирает нужные категориальные компоненты.

Под моделью предложения понимается состав взаимообусловленных субъектного и предикатного компонентов в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик.

Типовое значение предложения — обобщенный смысловой результат (в иной терминологии — семантическая структура) предикативного сопряжения субъектного и предикатного компонентов.

Две или несколько моделей, организованных одноименными компонентами с различиями в оформлении, могут выражать одно и то же типовое значение (ср. *Дед — плотник* и *Дед плотничает* — лицо и его профессия, занятие; *Она в обмороке* и *У нее обморок* — лицо и его состояние; *Яблоня цветет* и *Яблоня в цвету* — предмет и его состояние).

Основные модели предложений и их типовые значения могут быть представлены в таблице (источник — «Коммуникативная грамматика русского языка»):

⁸ При этом нужно отметить, что Г. А. Золотова отказывает понятию семантической структуры предложения в статусе его (предложения) *особого* аспекта. Эта позиция может быть объяснена только в контексте всей синтаксической концепции Г. А. Золотовой, поэтому в данном случае отсылаем читателя к указ. раб.

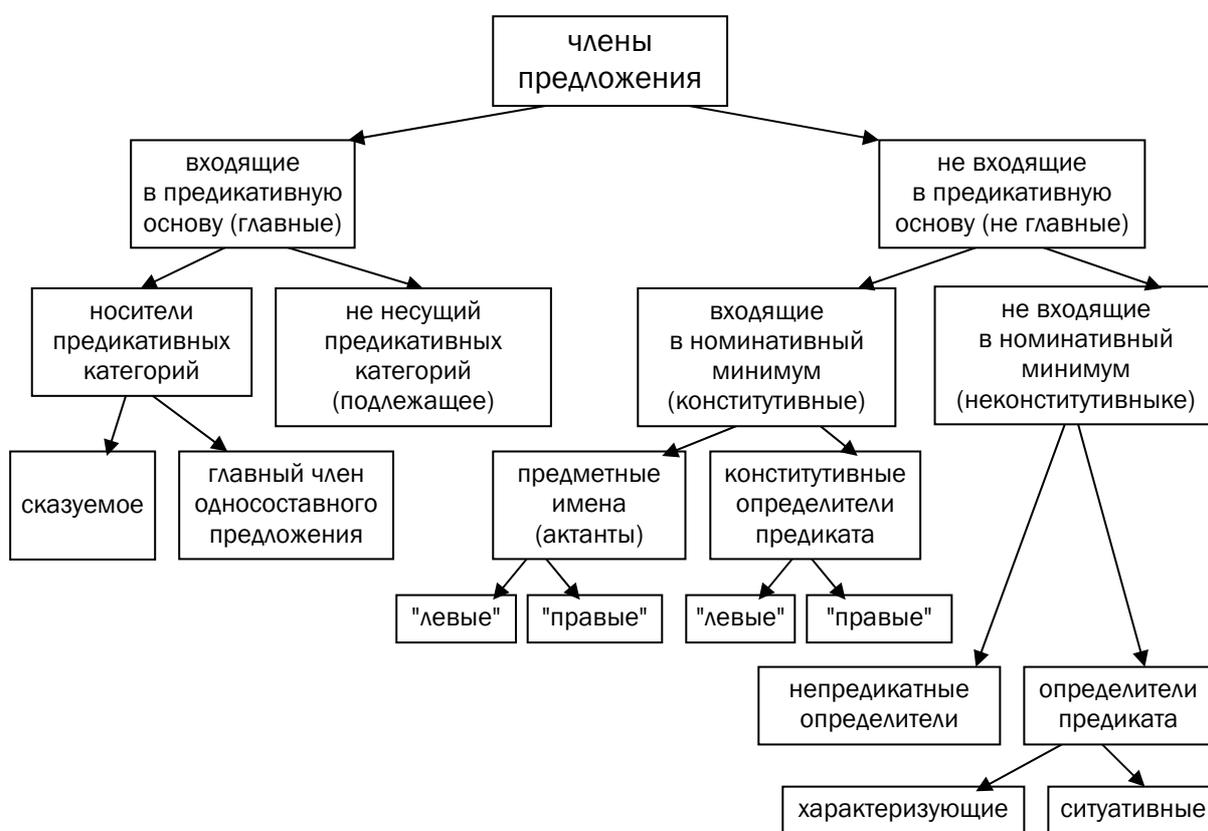
Примеры предложений	Способ выражения предиката	Типовое значение
<i>Сестра шьет</i>	глагол	действие субъекта (акциональный признак)
<i>Сестре скучно</i>	предикатив (категория состояния)	состояние субъекта (статуальный признак)
<i>Сестра добрая</i>	прилагательное	свойство предмета (квалитативный признак)
<i>Сестер три</i>	числительное	количество предметов (квантитативный признак)
<i>Сестра — врач</i>	существительное	отнесение к классу предметов (квалификативный признак)

Приведенная таблица выявляет еще одно важное свойство моделей предложений: взаимную избирательность, взаимообусловленность по форме и содержанию обоих организующих модель компонентов — субъектного и предикатного (или, по традиции, подлежащего и сказуемого, хотя это неточно: субъект, в отличие от подлежащего, не ограничивается именительным падежом). Так, при предикате — личном глаголе субъект обычно выражается именем в именительном падеже, при предикате — предикативе на -о — именем в дательном падеже, при квантитативном предикате — чаще именем в родительном падеже. Показательно (это в работе Г. А. Золотовой и ее учеников принципиально), что модели представлены не формализованно, а конкретными предложениями: *У брата мотоцикл* и т. п.

«Коммуникативная грамматика...» — это законченное описание синтаксического — и, шире, грамматического — строя современного русского языка. Вырывать из этой монографии отдельные фрагменты — дело неблагодарное. Надо иметь в виду всю систему в целом, глубоко продуманную и последовательно развиваемую на страницах этой научно-учебной книги. Очень важно и то, что в ней рассматривается грамматика в целом, морфология и синтаксис не «разводятся» — они «близнецы», сестра и брат (не «близнецы-братья»). Но дело не в абсолютном равноправии или неравноправии. Все намного сложнее. Эта сложность связана с разнообразием взаимоотношений этих неразрывных

подсистем языка. Коммуникативную сущность языка можно понять и описать только при ориентации на постижение этих сложных и разнообразных взаимоотношений — и не иначе.

Завершая разговор об иерархии членов предложения, отметим, что неудовлетворенность «традиционной» классификацией породила множество попыток либо уточнить ее, либо предложить новую. Одна из удачных современных классификаций членов предложения принадлежит В. А. Белошапковой. Приведем эту классификацию в виде схемы, заимствованной из ее учебника «Современный русский язык: Синтаксис» (М., 1977):

Как видно из схемы, В. А. Белошапкова существенно расширяет иерархию членов предложения: кроме противопоставления главных членов неглавным, обнаруживаются еще 2–3 иерархических уровня, каждый из которых организован по принципу оппозиции. Вместе с тем, автор не выделяет в особую группу детерминанты: то, что понимают под детерминантами, может попасть в данной типологии и в класс конститутивных предметных имен (актантов) (ср.: *Для бедной Тани все были жребии равны*), и

в класс неконститутивных ситуативных определителей предиката (*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова*) (оба примера из А. С. Пушкина).

Так или иначе, данная типология основана на представлении ее автора о структурной схеме предложения. К этому вопросу и перейдем.

Предложение как синтаксическая единица обладает грамматическим значением и грамматической формой. Грамматическим значением предложения является предикативность; грамматической формой, обеспечивающей реализацию этого значения, — **структурная схема** (иначе ее иногда называют формулой, моделью).

Структурная схема — это понятие для теории синтаксиса одновременно и старое, и принципиально новое. С одной стороны, это разновидность понятия модели (типа, вида...) предложения. По сути, именно оно имелось в виду в существовавших и ранее типологиях русского предложения, прежде всего — в типологии А. А. Шахматова, положившего в ее основу оппозицию *двусоставное vs. односоставное предложение* с дальнейшей дифференциацией типов односоставного. Однако в этой типологии, как и в других описаниях русского синтаксиса, практически никак не детализировались типы двусоставных предложений. Детально описывались способы выражения подлежащего, типы сказуемых, но вот то, каким образом связаны определенные типы подлежащего с определенными типами сказуемого, есть ли такая связь вообще, каковы конкретные модели двусоставных предложений — все это описанию не подвергалось.

Структурная схема предложения — понятие, в отличие от понятия двусоставного или односоставного предложения, значительно более конкретное. Она фиксирует **способ соединения и оформления значимых компонентов, необходимых и достаточных для выражения предикативного значения**. Значимыми же компонентами являются словоформы определенных частей речи. Поэтому компоненты структурных схем — это обозначения

частей речи с индексами, указывающими на их форму, обязательную для того, чтобы данный компонент мог участвовать в организации предикативного центра предложения:

V — *verbum* (глагол);

V_f — *verbum finitum* (спрягаемая форма глагола);

индексы при формах глагола:

s — ед. ч. (*singularis*); *pl* — мн. ч. (*pluralis*);

1...3 — лицо (*V_{f3s}* — глагол в форме 3 л. ед. ч.);

n — средний род (*neutrum*);

Inf — инфинитив;

N — *nomen* (существительное);

индексы при формах имен:

1...6 — падеж (*И., Р., ... П. п.*); *кр.* — краткая форма;

Adj — *adjectivum* (прилагательное);

Pron — *pronomen* (местоимение);

Adv — *adverbium* (наречие);

Adv₀ — предикативное наречие на *-o* (слово категории состояния, образованное от наречия);

Praed — *praedicatum* — предикатив (слово категории состояния, образованное от существительного, прилагательного)¹;

Part — *participium* (причастие);

AdvPart — деепричастие;

Praed_{part} — причастный предикатив;

Interj — *interjection* — междометие;

Neg — *negation* (отрицание);

Cop — *copula* (связка).

Структурная схема фиксирует только **предикативный минимум** предложения, то есть отвлекается от всех возможных распространителей предикативного центра.

Н. Ю. Шведова, редактор двух академических грамматик (1970 и 1980 гг.), поставила задачу представить закрытый список структурных схем предложений современного русского языка.

¹ Конечно, этим символом можно пользоваться и для обозначения *любого* слова категории состояния.

И хотя эта задача в названных Грамматиках реализована по-разному (и вряд ли уже можно говорить о «закрытом списке»²), названный исходный принцип в них один: структурная схема представляет лишь грамматическую достаточность предложения — только предикативный минимум.

Информативная же достаточность модели, фиксируемой структурной схемой, при этом во внимание не принимается. Так, предложения: *Музыка затихла* (Д. Мережковский) и *Отец открыл* — различаются тем, что первое информативно достаточно, тогда как второе этим свойством не обладает (для информативной полноты необходим управляемый компонент словосочетания: *открыл* — *дверь, окно, книгу...*). Однако в концепции, реализованной в обеих академических Грамматиках под ред. Н. Ю. Шведовой, оба этих предложения подводятся под одну и ту же структурную схему ($N_1 V_f$).

Проблему возможного расхождения грамматической и информативной достаточности в одной структурной схеме удачно (теоретически, но не до конца практически) преодолела В. А. Белошапкова, введя понятия минимальной и расширенной структурной схемы, точнее — структурной схемы и ее **минимальной** или **расширенной реализации**. Пользуясь этим понятийным аппаратом, можно интерпретировать приведенные выше примеры следующим образом:

Музыка затихла: структурная схема $N_1 V_f$, реализована в минимальном виде;

Отец открыл дверь: структурная схема та же, но реализована в расширенном виде: $N_1 V_f N_4$.

Основная причина появления расширенных реализаций базовых структурных схем заключается в том, что лексические еди-

² Более того, вряд ли можно говорить даже о возможности закрытого — в прямом смысле слова — списка, поскольку существуют так называемые фразеологизированные модели предложения, полуфразеологизированные модели (*Всем пирогам пирог; Вот уважил так уважил!* и мн. др.). Однако закрытого — в том же прямом смысле — списка единиц не существует даже на фонологическом уровне (ср. проблемы фонематического статуса звука [ы] в русском языке, [ç] (*Ich-Laut*) в немецком языке и др.). Тем не менее, очевидно, что количество фонем в системе любого языка является конечным. То же можно сказать и о количестве структурных схем простого предложения.

ницы, которыми представлены их компоненты, могут требовать (или не требовать) **обязательного распространения**. Например, глагол *открыть* требует обязательного распространения именной словоформой в винительном падеже — следовательно, использование этого глагола в предложении влечет за собой расширенную реализацию базовой схемы; в отсутствие обязательного распространителя предложение оказывается неполным (так, предложение *Отец открыл* неполное, поскольку в нем опущено обязательное дополнение). Напротив, глагол *затихнуть* не требует обязательного распространения (возможное распространение: *постепенно затихла, затихла от внезапного шума* и т. п. — не является обязательным и на характер реализации схемы не влияет; в отсутствие подобных распространителей предложение неполным не становится). Поэтому при использовании этого глагола схема реализуется в минимальном виде³.

Теория структурной схемы сложилась не случайно. Можно назвать по крайней мере две причины, ее предопределившие.

Первая связана с общелингвистической ориентацией на уровень осмысления всей языковой системы, требующей нахождения и в синтаксической подсистеме, как и во всех других, **воспроизводимой** и **исчислимой** единицы. Реально используемые в речи предложения — высказывания весьма разнообразны. Отсюда вопрос: что же в системе **языка** на данном уровне воспроизводится?

Второй причиной стала необходимость развития и усовершенствования учения о главных членах предложения, которые рассматривались, как правило, изолированно друг от друга (подлежащее и способы его выражения, сказуемое и способы его выражения). Необходимо было также более четко противопоставить их так называемым второстепенным членам и обобщить характер взаимосвязи главных членов.

³ Существуют опыты иного исчисления структурных схем русского предложения, интерпретирующие то, что В. А. Белошапкина называет расширенными реализациями, как отдельные структурные схемы. Назовем в данном случае «Русскую грамматику», созданную чешскими учеными (Прага, 1979). Количество схем при таком исчислении, естественно, значительно увеличивается.

Рассмотрим несколько примеров предложений и их структурных схем.

*Вечер тихий наступает.
Лампа круглая горит* (Д. Хармс).

Оба предложения организованы подлежащими, выраженными существительными в И. п., и сказуемыми — глаголами в спрягаемых формах. Следовательно, оба эти предложения соответствуют структурной схеме $N_1 V_f$. В обоих случаях схема реализована в минимальном виде.

*Я ненавижу гнет насилья,
Меня пугает звон оков* (К. Бальмонт).

Первое предложение организовано подлежащим, выраженным личным местоимением в И. п., и сказуемым — спрягаемой формой глагола. Возможна интерпретация структурной схемы этого предложения с учетом того факта, что подлежащее выражено местоимением, а не существительным, а также того, что использовано местоимение 1-го лица, поэтому и глагол имеет соответствующую форму: $\text{Pron}_1 — V_{f1}$. Однако такая степень детализации вряд ли отвечает самой идее структурной схемы как абстракции весьма высокого уровня, как модели, получающей реализацию в самых различных высказываниях. Ведь если заменить местоимение 1-го лица местоимением 2-го или 3-го лица, глагол автоматически примет соответствующую форму; если заменить местоимение существительным — глагол столь же обязательно примет форму 3-го лица⁴. Поэтому целесообразно признать это предложение соответствующим той же схеме, что и в предыдущем примере: $N_1 V_f$. Однако схема реализована в расширенном виде, так как глагол *ненавидеть* требует обязательного распространения (*гнет*): $N_1 V_f N_4$.

⁴ При выражении подлежащего существительным предложение имеет значение 3-го синтаксического лица.

О втором предложении из приведенного примера следует сказать то же самое.

Положение Оренбурга становилось ужасным (А. С. Пушкин).

Подлежащее здесь выражено существительным в И. п., сказуемое — составное именное с полужнаменательной связкой, то есть представляет собой модификацию одного из двух базовых типов сказуемых — составного именного с формальной связкой (ср.: *Положение Оренбурга было ужасным*). Следовательно, предложение соответствует схеме $N_1 \text{ Cop Adj}_{1/5}$. Почему $\text{Adj}_{1/5}$, а не просто Adj_5 ? Потому что при изменении грамматического времени форма Т. п. может быть заменена формой И. п.: *Положение Оренбурга ужасное*. Схема реализована в минимальном, но модифицированном виде (поскольку вместо СИС с формальной связкой использовано СИС с полужнаменательной связкой): $N_1 V_{\text{полузн.}} \text{Adj}_{1/5}$. (Поскольку подлинная связка только одна — формальная, то есть глагол *быть* в спрягаемой форме, — целесообразно все остальные типы связок обозначать как спрягаемую форму глагола с индексом, указывающим на разновидность связки.)

Итак, структурная характеристика данного предложения выглядит следующим образом:

базовая схема:	$N_1 \text{ Cop Adj}_{1/5}$
модификация схемы:	$N_1 V_{\text{полузн.}} \text{Adj}_{1/5}$
реализация схемы:	минимальная.

Следующий пример:

И ничего в прошедшем мне не жаль (С. Есенин).

Это безличное предложение, его главный член выражен словом категории состояния *жаль* в сочетании с нулевой формальной связкой (ср. в прош. вр.: *И ничего в прошедшем мне не было жаль*). При главном члене имеются два обязательных распространителя (субъектный детерминант *мне* и прямое дополнение *ничего*), следовательно, схема реализована в расширенном виде. Форма распространителя — имя в Р. или В. п. (родительный падеж заменяет винительный при отрицании). Характеристика структурной организации предложения:

базовая схема: **Cop Praed**
 модификация схемы: отсутствует
 реализация схемы: расширенная: **N₃ Cop Praed N_{2/4}**.

Можно, однако, рассматривать введение в предложение отрицания как модификацию базовой схемы; в этом случае характеристика примет следующий вид:

базовая схема: **Cop Praed**
 модификация схемы: **Neg Cop Praed**
 реализация схемы: расширенная: **N₃ Neg Cop Praed N₂**.

(Отсутствие указания на возможность В. п. в этом случае объясняется тем, что при введении в схему отрицания распространитель может быть только в форме Р. п.)

Следующий пример:

*Не спится мне. Зажечь свечу?
 Да только спичек нет* (Г. Иванов).

Первое предложение (*Не спится мне*) — безличное, его главный член выражен спрягаемой формой безличного глагола. Важно, что это форма 3-го л. ед. ч.: кроме нее, здесь возможна только форма ед. ч. ср. р. прош. вр. — любые другие спрягаемые формы исключены. Этот факт должен быть отражен в схеме: $V_{fs3/sn}$. Возможен, впрочем, и другой вариант: $V_f \text{ безл.}$, — ведь ясно, что для безличного глагола возможны только названные формы, в других формах безличные глаголы не употребляются. Модификация схемы отсутствует (наличие отрицания, в отличие от предыдущего примера, ни на что не влияет). Схема использована в расширенном виде: при глаголе есть обязательный распространитель — субъектный детерминант. Следовательно:

базовая схема: $V_{fs3/sn}$ или $V_f \text{ безл.}$
 модификация схемы: отсутствует
 реализация схемы: расширенная: **N₃ V_{fs3/sn} или N₃ V_{f безл.}**

Второе предложение в этом примере (*Зажечь свечу?*) — инфинитивное. Модификация схемы отсутствует, дополнение (в данном случае — *свечу*) при глаголе *зажечь* является обязательным, без него предложение было бы неполным. Таким образом:

базовая схема:	Inf
модификация схемы:	отсутствует
реализация схемы:	расширенная: Inf N₄ .

Третье предложение (*Да только спичек нет*) — очень широко распространенная разновидность безличного предложения. Единственным его главным членом, на первый взгляд, является слово *нет*. Изменение предложения по временам показывает, что в данном случае *нет* — отрицательная форма наст. вр. глагола *быть* (ср.: *Спичек не было; Спичек не будет*). Важно учесть, что глагол *быть* выступает здесь не в роли формальной связки (ведь именной части сказуемого нет), а как полнозначный глагол существования — аналог простого глагольного сказуемого (сказуемым назвать его нельзя, так как перед нами главный член односоставного предложения). Он может быть заменен контекстуальными синонимами: *Спичек не оказалось; Спичек не находится / не нашлось* и т. п.

Однако самое существенное — то, что глагольная форма не является единственным главным членом данного предложения. Без формы имени в родительном падеже такие предложения бессмысленны. Если же изъять из предложения отрицание, то форма Р. п. «обернется» формой именительного падежа и «превратится» в подлежащее (!): *Спички есть / Спички нашлись / В кармане оказались спички*. Форма Р. п. обусловлена, таким образом, исключительно наличием в предложении отрицания. Мы знаем, что форма Р. п. регулярно заменяет форму В. п. прямого дополнения (*Я уже прочитал эту книгу / Я еще не читал этой книги*). Однако здесь форма Р. п. заменяет не В. п. прямого дополнения, а И. п. подлежащего, то есть является не распространителем, а обязательным компонентом схемы; она обозначает не объект, а субъект существования / несуществования.

Назвать это предложение двусоставным мы не можем, поскольку в двусоставном должно быть подлежащее, а форму Р. п. подвести под категорию подлежащего невозможно⁵. Но в теории структурных схем оппозиция двусоставности — односоставности

⁵ В концепции Г. А. Золотовой, существенно расширяющей трактовку подлежащего (фактически отождествляющей подлежащее с носителем предикативного признака, независимо от его формы), это оказывается возможным.

снимается; вместо этого структурные схемы подразделяются на однокомпонентные, двухкомпонентные — причем среди двухкомпонентных схем немало таких, которые представляют собой модели односоставных предложений. Таким образом, мы можем сказать, что перед нами предложение, структурная схема которого двухкомпонентна: $N_2 V_{f\ exist}$. (Индекс *exist* фиксирует тот факт, что в схеме может выступать не любой глагол в спрягаемой форме, а глагол с бытийным — экзистенциальным — значением; это значение может быть и результатом «давления» схемы: так, в предложении *Во всем доме не нашлось коробка спичек* бытийное значение «наводится» использованием не экзистенциального по значению глагола *найтись* именно в данной модели.)

Отдельного рассмотрения требует вопрос о реализации схемы. В контексте высказывание *Да только спичек нет* воспринимается как информативно достаточное: нам известно, кому не спится, кто размышляет, не зажечь ли свечу, — и у кого, соответственно, нет спичек. Однако для того, чтобы решить вопрос о полноте / неполноте предложения, необходимо изъять его из контекста — и только тогда можно будет судить как о его полноте / неполноте, так и, соответственно, о минимальной или расширенной реализации схемы.

Вне своего контекста данное предложение, несомненно, оказывается неполным: схема требует распространителя, указывающего либо на субъекта (*у кого* спичек нет), либо на место (*где* спичек нет, напр.: *В доме нет спичек*). Компонент, указывающий на место, окажется локальным детерминантом, который удобно обозначить как D_{loc} : в этом случае будут охвачены все возможные способы его выражения (наречие, местоименное наречие, предложно-падежная форма имени). Итог:

базовая схема:	$N_2 V_{f\ exist}$
модификация схемы:	отсутствует
реализация схемы:	расширенная: $У N_2 / D_{loc} N_2 V_{f\ exist}$

Однако, если учесть полную параллельность данной модели двусоставным предложениям, сообщающим о существовании предмета (*У меня были спички — У меня не было спичек*), мы можем рассматривать данное предложение и как модификацию схемы $N_1 V_f$, регулярно возникающую при введении в предложение отрицания. Тогда получаем следующую характеристику:

базовая схема: $N_1 V_f$
 модификация схемы: $N_2 \text{Neg } V_{f \text{ exist}}$
 реализация схемы: расширенная: $\mathbf{У } N_2 / \mathbf{D}_{loc} N_2 \text{Neg } V_{f \text{ exist}}$

Эту последнюю версию можно считать наиболее удовлетворительной.

Последний пример:

Несмотря на поздний час, в деревне не спали (А. Гайдар)

Это неопределенно-личное предложение, организованное главным членом в форме простого глагольного сказуемого, выраженным формой прош. вр. мн. ч. Форма мн. ч. и 3-го л. (если время не прош.) обязательна для неопределенно-личного предложения, следовательно, эти признаки должны быть отражены в структурной схеме: V_{f3pl} . Модификация схемы отсутствует (так как отрицание не влияет на структуру предложения, а в главном члене использована одна из двух базовых моделей сказуемого). Схема использована в расширенном виде: она распространена детерминантом, совмещающим локальное и субъектное значения (*в деревне* \approx *жители деревни*); без этого распространителя предложение окажется неполным. Таким образом:

базовая схема: V_{f3p}
 модификация схемы: отсутствует
 реализация схемы: расширенная: $\mathbf{В } N_6 V_{f3pl}$.

Компонент $\mathbf{В } N_6$ может быть представлен и более обобщенно: \mathbf{D}_{loc} (локальный детерминант). В этом случае под данную расширенную схему окажутся подведены и предложения типа *Дома не спали*.

Приведенные иллюстрации показывают путь анализа структурной организации предложения с опорой на понятия структурной схемы, ее модификации, а также ее минимальной или расширенной реализации. Еще раз подчеркнем, что для определения базовой структурной схемы предложения необходима опора на понятие двух базовых типов сказуемого, предполагающее, что остальные типы сказуемых представляют собой модификации этих базовых типов. Использование модифицированного сказуемого, а также отрицания, влекущего изменения в структуре предложения, рассматривается как модификация базовой схемы.

Такой подход позволяет с достаточной точностью описывать многообразие русского предложения, сохраняя набор исходных (базовых) структурных схем относительно компактным.

При освоении данного понятийного аппарата и основанной на нем методики анализа структуры предложения целесообразно на первых порах опираться на какой-либо из существующих списков структурных схем. Это не означает, что необходимо заучивать наизусть все приведенные в списке схемы: такой список нужен для того, чтобы получить первичное представление о том, каков исходный набор моделей предложений, — но не для того, чтобы служить носителем истины в последней инстанции, за пределами которого ничего быть не может. Построить полностью завершенный список исходных моделей предложения вряд ли возможно в принципе. Поэтому любой подобный список — лишь ориентир. Но ориентир важный и крайне необходимый.

Одним из удачных опытов типологизации структурных схем русского предложения является список, предложенный В. А. Белошапковой. Приведем его — с некоторыми уточнениями (примеры без авторства принадлежат В. А. Белошапковой, примеры же из литературных источников — наши).

І блок (двухкомпонентные — номинативные)

1	$N_1 V_f$	<i>Накануне отъезда поднялась снежная буря</i> (Б. Пастернак); <i>Но милую весной снега растают вновь</i> (Г. Иванов).
2	$N_1 \text{cop}^6 \text{Adj}_{1/5}$	<i>Первое время после свадьбы Пушкин был счастлив</i> (П. Щеголев); <i>Москва пуста</i> (А. С. Пушкин); <i>Но шаги мои были легки</i> (А. Ахматова); <i>[Война гуляет по России,]</i> <i>А мы такие молодые!</i> (Д. Самойлов).
3	$N_1 \text{cop} N_{1/5}$	<i>Мысль изреченная есть ложь</i> (Ф. Тютчев); <i>Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье</i> (Ф. Тютчев); <i>Всякая радость будет мне неожиданностью</i> (А. С. Пушкин).

⁶ Связка рассматривается как служебный элемент схемы и при подсчете количества ее компонентов не учитывается.

4	N₁ cop N₂	<i>Вся мебель — высочайшего качества, красного дерева.</i>
5	N₁ cop prep⁷ N₂	<i>Окна избенок были без стекол (Н. Гоголь); Я, товарищи, — из военной бюры (В. В. Маяковский)⁸.</i>
6	N₁ cop Adv	<i>Через час мы будем уже далеко.</i>

II блок (двухкомпонентные — инфинитивные)

1	Inf V_{fs3}	<i>Отмалчиваться не следует.</i>
2	Inf cop Adj_{кр.}	<i>Промолчать было разумно.</i>
3	Inf cop Inf	<i>Отказаться было обидеть.</i>
4	Inf cop N_{1/5}	<i>Дозвониться было проблемой.</i>
5	Inf cop prep N₂ / Adv	<i>Промолчать было некстати.</i>
6	Inf cop Pron_{neg}	<i>Посоветоваться не с кем.</i>

III блок (однокомпонентные)

1	V_{fs3} / V_f безл.	<i>Смеркалось.</i>
2	V_{fp3}	<i>Звонят.</i>
3	Inf	<i>Встать!</i>
4	Cop Inf	<i>Так как же не расхохотаться? Не разрыдаться, как же жить, [Когда возможно расставаться, Когда возможно разлюбить] (И. Северянин).</i>
5	Cop Praed	<i>Было темно.</i>
6	Cop Praed Inf	<i>Надо вставать...</i>
7	Cop Adj_{pl}	<i>Ему были рады.</i>
8	Cop Adv	<i>С ним было просто.</i>
9	Cop N₁	<i>Тишина.</i>

Как показывает приведенный состав структурных схем, он в целом ориентирован на традиционно выделяемые главные члены предложения, что помогает в использовании структурных схем при практическом анализе. Однако следует обратить внимание на три примера, где этот принцип нарушается: речь идет о II блоке.

⁷ Prep — предлог (preposition).

⁸ Ненормативность речи персонажа, удачно имитируемая поэтом, компенсируется общей выразительностью этого примера.

Пример первый: *Отмалчиваться не следует.*

Инфинитив *отмалчиваться* в данном случае — зависимый (стержневое слово *не следует*), такое предложение квалифицируется как односоставное безличное.

Пример второй: *Посоветоваться не с кем.*

Это структура особого рода, с взаимоподчинением компонентов: инфинитив *посоветоваться* и местоимение *не с кем* могут в равной мере претендовать на главную роль. Такие предложения также обычно квалифицируются как односоставные безличные.

Пример третий: *Надо встать* — безличное, стержневым компонентом является не инфинитив, а категория состояния *надо* (с лексически выраженной семантикой долженствования).

Кроме того, необходимо отметить, что схема **Cop Praed Inf** (*Надо вставать, Пора собираться на работу, Стыдно обижать маленьких* и т. п.) должна быть причислена не к однокомпонентным, а к двухкомпонентным, — коль скоро критерием является все-таки не полное соответствие схемы моделям односоставного / двусоставного предложения, а количество знаменательных компонентов, формирующих предикативное ядро.

Фразеологизированные схемы предложений (по «Грамматике-70»)

С местоименными словами	С предлогами	С союзами	Со связкой
Всем пирогам пирог. Чем не жених? Что за шум? Ничего себе стул.	Праздник не в праздник. Всем не до сна.	Люди как люди. Нет чтобы помолчать!	Жена есть жена. Невеста — это невеста.

В «Грамматике-80» система структурных схем представлена несколько по-новому. Представляется, что в учебных целях ее применение было бы менее удачным, не говоря о том, что некоторые структурные схемы вызывают ряд дополнительных вопросов. Так выделение структурной схемы *Ни звука* (Ни N₂) как самостоятельной вызывает возражение: это реализация исходной схемы *Нет ни звука* (выше предложение, соответствующее этой схеме, было разобрано подробно).

()

Дополнительная литература

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981. № 4.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955.
3. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Изд. 2-е. — М., 2006.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и вводных словах // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. II. — М.; Л., 1950. (Или: Виноградов В. В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975.)
5. Гайсина Р. М. Средства речевого контакта в отношении к структуре предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. — Ростов н/Д, 1971.
6. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 303–304.
7. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. — Л., 1990. С. 59–71.

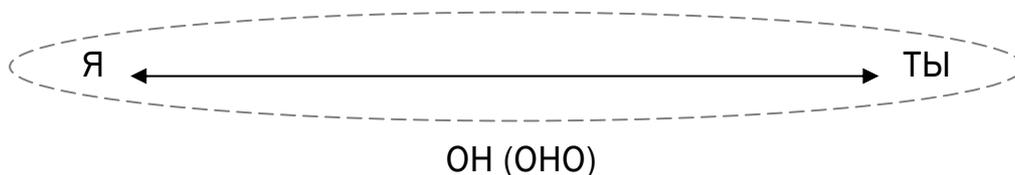
Адресатная функция синтаксиса подчинена основополагающей задаче адресации, связанной с необходимостью наиболее эффективно донести информацию до воспринимающего. Именно с этим на определенном этапе развития языка связано понимание функциональных стилей¹, определяемых не только обобщенным вопросом «для какой среды?», но и «для кого?». Известно, что тексты юриспруденции наиболее доступны (а нередко — только) юристам и трудны для не имеющих специального образования.

¹ Когда возникает тема «Богатство языка», то ее чаще связывают с богатством лексики, грамматических структур, словообразовательных возможностей, не затрагивая такой обобщенной характеристики языка, как разветвленность его стилей.

Это «для кого?» не надо понимать буквально (медикам, архитекторам, чиновникам и др.), тем более, когда речь идет не о научном и официально-деловом, а научно-популярном стиле, например. Популярный стиль весьма эффективно приспособлен к потребности каждого образованного человека получать информацию, соответствующую его языковой готовности, при выполнении тех многообразных социально-общественных и прочих ролей, которые ему приходится выполнять в течение жизни.

Адресатная функция синтаксиса имеет свою систему, ядро которой образует **межличностная составляющая предложения**.

В качестве категориального значения межличностной составляющей предложения выступает коммуникативная ось. Коммуникативная ось определяется как суперкатегория², отражающая взаимодействие в совместной речевой деятельности говорящего и слушающего, которые грамматикализованы в системе языка парадигмой личных местоимений 1-го и 2-го лица (*Я — Ты*), противопоставленных местоимению 3-го лица (*Он*), указывающему на лицо, находящееся за пределами непосредственного общения, еще шире — на предметный мир вне коммуникативной оси как таковой.

Коммуникативная ось реализуется в полном своем виде в диалоге, где нагляднее проявляется смена позиций *Я* и *Ты*, поскольку *Я* содержит в себе потенциальную сему *Ты*, а *Ты* — потенциальную сему *Я*. Приведем примеры реализации коммуникативной оси:

В дверях звенит звонок и слышны голоса.

Голос Кочкарева. *Да входи, входи, что ж ты остановился?*

² Напомним, что Р. О. Якобсон отнес категорию лица к классу **шифтеров** — то есть таких категорий, которые содержат элементы, обозначающие связь сообщения с актом речи, в частности с говорящим и слушающим.

Голос Подколесина. *Да ступай ты вперед. Я только на минуту: оправлюсь, расстегнулась стремешка.*

Голос Кочкарева. *Да ты улизнешь опять.*

Голос Подколесина. *Нет, не улизну! ей-богу, не улизну!* (Н. В. Гоголь. Женитьба)

Серебряков (проснувшись). *Кто здесь? Соня, ты?*

Елена Андреевна. *Это я.*

Серебряков. *Ты, Леночка... Невыносимая боль!* (А. П. Чехов. Дядя Ваня)

Поскольку с наибольшей полнотой коммуникативная ось проявляется в первичной форме человеческого общения — диалогической, — последнюю имеет смысл охарактеризовать хотя бы в самом общем виде. В специальной литературе термин *диалогическая речь* часто используется в качестве синонима к термину *диалог*. Было бы целесообразнее, однако, называть *диалогом* только случаи презентации диалогической речи в книжном типе, например: — *Что будем петь?* — *спросила она* (Наташа. — С. И.). — *«Ключ», — отвечал Николай* (Л. Н. Толстой. Война и мир). Слово диалог — греческого происхождения (беседа, разговор двоих). Оно обозначает смену высказываний двух (собственно диалог) или нескольких лиц (полилог). Таким образом, информативное пространство создается не одним лицом, а, по крайней мере, двумя.

Высказывание одного из лиц именуется репликой. На языковой состав реплик влияет непосредственное участие в речи говорящего и слушающего. Отсюда — бóльшая краткость высказывания (особенно в вопросно-ответном диалоге); широкое использование паралингвистических средств — мимики, жестов; ведущая роль интонации при оформлении диалогической речи; разнообразие в использовании разных по цели высказывания предложений; ориентация на неполные предложения (весьма разнородные по составу) и на нечленимые высказывания, в особенности «Да» и «Нет», ср.: — *Вы бывали в Париже?* — *Да* (вм. *Я бывал в Париже*).

Существуют различные классификации диалогов, не только с грамматической, но и с содержательной точки зрения. Наиболее обобщенная принадлежит С. О. Карцевскому, противопоставив-

шему вопросно-ответный диалог — диалогу оппозитивному (для последнего характерна бóльшая самостоятельность реплик-реакций по отношению к провоцирующим их репликам-стимулам). Ср. вопросно-ответный диалог:

- *Когда приедут гости?*
- *В среду.*

Оппозитивный диалог:

- *В среду пойду встречать гостей.*
- *И я с тобой.*
- *Прекрасно!*

Уместно заметить, что С. О. Карцевский при выдвижении этой оппозиции учитывал и содержательную, и грамматическую стороны диалогов. Он полагал, что вопросно-ответный диалог был основой для создания сложноподчиненных предложений, в то время как оппозитивный — для создания сложносочиненных.

Наличие коммуникативной оси предопределяет следующие средства межличностной составляющей предложения:

- обязательную охарактеризованность предложения по цели высказывания;
- обращения;
- вводные компоненты;
- актуальное членение предложения (высказывания);
- эллипсис;
- парцелляцию.

Охарактеризуем важнейшие из этих средств.

Дополнительная литература

1. *Бирюлин Л. А., Храковский В. С.* Повелительные предложения: вопросы теории // Типология императивных конструкций. — СПб., 1992.
2. *Валимова Г. В.* Функциональные типы вопросительных предложений в современном русском языке. — Ростов н/Д, 1967.

3. *Рестан П.* Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос. — Oslo, 1972.

4. *Рябцева Н. К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М., 1994.

Вопросительное предложение (*ВП*) представляет собой запрос информации, выражение потребности получить от собеседника неизвестные говорящему сведения о ситуации, ее компонентах и т. п.:

— *Как ваше имя? Смотрит он / И отвечает: Агафон* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Побудительное предложение (*ПобП*) выражает потребность говорящего побудить собеседника (адресата) к какому-либо действию — вербальному или невербальному:

— *Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин);
«*Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп*» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Повествовательное предложение (*ПовП*) представляет собой констатацию некоторого положения дел (действительного или вымышленного):

*Свадьба Пушкина состоялась 18 февраля 1831 года;
Мы вошли в комендантский дом* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка);
Всадники окружили карету (Ю. Олеша. Три толстяка).

В некоторых грамматических описаниях особо выделяются **оптативные** (пожелательные) предложения (*ОП*), выражающие неадресованное волеизъявление говорящего — его желания:

Мне бы невской воды глоток (А. А. Ахматова).

Интерпретация различных типов предложений по цели высказывания как одного из важнейших средств межличностной со-

ставляющей предложения была бы неполна без выяснения того, как располагаются эти различные типы на коммуникативной оси. Для этого, в свою очередь, целесообразно опереться на положения **теории речевых актов**³, рассматривающей каждое человеческое высказывание как *речевое действие* и поэтому учитывающей не только видимую и подлинную цели высказывания, но также тот *результат* (воздействие на адресата), которого данное речевое действие достигло. Согласно ТРА, любое высказывание может быть использовано говорящим как в соответствии с его прямым назначением, так и косвенным образом (по этому признаку различаются *прямые* и *косвенные* речевые акты). Например, вопрос князя, мужа Татьяны, обращенный к Онегину: *Ты ей знаком?* — является прямым РА, так как цель говорящего действительно заключается в том, чтобы запросить неизвестную ему информацию. Вопросительное же по форме предложение: *Изображу ль в картине верной / Уединенный кабинет, / Где мой воспитанник примерный / Одет, раздет и вновь одет?* — является косвенным РА, поскольку о запросе информации здесь речи нет: это повествовательно-риторический прием, целью которого является введение в текст новой микротемы — описания кабинета героя, которое и следует непосредственно за этим риторическим вопросом (оба примера из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина).

В качестве косвенного РА, имеющего целью запрос об информации, может использоваться даже повествовательное предложение. Ср. в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова — особое внимание стоит обратить на реплику Печорина, представляющую собой косвенную ответную реакцию именно на вопрос, хотя реплика Грушницкого формально вопросом не является:

³ Теория речевых актов (ТРА; Speech Acts Theory) — наиболее авторитетная и популярная ветвь **лингвистической прагматики**. Основоположниками ТРА являются Дж. Остин (J. Austin) и его ближайший последователь Дж. Сёрль (J. Searle). Исходные положения ТРА были сформулированы Дж. Остином в лекционных курсах еще в 30-е гг. XX в., в 1961 г. вышла в свет его книга «How to Do Things with Words» (в рус. переводе «Слово как действие»). Подробнее см.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Лингвистическая прагматика. — М., 1986.

— *Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной,* — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня.

— *Где нам дуракам чай пить!* — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным.

Однако нам в данном случае следует отвлечься от косвенных РА и сосредоточить внимание только на прямых, поскольку именно они составляют основу человеческого общения. Сопоставление ВП, ПобП и ПовП с типами прямых РА приводит к заключению о том, что **типы предложений по цели высказывания могут быть интерпретированы как наиболее обобщенные, базисные средства реализации прямых речевых актов, кристаллизованные в системе языка и обладающие — каждый — своей, только ему присущей, грамматической спецификой.** Так, для каждого из типов характерен свой, особый интонационный рисунок; кроме того, вопросительному предложению свойственны особый порядок слов, а также использование специальных лексических средств, оформляющих вопросительную интенцию говорящего (вопросительные местоимения, частицы *разве, неужели, ли*); побудительному предложению свойственны использование форм повелительного наклонения и дополнительных средств, оформляющих императивное значение (*давай / давайте* и др.), особые закономерности порядка слов; повествовательное предложение на фоне вопросительных и побудительных наименее специфично, однако и ему присущи некоторые особенности — например, собственные закономерности порядка слов.

Рассмотрение типов предложения по цели высказывания в качестве кристаллизованных в системе языка фундаментальных средств реализации прямых речевых актов позволяет сделать вывод об их **различном отношении к коммуникативной оси.** Критерием в этом случае оказывается степень обязательности реакции адресата, предполагаемой высказыванием говорящего, иначе говоря — сила коммуникативной интенции, заложенной в каждом из рассматриваемых типов.

Вопросительные предложения, с этой точки зрения, являются наиболее сильным коммуникативным средством, так как в норме

не только требуют ответной реакции адресата, но и получают ее, ср.:

Н а т а ш а . *Андрюшанчик, отчего ты молчишь?*

А н д р е й . *Так, задумался... Да и нечего говорить...* (А. П. Чехов. Три сестры)

Обязательность ответа фиксируют и общепринятые нормы речевого этикета: отсутствие ответа (или ответ вопросом на вопрос, что то́ же) считаются проявлением невежливости, то есть нарушением коммуникативной нормы. Таким образом, **в ВП имеет место, как правило, полная реализация коммуникативной оси**, что схематически можно изобразить так:

Я ←————→ Ты

Максимальная сила коммуникативной интенции ВП объясняется тем, что они содержат не только эксплицитно выраженную сему запроса информации, но — столь же обязательно — и сему побуждения к ответу, то есть по количеству семантических компонентов, затрагивающих адресата непосредственно, они богаче и ПобП, и — тем более — ПовП. Сема побуждения к ответу, которая в общем случае содержится в ВП имплицитно, может легко эксплицироваться:

Скажите, ведь вы ей родственник? (Н. В. Гоголь. Женитьба)

Позвольте полюбопытствовать, — вы давно с моим Евгением знакомы? (И. С. Тургенев. Отцы и дети)

Побудительные предложения как коммуникативное средство слабее ВП — в том смысле, что желаемый говорящим результат (а в данном случае это определенное действие адресата) может быть как достигнут, так и не достигнут:

С о р и н (ей, умоляюще). *Останьтесь!*

Н и н а . *Не могу, Петр Николаевич.*

С о р и н . *Останьтесь на один час. Ну что, право, что...*

Н и н а (подумав, сквозь слезы). *Нельзя!* (пожимает руку и быстро уходит) (А. П. Чехов. Чайка)

Если в приведенном примере желаемый говорящим (Соринным) результат не достигнут, то в следующем первая реплика демонстрирует также нерезультативный РА, осуществленный с помощью ПобП, а вторая — результативный:

Алиса. Госпожа... вы больны... ложитесь.

Изора. Оставь меня, уйди. (Алиса уходит) (А. А. Блок. Роза и Крест)

Таким образом, в ПобП реализация коммуникативной оси возможна как в полном, так и в неполном виде, что схематически изобразим так:

(Я) —————> Ты

Повествовательное предложение (ПовП) обладает наименьшей коммуникативной интенцией, поскольку оно выполняет лишь задачу собственно информирующую и ответной реакции адресата само по себе не предполагает:

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различны (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Можно сказать, что в ПовП имеет место завуалированная реализация коммуникативной оси, что схематически изобразим так:

(Я) -----> (Ты)

Подытожим сказанное в таблице с иллюстрациями из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина:

Вопросительные предложения	Я <-----> Ты	— Кто же этот замечательный человек? — Его зовут Германном. — Где же вы были? — В спальне у старой графини...
Побудительные предложения	(Я) -----> Ты	— Раскрой-ка первый том, читай вслух... (Барышня взяла книгу и прочла несколько строк) — Откройте мне только вашу тайну!

Повествовательные предложения	(Я)---→(Ты)	<i>При виде пистолета графиня во второй раз оказала сильное чувство. Графиня молчала.</i>
--------------------------------------	-------------	---

Характеристика каждого из типов предложений по цели высказывания складывается из рассмотрения его **семантики, функций и формальных показателей**. Остановимся подробнее на вопросительных предложениях, поскольку другие типы описываются в учебной литературе более удовлетворительно.

Семантику и функции ВП определяют по-разному. Мы связываем *семантику* ВП с ориентацией на «положение дел», т. е. на факты реальной или вымышленной действительности, тогда как *функцию* — с ориентацией на характер осведомленности спрашивающего (полное незнание положения дел, частичное знание, предположительное знание и т. п.), поскольку этот характер предопределяет и конкретное назначение ВП, и его языковые особенности.

ВП широко используются прежде всего в диалогах.

Isolda. *Ты красивый?*

Romeo. *А что такое красивый?*

Isolda. *Ну, это такой, на которого приятно смотреть.*

Romeo. *Кому приятно? Если мне самому, то я давно привык*
(В. Пелевин. Шлем ужаса).

ВП — разновидность предложения по цели высказывания, служащая для запроса информации. При всем разнообразии структур ВП, они обладают таким универсальным средством, как вопросительная интонация, а в ряде случаев и набором вопросительно-местоименных слов: *кто? что? где? почему?* и др., — а также вопросительных частиц *разве, неужели, ли* и др.

Семантика ВП в целом — запрос говорящим информации. Однако этот запрос может быть связан:

1) либо с ситуацией в целом:

— *Она (Изора. — С. И.) не придет сюда? — Нет* (А. А. Блок. Роза и Крест);

— *Есть там тайный ход? — Есть* (там же);

— *Что случилось? — Сейчас на дуэли убит барон* (А. П. Чехов. Три сестры);

— *Что сделалось такое? — Царь занемог, царь умирает* (А. С. Пушкин. Борис Годунов);

2) либо с какой-то ее составляющей:

— *Каких был лет царевич убиенный? — Да лет семи* (А. С. Пушкин. Борис Годунов);

— *Кто здесь поет и бормочет? — Сторож замка* (А. А. Блок. Роза и Крест).

Семантика ВП может изменяться:

а) в констатацию факта (повествовательность):

— *Разве в сказке не может быть правды? — Да, правда в сказках бывает подчас* (А. А. Блок. Роза и Крест);

Кто в силах удержать любовь? (А. С. Пушкин) (Ср.: *Никто не в силах удержать любовь*);

— *Что? Так-то ты считаешь волю родительскую?* (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка);

б) в побудительность:

— *Отчего же вам теперь не остаться?* (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

Функции ВП связаны с модальными оттенками, присущими вопросу:

1) собственно вопросительные ВП (нейтральные с точки зрения модальности):

— *А что за человек этот Пугачев? — спросила комендантша* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка);

2) предположительно-вопросительные ВП:

— *Или он зверь, иль сердце у него косматое?* (А. С. Пушкин. Русалка);

— *Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?* (А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери);

3) констатирующе-вопросительные ВП:

Алеко. Молчи. Мне пенье надоело,

Я диких песен не люблю.

Земфира. Не любишь? Мне какое дело!

Я песню для себя пою. (А. С. Пушкин. Цыганы);

4) уточнительно-вопросительные ВП (в том числе переспрос):

— *Откуда у вас такой интерес к часам? Это профессиональное? Вы интересуетесь ими как скульптор?* (А. Битов)

Уточнительно-вопросительные предложения могут следовать непосредственно за собственно вопросительными, обладая в ряде случаев не только эвристической, но также эмоциональной и психологической функциями. Именно такой случай наблюдаем в диалоге Аркадиной и Тригорина в чеховской «Чайке»:

Аркадина. Это кто сейчас вышел? Нина?

Тригорин. Да.

Аркадина. Pardon. Мы помешали...

Первая реакция Аркадиной является обычным любопытством. Но тут же появляется подозрение ревнивой женщины — отсюда и переспрос «*Нина?*»

При анализе поэзии выделяется особая медитативная функция:

Придет ли час моей свободы?

Пора, пора — взываю к ней (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Формальными показателями ВП являются включенные в него местоименно-вопросительные слова и вопросительные частицы, а также использование специфической вопросительной интонации и специфического порядка слов.

1. Местоименно-вопросительные слова

Romeo. *Почему у вас такие имена – Организм, Щелкунчик?*
Nutscracker. *А почему у тебя такое имя, Ромео?* (В. Пелевин. Шлем ужаса);

2. Частицы (*разве, неужели, ли* и др.)

– *Разве ты меня не узнаешь?* (А. С. Пушкин. Дубровский);

3. Вопросительная интонация (ср.: *Соседи уехали* vs. *Соседи уехали?*)

Аркадина (оглянувшись на Сорина). *Петруша, тебе скучно?*
(А. П. Чехов. Чайка);

4. Специфический порядок слов. Местоименно-вопросительное слово выдвигается на первое место, при его отсутствии первое место занимает рема:

– *Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка)

Многообразие всех этих средств, в особенности порядка слов, разнообразие семантики и функций ВП, а также их способность переходить в другие коммуникативные разряды делают ВП гибким **риторическим** средством. Это проявляется как в диалогах, особенно эмоциональных, так и в композиционной организации целых стихотворений. Показателен драматически напряженный диалог между Донной Анной и Дон Гуаном, решившимся раскрыть свое настоящее имя, в «Каменном госте»:

Дон Гуан. *Что, если б Дон Гуана вы встретили?*
Донна Анна. *Тогда бы я злодею кинжал вонзила в сердце.*

Дон Гуан. *Донна Анна, где твой кинжал? Вот грудь моя!*
Донна Анна. *Диего, что вы?*
Дон Гуан. *Я не Диего, я Гуан.*
Донна Анна. *О Боже! Нет, не может быть, не верю.*
Дон Гуан. *Я Дон Гуан.* (А. С. Пушкин)

(Думается, ни одному читателю не придет мысль о том, что Дон Гуан в самом деле хочет узнать, где кинжал Донны Анны.)

Обратите внимание также на особую текстовую роль ВП в следующем стихотворении А. С. Пушкина:

Цветок

*Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.*

*Где цвел? Когда? Какой весною?
И долго ль цвел? И сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?*

*На память нежного свиданья
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?*

*И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?*

ВП широко используются и в монологической речи, в частности в ССЦ с инициальным вопросительным предложением. Такую структуру принято называть вопросо-ответным комплексом (ВОК):

В чем дело? Почему столь свежими, актуальными кажутся наблюдения и рассуждения Карамзина, 23-летнего молодого человека, отправившегося два века назад в Европу наблюдать, учиться, думать?

Дело, по-видимому, не в фактах, но в авторской личности, и мы можем гордиться, что в роковые месяцы революции Париж посетил столь оригинальный, талантливый русский мыслитель (Н. Эйдельман. Мгновенье славы настает);

Почему моцартовский черный человек так и не пришел за своим заказом? Только потому, что заказ был выполнен... Величие замысла есть величие изначальной ошибки. Замысел всегда таит в основе своей допущение, то, чего не может быть. Это и есть жизнь. И жизнь есть допущение. Она заказчик, она изначальна, потому что только жизни — совсем уж быть не могло (А. Битов. Оглашенные. Человек в пейзаже).

Таким образом, специфика ВП складывается за счет его **семантики**, определяемой характером запроса информации о фрагменте реального или вымышленного мира (отсюда общие и частновопросительные ВП, устанавливающие некую «дозу» необходимой информации); **функций**, определяемых степенью осведомленности «запрашивающего информацию» субъекта (отсюда собственно-вопросительные, предположительно-вопросительные, констатирующие-вопросительные, уточнительно-вопросительные ВП) и особенностей **формальной устроенности**.

Для установления специфики ВП также важен, как было показано, учет его особенностей при использовании не только в диалогической, но и в монологической речи.

()

Побудительное предложение выражает намерение говорящего лица (адресанта) побудить адресата к тому или иному действию — вербальному или невербальному: *Расскажите, Иван Иванович, что-нибудь страшное!* (А. П. Чехов. Ночь на кладбище); *Поедем, Маша домой* (А. П. Чехов. Чайка).

Как и вопросительные, побудительные предложения целесообразно характеризовать с точки зрения семантики, функций и формального выражения. **Семантика** ПобП определяется характером его соотношенности с действительностью (имеется в виду конкретизация адресата, который побуждается к действию); **функция** — конкретизацией коммуникативного намерения адре-

санта: от приказа до мольбы, обращенных к адресату; **собственно формальная специфика** — набором средств, служащих для выражения значения побуждения.

Семантика побудительного предложения определяется прежде всего ориентацией на 2-е лицо (или лица): *Ступай домой, Томас, готовь ужин* (Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен), *Трубите сбор!* (А. С. Пушкин. Борис Годунов). Не случайно форма повелительного наклонения глагола, выражающая побуждение, сопровождается обращением: *Учись, мой сын, наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни* (А. С. Пушкин. Борис Годунов); *Лиза, Лиза* [закричала Марья Дмитриевна], — *поди сюда, посмотри, какого карася я поймала* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо). Обнаружив эту устойчивую (семантическую) соотнесенность, А. А. Потенция квалифицировал ее как соотнесенность подлежащего со сказуемым, именуя в этом случае обращение подлежащим.

Однако ПобП связано с ориентацией не только на адресата — 2-е лицо. Конкретизируем эти другие ориентации.

1. Побуждение может не только относиться к адресату (ТЫ—ВЫ), но подразумевать и лицо говорящее (Я—ТЫ, МЫ—ТЫ): *Ну, Петр Иванович, поедем* (Н. В. Гоголь. Ревизор); *Пойдем,* — *сказал Зосимов, кивнув Разумихину* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание). Заметим, что такая ориентация, как правило, возникает при использовании в качестве главного члена предложения личного глагола, принадлежащего к лексико-грамматической группе движения.

2. Побуждение может быть связано с 3-м лицом: *Да здравствует великий князь московский!* (А. С. Пушкин. Борис Годунов); *Пусть сильнее грянет буря* (М. Горький. Песня о Буревестнике). Было бы правильнее, однако, квалифицировать такие употребления как **оптативные предложения**, связанные не столько с адресацией слушателям, сколько с выражением желаний говорящего.

Следует также оговорить возможность приобретения адресатом обобщенного и неопределенного значения. Первое связано с использованием таких побудительных предложений с формой повелительного наклонения, которые носят обобщенный харак-

тер: *Береги честь смолоду*⁴, *Не спеши языком, торопись делом* (пословицы). Второе связано с использованием в побудительном предложении инфинитива: *Гонца схватить!* (А. С. Пушкин. Борис Годунов). Предложения подобного рода могут подразумевать в качестве исполнителя не адресата, а другого исполнителя (неопределенное лицо): *А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* (Н. В. Гоголь. Ревизор)

Наконец, форма повелительного наклонения, приобретая значение долженствования, может соотноситься со всеми лицами — в том числе с 1-м:

*Когда блистательная дама
Мне свой in quarto подает,
И злость и дрожь меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши.*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

Функции побудительного предложения отражают различные коммуникативные намерения говорящего. Назовем их.

1. Приказ (команда): *Подите все — оставьте одного царевича со мною* (А. С. Пушкин. Борис Годунов); *Молчать! Дьяк думный говорит* (там же).

2. Совет, рекомендация: *Милая, говорю тебе как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за барона* (А. П. Чехов. Три сестры); *Любите живопись, поэты, Лишь ей единственной дано Души изменчивой приметы Запечатлеть на полотне* (Н. Заболоцкий).

3. Просьба, мольба, пожелание (иногда категоричное): *Пожалуйста, не звони больше, — попросила Маша* (Л. Улицкая); *Ради бога, зови меня просто Яриком, как звали меня дома* (В. Тендряков. Донна Анна); *Собирайтесь иногда читать мой свиток верный* (А. С. Пушкин. Андрей Шенье). Именно оттенок желательности приобретается при использовании олицетворения, что наиболее характерно для поэтических жанров: *Шумы,*

⁴ Совсем не случайно эта пословица служит эпиграфом к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина.

шуми, *Послушное ветрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океан* (А. С. Пушкин. «Погасло дневное светило...»); *Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье, И заслужи мне славы дань, Кривые толки, шум и брань* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин), — хотя может встречаться и в других, внося, например, поэтическую возвышенность в реплики персонажей: *Гори, гори, прежняя жизнь! Гори, страдание!* — [кричала Маргарита] (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

4. Инструкция: *В горячее молоко всыпать крупу и варить 10–15 минут до загустения, посолить и размешать* (Поваренная книга. Рецепт приготовления каши). Заметим, что подобного рода инструкции могут быть представлены и собственно повелительным наклоном (*В горячее молоко всыпьте крупу и варите 10–15 минут...*).

5. Предостережение: *Не простудись! Не заболей! Не отступись!* Это значение возникает в отрицательных предложениях с личным глаголом, в лексическое значение которого входит сема — действие (состояние), совершающееся помимо воли субъекта.

Ядерными конструкциями ПобП являются такие, в которых главный член выражен повелительными формами личного глагола, к периферийным относятся инфинитивные предложения: *А подать сюда Землянику!* (Н. В. Гоголь. Ревизор); *Никого, кроме почтальонов, не впускать!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита), — а также предложения с формой прошедшего времени: *Скорей, пошел, пошел, Андрюшка!* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Кроме повелительного наклона, в качестве средств выражения побудительности используется интонация, благодаря которой с этой функцией широко используются ситуативно-неполные предложения: *Скорее к патриарху!* (А. С. Пушкин. Борис Годунов); *Быстро за спиртом!* — [скомандовал старый лейтенант] — *Воды несите!* (А. Геласимов. Степные боги); «*Воды, воды!*» — говорила она [Бэла. — С. И.] хриплым голосом, приподнявшись с постели (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Итак, наиболее «сильными» в собственно коммуникативном отношении являются вопросительные и побудительные предложения. Не случайно А. П. Чехов в юмореске «Жизнь в вопросах и

восклицаниях»⁵ отразил периоды жизни человека именно в вопросительных и побудительных предложениях:

*Детство . Зубки прорезались? Это у него золотуха? Спи, пузырь!
Не плачь! Отрочество : Где это ты себе нос разбил? Опять единица?
Читай! А ну-ка покажи свои отметки! Не ковыряй в носу! Юношество : ты еще боишься при отце курить? Дайте покурить! Между 20 и 30 годами : Редактор дома? Сколько я вам должен? Напишите эту бумагу! Между 30 и 50 годами : Что нужно делать, чтобы поухудеть? Помогите бедному человеку! Старость : Где ты, то время? Выходи за него, дочь моя!*

Вопросительные и побудительные предложения, обладающие коммуникативной выразительностью, невозможно было бы в данном случае заменить повествовательными.

Повествовательные предложения служат для передачи информации, отражающей положение дел:

Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими
(М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени);

*Снова тучи надо мною
Собрались в тишине,
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне*

(А. С. Пушкин. Предчувствие);

*И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку*

(Д. Самойлов. Сороковые).

Если признаки модальности в ВП и ПобП заложены в самой их структуре, то в повествовательном предложении они привносятся дополнительными средствами — внешними:

⁵ Заметим, что термин *восклицательное предложение* используется иногда в качестве синонима термина *побудительное*, что некорректно. Восклицательная интонация может быть присуща и повествовательному предложению: *О, я горько ошибся!*; *Уж я отомщу!*; *Ты во всем видишь плохую сторону... матерьялист!* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени) [Из речевого репертуара Грушницкого]

*Неосторожно,
Быть может, поступила я* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин),

— и внутрисинтаксическими — специализированными лексемами (как правило, в составе неэлементарного сказуемого):

Надо уметь относиться с юмором к самому себе (К. Булычев. Поселок);

*Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать*
(Б. Пастернак. «Быть знаменитым некрасиво...»).

Ориентация на слушателя привносится местоимением *ты* или формой второго лица глагола:

*Слышишь — сани мчатся.
Слышишь — мчатся сани*
(С. Есенин);

*Может быть, разлюбишь,
встретишься с другой,
и об этом в письмах
пишут, дорогой*
(И. Уткин.
«Если будешь ранен, милый, на войне...»).

Повествовательное предложение не может осложняться побудительным или вопросительным значением, хотя в конкретном речевом акте оно может заменить собственно побудительное предложение. Так, хозяйка дома, провожая кого-нибудь из близких и видя его слишком легко одетым, может произнести: *На улице очень холодно*. Предполагается, что в ответ уходящий наденет теплую куртку. Иногда подобное — скрытое — побуждение оказывается эффективнее, чем при использовании повелительного наклонения (*Надень теплую куртку*).

Еще более очевидный характер просьбы — но смягченной — может выполнять повествовательное предложение, в котором используются модальные глаголы *хотеть*, *желать*, *просить* и др.: *Я вас прошу меня оставить* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин). Употребление же этих глаголов в сложном предложении связано, скорее, с оптативным значением: *Я хочу, чтоб вы меня оставили*.

Наиболее ярким формальным признаком повествовательного предложения является интонация конца (понижение голоса).

Типы предложений по цели высказывания по-разному распределяются в различных типах речи и функциональных стилях. Наибольшее их функциональное разнообразие обнаруживается в разговорном типе речи и в текстах художественной литературы. Именно в этих речевых сферах широко представлены «переходные случаи», разнообразие модальных нюансов и др.

В научном и официально-деловом стилях подобное разнообразие функций предложений по цели высказывания невозможно.

Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить, например, официально-деловые документы, появившиеся в России в период февральской революции, с поэзией этого же периода. Приведем выразительное (в большей степени благодаря синтаксической организации) стихотворение И. Северянина, написанное 8 марта 1917 года (февральская революция многими в России была принята восторженно):

*И это явь!
И это явь! Не сновиденье!
Не обольстительный обман?
Какое в жизни возрожденье!
Я плачу! Я свободой пьян!
Как? Неужели? Все, что в мыслях,
Отныне и на языке?
Никто в Сибирь не смеет выслать?
Не смеет утопить в реке?
Трепещет страшной муки стих,
Но невозможное — возможно
В стране возможностей больших.*

Теперь приведем положения из постановления⁶ Временного правительства от 27 апреля 1917 г.⁷:

⁶ Большевики ввели употребление термина *декрет*, а позже, при начавшейся тенденции оглядки на прошлое (но именно только оглядки), заменили его синонимом *указ*.

⁷ Любопытно, что это постановление подписано управляющим делами Временного Правительства отцом выдающегося писателя В. Д. Набоковым.

Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается.

Контраст между строгостью использования исключительно повествовательных предложений исключительно в повествовательной функции (точнее — прескриптивно-повествовательной, обусловленной жанром правительственного постановления) и многообразием использования типов предложений по цели высказывания в поэтическом тексте представляется очевидным.

В специальной литературе используется классификация предложений по цели высказывания, связанная с той или иной их группировкой:

1) невопросительные (повествование, побуждение) // вопросительные. Первые связаны с передачей информации (полной или частичной), вторые — с запросом информации;

2) повествовательные // вопросительные, побудительные. Эта группировка определяется различиями в выражении модальности предложения («нейтральные» в этом отношении повествовательные *vs.* маркированные вопросительные и побудительные).

Думается, что подобные группировки при описании языковой системы в учебных целях не столь важны, поэтому останавливаться на них подробно мы не будем.

В описательных грамматиках и учебных пособиях принято писать о неполных (эллиптических) предложениях (*НП*) — словно бы за них извиняясь: «неполными называются такие предложения, в которых не хватает необходимых структурных частей, т. е. главных или второстепенных членов»⁸. О них же (этих недостающих членах предложения) писалось и пишется до сих пор: «опущены, но легко восстанавливаются». Подобные формулировки ведут к мысли о некоей неполноценности неполного предложения, но такой, которая «устраняется», причем «легко». Тем

⁸ Современный русский язык. Ч. 2 / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. — М.: Изд-во МГУ, 1964. § 294.

не менее, в речевой практике дело обстоит по-другому. Во-первых, неполные предложения в коммуникативном плане могут оказываться более полноценными, чем полные, поскольку сосредоточивают внимание слушателя на самом существенном, главным образом на реме, отбрасывая уже известную слушающему тематическую часть, а во-вторых, восстанавливать «опущенные члены» совсем не «легко», поскольку их «восстановление» может нарушить естественный характер речевой коммуникации, неполноценными в которой могут оказаться именно полные предложения (III). Не случайно в литературно-художественных диалогах ориентация на полные предложения в вопросно-ответных построениях появляется или как сигнал иронии в речевом общении, или как факт интенции, связанной с намерением говорящего прекратить коммуникацию:

- *Что вам сыграть?*
- *Что хотите, — равнодушно ответил Аркадий.*
- *Вы какую музыку больше любите? — повторила Катя, не меняя положения.*
- *Классическую, — тем же голосом ответил Аркадий.*
- *Моцарта любите?*
- *Моцарта люблю* (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

Ироническое использование неполного предложения демонстрирует эпизод из «Республики Шкид» Г. Белых и Л. Пантелеева:

- Маленький человек осмотрел ряды кроватей, и, хотя было видно, что это спальня, он спросил:*
- *Это что, спальня?*
- Ребята изумленно переглянулись, потом Японец (прозвище одного из воспитанников. — С. И.) скорчил подобострастную мину и приторно ответил:*
- *Да. Это — спальня.*
- Человек тихо кашлянул.*
- *Так, так. Гм... Это вы печку топите?*
 - *Да, это мы печку топим. Дровами, — уже язвительно ответил Японец, но человек не обратил внимания.*
 - *Гм... И вы здесь спите?*
 - *Да, и мы здесь спим.*
- <...> В воздухе запахло комедией* (Гл. «Халдеи»).

Показательно, что в качестве самого выразительного средства изображения этой «комедии» выступают полные предложения, столь к месту используемые в диалоге для демонстрации нелепости происходящего: на неестественность поведения (в том числе речевого) «маленького человечка» (очередного халдея) Японец отвечает неестественностью диалогических реакций, прибегая к полным предложениям.

Иронически звучит и ответ Елены своему мужу, бросающему ее на произвол судьбы и заботящемся главным образом о своей личной безопасности:

Тальберг. *Ты прекрасно знаешь, как нужно держать себя, чтобы не бросить тень на фамилию Тальберг.*

Елена. *Хорошо. Я не брошу тень на фамилию Тальберг* (М. Булгаков. Дни Турбиных).

С публикацией статьи И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке»¹⁰ в лингвистической литературе прочно утвердилось мнение, что под этот общий термин подводятся синтаксические категории разного типа и что распространенное понимание неполных предложений как таких, в которых опущены, но подразумеваются и легко восстанавливаются те или иные члены (главные и второстепенные), является следствием одностороннего их изучения — лишь на основе формально-структурного сопоставления с полными. Исходя из этих принципиальных выводов работы И. А. Поповой, вероятно, было бы целесообразным отказаться и от самого термина «неполное предложение», оказавшегося «скомпрометированным».

Представляется, что под понятие «неполное предложение» подводятся по крайней мере три его разновидности: *неполноструктурные, эллиптические, ситуативно-неполные*.

Остановимся на краткой характеристике этих типов неполных предложений.

¹⁰ Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. II. — М., 1953. С. 3–137.

Неполноструктурное предложение

Неполноструктурными называются предложения, в состав которых входят такие зависимые члены, грамматические формы которых обусловлены «опущенными» членами предложения, присутствующими в синтаксическом окружении в составе более сложного построения (диалога, сложного предложения). Такое опущение оказывается в диалоге не только возможным, но, по существу, и необходимым, так как подчинено общей тенденции языка к экономии языковых средств.

Отец веселил друзей:

— *Женя, кем ты у нас будешь? — спрашивал он меня трехлетнего.*

— *Энтомологом!* — *громко орал я, и все смеялись.*

— *А кем ты у нас будешь?*

— *Орнитологом!* — *вопил я радостно.*

Это был маленький семейный аттракцион (Е. Гришковец. Следы на мне. Дарвин).

Напомним также диалог между Дубровским и учителем Дефоржем:

— *А к кому из здешних помещиков определились вы? — спросил офицер.*

— *К г-ну Троекурову, — отвечал француз (А. С. Пушкин. Дубровский).*

Подобное «опущение» возможно и в сложном предложении:

*Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин*

(А. С. Пушкин. Моя родословная);

Бывает сон — всю ночь один:

Так видит Даму паладин,

Так раненому снится враг,

Изгнаннику — родной очаг,

И капитану — океан,

И деве — розовый туман...

(А. А. Блок. «Вы предназначены не мне...»)

Хотя сказуемые *попал*, *снится* и *опущены*, данные неполноструктурные предложения со всей очевидностью можно охарак-

теризовать как в отношении модальности (модальность реального факта, иначе — прямая модальность), так и в отношении временной составляющей (прошедшее время в пушкинском примере, настоящее вневременное — в блоковском).

Только при анализе неполного предложения в диалогах и сложных предложениях и возможно вести речь именно об «опущенных» членах предложения.

Эллиптические предложения

Эллиптическими (в узком смысле) называются предложения (ЭП), в которых смысловая неразвернутость (не называется конкретное действие) сопровождается неразвернутостью предложения в формально-грамматическом плане: отсутствием глагольного сказуемого, что не мотивируется, однако, ни вхождением предложения в более сложное синтаксическое построение, ни ситуацией.

Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила).

В данном случае обнаруживается как смысловая, так и грамматическая неразвернутость. Первая выражается в том, что в предложении сообщается о стремительном движении субъекта в определенном направлении — однако конкретный характер движения лексически не определен. Неназванный глагол-сказуемое лишь условно можно сопоставить с такими глаголами движения, как *броситься, подбежать, ринуться* и др., основанием для чего служит смысловая близость таких предложений: *Я к ней / Я бросился к ней / Я побежал к ней* и др. Ни о каком лексически определенном «опущенном» глаголе-сказуемом в этом случае говорить не приходится. Можно лишь указать на наличие в современном русском языке предложений с неназванным глаголом движения.

Грамматическая неразвернутость данного предложения проявляется в неполносоставности: это обнаруживается 1) в грамматической немотивированности некоторых «второстепенных» членов, входящих в эллиптическое предложение, и 2) в невыраженности временной и модальной характеристик.

В самой структуре предложения *Я к ней* отсутствуют временная и модальная характеристики. Это одна из его особенностей. Можно вести речь лишь о его функциональной принадлежности к прошлому, настоящему или будущему. Модальность, если иметь в виду целеустановку, воспринимается благодаря интонации, ср.:

...и вдруг... Нет, ты представь! Из-за угла появляется человек. Военный... Я — к нему (А. Толстой. Хожение по мукам. Хмурое утро) [ЭП соотнесено с настоящим повествовательным временем предшествующего предложения];

Когда Федьке нужны были пробки от пугача — так он ко мне... (А. Гайдар. Школа) [ЭП соотнесено с прошедшим временем предшествующего предложения].

Что же касается семантически будущего времени, то это значение может возникать в ЭП благодаря лексико-грамматическим средствам (наличию в предложении обстоятельств, отнесенных к будущему: *завтра, потом, скоро, сейчас* и др.) и при общем значении угрозы: *Я сейчас в гостиницу* (А. Толстой. Хожение по мукам. Сестры); *Вот я тебя веником* (Л. Толстой. Власть тьмы). Помимо глаголов движения и интенсивного физического действия: *Я за свечку, свечка — в печку, я за книжку — та бежать и вприпрыжку под кровать!* (К. Чуковский. Мойдодыр), — «неназванными» могут быть глаголы со значением нахождения в пространстве: *Я в Харькове*¹¹ (А. П. Чехов. Скучная история), — а также глаголы говорения: *Старушка ей: «А вот камин, Здесь барин сиживал один»* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

¹¹ Предложения этого вида допускают, однако, и другую интерпретацию: их можно рассматривать как конструкции с составным именным (наречным) сказуемым, в котором возможны как формальная, так и полужнаменательная связки, а присвязочный компонент имеет **локальное** значение, обеспечивающее общее значение предложения — **локализацию субъекта в пространстве**. Ср.: *Я в Харькове / Я был (буду...) в Харькове / Я оказался (очутился...) в Харькове; Через час мы будем уже далеко; Через полчаса я буду дома* (А. П. Чехов. Три сестры).

Ситуативно-неполные предложения

Ситуативно-неполными называются предложения, обладающие смысловой полнотой лишь в контексте или в соответствующей ситуации, позволяющей экономить те языковые средства, которые могут заменяться в речевом общении непосредственным указанием на предмет обсуждения или подразумеваться на основе более широкого контекста.

Предложения этого рода являются фактами устной речи, точнее говоря — даже не любой устной речи, а лишь имеющей место в прототипической коммуникативной ситуации, когда временная и пространственная координаты коммуникантов совпадают. В письменном изложении они используются для передачи особенностей устной речи именно в таких ситуациях. Вот почему подобные конструкции нередко обнаруживаются в речи персонажей художественных произведений, причем важно, что писатель, используя ситуативно-неполное предложение, обязательно описывает и ситуацию, сделавшую его возможным. Так, В. Каверин в «Двух капитанах», вкладывая в уста портье предложение «К вам», делает его полнозначным в смысловом отношении при помощи описания ситуации, в которой оно возникло: *Портье сказал: «К вам». И навстречу мне поднялся Ромашка.*

Ситуация, делающая возможным употребление предложений данного типа, может носить как более конкретный, так и более общий характер. Так, например, знаменитое восклицание Ирины, которым оканчивается второе действие «Трех сестер» А. П. Чехова: «В Москву! В Москву! В Москву!» — является таким ситуативно-обусловленным неполным предложением, которое мотивировано, по сути, всем предшествующим содержанием пьесы (т. е. широким контекстом), а не вытекает лишь из ситуации конкретного эпизода, хотя отчасти и спровоцировано им:

Ирина (одна). *Все ушли. Никого нет.*

Наташа (в шубе и шапке идет через залу, за ней горничная). *Через полчаса я буду дома. Только проедусь немножко (Уходит).*

Ирина (оставшись одна, тоскует). *В Москву! В Москву! В Москву!*

Эмоциональная выразительность этого предложения очевидна, как очевидна она и в эпизоде горьковского рассказа, где

Мальва откровенно и страстно раскрывает свою душу: *Иной раз села бы в лодку — и в море!* (М. Горький. Мальва)

Отграничение эллиптических и ситуативно-неполных от полных предложений, главный член которых совпадает по форме с детерминантом

Эллиптически и ситуативно-контекстуально-обусловленные предложения следует отличать от предложений, которые можно было бы назвать (хотя и условно, так как подобного термина в лингвистической литературе нет) **односоставными детерминантными предложениями**. Чаще всего они используются в произведениях драматического рода, включая жанр киносценария. Определяя обстановку действия, драматург нередко обходится с помощью предложений, состоящих из одних лишь имен существительных, выступающих не только в именительном, но и в косвенных падежах:

У Смольного. Солдаты, красноармейцы, матросы, народ. (Н. Погодин. Человек с ружьем); *В занятой станице. В комнате за столом сидит Фурманов* (Г. и С. Васильевы. Чапаев); *У прилавка магазина фотопринадлежностей. Гордо протягивает свой аппарат Сережа* (А. Гайдар. Судьба барабанщика: Литературный сценарий); *У Достигаева. Вечер. Большая неуютная комната в задней половине дома, окна ее выходят во двор или в сад* (М. Горький. Достигаев и другие); *В столовой Хлебниковых поздним вечером* (А. Штейн. Персональное дело); *В доме Верзилиных* (Б. Лавренев. Лермонтов); *В избе Чудновых* (Н. Погодин. Кремлевские куранты); *В доме князя Диомеда. Под звук старинной грузинской свадебной песни девушки одевают к венцу княжну Тамару* (М. Чаурели. Последний маскарад) и др.

Подобные предложения используются для обозначения места действия. Другим значением является указание на время действия:

Через 18 лет. 1909 г. Лето (В. Гусев. Сын Рыбакова); *После боя. Трубы заиграли «наступление», затрещали барабаны* (А. Толстой, В. Петров, Н. Лещенко. Петр I: Литературный сценарий); *Спустя месяц. Стель* (К. Симонов. Парень из нашего города).

Приведенные предложения, каким бы разнообразием структур они ни различались, объединяются общностью функции де-

терминантных, по своему характеру, компонентов, значение (и детерминирующая функция) которых распространяется, однако, не на одно предложение, а на целый фрагмент текста — эпизод, сцену. Собственно грамматическую функцию детерминантного компонента можно в данном случае охарактеризовать как функцию главного члена, что подтверждается и его независимым характером, и способностью образовывать не нуждающиеся ни в грамматическом, ни в смысловом дополнении предложения. По своему бытийному значению они сопоставимы с номинативными предложениями, ср.: *У Смольного. / Смольный; В занятой станции. / Занятая станция.* В коммуникативном же отношении «односоставные детерминантные предложения» более выразительны, поскольку в них, в отличие от номинативных конструкций, обстоятельственное значение (место, время) подкреплено соответствующей предложно-падежной формой имени.

Еще одна черта, сближающая «односоставные детерминантные» с номинативными предложениями, состоит в том, что, как и номинативные, они жестко привязаны к определенному типу контекста, в котором им отводится строго определенная функция. Однако круг «должностных обязанностей» номинативных предложений все же шире: он не ограничен жанровыми рамками. Между тем «односоставные детерминантные предложения» не просто вне типового контекста, но прежде всего вне жанра сценария, пьесы — теряют и грамматическую, и смысловую полноту, а потому вне этих рамок практически не употребляются. Именно поэтому целесообразно было упомянуть о них здесь, ибо **тесная зависимость от контекста, ситуации характерна для всех типов неполных предложений**, является их важнейшим признаком; зависимость же от жанра, прикрепленность к определенному типу *текстовой* ситуации¹² может рассматриваться как особый случай подобной зависимости, сближающий «односоставные детерминантные» предложения с неполными, хотя и не превращающий первые во вторые.

¹² Под текстовой ситуацией в данном случае подразумевается не изображаемая в тексте ситуация, а момент движения текста, связанный с переходом автора от одного действия к другому: например, от одного эпизода к другому, от описания обстановки к повествованию о событии и т. п.

Коммуникативная классификация неполных предложений

Помимо структурной классификации, неполные предложения поддаются и собственно коммуникативной классификации. В самом общем виде ее можно представить следующим образом:

I. Рематические НП представлены одной ремой. Рема может быть:

а) простой (однословной):

Нил. *Поля пришла?*

Тетерев. *Пришла* (М. Горький. Мещане);

Елена Андреевна (с досадой). *Оставьте меня. Это, наконец, обидно.* (Уходит)

Войницкий. *Ушла...* (А. П. Чехов. Дядя Ваня);

б) осложненной (состоящей из нескольких компонентов):

Татьяна. *А Нил где?*

Петр. *Ушел с Шишкиным на репетицию.*

Бессеменов. *Где это они играть хотят?*

Петр. *В Манеже. Спектакль для солдат* (М. Горький. Мещане)

Следует подчеркнуть, что НП рематического типа могут оформлять целые диалогические фрагменты. Вот, например, как представлена у А. П. Чехова в «Трех сестрах» встреча Тригорина с обитателями имения Сорина, в том числе и с Машей Шамраевой:

Тригорин (увидев Машу, радостно). *Марья Ильинична!*

Маша. *Узнали?* (Жмет ему руку)

Тригорин. *Замужем?*

Маша. *Давно.*

Тригорин. *Счастливы?* (Раскланивается с Дорном и с Медведенком, потом нерешительно подходит к Треплеву) *Ирина Николаевна говорила, что вы уже забыли старое и перестали гневаться.* (Треплев протягивает ему руку)

Итак, если диалог Тригорина с Машей целиком представлен рематическими НП, то, обращаясь к Треплеву, напряженные отношения с которым исключают всякую фамильярность (прово-

цирующую НП), Тригорин перестраивает свою речь, делая ее синтагматически развернутой, т. е. ориентируясь на полное предложение.

Наибольшая распространенность НП рематического типа объясняется еще и тем, что присутствие реального денотата, становящегося предметом речи, позволяет опускать тему в ее речевой реализации; это весьма характерно для ситуативных диалогов, где слова и вещи отнюдь не соперничают друг с другом, а образуют особого вида коммуникативное содружество:

[Варвара сидела на тахте, с тревогой следила за Бузыкиным. Он черкал и правил ее работу.]

Варвара. *Очень плохо, да?*

Бузыкин. *Да нет, не очень.*

Варвара. *Но ты же все вычеркиваешь?*

Бузыкин. *Не все. Но какие-то вещи я не могу оставить. Ну, вот: «Коза кричала нечеловеческим голосом».*

Варвара. *А каким?*

Бузыкин. *А никаким. Просто кричала.*

Варвара. *Андрей, скажи честно, может быть, я просто бездарна, а?*

Бузыкин. *Почему бездарна? Просто на этот раз не очень получилось. Со мной, думаешь, не бывает?* (А. Володин. Осенний марафон)

II. Тема-рематические НП чаще всего используются в таких диалогических единствах, где:

а) наблюдаются параллели между вопросительной и ответной репликами (соотношение «импульс — реакция»):

Елена Андреевна. *Где доктор?*

Войницкий. *Он там... У меня ночует.* (А. П. Чехов. Дядя Ваня)

б) наблюдается параллель между первой и второй репликами, причем в этом случае логически выделена тема (чаще всего это и субъект), а рема может заменяться незнаменательным словом, вполне справляющимся с указанием на тот же смысл, что и в реме первой реплики:

Сафонов. *Я тебя очень хочу живой видеть.*

Валя. *Я тоже* (К. Симонов. Русские люди);

в) в ответной реплике, также логически выделяющей тему, в качестве сказуемого использован переходный глагол, обязательное дополнение при котором отсутствует; такой коммуникативный «рисунок» поддерживает логическое выделение темы наряду с ремой:

Ирина. *Что? Говорите скорей: что? Бога ради!* (Плачет.)

Чебутыкин. *Сейчас на дуэли убит барон...*

Ирина (тихо плачет). *Я знала, я знала...* (А. П. Чехов. Три сестры)

III. Тематические НП могут быть представлены:

а) темой в полном ее виде:

Хороших (появляется в буфете). *Илья, а дочь твоя где же? Где проживает?*

Еремеев. *Дочь? В Ленинграде была. Не знаю, где...* (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске)

Повтор-переспрос «Дочь?» ориентирован на тему. Причины появления повторов-переспросов могут быть различными, но почти всегда они мотивированы психологически, как и в данном случае. Вопрос о дочери для Еремеева совсем не прост: надо перевести дух. Повтор темы и позволяет сделать это;

б) отдельным компонентом темы:

Шаманов. *Зина, что ты от меня хочешь?*

Кашкина. *Я?*

Шаманов. *Да, ты. Что ты от меня хочешь?*

Кашкина. *А как ты думаешь?* (тема для ожидаемого ответа. —

С. И.)

Шаманов. *Чтоб я на тебе женился.*

Кашкина. *Возможно... Но главное не в этом.* (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске)

Представленная классификация носит самый общий характер и отнюдь не отражает полноты картины использования коммуникативной перспективы в НП диалогической речи. Однако эта классификация помогает подчеркнуть наиболее существенное в грамматической природе НП, выявляющееся со всей очевидно-

стью лишь при коммуникативном его рассмотрении. Использование коммуникативной ориентации в данном случае важно еще и потому, что оно позволяет увидеть в противопоставленности полного и неполного предложений ее глубинный смысл, помогает лучше уяснить протипоставленность монологической и диалогической форм языковой коммуникации.

Важнейшие средства презентации коммуникативной оси (различные виды предложений по цели высказывания, обращения, вводные слова, неполные предложения) широко используются в поэзии, в которой, по выражению Г. О. Винокура, грамматические формы приобретают художественное содержание. Приведем в качестве иллюстрации стихотворение М. Цветаевой:

*Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,
Полюбил румяный — бледную,
Полюбил хороший — вредную:
Золотой — полушку медную.*

*— Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»*

*— Где, гордец, твои учености?
«Под подушкой у девчоночки!»*

*— Где, красавец, щеки алые?
«За ночь черную — растаяли».*

*— Крест серебряный с цепочкою?
«У девчонки под сапожками!»*

*Не люби, богатый — бедную,
Не люби, ученый — глупую,
Не люби, румяный — бледную,
Не люби, хороший — вредную:
Золотой — полушку медную!*

Глубинный смысл этого стихотворения во многом предопределен сменой типов предложений по целеустановке (подчеркнутой параллелизмом), — кстати, отражающей типический ход жизненных событий, в том числе и эволюцию чувств: констатация — вопрос — побуждение к новому действию.

Дополнительная литература

1. *Гольдин В. Е.* Обращение. Теоретические проблемы. — Саратов, 1987.
2. *Дмитриева Л. К.* Обращение и вводный компонент. — Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976.
3. *Онипенко Н. К.* Обращение, вопрос, побуждение в лингвистике и поэтике художественного текста (Обзор работ 1984–1986 гг.) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1988. № 4.
4. *Пронищев В. П.* Синтаксис обращения. — Л.: ЛГУ, 1971.
5. *Прияткина А. Ф.* Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. — М.: Высшая школа, 1990.
6. *Руднев А. Г.* Синтаксис осложненного предложения. — М.: Учпедгиз, 1958.

Обращение — наиболее очевидное средство установления межличностных отношений между адресантом и адресатом:

Михаил Львович, лошади поданы. (А. П. Чехов. Дяди Ваня)

О роли в высказывании адресата писал еще Аристотель: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается»¹³.

Итак, **обращение** — слово или словосочетание, называющее лицо, к которому обращена речь, представленное именем существительным или субстантивированным именем. Как известно, в современном русском языке еще сохраняются остатки особого звательного падежа, который существовал в древнерусском языке (*отче, сыне*): *Чего тебе надобно, старче?* (А. С. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке); в современной разговорной речи широко используются особые редуцированные — звательные — формы имени: *Ты куда, Петь?* Ср. фиксацию этого явления в литературных текстах: *Ты, Зин, на грубость нарываешься...* (В. С. Высоцкий); *Это не фантастика, дядь Леш.* *Это физика* (Д. Рубина. Почерк Леонардо); *Ма! Я гулять,* — крикнул Мишка из прихожей (А. Кабаков. Все поправимо).

В традиционной грамматике обращение рассматривается как форма **именительного** падежа.

¹³ Античные риторика. — М., 1978. С. 24.

Характеризуя обращение, уделяют внимание его соотнесенности / несоотнесенности с предложением в целом или его отдельными членами.

Соотнесенность устанавливается при наличии в предложении личного или притяжательного местоимения 2-го лица, а также глагола в форме 2-го л. повелительного или изъявительного наклонения; в этих случаях обращение соотносится с **одной из названных форм**:

Лидочка, кому это ты так много пишешь? (А. П. Чехов. Розовый чулок)

При отсутствии в предложении этих показателей обращение соотносится с ним **в целом**:

Милый Алексей Николаевич, рассказ близится совсем к концу (А. П. Чехов. Письмо А. Н. Плещееву).

Возможно рассматривать обращение в рамках функционально-семантического поля речевого контакта как средства, осуществляющего **направленность речи и социальную регуляцию общения**. В этом случае обращение определяется как «одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектом общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт»¹⁴.

В указанной книге В. Е. Гольдина подчеркивается роль обращения в качестве социального «регулятора». Эта роль должна мыслиться и в самом расширенном значении, и в более узком, конкретном.

Показательно, например, употребление обращений в диалоге между Татьяной Лариной и ее няней. В этом употреблении сказывается сословный характер отношений между персонажами:

¹⁴ Гольдин В. Е. Обращение. Теоретические проблемы. — Саратов, 1987. С. 4.

— Как недогадлива ты, няня!
«Сердечный друг, уж я стара,
Стара; тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра,
Бывало, слово барской воли...»
— Ах, няня, няня! До того ли?
Что нужды мне в твоём уме?
Ты видишь, дело о письме
К Онегину. — «Ну, дело, дело.
Не гневайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что ты снова побледнела?»
— Так, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.

Соотнесенность обращения со всем предложением в целом или его отдельными компонентами определяется в синтаксической литературе термином *включение* (А. Г. Руднев) или подводится под понятие *парентезы*¹⁵ (И. П. Распопов).

Основные функции обращения

Выделительная — связанная с необходимостью выделить одно конкретное лицо из группы других, ср. распоряжения бабушки Акулины Ивановны при пожаре:

Наталья, одевай ребят! Отец, лошадь выводи! Яков, не суетись, давай топоры людям, лопаты! Григорий, сверху, что ты на землю-то мечешь? (М. Горький. Детство)

Контактная (нередко связанная с подчеркиванием интимности отношений):

Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием (А. П. Чехов. Чайка);

Так ты, Варя, жалеешь меня? (А. Н. Островский. Гроза)

Оценочная (положительная / отрицательная оценка):

¹⁵ греч. внесение.

*Брат милый, отроком расстался ты со мной,
В разлуке протекли медлительные годы*

(А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину);

*Дорогой, милый, кроткий и терпеливый Григорий Михайлович,
любимейший художник и желаннейший режиссер!*

*По сведениям, поступившим ко мне от начальника сценарного
отдела «Ленфильма», Вы уже окончательно потеряли терпение и веру
в мой сценарий (О. Берггольц);*

*Что ты там шепчешь, старый хрыч, — закричал Хлопуша (А. С. Пуш-
кин. Капитанская дочка);*

Ситуативно-определяющая:

Ср. обращения старого цыгана к Алеко:

а) *Проснись, мой гость, пора, пора!* (при появлении Алеко в таборе);

б) *О чем, безумец молодой, о чем вздыхаешь ты всечасно?*
(при переживаниях Алеко по поводу охлаждения к нему Земфиры);

в) *Утешься, друг; она дитя. Твое унынье безрассудно* (при желании утешить Алеко);

г) *Оставь нас, гордый человек* (при требовании оставить табор и осуждении Алеко за жестокое убийство) (А. С. Пушкин. Цыганы).

Ср. также обращения Остапа Бендера к Воробьянинову в разных ситуациях: *господин из Парижа, товарищ фельдмаршал, дамский любимец* и др.

Художественно-образная:

Привет тебе, мой бедный клен.

Прости, что я тебя обидел. (С. А. Есенин);

Шуми, шуми, послушное ветрило,

Волнуйся подо мной, угрюмый океан

(А. С. Пушкин. «Погасло дневное светило...»);

Подруга думы праздной,

Чернильница моя,

Мой век разнообразный

Тобой украсил я (А. С. Пушкин. К моей чернильнице);

Прощайте, деревья!

Прощай, эхо! (А. П. Чехов. Три сестры)

Весьма выразительны художественно-образные обращения у К. Бальмонта:

*О неверный! Ветер, ветер,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мне забвенья, ветер,
Дай стремленья твоего.
Ветер, ветер, ветер, ветер,
Ты прекраснее всего (Ветер).*

Обращение может играть существенную роль в организации текста. Например, в «19 октября» А. С. Пушкина обращение то к одному, то к другому лицейскому товарищу во многом определяет содержание послания:

1. *...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил,
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил;*
2. *Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодной
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Вступая в жизнь, мы быстро разошлись.
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись;*
3. *И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельви́г мой...*
4. *Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди! Огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи —
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви
(обращено к В. К. Кюхельбекеру);*
5. *Счастливый путь! С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,*

*И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!*
(обращено к Ф. Матюшкину);

6. *Друзья мои, прекрасен наш союз!*

В специальной литературе обращение квалифицируется по-разному: как компонент, не связанный ни с предложением в целом, ни с его членами (А. А. Шахматов, А. М. Пешковский и др.), как особого вида третьестепенный член предложения (А. Г. Руднев, А. Мухин), как особый вид осложнения (Русская грамматика 1980 г.), как самостоятельное предложение (В. П. Проничев).

В последнее время осуществляется собственно коммуникативный подход к обращению, включающий его в круг средств контакта (В. Е. Гольдин, Р. М. Гайсина и др.).

Что касается морфологической природы обращения, то представляется возможным говорить о выпадении формы обращения из падежной парадигмы имени существительного. Обращение выражается формой, которая лишь внешне совпадает с именительным падежом, и это связано с утратой в русском языке звательного (вокативного) падежа¹⁶. Эта форма в соединении с функцией обращения фактически приобретает особый статус внутри категории **слов**, выделенной В. В. Виноградовым (части речи, частицы речи, модальные слова, междометия); ее можно назвать **вокативом**. Ведь если мы признаем, что глагольная форма *говорят*, выполняя роль вводного слова, переходит в разряд модальных слов (то есть, по Виноградову, покидает разряд частей речи!), то мы должны признать, что и существительные в функции обращения — уже не существительные, а особый разряд слов — вокативы.

¹⁶ Сохранившегося, кстати, в других славянских языках — например, в украинском, польском и др.

Дополнительная литература

1. *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах // Труды Ин-та русского языка АН СССР. Т. II. — М.; Л., 1950.
2. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. — Л., 1990 (с. 3–7, 63–65, 245).
3. *Гуревич В. В.* Модальность, истинностное значение, референция // ВЯ. 1989. № 6.
4. *Зверева Е. А.* Научная речь и модальность. — Л., 1983.

Вводный компонент — слово (или группа слов), выражающее рассудочное и / или эмоциональное отношение говорящего к различным аспектам собственного высказывания: его достоверности, композиционно-логической организации, содержанию.

Основанием для формирования категории ВК являются ответственность говорящего перед слушающим за достоверность высказывания и возможность передать собственное отношение к его содержанию.

Конечно, в новой Митиной жизни не все были розы, хватало и терниев (Б. Акунин. Внеклассное чтение).

Искусство Шафирова и, возможно, личное участие Екатерины привели переговоры к неожиданному успеху (Д. А. Гранин. Вечера с Петром Великим).

Слава богу, сегодня целый день я дома, вечером — дома (А. П. Чехов. Три сестры).

Основное назначение вводных компонентов может быть **осложнено**

1) отношением говорящего к самому процессу коммуникации (ее актуализация, активизация внимания адресата: *видите ли, позвольте* и др.):

Вообразите, наши друзья приехали;

2) установлением в высказывании смысловой иерархии (*во-первых, во-вторых, наконец* и др.):

[Я останусь дома.] *Во-первых, наши друзья приехали, во-вторых, и погода не для прогулок.*

Целесообразно выделять следующие **функции вводных компонентов**:

1. Выражение модальных значений достоверности/недостоверности:

И, конечно, глупо, что я до сих пор жив (А. П. Чехов. Дядя Ваня);

Конечно, было бы наивно полностью отождествлять Данте как героя «Божественной комедии» и Данте как ее автора (Ю. М. Лотман. Путешествие Улисса в «Божественной комедии» Данте);

Действительно, возможные случайности преследовали доктора в названном месте (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго);

По-видимому, с середины зимы Дымов стал догадываться, что его обманывают (А. П. Чехов. Попрыгунья);

Ведь это, кажется, Модест Чайковский написал либретто к «Онегину»? (А. И. Куприн. Система).

К этой разновидности примыкают вводные слова, указывающие на источник информации, поскольку такое указание снижает степень достоверности высказывания:

И Кукшина попала за границу. Она теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы (И. С. Тургенев. Отцы и дети);

По рассказам бабушки, отец был умный, добрый и очень веселый человек (М. Горький. Автобиография).

2. Выражение оценки

а) **положительной**: *К счастью, Маша не отдает себе полного отчета о происшедшем* (Л. Улицкая. Медея и ее дети);

б) **отрицательной**: *К стыду нашему, Тургенева многие из нас знали только по имени* (В. Г. Короленко. Мой современник).

3. Установление контакта:

Вообразите, наши молодые уже скучают (И. Тургенев. Месяц в деревне);

Видите ли, Марья Сергеевна, я еще не завтра собираюсь уходить (Л. Леонов. Золотая карета);

Гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно, и физиономия, прошу заметить, глумливая (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — здесь использовано целое вводное предложение, что встречается довольно редко;

Знаешь, кого он мне напоминает? Злобного колдунишку, которому захотелось получить котенка (В. Пелевин. Шлем ужаса).

4. Комментарий к способу высказывания:

Был здесь Шаляпин. Этот человек, скромно говоря, гений...
(М. Горький. Письма)

Живопись Роберт Викторович, можно сказать, забросил...
(Л. Улицкая. Сонечка)

*В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков* (А. С. Пушкин. Граф Нулин);
*Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости,
Не знаю, как перевести)*
(А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Модальное слово (основной способ):

*Луну, наверное, собаки съели...
Ее давно на небе не видать* (С. Есенин. Метель).

Существительное:

Все уже описано. К счастью, не обо всем еще подумано (Ст. Ежи Лец. Афоризмы);

Одна из первых форм, прельстивших Пушкина, была, по свидетельству его сестры, басня (Л. Гроссман. Пушкин).

Глагол:

*А гуманизм не просто термин,
К тому же, говорят, абстрактный.*

*Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны*

(Д. Самойлов. «Перебирая наши даты...»);

Кутузов, казалось, был чем-то озабочен и не слышал слов генерала (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Распределение вводных компонентов в разных функциональных стилях: по данным М. Н. Кожинной (О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. — Пермь, 1962), распространенность ВК в научном стиле в 3–7 раз больше, чем в художественной речи.

На 1000 слов		
Авторы	Количество вводных компонентов	Количество разновидностей
Научный стиль		
Д. И. Менделеев	107	29
И. П. Павлов	131	38
Художественная речь		
Л. Н. Толстой	16	10
И. С. Тургенев	58	35

Примеры стилистически значимого использования ВК

Рассказ В. В. Набокова «Круг»:

начало: *Во-вторых, потому что в нем разыгралась бешеная тоска по России;*

конец: *А было ему беспокойно по нескольким причинам. Во-первых, Таня оказалась такой же привлекательной, такой же неуязвимой, как и некогда.*

Рассказ М. Горького «Как поймали Семагу» (ироническое использование вводного слова *должно быть*):

Семага совершенно оступел от недоумения, но, чтоб избавить ребенка от неприятной необходимости глотать снежную воду, догадался, что нужно оправить тряпки, и для этого перекувыркнул ребенка вниз головой.

Тому это, должно быть, показалось неудобным, и он жалобно запищал. <...>

И по его лицу от глаз текло что-то — талый снег, должно быть. Вор то и дело вздрагивал, у него щекотало в горле и щемило в груди, и было ему до слез тоскливо идти по пустынной улице, среди вьюги, с этим ребенком, пищавшим за пазухой.

Разнообразие вводных компонентов и их функций делает эту категорию весьма существенной **в конкретизации коммуникативной функции высказывания**, в позиционировании высказывания на коммуникативной оси, являющейся категориальной основой межличностного общения.

Соотнесенность вводных компонентов с категорией модальности

В лингвистической теории вводные компоненты принято рассматривать в связи с интерпретацией категории модальности. Модальность чаще всего квалифицируется как общесемантическая категория, морфологическим ядром которой является наклонение глагола. Именно это морфологическое ядро и обслуживает формализацию предикативности. Неслучайно во многих учебных пособиях по синтаксису подчеркивается, что предикативность есть соотнесенность с действительностью, представленная нерасчлененным комплексом синтаксического времени и модальности (а для В. В. Виноградова — и лица).

В объем «предикативной» модальности можно ввести и так называемую внутрисинтаксическую модальность — отношение субъекта действия к действию, которое может предстать как желательное, возможное или необходимое.

Модальность как реализация предикативности

а) модальность объективная

Индикатив (<i>в прош., наст. и/или буд. вр.</i>)	<i>Сестра спит (спала, будет спать).</i>
Сослагательное	<i>Сестра спала бы.</i>
Побудительное	<i>Спи, сестра (Пусть сестра спит).</i>
Желательность	<i>Если б сестра спала!</i>
Долженствование	<i>Сестра спи, а братья на нее работай.</i>

	б) модальность внутрифразовая (внутрисинтаксическая)
Желательность	<i>Сестра хочет спать.</i>
Возможность	<i>Сестра может спать.</i>
Необходимость (долженствование)	<i>Сестра должна спать.</i>

Однако модальность в предложении предстает не только при реализации предикативности, но и при реализации **коммуникативной оси**. В этом случае мы обнаруживаем модальность, которую принято называть **субъективной**.

Модальность как реализация коммуникативной оси

Итак, за пределами модальности, являющейся формализатором предикативности, остается адресатно-адресантная модальность, именуемая в специальной литературе субъективной. Именно этот вид модальности реализуют вводные компоненты.

В учебных пособиях, где противопоставление задачи отражения положения дел в высказывании задаче адресованности отсутствует, модальность представлена следующей классификацией:

Типы модальности

Тип модальности	Способы реализации и примеры
1. Объективная (отношение высказывания к действительности, точнее — положение дел)	Наклонение глагола
Индикатив (в трех временах)	<i>О счастье мы всегда лишь вспоминаем</i> (И. А. Бунин). <i>Байдарские ворота распахивались в море</i> (Ю. Давыдов).
Сослагательное	<i>Если бы злое несли облака, сердце мое не дрожало бы</i> (А. А. Блок).
Побудительное	<i>Ты умереть не мог со славой, так удались, живи один</i> (М. Ю. Лермонтов). <i>Вообразите расставание с подругой. Навсегда</i> (Ю. Давыдов).
Желательность	<i>О, если бы когда-нибудь сбылись поэта сновиденья!</i> (А. С. Пушкин)
Долженствование	<i>Пред вами суд и правда — все молчи!</i> (М. Ю. Лермонтов)

2. Внутрисинтаксическая (отношение субъекта действия к действию)	Модальные глаголы, слова категории состояния (<i>надо, можно</i> и др.)
а) возможность	а) <i>Словом <u>можно</u> убить, / Словом <u>можно</u> спасти...</i> (В. Шефнер)
б) необходимость	б) <i>Но <u>надо</u> жить без самозванства</i> (Б. Л. Пастернак).
в) желательность	в) <i>Глупец, <u>хотел</u> уверить нас, / Что бог <u>гла</u>сит его устами</i> (М. Ю. Лермонтов).
3. Субъективная	
а) достоверность / недостоверность	а) <i><u>Конечно</u>, ждет меня беда</i> (М. Ю. Лермонтов). <i><u>Должно быть</u>, уже вечер</i> (А. С. Новиков-Прибой). <i>Человек он, <u>говорят</u>, степенный</i> (И. Ильф, Е. Петров).
б) Оценка: положительная / отрицательная	б) <i><u>К счастью</u> или <u>к несчастью</u>, в нашей жизни не бывает ничего, что не кончилось бы рано или поздно</i> (А. П. Чехов).
в) Комментарий к способу высказывания	в) <i><u>А кстати</u>: Ларина проста, Но очень милая старушка</i> (А. С. Пушкин).
г) Установление контакта	г) <i>Выражать недовольство жизнью в шестьдесят два года, <u>согласитесь</u>, — это не великодушно</i> (А. П. Чехов). <i><u>Помните</u>, вы подстрелили чайку?</i> (А. П. Чехов).

Представляя здесь этот достаточно распространенный подход, подчеркнем еще раз, что в сферу реализации коммуникативной оси, т. е. в сферу средств межличностного «адресатного» блока, попадает лишь та разновидность, которую называют **субъективной модальностью**.

Понятие модальности восходит к классической формальной логике. Отсюда необходимость иметь в виду **типы логической модальности**:

Типы	Значения	Примеры
Ассерторическая	истинность / ложность	Ломоносов — великий русский ученый.
Проблематическая	возможность / невозможность	Возможно, Земля имеет форму шара.

Аподиктическая	необходимость / необходимость	Общество не может существовать без обмена мыслей.
Эпистемическая	полнота / неполнота, доказуемость / опровержимость знания	Можно допустить, что и на Марсе растут розы.
Деонтическая	отношение к норме: должно / безразлично / запрещено	Все студенты обязаны сдавать экзамены.
Аксиологическая	оценочная: шкала «хорошо / нейтрально / плохо»	Заниматься спортом полезно.

Логический подход отражается в работах по философии языка (см., например, «Прочь от реальности» В. П. Руднева).

В собственно лингвистической литературе категория модальности представлена весьма многоаспектно. Целесообразно ознакомиться, например, с параграфом «Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе» в кн.: Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко (Л., 1990. С. 67–71).

От вводных слов следует отграничивать так называемые **вставные конструкции** (чаще — предложения, реже — слова и словосочетания).

Вопрос о вставных конструкциях до сих пор является дискуссионным. Если вводные компоненты рассматриваются как факт **коммуникативной** адаптации высказывания, то есть приспособления его к конкретным условиям данного коммуникативного акта, то вставные конструкции чаще всего осмысляются как факт **композиционно-смыслового осложнения**:

Конечно, я знаю, что ты занят иногда учеными предметами, любишь читать (уж почему Ноздрев заключил, что герой наш занимается учеными предметами и любит почитать, этого, признаемся, мы никак не можем сказать, а Чичиков и того менее). Ах, брат Чичиков, если бы ты только увидал... вот уж, точно, была бы пища твоему сати-

рическому уму (почему у Чичикова был сатирический ум, это тоже неизвестно) (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Вставные конструкции, в отличие от вводных компонентов, не являются «высказываниями о высказываниях»; они лишь привносят в высказывание дополнительную информацию:

1) собственно содержательного характера

*Так он писал темно и вяло
(что романтизмом мы зовем,
хоть романтизма тут нисколько
не вижу я: да что нам в том?)*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

2) эмоционально-оценочного характера

*Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

3) композиционного характера

*В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
хотелось вроде мне Альбана
Бал петербургский описать*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

() ()

Дополнительная литература

1. Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. — М., 1979.

2. Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. — М., 1976.

3. Лантева О. А. Русский разговорный синтаксис. — М., 1976. Гл. «Нерешенные вопросы теории актуального членения».

4. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.

5. Николаева Т. М. Актуальное членение — категория грамматики текста // ВЯ. — 1972. — № 2.

6. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. — М., 1970. Ч. II: «Предложение как коммуникативная единица языка».

1. Способность одного и того же предложения-высказывания (по структуре и лексическому составу) приобретать различные смысловые оттенки в зависимости от той коммуникативной задачи, которая появляется у говорящего (пишущего) в конкретных условиях, делает нашу речь более точной и выразительной.

Коммуникативная задача — это стремление адресанта подчеркнуть ту сторону содержания предложения, которая является важнейшей в данной речевой ситуации или контексте:

У каждого писателя бывают часы раздумий (К. Паустовский. Илья Эренбург).

Ср.: *Часы раздумий бывают у каждого писателя.*

С точки зрения того, что в данной коммуникативной ситуации представляется говорящему менее важным и более важным, его высказывание распадается на две (по меньшей мере) части: исходный пункт (**тему**) и сообщаемое о теме (**рему**). Это и есть **актуальное членение**, названное так Вилемом Матезиусом потому, что оно всегда привязано к конкретному коммуникативному **акту** и действительно только в его рамках; в рамках другого коммуникативного акта может оказаться актуальным другое членение того же высказывания.

Тема	Рема
<ul style="list-style-type: none"> • исходный пункт • актуально менее значима • предопределена предшествующим контекстом 	<ul style="list-style-type: none"> • сообщаемое о теме • актуально более значима • носительница нового

Тема (*T*) и рема (*R*) могут быть представлены одним словом или несколькими; обычно более распространена рема.

Возможны, однако, высказывания с нулевой темой, которые иногда называют «нерасчлененными»:

*Настали святки! То-то радость!
Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

Содержанием темы подобных высказываний (*Настали святки!* ср. также: *Снег выпал!*) является указание на временную и пространственную координаты, в пределах которых содержание ремы истинно. В континууме человеческого бытия, а также в художественном тексте, этот континуум изображающем, такое указание часто оказывается излишним, так как обе координаты либо ясны по умолчанию (фразы типа «Снег выпал!» именно по умолчанию относятся к актуальному настоящему и актуальному местонахождению говорящего; иное значение пространственных и временных координат неизбежно получает выражение, напр.: *В Москве вон вчера уже снег выпал, а у нас еще все голо*), либо известны из левого контекста. В результате и возникают высказывания с нулевой темой.

2. Варианты одного и того же предложения, различающиеся по актуальному членению, получили название коммуникативных вариантов предложения. Ср.: *В привокзальном сквере расположились странные незнакомцы* (начало повествования); *Странные незнакомцы расположились в привокзальном сквере* (после предложения: *Из вагона вышли какие-то незнакомцы*).

3. Соотнесенность темы и ремы с членами предложения и частями речи: тема — подлежащее, дополнение / существительное, личное местоимение, инфинитив; рема — сказуемое / личная форма глагола, прилагательное — выступает не как некая закономерность, а лишь как тенденция.

В редких случаях тема может быть выражена сочетанием подлежащего и сказуемого:

Каждую осень приезжал я в лесную деревню и шел из нее на озеро. Это стало традицией. Я приходил всегда неожиданно (К. Паустовский. Ленка с Малого озера).

4. Важнейшие средства выражения АЧ: порядок слов, фразовое ударение.

Дополнительные средства выражения АЧ: частицы, эллипсис (особенно в диалоге: «Представь меня». — Ты шутишь. — «Нету». — Я рад. — «Когда же?» — Хоть сейчас (А. С. Пушкин. Евгений Онегин).

5. Стандартизированные фрагменты текста:

1) **со сквозной темой** (одна и та же тема повторяется в ряде предложений-высказываний):

$$T_1 — R_1 // T_1 — R_2 // T_1 — R_3$$

Пифагор был великим математиком и мудрецом, но этого ему было мало. Он хотел быть пророком и полубогом.

О нем рассказывали чудеса. Белый орел слетал к нему с неба и позволял себя гладить. Переходя вброд реку Сирис, он сказал: «Здравствуй, Сирис!» И все слышали, как река прошумела в ответ: «Здравствуй, Пифагор!»

2) **с тема-рематической прогрессией** (рема предыдущего предложения становится темой последующего):

$$T_1 — R_1 // T_2 (= R_1) — R_2 // T_3 (=R_2) — R_3$$

В северо-западной части Иерусалима расположен христианский квартал. Там находится главная святыня христианского мира — храм Гроба Господня. Он стоит у подножия холма Голгофа, на котором, по преданию, был распят Христос (Я познаю мир. Страны и народы);

3) **с тема-рематическим расщеплением** (обобщенные тема и рема инициального предложения конкретизируются в последующих):

$$T_1 — R_1 // T_1' — R_1' // T_1'' — R_1''$$

Двое юношей, Мориц и Мельхиор (Д. Бозин и А. Дзюба), обнаружив в себе пробуждение злых неведомых сил, демонстрируют две самых распространенных формы агрессии: одна обращается на себя, другая атакует мир. Кто послабее, понервнее, потоньше — уничтожает сам себя, кто посильнее и поживотнее — попавшихся под руку (Т. Москвина. Про это, про этого, про этих).

6. О. А. Лаптева высказала идею о коммуникативных центрах, которые могут быть в высказывании (особенно в разговорной речи) в разном количестве. Продуктивна также идея «коммуникативного динамизма», высказанная чешским лингвистом Яном Фирбасом.

7. Тема-рематическая организация — это лишь один из вариантов актуального членения, присущий книжной — синтагматически развернутой — речи.

Парцелляция (лат. *parcella* — частичка) — интонационно-пунктуационный прием, при котором один или несколько компонентов предложения получают интонационную самостоятельность, сохраняя при этом грамматическую и смысловую связь с основным высказыванием. Интонационно выделенный компонент называется **парцеллятом**.

К книге надо относиться как к жизни. Ее надо читать собственными глазами. Недоверчиво. Рассматривать. Выискивать в ней точное знание. И идти от книги к книге. Ведь книга — это только дорога (В. Шкловский)

Из друзей надо выбирать веселых.

Из веселых — верных.

Из верных — умных.

Из умных — честных.

И долгоживущих (М. Жванецкий).

Дополнительная литература

1. Манаенко Г. Н. Осложненное предложение в языке и речи: Очерки по теории и методологии исследования. — Ставрополь, 2003 (§ 1. С. 3–15).
2. Норман Б. Ю. Однородные члены предложения в свете современной грамматической теории // Русский язык в национальной школе. 1976. № 2.
3. Перетрухин В. Н. Расширение, распространение и осложнение в простом предложении // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1979. № 4.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. [8-е изд.: М., 2000] (Гл. 22.)
5. Попов А. С. Однородные члены предложения, имеющие разную форму и разную функцию в современном русском языке // Краткие очерки по русскому языку. — Воронеж, 1964.
6. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. — М., 1990.
7. Урысон Е. В. Обособление как средство смыслового подчеркивания // Вопросы языкознания. 1990. № 4.
8. Фурашов В. И., Чернышева М. М. Субъектная модальность и обособление // Русский язык в школе. 1983. № 1.

В учебно-методической литературе к концу 50-х годов прошлого века в курсе синтаксиса был обозначен особый раздел «осложненное предложение»¹.

Круг синтаксических явлений, подводимых под это понятие, у разных исследователей оказывается различным. Если суммировать грамматические категории, попадавшие в то или иное время в той или иной работе «под крышу» осложненного предложения,

¹ См., например, выход в свет в 1959 г. пособия А. Г. Руднева «Синтаксис осложненного предложения».

то мы обнаружим следующий весьма разнородный список: однородные, обособленные поясняющие и уточняющие члены предложения, сравнительные обороты, инфинитивы цели, присоединительные конструкции, вставные и вводные конструкции и обращения.

Однако чаще всего в учебниках по синтаксису в категорию осложнения включают вводные слова и предложения, обращения, однородные и обособленные члены предложения. Первые две категории (вводные слова и обращения) мы отнесли к коммуникативному осложнению, однородные члены — к структурному. Обособленные члены предложения, по сути дела, включают в себя как структурное, так и коммуникативное осложнение. Сравните:

1. *Объявляю, господа, жениху строгий выговор!* (А. П. Чехов. Драма на охоте);

*Товарищи,
Позвольте
без позы,
без маски,
Как старший товарищ,
Неглупый и чуткий,
Поразговариваю с вами,
Товарищ Безыменский,
Товарищ Светлов,
Товарищ Уткин*

(В. Маяковский.

Послание пролетарским поэтам);

Конечно, ждет меня беда (М. Ю. Лермонтов. Маскарад).

2. *Ведь кроме «обычного» человеческого страдания, насилия, несправедливости в самой действительности, слышится какой-то дополнительный скрежещущий призыв, сообщающий трагедии фарсовые оттенки* (М. К. Мамардашвили — о фильме Т. Абуладзе «Покаяние»);

*Забыв и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья* (К. Р.²).

² Поэтический псевдоним великого князя Константина Константиновича Романова.

В первых двух примерах — **коммуникативное** осложнение, что подчеркивается функцией обращения как таковой, особенно наглядно проявляющейся в конкретном употреблении: *господа* у Чехова в реплике графа Алексея Корнеева («Драма на охоте») и *товарищи* в стихотворении Маяковского. Несомненен и факт **коммуникативного** осложнения вводным компонентом у Лермонтова (*конечно* в реплике Нины Арбениной).

Бывают и случаи, когда обращение осложняется обособленным приложением. Таково шутливое обращение к другу Дельвигу по поводу получения «Северных цветов» (пример типа *друг Дельвиг* иллюстрирует отсутствие обособленного приложения):

*Поэт, ленивец и делец!
О мне ты вспомнил наконец,
В моем изгнании печальном
Я получил твои «цветы»*

(Ив. Великопольский. Барону Ант. Ант. Дельвигу).

Что касается высказывания М. Мамардашвили, то оно интересно тем, что в одном случае «благосклонное», благодаря своей глагольной форме, к обособлению причастие **не обособляется** (*скрежещущий*), в другом же случае **обособляется** (*сообщающий*) — появляется иной порядок слов и распространение определяющего слова.

Начнем характеристику явления осложнения с категории однородных членов, поскольку они относятся всегда только к **структурному** осложнению.

Однородными называются члены предложения (*ОЧП*), обладающие **однофункциональностью** и **соотнесенностью** с одним членом предложения, а также **сочинительной связью** между собой.

Поясним определение. В элементарном учебнике однофункциональность сводится к повторяемости одних и тех же членов предложения:

*Лениво и тяжко плывут облака
По синему зною небес (А. Блок).*

(В данном случае — обстоятельства.)

Между тем существуют предложения, которые не подчиняются методике определения однородных членов предложения по одному вопросу:

Никто и нигде меня не ждет (К. Паустовский).

Нигде отвечает на вопрос обстоятельства места, *никто* — на вопрос подлежащего. Это еще отчетливее передается в следующем примере:

В чем и как изменился Пушкин? (А. Ахматова).

Отсюда возникновение в лингвистической литературе двух решений: признавать такие явления однородностью или неоднородностью. А. С. Попов, Е. В. Кротевич признают их в качестве однородных, В. Н. Мигирин называет их частично однородными, а В. Н. Перетрухин³ выводит их за пределы ОЧП. Целесообразнее квалифицировать эти языковые факты в качестве ОЧП: в пользу этого решения говорит употребление одних и тех же союзов, соотношенность с одним и тем же членом предложения.

Теперь об этом «третьем» члене, т. е. члене предложения, к которому относится однородный ряд. Таким членом предложения может быть специализированное слово, называемое обобщающим, которое, выступая в том же падеже, что и ОЧП, выполняет функцию обобщения:

*Потом пропало **все**: луга и небеса (А. С. Грибоедов);
Розы и жалобы — **все** о тебе (Г. Иванов).*

³ В. Н. Перетрухин рассматривает однородный ряд как «единый расширенный член предложения» (1979: 23). Такое понимание однородного ряда спорно, однако оно помогает в понимании однофункциональности ОЧП.

В определении подчеркнуто, что ОЧП находятся между собой в сочинительной связи — союзной и бессоюзной⁴:

*Море шумело глухо и печально (М. Горький);
Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Все померкло, прошло, отошло (А. Блок).*

Таким образом, можно говорить о союзной и бессоюзной связи между однородными членами предложения.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы в целом характеризуются как такие, которые связывают равноправные синтаксические единицы. При однородности необходимо различать следующие их группы: соединительные, противительные, разделительные и градационные.

Соединительные: *и* (при этом он может повторяться, приобретая усилительный оттенок), *ни... ни, да* (в значении «и»), выражающие отношения перечисления.

*А за мышкой во весь дух
Мчатся с лаем Плих и Плюх (Д. Хармс);
Забыв и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья (К. Р.);
Ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти (М. Лермонтов);
Со мною здесь лишь птицы да цветы (К. Р.).*

Противительные: *а, но, да* (в значении «но»), *однако, же, зато* и др., выражающие значения противопоставления, несоответствия, различия.

*Храбрость должна быть горда и добра, а не услужлива (А. Куприн);
Весь кодекс сердечных дел был у него в голове, но не в сердце
(И. А. Гончаров).*

⁴ В. М. Шукшин так ощущал специфику союзной (сочинительной) и бессоюзной связи: «Надо уважать запятую. Союз «и» умаляет то, что следует за ним. Читатель привык, что «и» только слегка усиливает то, что ему известно до союза. О запятую он спотыкается... и готов воспринимать дальнейшее с новым вниманием».

Разделительные: *или, либо, ли, то... то, не то... не то*, выражающие отношения взаимоисключения, возможности одного из названных явлений или чередования действий, явлений, предметов.

Я или Володя отправляемся в карету, а Любочка или Катенька садятся в бричку (Л. Н. Толстой);

Потеряв меня, сударь, она либо умрет от печали, либо умрет с голоду (М. Ю. Лермонтов);

Начиналась не то лихорадка, не то какая-то ерунда (А. Н. Толстой);

Музыкант или певец действует сразу на тысячи (А. П. Чехов);

Долго ль мне гулять на свете

То в коляске, то верхом,

То в кибитке, то в карете,

То в телеге, то пешком? (А. С. Пушкин)

Шел то снег, то дождь с порывами холодного ветра (Л. Н. Толстой).

Градационные: *не только... но и, не то чтобы... но, не столько... сколько* и др., выражающие соединительную связь, осложненную иерархическим отношением между однородными членами. Градационные союзы всегда составные, всегда двухместные (то есть распадаются на две части, каждая из которых занимает место перед «своим» однородным членом) и всегда содержат элементы 1) отрицания (*не*), 2) противопоставления (*но, а*) и 3) соединения (*и, также*). Первая часть градационного союза вводит элемент, значимость которого оценивается говорящим как меньшая, в то время как значимость элемента, вводимого второй частью союза, подается как бóльшая. Отсюда и название союза: между соединяемыми элементами образуется отношение **градации**.

Брови у Лизы — не то чтобы нахмурились, а дрогнули (И. С. Тургенев);

Сказка нужна не только детям, но и взрослым (К. Паустовский);

Не столько благодарю за посылку, сколько за память и внимание (А. П. Чехов);

Общее впечатление, производимое этой девушкой, было не то чтобы болезненное, но загадочное (И. С. Тургенев);

Туманы в Лондоне бывают если не каждый день, то через день непременно (И. А. Гончаров).

При упрощенном изложении вопрос об однородности обычно не обращает внимания на важную для нее многозначность однофункциональности. Между тем однородный ряд связан, с одной стороны, с идеей расширения видения мира (1), а с другой — с углублением знаний о мире (2):

(1) *...вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах*

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

(2) *Боль, обида, гнев звучали в этом возгласе* (М. Горький);

Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью (Н. В. Гоголь).

Противопоставление расширения и углубления в определенном смысле условно: в реальном употреблении ОЧП мы встречаемся с постоянными переходами. Показательны в этом отношении ОЧП в стихотворении И. Бродского «Большая элегия Джону Донну»:

*Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
Уснули стол, ковры, засовы, крюк,
Весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло все. Бутыль, стакан, тазы.
Хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
Ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
Ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду.*

Однородный ряд Бродского, внешне напоминающий приведенный выше известный однородный ряд из «Евгения Онегина», отличается, однако, существенным осложнением, поскольку связан с идеей Бродского об экзистенциальной роли поэта: поэт уснул — уснуло все вокруг.

Затронем вопрос о **границах понятия однородности**. Наиболее распространено, особенно в элементарных учебных пособиях, понимание, допускающее однородность любых членов предложения — и главных, и второстепенных (однородные подлежащие, однородные сказуемые, однородные дополнения и т. д.). Однако в современной лингвистической литературе понимание границ однородности представлено по-разному. Под сомнение прежде всего ставится понятие «однородные сказуемые»: в академических грамматиках 1970 и 1980 гг. явления, которые обычно квалифицируются таким образом, выводятся за пределы ОЧП и рассматриваются как предикативные центры простых предложений в составе сложного. Например, предложение:

Лес зазвенел, застонал, затрещал (Н. А. Некрасов)

— рассматривается как сложное бессоюзное, включающее три предикативные единицы.

Мотивировка данной позиции сводится к такому рассуждению: каждая из спрягаемых форм глагола является достаточным средством, реализующим предикативное значение, следовательно — перед нами не одна предикативная единица, а три, а следовательно, в целом это сложное предложение.

Отказать этому решению в логичности нельзя. Однако ему можно противопоставить следующий аргумент: если мы заменим простые глагольные сказуемые составными (что в данном случае, учитывая начинательный способ действия всех трех глаголов, не составит труда), то получим не три составных сказуемых, а одно — с одной фазисной связкой и тремя однородными смысловыми инфинитивами:

Лес начал звенеть, стонать, трещать.

Вариант же, предусматривающий три полных составных сказуемых:

Лес начал звенеть, начал стонать, начал трещать

— следует оценить как наименее вероятный: повтор одной и той же связки может быть мотивирован только некими особыми стилистическими условиями, в обычных же условиях такие повторы расцениваются как излишество, их избегают.

Отсюда следует: троекратное выражение предикативного значения спрягаемыми формами (в некрасовском примере) обусловлено не реальной потребностью передать его трижды, а лишь тем, что избрана модель простого глагольного сказуемого, которое, как известно, оба компонента значения (грамматический и смысловой) выражает одной словоформой. Если же появляется возможность раздельного выражения этих компонентов, то грамматическое (то есть предикативное) значение выражается лишь один раз. Следовательно, и сказуемое здесь **одно** — но представленное однородным рядом.

Сложнее обстоит дело в случаях разной модальной окрашенности двух сказуемых при одном подлежащем:

Модест Архипович не хотел подвергаться опасности застрять в пробке и решил объехать центр города.

В таких предложениях, в отличие от предыдущего примера, речь действительно идет о двух (или более) ситуациях⁵, и интер-

⁵ Здесь стоит обратить внимание и на разные видовые значения сказуемых (а глагольный вид имеет первостепенное значение для характеристики ситуации, описываемой предложением). Понятие однородности сказуемых подразумевает тождество видо-временной характеристики соответствующих глагольных форм. Не случайно, кстати, в русской литературе в целом крайне редки примеры свободного соединения разнородных глаголов, характерного для идиостиля А. Н. Толстого: *Кот Василий Васильевич мягко подпрыгнул, впился длинными когтями в край подоконника — глядел сквозь марлю на Желтухина (скворца. — Авт.) и раскрыл рот; Анна поджала губы, глядела на пруд; Матушка привлекла Никиту и, забыв его адмиральский чин, долго, словно год не видала, глядела в лицо и поцеловала* (А. Н. Толстой. Детство Никиты).

претация их в качестве сложносочиненных представляется более оправданной.

Учитывая сказанное, целесообразно сохранить понятие однородных сказуемых, но ограничить его рамками тех случаев, когда модальная (или фазисная), а также видо-временные характеристики сказуемых тождественны. При этом, имея в виду, что теоретически даже такие «чистые» случаи можно интерпретировать как явления переходности между простым осложненным и сложным предложением, полезно допускать существование целой «шкалы переходности»⁶, крайними точками которой окажутся, с одной стороны, предложение с однородными сказуемыми в строгом смысле слова, с другой — сложное предложение с единым субъектом и вытекающей из этого грамматической неполнотой одной из частей. Дополнительными факторами, склоняющими чашу весов в сторону признания предложения сложным, служат отображение предложением не одной, а двух или более ситуаций и установление между ними отношений обусловленности. Ср. следующие примеры:

*Весенний ветер лезет вон из кожи,
Калиткой щелкает, кусты корежит,
Сырой забор подталкивает в бок (Э. Багрицкий).*

Здесь наблюдаем отображение одной ситуации (речь идет о разных преломлениях **одного и того же явления** — «поведения» ветра — применительно к разным объектам); видо-временная и модальная характеристики сказуемых тождественны; целесообразно признание однородных сказуемых.

Я навеки погребла себя в четырех стенах и до самой могилы не сниму этого траура (А. П. Чехов).

Здесь не совпадают видо-временные характеристики сказуемых; между действиями, обозначаемыми ими, устанавливаются

⁶ Понятие «шкалы переходности» отстаивается, в частности, в работах В. В. Бабайцевой и Л. К. Дмитриевой.

отношения обусловленности; предложение представляет собой случай переходности.

Вот построим новую дорогу и разрушим вашу старую жизнь
(М. Горький).

Это еще более явный случай переходности: речь идет явно о двух ситуациях; наличие отношений обусловленности между ними подчеркивается возможностью постановки тире.

Наконец, вполне допускает интерпретацию в качестве сложносочиненного следующее предложение:

*Смолоду был грозен он,
И соседям то и дело
Наносил обиду смело* (А. С. Пушкин).

Таков первый спорный случай в синтаксической интерпретации однородности. Второй спорный случай — проблема однородности определений.

Неправомерно считать **главным** критерием однородности / неоднородности определений **смысловой**. Грамматика должна опираться на смысловой критерий лишь в том случае, когда он носит грамматикализованный характер. Следствием же опоры на смысловые различия, не получающие грамматического подкрепления, является полный произвол в противопоставлении однородных / неоднородных определений. С одной стороны — очевидный однородный ряд:

*Лошадь остановилась перед бедной, потемневшей от времени,
покосившейся избой* (Н. Г. Гарин-Михайловский).

С другой стороны — скорее, неоднородные определения:

Приехав домой, Лаевский и Надежда Федоровна вошли в свои темные душные скучные комнаты (А. П. Чехов). (Но в полном собрании сочинений Чехова они даны как однородные.)

Ориентация на смысловой критерий нередко оборачивается ориентацией, в сущности, лишь на пунктуацию: там, где у (известного) писателя определения разделены запятыми, они при-

знаются однородными — при этом подыскиваются соответствующие обоснования. Именно в этом, думается, причина того факта, что количество условий, при которых определения должны признаваться однородными, в некоторых пособиях доходит до десяти. В частности, в только что приведенном примере из Чехова определения могут быть сочтены однородными на том основании, что они объединены негативной оценочной коннотацией. В чем же дело? Правила описывают не то, что должно быть всегда, а лишь то, что может быть, а может и не быть (но в таком случае это и не правила)? Это предположение вполне вероятно.

Свидетельством отсутствия строгих критериев однородности могут служить пусть и редкие, но встречающиеся случаи, когда один и тот же ряд определений в одном и том же произведении представлен то как однородный, то как неоднородный. Так, в «Пиковой даме» Пушкина, в адресованном Германну письме Лизаветы Ивановны, бедной воспитанницы графини, читаем:

...и тут же узенькая витая лестница: она ведет в мою комнату. (Определения поданы как неоднородные.)

Однако в сцене проникновения Германна в дом старой графини находим:

Германн ее (дверь. — С. И.) отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет⁷.

Скорее всего, ни Пушкин, ни прижизненный издатель повести никакого особого смысла в это разночтение не вкладывали. (Хотя нелишним будет заметить, что предметное существительное *лестница* выступает в этом случае как своеобразный вещественный образ тех взаимоотношений, которые возникают между поверившей в искреннюю любовь девушкой и расчетливым Германном. Напомним, что Германн и исчезает не только из комнаты, но и из жизни Лизаветы Ивановны по той же самой витой лестнице:

⁷ Строго говоря, *узенькая витая* и *узкая, витая* лестница не совсем совпадают, что объясняется различиями в субъективном видении персонажей; однако этим различием в данном случае можно пренебречь.

Он спустился вниз по витой лестнице и вошел опять в спальню графини.)

Безоговорочными можно считать только два следующих случая однородности определений: когда определения обозначают видовые понятия, принадлежащие к одному родовому (1), и когда определения являются синонимами (2):

(1) *Фиолетовой, белой, лиловой,
Ледяной, голубой, бестолковой
Перед взором предстанет сирень* (А. Кушнер);

(2) *Это дикое, бессмысленное пари состоялось* (А. П. Чехов).

Мне приходилось в своей жизни видеть ужасные, потрясающие, отвратительные события (А. Куприн).

Рассмотрение однородного ряда с точки зрения его текстовых функций обнаруживает его значительный стилистический потенциал. Для иллюстрации приведем лишь примеры его иронического использования:

В Италии никогда не перестанут созревать апельсины и художники (К. Паустовский);

Пришел человек с желчным лицом и опровержением (М. Горький).

Как правило, в учебных пособиях указывают лишь на самую общую функцию специализированного члена предложения — так называемого *обобщающего слова*. Между тем его функции разнообразны и требуют специальной классификации.

1. Собственно обобщение, выраженное местоимениями *все, никто, ничто* (возможно их использование в пре-, постпозиции и в «рамочной конструкции»):

*Солнце светит одинаково **всем**: и человеку, и зверю, и растению* (М. Пришвин);

*Земля и небо — все одето
Каким-то тусклым серебром (А. Фет);*

*Все: лицо, походка, взгляд, голос — все вдруг изменилось в ней
(Л. Н. Толстой);*

*Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга (А. С. Пушкин);*

*Ни желаний, ни грусти, ни радости — ничего не выражало ее кра-
сивое лицо с вздернутым носом... (А. П. Чехов).*

2. Обозначение родового понятия при видо-родовых отношениях, когда видовые понятия даны однородным рядом:

*Татьяна в оглавление кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая (А. С. Пушкин).*

3. Качественная оценка (в этом случае открывается широкий простор для придания контексту иронического звучания):

*Гости говорили о многих приятных вещах: о природе, о собаках,
о пшенице, о чепчиках, о жеребцах (Н. В. Гоголь).*

4. Количественные отношения:

*На улице стояли двое: мужчина и женщина (М. Горький);
«Бродячая собака» была открыта три раза в неделю: в понедель-
ник, среду и пятницу (Г. Иванов);*

*Четверо в помещении —
Лиля.*

Ося.

Я

И собака Щеник (В. Маяковский) .

Количественные отношения нередко переходят в качественную оценку:

*Все люди нашего круга — маклеры, лавочники, служащие в бан-
ках и пароходных конторах — учили детей музыке (И. Бабель).*

Обратите внимание на специфику обобщающего слова в следующем примере:

*Летом Грин **отдыхал**: делал луки, бродил у моря, возился с беспризорными собаками, приручал раненого ястреба, читал и играл на бильярде* (К. Паустовский).

Обобщающие слова, с одной стороны, являются средством собственно структурной организации предложения, а с другой стороны — вносят дополнительный смысл в оценочное значение однородного ряда:

*Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне **славы дань**:
Кривые толки, шум и брань*

(А. С. Пушкин, конец I главы «Евгения Онегина»)

В данном употреблении обобщающее слово служит оценкой пушкинского отношения к славе: поэт сводит ее «дань» к *кривым толкам, шуму и брани* — в отличие от широко распространенного ее понимания.

Теоретически ОЧП — открытый ряд, но он может быть ограничен логическим, изобразительно-стилистическим и структурно-синтаксическим факторами:

В Ветхом завете упоминаются уже шесть металлов: железо, свинец, олово, медь, серебро, золото;

Не спали только редкие патрули, облака и звезды (К. Паустовский).

Следует указать на весьма выразительные возможности однородного ряда в художественном творчестве. Этим всегда пользовались и русские детские писатели и поэты (высокий уровень отечественной детской литературы общеизвестен). Приведем в данном случае в качестве примера «Багаж» С. Я. Маршака.

Содержательная, композиционная и собственно речевая основа этого шедевра литературы для детей опирается прежде всего на категорию ОЧП. Несколько раз в стихотворении повторяется однородный ряд с обобщающим словом *багаж*. Почему? Разве

только потому, что необходимость этого повтора обязательна для детской психологии (ведь к этому приему регулярно прибегают все наши классики: К. И. Чуковский, А. Л. Барто, С. В. Михалков и др.)?

Все дело в том, что прием повтора в каждом конкретном случае несет свои стилистические функции. В данном случае это стремление возбудить у юного читателя недоумение и еще — породить смех: не случайно в педагогических изысканиях психологов (особенно зарубежных) смех рассматривается как необходимая составляющая учебного процесса.

Вспомним, однако, текст Маршака:

*Дама сдавала в багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.*

Маленький слушатель обычно призадумывается: в багаж — маленькую собачонку? А поэт повторяет это и повторяет:

*Выдали даме на станции
Четыре зеленых квитанции
О том, что получен багаж...*

И снова:

*Готово. Уложен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж...*

А маленькая собачонка — так в багаже и находится. В конце же оказывается, что вся интрига именно в ней: она убежала (естественно, что с самого начала ребенок мог это предположить), а сопровождающие груз заменили ее «огромным взьерошенным псом». Возмущенная дама говорит как-то странно: «Собака не

той породы». Все это смешно. Так или почти так может воспринимать это ребенок.

С точки же зрения собственно синтаксического подхода, с учетом лексико-синтаксической координации, комический эффект обеспечивает однородный ряд с обобщающим словом *багаж* (которое закономерно стало и названием этой остроумной детской книжки).

Если же приводить примеры из «взрослой» литературы, то полезно обратить внимание на диссертацию А. Р. Равиловой (бывшей аспирантки кафедры русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена), проанализировавшей более 40 тысяч однородных рядов в произведениях К. Г. Паустовского, который наиболее часто использовал в этом качестве слова с признаковыми функциями — однородные определения и сказуемые⁸. Впрочем, это, видимо, общая тенденция, характерная для текстов русской литературы.

Таким образом, изучение однородных членов предложения, рассматриваемых прежде всего как собственно грамматическое явление, должно быть представлено и в коммуникативном отношении, а следовательно, если иметь в виду письменную форму, — в тексте.

Заключая, следует сказать, что тему однородных членов предложения принято считать одной из самых простых в изложении синтаксиса современного русского языка. Однако, если подходить к однородным членам не только с собственно формальной стороны (наличие сочинительных союзов), но с подробным уточнением внутреннего смысла однофункциональности, роли обобщающего слова, с учетом текстообразующей роли ОЧП, то окажется, что это одна из многоаспектных синтаксических проблем.

⁸ «Из 40 830 предложений с однородными членами в проанализированных нами произведениях К. Паустовского с однородными сказуемыми — 19 959, с однородными дополнениями — 10 435, с однородными подлежащими — 3 478, с обстоятельствами — 3 922, определениями — 3 035, с обобщающими при однородных членах — 903» (Равилова А. Р. Предложения с однородными членами в прозе К. Паустовского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1969. С. 9).

Обособленным называется второстепенный член предложения, обозначающий самостоятельную пропозицию и, как следствие, вводящий в предложение вторичную предикацию, что поддерживается интонационной (а на письме — пунктуационной) выделенностью, а также особым порядком слов и — весьма часто — наличием зависимых от него других членов.

Мы прошли лес, скрывавший от взгляда дюны (А. Битов). Ср.: *Мы прошли лес, который скрывал от взгляда дюны.*

Букинист спал, измученный жарой (К. Паустовский). Ср.:

Букинист спал,	так как	был измучен жарой.
•	•	•
первая пропозиция	суперпропозиция (отношение между первой и второй)	вторая пропозиция

Пропозиция — понимание субъектом «положения дел» (ситуации), представленное предикативным образованием (*Отец приехал*), которое считается **инвариантом** для возможной серии непредикативных (т. е. не содержащих грамматического сказуемого) синонимичных вариантов (*Приезд отца; приехавший отец* и т. д.), выступающих в качестве **свернутой пропозиции**. Ср. у А. П. Чехова в «Драме на охоте»: *По уходе Урбенина мы приступили к допросу графа*. Ср. возможное: *Урбенин ушел, и мы приступили к допросу графа*.

Вторичная предикация, воплощенная в связи второстепенного члена с другим (или другими) членами предложения, отражает не только его статус как члена предложения, но и вносит дополнительный предикативный смысл. Наиболее последовательно вторая предикация проявляется тогда, когда второстепенный член выражен глагольной формой: деепричастием или причастием. Роль деепричастия в наибольшей степени сходна с ролью спрягаемой формы глагола. Последняя всегда является сказуемым или его связкой — то есть грамматическим выразителем предикативности. Деепричастие тоже «однолюб» — ему тоже

присуща единственная роль: обозначать вторичное, дополнительное действие:

*И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных
(О. Мандельштам);*

Врачи, делая умный вид, все время выписывают новые лекарства (А. Кабаков).

Смысл вторичной предикации, а также способность обособленных членов представлять самостоятельную пропозицию (1а, 1б) особенно очевидны при их сопоставлении со сложным предложением (2) и группой самостоятельных предложений (3), а также с предложением без обособления (в качестве контраста):

- 1а. *Робкая девочка, оказавшаяся в незнакомом лесу, расплакалась.*
- 1б. *Робкая девочка, оказавшись в незнакомом лесу, расплакалась.*
2. *Робкая девочка расплакалась, так как она оказалась в незнакомом лесу*
3. *Робкая девочка расплакалась. Она оказалась в незнакомом лесу.*
4. *Оказавшаяся в незнакомом лесу робкая девочка расплакалась.*

Сопоставление обособления (...оказавшись..., оказавшаяся) со сложным предложением (2) и двумя самостоятельными (3), с одной стороны, и с предложением без обособления (4), с другой стороны, с наглядностью обнаруживает, что предложения с обособлением по коммуникативной выразительности гораздо ближе к сложноподчиненному предложению и к двум самостоятельным предложениям, чем к предложению (4), не обладающему вторичной предикацией. Предложение (4), отражая несколько пропозиций, вторичной предикацией не обладает: в нем нет такого дополнительного признака, как интонационное выделение.

Объем категории обособления в разных работах представлен по-разному. При суженном понимании данной категории (что оправданно) за ее пределы выводятся **пояснительные** (1) и **уточняющие** члены (2):

1) *Здесь, в небольшом овражке, волки сделали привал после долгого пути* (Ч. Айтматов) (поясняется наречие *здесь*, т. е. расшифровывается его смысл);

2) *Все принимали участие в общем разговоре, кроме Кити и Левина* (Л. Толстой) (уточняется местоимение *все*, т. е. «не полностью все», исключаются Кити и Левин);

На Кособоковой улице, в доме № 17, жила одна старушка (Д. Хармс) (уточняется, конкретизируется адрес *одной старушки*).

При ограниченном понимании объема обособления под эту категорию подводятся обособленные определения (прежде всего — приложение) (1) и обстоятельства с уступительным значением, а также одиночные — образа действия (2):

1) *Александров, беженец с Кубани, был человеком одиноким* (Г. Иванов);

2) *Несмотря на свои четыре окна, кабинет был темноват* (Б. Пастернак).

Особо следует оговорить случаи, в известной степени совмещающие функции предикации второго порядка с уточнением метафорического характера:

*Я стал творить, но в тишине, но втайне,
Не смея помышлять еще о славе.*

(возможно трактовать как метафорическое уточнение)

*Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.*

Уточняющее представляет собой обстоятельственные деепричастные обороты.

(А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери).

Было уже сказано, что выведение за пределы обособления пояснения и уточнения как специфических явлений целесообразно хотя бы уже для того, чтобы показать разнообразие тех фактов, которые стали подводиться под общую категорию обособления.

Уточнение и пояснение имеют свои особые функции, терминологически это хорошо подмечено. В качестве иллюстрации приведем таблицу, показывающую, помимо прочего, что уточнению как факту речи свойственно более широкое многообразие, нежели пояснению.

	Функция пояснения	Функция уточнения
предназначение уточняющего / поясняющего компонента	Отождествление <i>А там, над красной аркой, летели черные вздыбленные кони</i> (Г. Иванов)	Детализация <i>Мы встали и лениво поплелись назад, к домику</i> (А. П. Чехов).
Соотнесенность с референтом	С одним референтом <i>Там, в поднебесье, идут облака, Через туман озаренные</i> (А. Блок).	С несколькими референтами <i>Похоронили его (Владимира Соловьева. — С. И.) в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с могилой отца</i> (А. В. Гулыга).
Способ выражения поясняемого / уточняемого слова	Местоимение (местоименное наречие) <i>Там, в Петербурге, сестры простились. Плачет душа одинокая Там, на другом берегу</i> (А. Блок)	Разные части речи <i>В Петербурге, в Летнем саду, сестры простились Ср. Плачет душа одинокая В Петербурге, на другом берегу</i> (немыслимое искажение Блока. — С. И.).
Синтаксическая характеристика основного слова: а) какой член предложения? б) порядок основного и поясняющего / уточняющего компонента	а) все члены предложения, включая сказуемое <i>Мадам Фриче улыбнулась, т. е. показала свои желтые клыки</i> (И. С. Тургенев) б) тенденция к постпозиции пояснения (см. предыдущие примеры).	а) все члены предложения, кроме сказуемого: <i>А я стою у двери, за портьерой, вздыхая старомодные духи</i> (Г. Иванов) б) позиция уточняющего свободная: <i>Все принимали участие в общем разговоре, кроме Кити и Левина</i> (Л. Н. Толстой). Ср. <i>Кроме Кити и Левина, все принимали участие в общем разговоре.</i>

Поясним различие между двумя структурными образованиями («там, в Петербурге» и «в Петербурге, в Летнем саду»): 1) *там, в Петербурге* иллюстрирует **пояснение**, *там* и *Петербург* — это указание на одно и то же место: местоименное наречие *там* лишь указывает на место, но не расшифровывает его: где *там?* — *в Москве, в Саратове, в Новосибирске* и т. д., в данном же случае — *в Петербурге*, за словом *там* и словоформой *в Петербурге* стоит один и тот же денотат; 2) *в Петербурге, в Летнем саду* — **уточнение**: за этими двумя компонентами стоят два различных денотата: а) указание на город, б) указание на достопримечательность этого города. Словоформа (б), таким образом, как более частное обозначение места, уточняет словоформу (а) как более общее представление места действия.

Вернемся к собственно обособлению.

Обособление обусловлено 1) **семантически** (добавочное значение, связанное с пропозицией и вторичной предикацией); 2) **морфологически** (наличие **специализированных** форм: деепричастие, краткое прилагательное, при дополнительных условиях — причастие); 3) **синтаксически** (распространенность второстепенного члена, синтаксическая несочетаемость, не прямой порядок слов, в том числе дистантное расположение обособленного члена по отношению к определяемому компоненту). Названные условия обособления могут свободно сочетаться друг с другом, что хорошо видно и в приводимых ниже примерах.

1. Семантическая обусловленность:

Это выражение робкой и подлой улыбки, знакомой ему по жене, взорвало Пьера (Л. Н. Толстой);

Чувствительный и проницательный сердцем, Алеша впадал в уныние от ее журьбы и слез (Ф. М. Достоевский).

2. Морфологическая обусловленность:

Путь человека нельзя понять, увидев один его шаг (И. Эренбург);

Одаренный необычайной силой, Герасим работал за четверых (И. С. Тургенев);

Терек воет, дик и злобен,

Меж утесистых громад (М. Ю. Лермонтов);

*Первым, боязнь одолен,
Снялся бабий батальон* (В. Маяковский)

3. Синтаксическая обусловленность:

*На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели* (И. А. Бунин);
*В молчаньи рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый* (А. С. Пушкин);
*А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой* (М. Ю. Лермонтов);

Смерть вступает в свои права — властная, неумолимая, жестокая
(А. С. Новиков-Прибой).

Наиболее употребительны следующие виды конструктивного обособления:

1) **обособленные предикативные обстоятельства**, выраженные специфической глагольной формой — деепричастием (деепричастным оборотом). Они привносят не только значение «вторичного действия», но и обстоятельственные оттенки. См. примеры из «Евгения Онегина»:

Оттенок	Пример	Оттенок	Пример
временной	<i>Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был...</i>	следствия	<i>Вдруг ветер дунул, загашая Огонь светильников ночных; Смутилась шайка домовых;</i>
условный	<i>В последнем вкусе туалетном Заяв ваш любопытный взгляд, Я мог бы пред ученым светом Здесь описать его наряд.</i>	причинный	<i>Высокой страсти не имея Для звуков жизни не щадить, Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить.</i>

целевой	Родной земли спасая честь, Я должен буду, без сомненья, Письмо Татьяны перевести.	уступительный	Он был не глуп; и мой Евгений, Не уважая сердца в нем, Любил и дух его суждений, И здравый толк о том, о сем.
образа действия	Зима! Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь.		

Деепричастный оборот может не только обозначать добавочное действие с тем или иным обстоятельством значением, но и передавать тонкие смысловые оттенки — например, иронического сопровождения. Так, во II главе у Пушкина читаем:

*Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел
(кроме календаря осьмого года. — С. И.),*

— а ранее читатель узнает:

*...деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.*

Имея много дел — явная ирония. Здесь очень существен именно деепричастный оборот: он позволяет лучше противопоставить факт *в иные книги не глядел* ироническому обобщению *имея много дел*.

Есть, однако, и случаи, когда деепричастный оборот обозначает просто второе действие, как у Г. Иванова:

*Уже летит с пленительного юга
Попутный ветер,
Волнуя паруса
(Ср. летит и волнует паруса), —*

или у С. Есенина:

*На лежанке мурлыкал котенок,
Безразлично смотря на меня*
(Ср. мурлыкал и смотрел), —

или у К. Р.:

*Роняя листья над водой,
Грустят задумчивые ивы*
(Ср. роняют листья и грустят);

2) обособленное приложение:

— качественно-оценочное (особенно ярко в метафорических оборотах):

Иногда среди музыки являлись маленькие враги — непрошенные воспоминания (А. Н. Толстой);

Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице (А. С. Пушкин — А. Бестужеву);

— релятивное (подчеркивается факт отношения к определяемому):

Вскоре приехал Борис, старый приятель Берга (Л. Толстой);

— квалификационно-обстоятельственное:

Я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог (А. С. Пушкин).

Целесообразно отличать **структурно обусловленное** обособление от **коммуникативно обусловленного** (актуализированного порядком слов и интонацией):

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузьмичу (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Ср.: *Бледная и трепещущая Маша подошла к Ивану Кузьмичу.*

Ср. также:

Кузьма, бледный и растрепанный, упирался в землю ногами и, не имея возможности оборониться руками, бил своих врагов большой головой (А. П. Чехов. Драма на охоте).

История изучения обособления связана с его последовательным выделением из круга более устоявшихся категорий: сокращенное придаточное предложение (Ф. И. Буслаев), понимание обособления как особой грамматической категории (А. М. Пешковский), вычленение из круга обособленных членов предложения в особую категорию пояснительных и уточнительных членов (Н. М. Шанский).

А. М. Пешковский впервые предложил понятие обособленного члена предложения. См. его определение: «обособленный второстепенный член, уподобившийся (один или вместе с другими, зависящими от него членами) в отношении мелодии и ритма и параллельно в отношении связей своих с окружающими членами отдельному предложению»⁹. Он же определил условия обособления: особенности словопорядка, распространенность определяемого слова, грамматическую несочетаемость. При значительном преувеличении роли интонации и мелодики, Пешковский все же выделил в обособлении самое важное — перевел его из разряда «сокращенных придаточных» в самостоятельную категорию, правильнее сказать — открыл эту категорию в системе грамматического строя русского языка. Именно ему принадлежит заслуга создания концепции обособления. Из современных работ заслуживает самой положительной оценки (и выделяется) монография Г. Н. Манаенко (см. библиографию). Ее главную установку автор сформулировал в уточняющей части названия: «Очерки по теории и методологии исследования».

Современные проблемы изучения обособления — исследование противопоставленности собственно *структурного* и собственно *коммуникативного* обособления, соотносенного с факторами актуального членения; стилистическая роль взаимозамены обособления его синтаксическими синонимами.

⁹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956. С. 416.

Обособление соотносится с *парцелляцией*, при которой парцеллят приобретает интонационную автономность. **Парцеллят** — такой член предложения, который, сохраняя смысловую и грамматическую связь с предложением, приобретает самостоятельность коммуникативной интонации:

Путь наш лежал через Весляну. Мимо полуразвалившихся каменных ворот тарного цеха. Мимо изб, погребенных в снегу. Мимо столовой, из распахнутых дверей которой валил белый пар. Мимо гаража с автомашинами, развернутыми одинаково, как лошади в ночном. Мимо клуба с громкоговорителем над чердачным окошком. И потом вдоль забора с фанерными будками через каждые шестьдесят метров (С. Довлатов. Зона).

Разграничивая собственно коммуникативное и структурное обособление, подчеркивая смысл синтаксической синонимии (ее текстообразовательную роль в рамках целого произведения), завершим изложение этой сложной темы известным стихотворением Н. Гумилева «Перчатка»:

*На руке моей перчатка,
И ее я не сниму.
Под перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко
И которая уводит мысль во тьму.*

*На руке прикосновенье
Тонких пальцев милых рук,
И как слух мой помнит пенье,
Так хранит их впечатленье
Эластичная перчатка, верный друг.*

*Есть у каждого загадка,
Уводящая во тьму.
У меня — моя перчатка.
И о ней мне вспомнить сладко.
И ее до новой встречи не сниму.*

В стихотворении обнаруживается осложненный повтор сочинения: *И ее я не сниму — И ее до новой встречи не сниму*; взаим-

мозаменяемость сочинения и подчинения: *И о ней мне вспомнить сладко — О которой вспомнить сладко*; взаимозаменяемость придаточного и причастного оборота: *И которая уводит мысль во тьму — Уводящая во тьму*.

Отметим контекстное употребление в качестве подлежащего ключевого слова *перчатка* («Перчатка» [название] — *На руке моей перчатка — [хранит] Эластичная перчатка, верный друг — У меня — моя перчатка*) и второго ключевого слова *загадка*: *Под перчаткою загадка — Есть у каждого загадка*.

Именно ключевые слова *перчатка* и *загадка* выступают в качестве одного из главных средств создания целостности и связности текста, а также его поэтического смысла. Появляясь в каждой части (*перчатка*) или в первой и последней (*загадка*), ключевые слова организуют и сюжетно-композиционное построение стихотворения: завязка (знакомство с общей интригой: загадка?); развитие (намек на суть загадки); концовка (обобщение частного общим: *Есть у каждого загадка* и превращение еще скрытого признания в более очевидное). Легко заметить, как тонко и выразительно использует Гумилев разные случаи трансформации. Пример поучителен и тем, как невозможно «самоуправство» над текстом, как избирательно надо пользоваться приемами преобразования.

Подытоживая, следует подчеркнуть, что состав осложнения, традиционно включающий в себя самые разнообразные синтаксические явления, чаще всего понимается как обращение, вводные компоненты, однородные и обособленные члены. Между тем каждое из этих явлений требует осмысления с точки зрения соотносительности в нем структурного и коммуникативного начал. Основным фактом структурного обособления является однородность (хотя при текстообразовательном подходе и здесь начинают проявляться собственно коммуникативные признаки). К коммуникативному осложнению относятся вводные компоненты и обращение. Что же касается обособленных членов предложения, то в их состав включаются как случаи собственно структурного, так и собственно коммуникативного характера.

()

Дополнительная литература

1. *Белошапкина В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967.
2. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. — М.; Л., 1935.
3. *Карцевский С. О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкознания. 1961. № 2.
4. *Пешковский А. М.* Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Родной язык в школе. 1926. №№ 11–12. (Перепечатана в: *Пешковский А. М.* Избранные труды. — М., 1959.)
5. *Поспелов Н. С.* О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950.
6. *Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. — Новосибирск, 1987.
7. *Ширяев Е. Н.* Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1989. № 2.

Сложное предложение — одна из основных синтаксических единиц, в которой реализуется связь синтаксических компонентов. Но если в простом предложении реализуется связь между словоформами, то в сложном предложении вступают в связь друг с другом предикативные структуры (простые предложения, если пользоваться школьной терминологией):

Мир из окна машины выглядел немного приплюснутым, но мне все равно приятно было на него смотреть (А. Геласимов. Жажда); Почему-то среди прозаиков бытовало мнение, что драма — второстепенный род литературы (Л. Петрушевская. Краткая история трех девушек); Мысль только тогда плодотворна, когда ею движет сомнение

(М. Горький. Жизнь Клим Самгина); *Поднимемся на палубу: здесь душно* (И. Бродский. Посвящается Свете).

Итак, создаются парадоксальные синтаксические построения, в которых **полипредикативная** структура (два или несколько простых предложений) «упаковывается» в **монокоммуникативное** единство, поддержанное интонацией законченности. Подобные синтаксические построения можно назвать предложением, имея в виду лишь его коммуникативное назначение.

Сложное предложение, с одной стороны, сближается с простым предложением — по коммуникативной природе, интонации и, в ряде случаев, по изоморфизму (то есть по тождественной структурной организации, ср.: *Находчивый брат всех спас. Брат, который был находчивым, всех спас*); а с другой стороны, — с некой совокупностью самостоятельных простых предложений (благодаря своей полипредикативности): *Так как началась метель, дороги сделались непроходимыми / Из-за метели дороги сделались непроходимыми // Началась метель. Дороги сделались непроходимыми.*

Но именно сложное предложение в определенных условиях является самым эффективным средством для передачи соответствующей информации.

Чем это достигается? Прежде всего — основной функцией СП. Она сводится к тому, чтобы с наибольшей очевидностью выразить те отношения, которые возникают между предикативными единицами. Это и есть грамматическая значение сложного предложения. Названные отношения передаются совокупностью самых разных средств (порядком следования предикативных единиц, интонацией, видо-временным соотношением глаголов-сказуемых и др.); но **главнейшим из этих средств являются союзы и союзные слова** (в 50-е годы для их общего наименования появился термин **скрепы**). Именно благодаря этим лексико-грамматическим показателям отношений между предикативными единицами, они (эти отношения) становятся достаточно очевидными. Чтобы продемонстрировать это с большей наглядностью, сравним два СП с одними и теми же предикативными единицами, но объединенными разными союзами: 1) *Поскольку телепереда-*

ча была о географических открытиях, сестру было не оторвать от телевизора и 2) *Хотя* передача была о географических открытиях, сестру было не оторвать от телевизора. Использование причинного союза *поскольку* в первом случае и уступительного *хотя* во втором изменяет не только характер отношений между предикативными единицами, но и содержание сложного предложения в целом, если иметь в виду его речевую реализацию. Это обнаруживается, в частности, в том, что в этих двух СП появляется разная дополнительная содержательная информация¹, являющаяся следствием сложнейшего взаимодействия лексического состава СП с его структурной организацией, главным показателем которой является средство связи. В первом предложении дополнительной информацией является: 'сестру интересовала тема географических открытий'; во втором — 'сестру не интересовала тема географических открытий'.

Изучение сложного предложения на современном этапе определяется его трактовкой как структурно-семантического единства, сложившейся в 50-е годы минувшего столетия (Н. С. Поспелов, В. А. Белошапкина, С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов и др.).

Структурно-семантическое единство (целостность) СП проявляется в следующих его особенностях:

- в наличии в структуре СП двух взаимосвязанных **семантико-грамматических** уровней: языкового (**собственно грамматического**) и речевого (**лексико-грамматического**), формируемых целой системой средств связи разной языковой природы;
- в несводимости речевого содержания СП к «арифметической сумме» смыслов входящих в него предикативных единиц, что, в частности, проявляется в порождении добавочной информации (если иметь в виду слушателя), или в высвечивании пресуппозиций (из которых исходил говорящий): *Книга была о бабочках, но брат ее прочел* (говорящий исходит из известного ему факта: бабочки брата не интересовали);

¹ Термин *дополнительная содержательная информация* используется, если иметь в виду получателя информации (адресата); если же иметь в виду отправителя информации (адресанта), то правильнее оперировать термином *пресуппозиция*.

- в несамостоятельности входящих в СП предикативных компонентов (интонационной, семантической и в целом ряде случаев — структурной): *Правда, Федор Михайлович признавал, что именно младший брат в трудную годину доказал ему свою любовь* (Ю. Давыдов. Бестселлер).

Несамостоятельность предикативных компонентов проявляется в происходящих в них структурных сдвигах, определяемых, в свою очередь:

- включением специализированных лексико-грамматических средств (союзных и соотносительных слов):

Я посетил тот город, где когда-то

Я женщину всем сердцем полюбил (Евг. Винокуров);

Но с этими людьми князь Андрей умел поставить себя так, что его уважали и даже боялись (Л. Толстой. Война и мир);

- стандартизированной незамещенностью определенных синтаксических позиций:

И казалось, что замерло пение (Л. Мартынов)

- наличием общих членов (в том числе — подлежащего);

Я вновь вернулся в край осиротелый,

В котором не был восемь лет (С. Есенин. Русь Советская);

- семантической неполнотой главной или придаточной частей:

Есть вещи, которые полагается понимать с полуслова (Л. Леонов. Русский лес).

Структурно-семантическое единство СП проявляется также в фактах лексико-синтаксического сотрудничества предикативных единиц (четвертая характеристика).

Лексико-синтаксическое сотрудничество (или соответствующая корреляция) — это факт речевого взаимодействия лексики и синтаксиса, при котором тот или иной набор словоформ,

предикативных единиц и других составляющих преобразуется в структурно-смысловое образование, не сводимое к арифметической сумме смыслов этих составляющих, а становится фактом их интеграции, приводящей к формированию нового смысла, играющего существенную роль в содержании всего коммуникативного единства. Это относится как к простому (ПП), так и к сложному предложению. В самом деле, в ПП *Глупый человек угнетает; Незрелые фрукты есть опасно* субстантивно-адъективные словосочетания интегрированы таким образом, что выступают в предложении в качестве своеобразных синтаксически обусловленных неразложимых «фразеологизмов».

Примером такого семантического сотрудничества в СП может служить весьма выразительное сложноподчиненное предложение из «Войны и мира» Л. Толстого: *Несмотря на то, что доктора лечили его (Пьера. — С. И.), пускали кровь и давали пить лекарства, он все-таки выздоровел*. Благодаря структуре СПП, определяемой главным образом союзом *несмотря на то, что*, усиленным в главной части частицей *все-таки*, и соответствующему лексическому наполнению, в нем обнаруживается весьма оригинальная (толстовская!) смысловая добавка: лечение докторов не только не способствует выздоровлению, а провоцирует обратное (более развернутый комментарий к этому примеру см. в гл. «О предмете синтаксиса...», с. 43).

Собственно синтаксическим фактом является **лексико-синтаксическая координация**, представленная 1) **синтаксической фразеологизацией** и 2) **синтаксической лексикализацией**.

Синтаксическая фразеологизация проявляется в особой спаянности предикативных единиц СП, при которой один из постоянных лексических компонентов, сохраняя свою лексическую семантику, становится одновременно и грамматическим показателем связи предикативных единиц (ПЕ): *И не успел поэт опомниться, как после тихой Спиридоновки очутился у Никитских ворот...* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Не прошел Никитин и двух шагов, как из другого дома послышались звуки рояля* (А. П. Чехов. Учитель словесности). Таким образом, временные отношения, например, могут передаваться не только соответствующими союзами (*когда, едва, прежде чем, после того как* и др.),

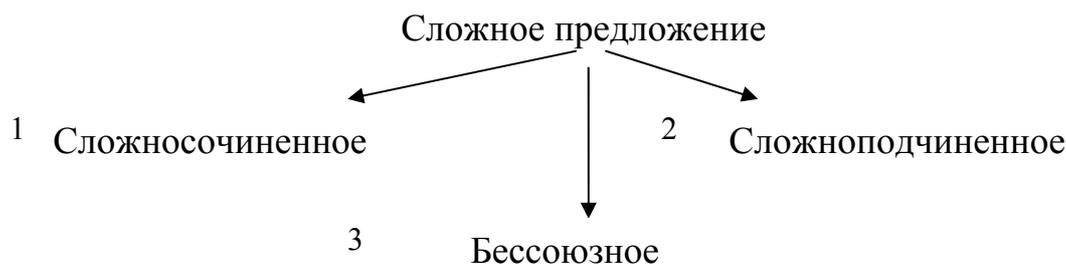
но и личными формами глаголов *успеть, пройти* с отрицанием — при условии следования далее ПЕ, открываемой союзом *как*.

Синтаксическая лексикализация (или собственно лексико-синтаксическая координация) трактуется как факт обусловленности собственно **лексическим значением слова** его связи с определенной скрепой (союзом), начинающей придаточную ПЕ. Так, чтобы придаточная единица, начинающаяся изъяснительным союзом **что**, могла стать частью сложного предложения, она должна быть отнесена к слову со значением передачи информации, мысли, созерцания, чувства, независимо от того, какой частью речи это слово является: *На этот раз по лицу разнеслась весть, что придет Державин* (Ю. Тынянов. Пушкин). Придаточная же часть, начинающаяся изъяснительным союзом **чтобы**, должна относиться к слову главной части со значением волеизъявления: *Губернатор приказал, чтобы вы пришли к нему завтра ровно в десять часов утра* (А. П. Чехов. Моя жизнь).

Факт лексикализации связан с одним из частных типов СП, но роль этого типа в организации текста оказывается чрезвычайно существенной, поскольку именно благодаря использованию этого типа осуществляется одна из самых актуальных антропоцентрических задач создания текста, а именно — обнаружить человеческую рефлексивность в восприятии картины мира, которая предстает в виде человеческого слова, мысли, чувства, волеизъявления: *Рассказывают, что собака Моцарта уморила себя голодом на его могиле* (Г. Чхартишвили. Писатель и самоубийство).

Именно собственно языковые факты моделирования подобных структур являются результатом лексико-синтаксической координации.

ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ СП чаще всего представлена тремя типами:

-
1. *Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль* (А. С. Пушкин);

Горы превратили голос мастера в гром, и этот же гром их разрушил (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Машина остановилась, и усталые антилоповцы сошли на землю (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок);

Век скоро кончится, но раньше кончусь я (И. Бродский).

2. *Довлатов сразу же и до конца понял, что единственные чернила писателя — его собственная кровь* (В. Попов. Кровь — единственные чернила);

Может, смысл существованья

В том, чтоб смысл его искать (Е. Евтушенко);

Стрельников знал, что молва дала ему прозвище Расстрельников (Б. Пастернак. Доктор Живаго);

Мы молчали и глядели на берег, к которому плыли (А. П. Чехов. Святой ночью);

Жизненный инстинкт обостряется тогда, когда жизни угрожает опасность (Г. Чхартишвили. Писатель и самоубийство);

Я всего лишь на век уезжаю

От добра и из дома,

Которого нет (А. Галич);

Я хотел снова выйти на Тверскую, потому что идти по закоулкам было еще опасней (А. Кабаков. Все поправимо);

Хотя Горький родился в 1868 году, датой его рождения в ту пору считали 1869 год (К. Чуковский. Горький);

3. *Прожитая жизнь только кажется бесконечной, воспоминания делят одну секунду* (С. Довлатов. Старый петух, запеченный в глине);

Шурик занимался с Марией языками: день — английским, день — испанским (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик);

Все исчезает — остается

Пространство, звезды и певец (О. Мандельштам).

Попытки расширения традиционной типологии сложного предложения

Наличие в составе сложного предложения своеобразных структур, не вписывающихся безоговорочно в известную триаду: сложносочиненных, сложноподчиненных и бессоюзных предложений — привело к различного рода попыткам расширить приве-

денную типологию. В качестве «сомнительных» разными исследователями рассматривались следующие структуры СП:

1. Переходные случаи, совмещающие признаки сочинения и подчинения:

Хоть я городской житель, но искренне люблю природу (А. Толстой. Хождения по мукам);

Пускай скудеет в жилах кровь,

Но в сердце не скудеет нежность (Ф. Тютчев);

Если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему приходим к нему лишь с годами (А. Твардовский);

2. Взаимоподчиненные предложения:

Едва Золушка успевает взойти на первую ступень, как навстречу ей с верхней площадки устремляется король (Е. Шварц);

3. Пояснительные предложения:

Всякая эстетика есть еще и трансцендентальная эстетика в кантовском смысле, то есть она имеет отношение к пространству и времени (А. Белый);

12 июня силы Западной Европы перешли границы России и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие (Л. Толстой. Война и мир);

4. Предложения с присоединительными отношениями:

Для нас расставание с ним было большой неприятностью, да и старому солдату, видимо, было не по себе (В. Короленко);

В школу они больше не ходили, да и Старый не мог им больше ничего дать (К. Булычев. Поселок);

Тарантас-то чужой. Да и везут-то тебя в долг (В. Соллогуб);

5. Фразеологизированные конструкции:

Не успели повстречаться, приходится разлучаться (К. Тренев. Любовь Яровая);

Стоило ему (Пьеру. — С. И.) выразить желание, Наташа вскакивала и бежала исполнять его (Л. Толстой. Война и мир);

Напрасно капитан делал ему разные знаки, Грушницкий не хотел и смотреть (М. Лермонтов. Герой нашего времени);

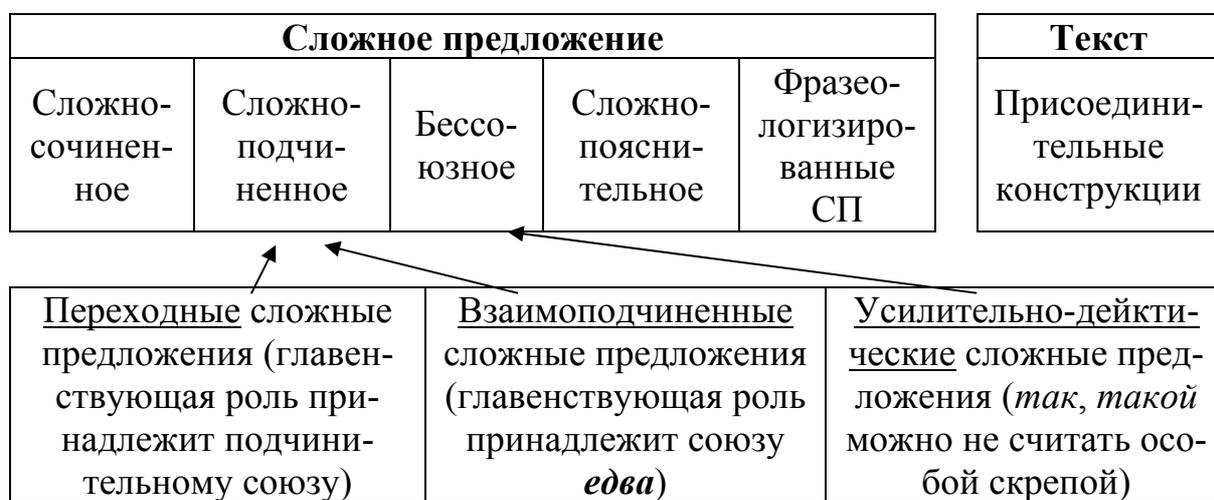
6. Предложения с так называемыми присоединительными придаточными:

Пала роса, что предвещало хорошую погоду (Д. Мамин-Сибиряк);

7. Усилительно-дейктические предложения, в которых в качестве скрепы выступает местоименный указательный компонент *так, такой*:

Левин оглянулся вокруг себя и не узнал места: так все переменялось (Л. Толстой. Анна Каренина).

Попытки расширения типологии сложного предложения (с практической точки зрения материал расширения надо рассматривать как трудные случаи разбора СП) можно представить следующей схемой:

ЗАДАНИЕ. Попробуйте распределить приведенные ниже предложения, ориентируясь на данную схему.

Едва Сашенька родился, как Юрия Андреевича призвали (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Он (Калязин. — С. И.) *тоже был из «молодых», то есть ему недавно минуло сорок лет, но он уже метил в государственные люди...* (И. Тургенев. Отцы и дети)

Не успел Нехлюдов назвать себя, как лицо женщины приняло испуганное и радостное выражение (Л. Толстой. Воскресение).

Пишу тебе без особой надежды, что письмо дойдет, да и писать особенно нечего (Г. Козинцев. Письма Козинцевой).

Попытки расширения типологии СП — за исключением удачного решения проблемы пояснительного предложения (А. Ф. Прияткина) — нельзя считать удачными теоретически, но можно считать полезными в методическом отношении.

Приведенная выше структурно-функциональная характеристика сложного предложения позволяет сформулировать следующее рабочее **определение**:

Сложное предложение — это структурно-семантическая и интонационная целостность, выступающая как коммуникативная единица, состоящая из двух или нескольких предикативных компонентов (частей), находящихся друг с другом в определенных отношениях, что выражается набором грамматических средств, главным из которых являются союзы, союзные слова и интонация.

Сравните с определениями академических грамматик:

«Сложное предложение — сочетание предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве целостной единицы сообщения» (Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. С. 653).

«Сложное предложение — это целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующая в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними» (Русская грамматика. Т. 2. — М., 1980. С. 461).

Традиционно дискуссионными в проблеме сложного предложения являются 1) выделение / невыделение бессоюзного предложения (ср. решение, принятое в Русской грамматике-80), а также 2) квалификация предложений, рассматриваемых в школьном учебнике как простые предложения с однородными сказуемыми: последние в Грамматике-70 вводятся в состав сложного предложения:

Тени еще раз качнулись и потом исчезли (А. Геласимов. Степные боги).

Оппозиция «сочинение vs. подчинение» в качестве **основы грамматической типологии** сложного предложения была теоретически представлена в результате известной в русистике полемики, произошедшей в 20-х годах между М. Н. Петерсоном и А. М. Пешковским. М. Н. Петерсон в «Очерке синтаксиса русского языка» утверждал: «...в понятиях сочинения и подчинения нет языкового содержания, они привнесены в синтаксис из логики. Поскольку объективно различия между ними нет, то, следовательно, и нет нужды сохранять это наследие теории предложения»².

В 1926 г. в журнале «Родной язык в школе» появилась знаменитая статья А. М. Пешковского, уже самим названием обращающая внимание к неожиданному и весьма спорному тезису М. Н. Петерсона: «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?»³. Признав, что положение о противопоставленности «сочинение vs. подчинение» принимается синтаксистами всего мира «молчаливо и почти без доказательств», А. М. Пешковский, тем не менее, подчеркивал: «выдергивая эту полуосознанную или почти не осознанную основу, М. Н. Петерсон, естественно, рушит здание современного синтаксиса». Пешковский был против подобного разрушения «синтаксического здания» и попытался решить труднейшую задачу — найти грамматические критерии для обоснования оппозиции «сочинение vs. подчинение». Такая попытка предпринималась впервые, и уже в этом большая заслуга Пешковского.

Основная роль в названном противопоставлении отводилась им идее зависимых и независимых отношений, возникающих в СП, но трактовалось это противопоставление отнюдь не в смы-

² Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. — М.; Пг., 1923. С. 32–33.

³ Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Родной язык в школе. 1926. №№ 11–12.

словом (как это делали ранее), а в грамматическом плане. Исходным пунктом грамматической трактовки сочинения и подчинения послужило А. М. Пешковскому использование в одном случае **сочинительных** союзов, во втором — **подчинительных**. Из факта использования либо сочинительного, либо подчинительного союза вытекают важные следствия, которые и составляют грамматическую суть оппозиции сочинения и подчинения. Если попытаться обобщить эти следствия, получим следующее:

СОЧИНЕНИЕ

1. Возможна (хотя и не всегда) **обратимость** (перестановка) входящих в СП предикативных частей: *Засвищут скоро соловьи, И лес оденется листвою* (А. Плещеев). Ср.: *Лес скоро оденется листвою, и засвищут соловьи.*
2. **Невхождение** средств связи (союзов) в состав простых предложений (возможно лишь их ритмическое присоединение): *Я полон дум о юности веселой, Но ничего в прошедшем мне не жаль* (С. Есенин).
3. Взаимная **непроницаемость** частей: одна часть не может находиться внутри другой.

ПОДЧИНЕНИЕ

1. **Необратимость** предикативных частей: *Так как дорога портилась, двигались медленно* (Б. Зайцев). Невозможно: **Так как двигались медленно, дорога портилась.*
2. **Вхождение** средств связи (союзов и — что очевидно — союзных слов) в состав придаточного предложения: *Деревья жалобно шумели, Когда настали холода* (А. Плещеев); *Беден тот, в ком ничего не осталось от ребенка* (Д. Гранин).
3. **Проницаемость**: благодаря свойству (2) придаточное может занимать интерпозицию: *Деревья, когда настали холода, жалобно шумели.*

Совокупность признаков (1–3) и означает грамматически **равноправные** отношения при сочинении и грамматически **неравноправные** — при подчинении.

К указанным А. М. Пешковским и ставшим уже традиционными признакам грамматической противопоставленности сочинения и подчинения — нередко трактуемым не без вульгаризации⁴ — следует прибавить еще два, появившихся, кстати, в опре-

⁴ Речь идет, главным образом, о критике принципа обратимости, который не имеет силы закона, а фиксирует лишь тенденцию. Приводя примеры явно не-

деленной мере под влиянием идей А. М. Пешковского. Имеется в виду идея изоморфизма простого и сложного предложения (В. А. Белошапкова) и тезис о том, что «логически всякое сочинение представляет собой соподчинение» (имеется в виду и имплицитное его проявление)⁵.

В. А. Белошапкова показала, что в основе оппозиции «сочинение vs. подчинение» лежит сопоставление синтаксической организации ССП с организацией ряда однородных членов: «Предложения, синтаксическая организация которых однотипна синтаксической организации ряда однородных, являются сложносочиненными; предложения, синтаксическая организация которых неоднотипна синтаксической организации ряда однородных, являются сложноподчиненными. Формальным выражением однотипности / неоднотипности структуры сложного предложения строению однородного ряда являются средства соединения частей сложного предложения — союзы и союзные слова: части сложносочиненных предложений соединяются теми же союзами, которые связывают однородные члены предложения; части сложноподчиненных предложений соединяются союзами, неспособными выражать отношения в ряду однородных членов, и относительными местоимениями («союзными словами»), связывающая роль которых тождественна функции тех подчинительных союзов, которые выше были названы синтаксическими»⁶.

обратимых сложносочиненных предложений (типа: *Аззелло покинул террасу, и Воланд остался один* (М. Булгаков), некоторые авторы не упускали возможности поиронизировать. Между тем А. М. Пешковский, тонкий интерпретатор речевого поведения, конечно, владел подобными фактами, но он ставил вопрос о возможности претворения самого принципа обратимости (пусть непостоянного, но проявляющегося) при сочинении и невозможности реализации этого принципа при подчинении.

⁵ *Левицкий Ю. А.* О логических аналогах грамматических сочинения и подчинения // Вопросы языкознания. 1990. № 4; *Его же.* Проблемы сочинения: Учебное пособие по спецкурсу. — Пермь, 1980.

⁶ *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. — М., 1967. С. 101. «Синтаксическими» автор называет подчинительные союзы, которые оформляют синтаксическую связь, но не выражают смысловых отношений (ср.: *Маша так испугалась отцовского гнева, что забила в дальний чулан*), — в противоположность союзам «семантическим», которые не только оформляют связь, но и выражают смысловые отношения между предикативными

К этому резонному замечанию В. А. Белошапковой следовало бы прибавить, что роль **подчинительных** союзов можно было бы сопоставить с ролью **предлогов** в простом предложении, тем более что некоторые из союзов генетически связаны именно с предлогами (приводим не полный перечень, а лишь несколько примеров):

<i>предлог</i>	<i>союз</i>
несмотря на благодаря после	несмотря на то _(,) что благодаря тому, что после того _(,) как

Отсюда и возникает известный параллелизм в содержании простого и сложного предложения:

<i>Мы отправились в путь_(,) несмотря на дождь.</i>	<i>Мы отправились в путь, несмотря на то_(,) что лил дождь.</i>
<i>Поездка состоялась благодаря вмешательству друга.</i>	<i>Поездка состоялась, благодаря тому_(,) что вмешался друг.</i>
<i>После концерта в зале началось что-то невообразимое.</i>	<i>После того как кончился концерт, в зале началось что-то невообразимое.</i>

Так или иначе, но основная идея В. А. Белошапковой об ориентации на изоморфизм простого и сложного предложения при сопоставлении «сочинение vs. подчинение» оказалась весьма перспективной.

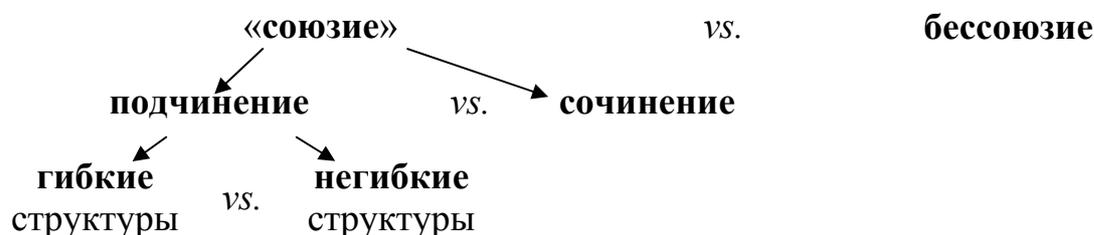
Для концепции В. А. Белошапковой весьма важным стало и то, что в бессоюзных предложениях, где нет формальных показателей, роль которых соответствовала бы роли союзов и союзных слов, вопрос о противопоставленности «сочинение vs. подчинение» снят. (Сами отношения между предикативными единицами при этом квалифицируются как недифференцированные.) Из этого общего взгляда на бессоюзие вытекает и следующий вывод: «Вследствие того, что сочинение vs. подчинение противопостоят друг другу лишь в сфере сложного предложения с союзной

ми частями (ср.: *Андрей сильно хлопнул дверью, так что Маша вздрогнула / Андрей сильно хлопнул дверью, чтобы Маша вздрогнула*).

связью, они не могут быть категориями первого, высшего уровня разделения сложных предложений. Различительная сила противопоставления сочинения и подчинения менее значительна, чем различительная сила противопоставления союзной связи и бессоюзия: деление союзных предложений на сочиненные и подчиненные предполагает предварительное отделение союзных предложений от бессоюзных» (Там же, с. 102).

Помимо указанных двух противопоставлений в системе сложного предложения: 1) союзные vs. бессоюзные, 2) сочиненные vs. подчиненные, — В. А. Белошапковой выделен и третий вид противопоставленности: **гибкость структуры / негибкость структуры СПП**. Смысл этой оппозиции состоит в том, что СПП с подвижной придаточной частью (гибкая структура) противопоставлены СПП с закрепленной позицией придаточной части (негибкая структура). Стоит сравнить следующие два СПП, чтобы лучше осознать сущность этого противопоставления: 1) **гибкая структура**: *Чтобы поступить в университет, я должен был держать экзамен на аттестат зрелости экстерном* (Н. Бердяев). Ср.: *Я должен был, чтобы поступить в университет, держать экзамен на аттестат зрелости экстерном*; 2) **негибкая структура**: *Между тем сочинение произвело в публике некоторое впечатление, так что игнорирование его могло быть сочтено за злонамеренность* (М. Салтыков-Щедрин) (перестановка придаточной части невозможна).

Таким образом, иерархия оппозиций, определяющих типологию сложных предложений, выглядит у В. А. Белошапковой следующим образом:

При пристальном внимании к предложенной в данном случае системе одно остается очевидным: теоретически приоритетной оппозицией и в этом ряду остается оппозиция «сочинение vs.

подчинение», тем более что вопрос о бессоюзии, как мы увидим в дальнейшем, до сих пор остается дискуссионным⁷.

Следует обратить внимание еще на один фактор, играющий значительную роль в раскрытии оппозиции «сочинение vs. подчинение». Наиболее четко его сформулировал Ю. А. Левицкий: «всякое сочинение представляет собой соподчинение». Здесь опять нельзя не вспомнить А. М. Пешковского, который при определении однородных членов предложения подчеркивал — а можно даже сказать, исходил из того, — что они находятся в одинаковом отношении к третьему общему члену: *Не видно было ни камышей, ни плотины, ни берегов* (С. Т. Аксаков)⁸.

Много позднее это положение А. М. Пешковского было перенесено в проблематику сложносочиненного предложения. Так, Н. Н. Холодов к «общему члену» (в широком смысле) сложного предложения применил термин *координатор одинаковости (тождественности)*. Он же и конкретизировал типы «координаторов». В их число вошли: 1) общий второстепенный член; 2) предложение предшествующего текста; 3) второстепенные члены, которые повторяются в частях сложносочиненного предложения; 4) придаточное предложение при двух или нескольких главных, связанных соединительными союзами. Вот примеры, которые приводит Н. Н. Холодов⁹:

- 1) *У Охватава вдруг горячо заколотилось сердце и слезой застелило глаза.*
- 2) *С мамой пришли свет и тепло. Загорелась под потолком лампа, и затрещали в печи дрова.*
- 3) *Крики еще больше усилились, и слезы еще обильнее потекли из глаз.*
- 4) *Было светло и пели петухи, как достигли они Жадрина.*

⁷ Можно не переносить в лекционный курс предложенную В. А. Белошапковой систему в полном виде, но нельзя не видеть в ней несомненной стройности и оригинальности.

⁸ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956. С. 441–442. См. также формулировку Е. Н. Ширяева: «Синтаксическое значение сочинения — это выражение одинаковой, в том числе и потенциальной, отнесенности соединенных компонентов к третьему».

⁹ Холодов Н. Н. Проблемы исследования сложносочиненных предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1977.

Однако если Н. Н. Холодов при разъяснении сочинения, оперируя ориентацией на соподчинение, имел в виду **соединительный** тип отношений (об этом свидетельствуют и приведенные примеры), то Ю. А. Левицкий распространил эту ориентацию на сложносочиненное предложение в целом. Так, например, предложения с противительными отношениями: *Светит солнце, но все-таки холодно* — **потенциально** способны к соподчинению: *Он сказал, что светит солнце, но [что] все-таки холодно*. Эта идея — ориентация на принципиальную возможность всех сочиненных предикативных единиц быть соподчиненными — подкрепляется и положением Е. Н. Ширяева о том, что общую функцию всех сочинительных союзов (соединительных, противительных, разделительных, градационных) можно обозначить как **И-функцию**¹⁰. Так, союз *но* = И-функция + противопоставление; подобную расшифровку можно использовать по отношению ко всем сочинительным союзам (*или* = И-функция + разделение и т. д.).

И — универсальный союз в условиях СП: он может вовсе «избавляться» от своего назначения — указывать на те или иные отношения между соединенными им предикативными единицами, — маркируя лишь их соподчиненность: *Несмотря на все свое волнение, княжна Марья поняла, что это была графиня и что надо было ей сказать что-нибудь* (Л. Толстой).

Е. Н. Ширяев приводит еще более выразительный пример: *Он сказал, что на улице прохладно и что звонили приятели*. В самом деле, между ПЕ «на улице прохладно» и «звонили приятели» нет смысловой связи, союз же *и* лишь обнаруживает их соподчиненность общему координатору.

Таким образом, можно говорить о пяти известных в специальной литературе грамматических факторах, определяющих противопоставленность «сочинение vs. подчинение»: 1) обратимость / необратимость, 2) прикрепленность союза к одной из предикативных частей / отсутствие такой прикрепленности, 3) взаимная проницаемость / непроницаемость частей СП, 4) изо-

¹⁰ Ширяев Е. Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1980. № 2.

морфизм СП и простого предложения, 5) соподчиненность входящих в СП предикативных единиц / отсутствие этого признака. И хотя в последнее время наиболее значимыми признаются два последних, тем не менее нельзя преуменьшать роль такого фактора, как возможность перемещения придаточной части в структуре сложноподчиненного предложения — особенно показательна интерпозиция: *Людам, пока они живы, тяжело с ангелами* (Н. Лесков), — и невозможность появления подобного признака в структуре сложносочиненного предложения.

Естественно, что грамматические признаки, используемые для обоснования оппозиции «сочинение vs. подчинение», касаются так называемых ядерных (основных моделей) сложных предложений. Что же касается периферии, где нередко встречаются конструкции, совмещающие в себе признаки как сочинения, так и подчинения, то она часто воспринимается как такая совокупность языковых фактов, которая ставит под сомнение самой возможность существования той генеральной оппозиции в организации сложного предложения, которая обсуждается в русистике около двухсот лет. Одним из типов «периферийного» СП является, например, сложносочиненное предложение с разделительным союзом *то — то*¹¹: *То ось у кибитки сломается, то на ямской станции не окажется лошадей, то случится еще какая-нибудь задержка* (В. Полторацкий. Дорога в Суздаль). При возможной обратимости частей, их грамматическом равноправии, сопоставимости с однородными членами — а все это признаки сочинения — имеется и признак подчинения: включенность союза *то* в состав предикативных частей. В целом, однако, такие конструкции квалифицируются как сочинительные, в пользу чего говорит и соподчиненность всех частей общему координатору, в качестве которого выступает предшествующее предложение: *Долго тянулось его путешествие*.

Такого типа «периферийные» факты прежде всего и порождают существующий скептицизм в отношении оппозиции «сочинение vs. подчинение». Он проявился у В. А. Богородицкого в

¹¹ Дьячкова Н. А. Полипредикативные разделительные конструкции с союзом «то — то» в современном русском языке и их функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1989.

30-е годы, у В. В. Виноградова — в 50-е, у Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной — в 80-е. Ср. высказывания:

«Обычное деление всех сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные страдает некоторою искусственностью, особенно когда стараются живое разнообразие языка уложить в эти две произвольно наперед указанные и слишком категорически отграниченные рубрики» (В. А. Богородицкий)¹²;

«Унаследованное от давней традиции деление всех сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные очень схематично и условно» (В. В. Виноградов)¹³.

Этот скептицизм понятен. Противопоставление «сочинение vs. подчинение» не охватывает собой все виды сложного предложения. Т. А. Колосова и М. И. Черемисина в известной статье «О принципах классификации сложного предложения» писали: «...сведение всех синтаксических отношений между предикативными частями СП к сочинению и подчинению существенно

¹² Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. — М.; Л., 1935. С. 229. Весьма характерно и выведение им за пределы сочинения и подчинения условных и уступительных СП: «Хотя в этих предложениях школьная грамматика и находит часть придаточную с союзом «если» и «хотя», выражающими условие или уступление, однако ж в действительности здесь нет того подчинения, каким характеризуются другие придаточные предложения. Это доказывается способностью условных и уступительных частей сложного предложения выделяться в самостоятельные целые, чего не бывает при подчинении; ср. фразы: “Если бы у меня были крылья!”, “Ну, хотя бы и так?”» Эти доводы В. А. Богородицкого, однако, неубедительны.

Вопрос об уступительных СП как о переходном явлении поднимается и сегодня — см.: Николаева Т. М., Фужерон И. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами // Вопросы языкознания. 1993. № 1. В этой статье авторы называют уязвимые места теории сочинения и подчинения. К ним отнесены: 1) опора на **сочинительные и подчинительные союзы**, хотя критерии их грамматической сущности не выявлены (почему, например, союз *не только, но и* — сочинительный, а *как вдруг* — подчинительный?); 2) опора на **вхождение / невхождение** союза в состав одной из предикативных частей (это не всегда определимо, а кроме того, и при сочинении союз *то... то* может входить в предикативную часть); 3) указание на **равноправие** частей при сочинении и **неравноправие** при подчинении: это можно зафиксировать только при их одинаковом отношении к общему компоненту, что далеко не всегда обнаруживается при сочинении.

¹³ Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

обедняет ту картину действительности, которую уже позволяет увидеть сегодняшнее состояние синтаксических знаний. Оппозиция «сочинение vs. подчинение», помещенная в вершину классификационного дерева, становится тормозом для синтаксической мысли, мешая увидеть и осознать существование качественно других отношений»¹⁴.

Тем не менее, элементарная грамматика до сих пор пользуется этой генеральной оппозицией, требующей, однако, определенных ограничений в подборе учебного материала, ориентированного на ядерные конструкции с сочинительными и подчинительными союзами.

Общая характеристика. Разные подходы к классификации

Определение сложноподчиненного предложения (СПП) может быть предельно простым: это сложное предложение, предикативные компоненты которого связаны друг с другом подчинительными союзами или союзными словами:

Когда сомнения отпали, Степина жизнь стала проще (В. Пелевин. Числа);

Городок, в котором мы расположились, стоял прямо на берегу Иртыша (А. Сахаров. Воспоминания).

Это определение выводится из обобщенного тезиса проф. Н. С. Поспелова о структурно-семантическом единстве сложного предложения в целом.

Основополагающие идеи названной концепции сводились к следующим положениям:

- сложное предложение является специфическим структурно-семантическим типом;
- противопоставленность сочинения/подчинения должна учитываться лишь в союзных сложносочиненных и

¹⁴ Колосова Т. А., Черемисина М. И. О принципах классификации сложного предложения // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 79.

сложноподчиненных предложениях, наряду с которыми существует особый класс бессоюзных предложений (отсюда и появление устойчивой триады в классификации сложного предложения: сложносочиненное — сложноподчиненное — бессоюзное);

- взаимодействие предикативных единиц сложного предложения происходит за счет не только средств связи, но и ряда других факторов, в том числе соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых и соотношенности модальных планов;

- различие (но и сходство) с простым предложением обуславливает главный принцип классификации сложноподчиненного предложения, связанный с противопоставленностью **одночленных** предложений — присловных, с придаточным, относящимся к одному конкретному слову:

Жил на свете один отец, который никак не мог найти своих детей
(Л. Петрушевская),

— и **двучленных**, более близких к сочинению, обладающих логической двучленностью — с придаточным, относящимся ко всему предикативному центру главной части в целом:

По мере того как меркла «нечаянная радость» разбушевавшейся было стихии революции, Блок все глубже уходил в стихию субъективных переживаний (В. Альфонсов);

Тут князь Ипполит фыркнул и захохотал прежде своих слушателей, что произвело невыгодное для рассказчика впечатление (Л. Толстой).

Эти положения Н. С. Поспелова ныне кажутся очевидными (некоторыми, правда, оспаривается учение о бессоюзии), но в 1950 г., когда была опубликована первая его статья на эту тему, его концепция была новаторской. Сложное предложение в предшествующие годы трактовалось как некое сочетание простых предложений, и СПП классифицировали не в целом, а по типу придаточного («придаточное времени», «придаточное определительное» и т. д.).

Придаточное же, согласно **логико-грамматическому направлению**, приравнивалось к члену простого (главного) пред-

ложения. При этом важнейшим фактором в определении придаточного оказывался вопрос «к чему оно относится». Во многих случаях квалификация придаточного опиралась на квалификацию соотносительного слова.

Логико-грамматическая классификация СПП явилась, по сути дела, первой методической попыткой типологического осмысления сложноподчиненного предложения в буслаевское время (середина XIX в.). Если учесть уточнения, которые были привнесены в нее в XX в. (см. прежде всего учебник по синтаксису русского языка для педвузов А. Н. Гвоздева), то ее можно представить в виде следующей схемы:

Члены предложения	Типы придаточных	Примеры
Подлежащее	Подлежащные	<i>То, что раньше вело к замыслам побега, приводит его к дуэли</i> (А. Битов). <i>Давно уже мне кажется, что кругом миражи</i> (М. Булгаков).
Сказуемое	Сказуемые	<i>Он не был тем, что волокитой</i> <i>У нас привыкли называть</i> (М. Лермонтов).
Дополнение	Дополнительные	<i>Ночью люди говорят то, что никогда не скажут днем</i> (К. Паустовский). <i>Помню, что впервые услышал я имя Горького от моего милого друга С. В. Рахманинова</i> (Ф. Шаляпин).
Определение	Определительные	<i>Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его</i> (А. С. Пушкин). <i>Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие</i> (А. С. Пушкин).
Обстоятельство	Обстоятельственные	<i>С тех пор, как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна</i> (А. Беляев) (времени) <i>Если врач безумен, то и вырезание гланд превращается в смертельно опасную операцию</i> (Г. Чхартишвили) (условия) <i>Елена ни разу не поговорила с Инсаровым так, как бы она хотела</i> (И. С. Тургенев) (образа действия)

Под влиянием критики логико-грамматического направления со стороны А. А. Потемни и его учеников появились попытки пересмотра классификации сложноподчиненного предложения, поскольку ее недостатки стали очевидны:

- логико-грамматическая классификация представляла собой лишь буквальный перенос классификации членов простого предложения на систему СПП, превращая эту классификацию в «прокрустово ложе», в которое не без насилия над языковым фактом включали и такие придаточные, которые не были изоморфны членам предложения;

- ориентированная на более простую грамматическую категорию членов предложения, она не могла охватить все многообразие весьма разветвленной системы СПП;

- этой классификацией игнорировалось понимание главной функции СПП, заключающейся в установлении логико-семантических отношений между предикативными компонентами, в результате чего СПП с однотипной семантико-структурной организацией попадали в разные типы (так, сложноподчиненные предложения с изъяснительными отношениями рассматривались по-разному: *Мы знали, что родственники уже уехали* — как придаточное дополнительное; *Нам было известно, что родственники уже уехали* — как придаточное подлежащее;

- логико-грамматическая классификация создавалась без учета структурного разграничения сложноподчиненных предложений, связанного прежде всего с противопоставленностью одночленных и двучленных предложений.

Осознание недостатков логико-грамматической классификации вызвало к жизни попытки создать новую классификацию. Основными из них были: формально-грамматическая (А. М. Пешковский) и семантическая (В. А. Богородицкий).

А. М. Пешковский заменил классификацию придаточных предложений классификацией союзов, связывающих предикативные компоненты («простые предложения», по его терминологии, ибо вместо термина «сложное предложение» Пешковский предлагал термин «сложное целое»).

В «Русском синтаксисе в научном освещении» выделены следующие группы союзов:

Временные: *когда, как, как только, с тех пор как, пока, едва, прежде чем* и др.

Причинные: *так как, потому что, затем что, вследствие того что* и др.

Следствия: *так что* (см. до того ... что)
...Но денег так мало, что совестно на карманы глядеть (Чехов)

Цели: *чтобы, дабы, для того чтобы.*

Условные: *если, кабы, коли, раз* и др.

Уступительные: *хотя, несмотря на то, что, даром что, пусть* и др.

Изъяснительные: *что, чтобы, будто* и др.

Пояснительные: *то есть, как-то* и др.

Сравнительные: *как, как бы, будто, словно, точно, чем, нежели* и др.

Сама по себе идея А. М. Пешковского — внимательно проанализировать союзы, главное средство связи сложноподчиненного предложения, — продуктивна, но строить классификацию СПП, ориентируясь только на скрепы, ни теоретически, ни практически невозможно. По сути дела, сложное предложение при такой постановке вопроса исчезает из поля зрения, его осмысление как сложной структурно-семантической целостности заменяется фиксацией лишь одного компонента этой структуры — союза.

Не оправдала себя и семантическая классификация В. А. Богородицкого. В ней мы встречаемся с подменой классификации сложных предложений классификацией лишь отношений, возникающих между предикативными компонентами (см. подведение под один и тот же тип сложноподчиненных с придаточными причины и следствия, а также подведение под уподобительно-сравнительный тип весьма разных в структурном отношении образований).

Семантическая классификация В. А. Богородицкого (с цитированием его примеров)

- определительно-описательный тип:
*Он вошел в маленькую гостиную, где всегда пил чай.
Что пройдет, то будет мило.*

-
- уподобительно-сравнительный тип:
*Счастливей был, чем вы и я.
Каков поп, таков и приход.*
 - временной тип:
И только небо засветилось, все шумно вдруг зашевелилось.
 - изъяснительный тип:
Спой мне песню, как синица тихо за морем жила.
 - условный тип:
Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись.
 - уступительный тип:
Пускай, как он, я чужд для света, но чужд зато и небесам.
 - причинно-следственный тип:
*Его похвалили, потому что он очень хорошо спел.
Он очень хорошо спел, так что его похвалили.*
 - целевой тип:
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

На фоне приведенных попыток создания классификации СПП (логико-грамматической, формально-грамматической и семантической) классификация, ориентированная на идею Н. С. Поспелова, предстает как наиболее перспективная. Неслучайно, что в «Грамматике-70» (раздел написан В. А. Белошапковой) часть, посвященная сложному предложению, опирается на подход Н. С. Поспелова. (Напомним, что в предыдущей академической грамматике 1952–1954 гг. под ред. В. В. Виноградова сложно-подчиненное предложение представлено в ориентирах логико-грамматического подхода, правда, с введением таких «новых» типов, как «сложноподчиненные предложения с придаточными сопоставительными» (1) и «сложноподчиненные предложения с придаточными подчинительно-присоединительными» (2):

1) *Сверх того, она умеет читать и писать, тогда как Марья Григорьевна совершенно безграмотна* (М. Е. Салтыков-Щедрин);

2) *Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить наш путь тремя верстами* (А. С. Пушкин) (автор раздела — А. Б. Шапиро).

Структурно-семантическая классификация, как наиболее эффективно отражающая природу СП, нуждается в более подробной характеристике. Ее наименование подчеркивает ту одновременную ориентацию **как на структуру** (особенно при первом разбиении СПП на две разновидности: одночленные (нерасчлененные) и двучленные (расчлененные)¹⁵ сложноподчиненные предложения), **так и на семантику при условии ее грамматического оформления**, — которая составляет суть рассматриваемой классификации.

Подчеркнем еще раз, что структурный принцип проявляется в главной оппозиции СПП: одночленные / двучленные предложения. Ср.:

1) *Он* (Кухарев. — С. И.) *все время* повторял, что *настало теперь его время* (Л. Петрушевская);

2) *Каюта была крошечная, так что гости едва разместились* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

СПП нерасчлененной структуры

Контактная рамка СПП нерасчлененной структуры. В одночленных (нерасчлененных) предложениях имеется особая синтаксическая категория **контактного** (или опорного) слова. Определение **контактного слова** нельзя сводить к тезису «слово, к которому относится придаточная часть». Надо обязательно подчеркивать, что оно обуславливает *возможность появления придаточной части* своей **морфологической** или **лексической** природой.

Контактное слово, помимо своей синтаксической функции в главной части, получает дополнительную функцию в системе всего сложноподчиненного предложения — относить к себе при-

¹⁵ Терминологическая пара *СПП нерасчлененной структуры* vs. *СПП расчлененной структуры* была предложена В. А. Белошапковой (см. ее кн.: *Сложное предложение в современном русском языке*. — М., 1967) вместо пары *одночленные* vs. *двучленные СПП* для того, чтобы исключить возможность неверного прочтения, будто бы «одночленные» предложения не являются сложными, которое могло вытекать из буквального восприятия терминов. Методическая оправданность этого решения В. А. Белошапковой очевидна.

даточную часть. Следовательно, характеристика контактного слова как структурообразующего компонента должна исходить из анализа этой функции. Рассматривая контактные слова с этой точки зрения, можно выделить два их типа: 1) *морфолого-обуславливающие* контактные слова, 2) *лексико-обуславливающие* контактные слова.

К морфолого-обуславливающим контактными словам относятся такие, которые мотивируют возможность отнесения к себе той или иной придаточной части лишь морфологически, точнее — своей принадлежностью к определенной части речи или морфологической формой.

Для того чтобы контактное слово могло вступить в связь с придаточной частью определительного характера, маркированной союзным словом типа *какой, который*, оно должно быть **именем**. При этом ни его лексическое значение, ни его синтаксическая функция роли не играют. Оно может быть конкретным и отвлеченным, собственным и нарицательным и т. д., иначе говоря — обладать самым разнообразным значением: *Трудно описать восторг и **страдание, какими** светилось ее некрасивое лицо* (А. П. Чехов). (См. также использование в качестве скреп союзных слов — относительных местоименных наречий *где, куда* и др.: *Идея установить памятник Зайцу в том **месте Михайловского, где** именно он перебежал Александру Сергеевичу дорогу, по-видимому, родилась тогда же* (А. Битов).)

Помимо имен, морфологически обуславливающих возможность присоединения к себе присубстантивной¹⁶ части, включающей в себя союзные слова *который, какой, что, чей, где, когда* и др., к контактными словам этого типа относятся **формы сравнительной степени** имени прилагательного наречия или слова категории состояния, допускающие присоединение к себе придаточной части собственно-сравнительного характера с союзами *чем, нежели* (прикомпаративное¹⁷ придаточное):

*Голливуд оказался **проще и сложнее, исключительнее и типичнее, чем** этого можно было ожидать* (Б. Полевой).

¹⁶ от *лат.* substantiv — существительное.

¹⁷ от *лат.* comparativ — сравнительная степень.

Особое место в этом ряду занимают местоименно-соотносительные СПП (*Кто ищет, тот всегда найдет*): о них подробнее ниже.

К **лексико-обуславливающим** контактными словам относятся такие, которые мотивируют отнесения к себе той или иной придаточной части своим лексическим значением.

Для того чтобы контактное слово могло вступить в связь с придаточной частью, формируемой **изъяснительными союзами** *что, будто, чтобы* и др., оно должно принадлежать к определенной семантической группе, более того — быть носителем определенного лексического значения. При этом его синтаксическая роль и морфологическая характеристика несущественны. Именно этим и объясняется тот факт, что в качестве лексико-обуславливающих контактных слов нередко выступают однокоренные слова, близкие по семантике, но различные как по морфологической природе, так и по выполняемой ими синтаксической функции:

*С первых же шагов морской жизни я **убедился, что** читать романы Жюль Верна о морских приключениях значительно проще, чем испытывать все самому (В. Биль-Белоцерковский);*

*Но Лаптев был **убежден, что** все это неискренно и что ему льстят потому, что бояться его (А. П. Чехов);*

*Глупость не в привычке болтать глупости, а **в убеждении, что** другие считают их умными вещами (В. О. Ключевский).*

Основные группы глаголов, выступающих в качестве лексико-обуславливающих контактных слов, указывались в лингвистической литературе неоднократно: 1) глаголы **сообщения** (*говорить, кричать, писать, телеграфировать* и др.), 2) глаголы **мысли** (*знать, помнить, думать* и др.), 3) глаголы **волеизъявления** (*велеть, хотеть, желать* и др.), 4) глаголы **восприятия и чувства** (*видеть, слышать, грустить, радоваться* и др.).

К этой общераспространенной группировке прибавим: 5) глаголы, **антонимичные глаголам сообщения** (*молчать, таить* и др.), 6) глаголы, **антонимичные глаголам восприятия и чувства** (*прослушать* в значении 'слушая, не воспринимать, не слы-

шать сказанного' — разг.), 7) глаголы **бытия** (*оказаться, слушаться, бывать* и др.):

1) **Говорят, что** каждый крупный писатель всю жизнь пишет одну и ту же книгу (А. Смелянский);

Покойный профессор С. Н. Дурьлин **писал, что** в разговоре с ним Л. Н. Толстой назвал лермонтовское «Бородино» «зерном» своей «Войны и мира» (И. Андроников);

2) Ученые будто бы **докопались, что** во всей нашей современной человеческой деятельности участвует пока 8 процентов мозга (В. Солоухин);

3) **Елизавета Ивановна, доцент Педагогического института, настояла, чтобы** дочь уволилась из театра и поехала с ней (Л. Улицкая);

4) Мне **кажется, что** мы с вами или друзьями, или врагами будем (Ф. М. Достоевский);

5) Нельзя **утаить, что** почти такого рода размышления занимали Чичикова в то время, когда он рассматривал общество (Н. В. Гоголь);

6) Учительница написала на доске два варианта, а я как всегда **прослушал, что** нужно делать, и сделал оба... (Е. Берсенева);

7) **Бывает, что** человек богатеет сразу (М. Горький).

Круг имен (существительных, прилагательных и причастий), которые могут выступать в той же роли, более ограничен: 1) имена **сообщения** (*известие, молва*), 2) имена **мысли** (*мнение, соображение, убеждение*), 3) имена **волеизъявления** (*желание, просьба, приказ*), 4) имена **восприятия и чувства** (*отчаяние, страх, рад*), 5) имена **бытия** (*случай, факт, явление*):

1) В 8-м часу приехал ординарец Багратиона с **известием, что** князь быть не может (Л. Толстой).

2) Наслаждаться весной мешает Макару **мысль, что** его не понимают, не хотят и не могут понять (А. П. Чехов).

3) Однажды А. П. Башуцкий, с которым Белинский познакомился у меня, напал на него с убедительной **просьбой, чтоб** он выслушал несколько отрывков из его романа «Мещанин» (И. И. Панаев).

4) *И было жуткое **чувство, будто** мы во сне попали в пустой дом, где когда-то кипела жизнь и где мы оставили близких* (А. Смелянский).

5) *Тот **факт, что** Варвара завещала ему дом, не очень тронул и удивил его* (Самгина. — С. И.), *у нее не было родных* (М. Горький).

Помимо одиночных контактных слов, широко употребляются в этой роли и словосочетания, относящиеся к разряду фразеологических единиц. Однако их тематическая характеристика укладывается в уже указанные нами группы слов сообщения, мысли, волеизъявления, чувства и бытия.

Даю тебе честное слово, что этого больше не будет (Л. Толстой);

Бьюсь об заклад, что не угадаете (И. А. Гончаров);

Публика Александринского театра благодаря Щепкину, наконец, взяла в толк, что «Женитьба» Гоголя — не грубый фарс, а исполненная истины и художественно-воспроизведенная картина нравов петербургского общества средней руки (В. Г. Белинский).

Выделение в качестве особой категории контактного (опорного) слова, роль которого в сложноподчиненном предложении заключается в мотивации связи с придаточной частью, вводимой определенной скрепой (союзом, союзным словом), позволяет в качестве методического приема использовать понятие **контактной рамки (КР)**.

Контактная рамка, включающая в себя **контактное слово главной части и средство связи придаточной**, позволяет наглядно представить синтаксическую модель СПП нерасчлененной структуры, поскольку является своеобразным «паспортом» такой модели.

Лексико-обуславливающая КР:

*А вскоре я еще больше **убедился, что** Николай и не таит против меня ничего дурного* (С. Антонов).

Морфолого-обуславливающая КР:

*Есть **люди, у которых** вместо души популярная библиотека* (М. Горький).

Местоименно-обуславливающая КР:

*Нельзя проповедовать людям **то, что** отрицаешь сам (М. Горький).*

Соотносительные слова в СПП нерасчлененной структуры. Однако контактные слова, присоединяя к себе придаточную часть сложноподчиненного предложения, нередко приобретают посредника. Таким посредником являются так называемые *соотносительные слова*.

Один только Пестель не сомневался, что расправа предстоит лютая (О. Форш).

Есть люди, которых просто невозможно представить детьми (Г. Бакланов).

*Ведь он (Сердюк. — С. И.) почти не сомневался **в том**, что Павел погиб... (В. Попов)*

*Есть **такие** люди, есть **такие** книги, которые выучивают нас думать (Д. И. Писарев).*

Соотносительные слова выполняют роль своеобразной пунктирной линии, контура, намечающего функцию придаточной части предложения. Именно этой ролью соотносительных слов и объясняется полное совпадение их синтаксической функции с функцией придаточной части. В роли соотносительных слов выступают **указательные местоимения** (их также называют *T*-местоимениями, так как в их корне присутствует *-т-*). В предложениях с лексико-обуславливающей КР соотносительное слово может быть опущено без ущерба для смысла: этот факт существен для разграничения сходных типов СПП нерасчлененной структуры.

Категория соотносительных слов не может включать в себя определительные, неопределенные и отрицательные местоимения, которые, в отличие от соотносительных слов, сами являются контактными словами и не *соотносятся* с придаточной частью, а *уточняются* ею — точно так же, как могут уточняться и другие более общие понятия, выраженные не только местоимениями (1), но и числительными (2):

1) **Все, что** я видел теперь, показалось мне чем-то волшебным (В. Г. Короленко);

2) *Сережка был **первый, кто** их увидел* (А. Фадеев).

СПП вмещающего типа. Использование соотносительных слов обогащает возможности контактных слов вступать в синтаксические связи с придаточными частями, вводимыми союзом *что* — но не изъяснительного, а лишь собственно-синтаксического (асемантического) характера. Однако в этом случае образуются СПП, контактная рамка которых не может быть квалифицирована как лексико-обуславливающая: появление придаточной части обусловлено в них не семантикой опорного слова (в этом случае точнее говорить не о контактном, а лишь об **опорном** слове), но тем, что говорящий предпочитает или вынужден назвать ситуацию не словом (словосочетанием), а целой предикативной конструкцией. В одних случаях это объясняется вкусом говорящего, стилистическими факторами и т. п., в других — невозможностью назвать ситуацию словом или словосочетанием. Сравните:

Ситуация названа номинативной единицей	Ситуация названа предикативной единицей
<i>Кончилось ссорой детей.</i>	<i>Кончилось тем, что дети поссорились.</i>
<i>*Началось с погасания света?.</i>	<i>Началось с того, что погас свет.</i>
<i>Книга интересна (своей) многогранностью.</i>	<i>Книга интересна тем, что она многогранна.</i>

Механизм образования таких СПП в целом сводится к следующему:

1) место существительного, которое должно называть ситуацию, приняв форму приглагольного распространителя в соответствующем косвенном падеже, занимает указательное местоимение в той же форме (см. в примерах: *ссорой* — *тем*; **с погасания* — *с того*);

2) к этому указательному местоимению присоединяется с помощью асемантического союза *что* придаточное, называющее ситуацию; указательное местоимение при этом как бы вмещает в себя семантику придаточной части — и одновременно отсылает к ней.

Не случайно в «Грамматике-70» такие СПП были названы **местоименно-соотносительными** со значением **вмещения**. Следует обратить внимание на то, что в таких СПП соотносительное слово опустить невозможно: в отличие от изъяснительных СПП (с лексико-обуславливающей КР), здесь оно является несущим элементом конструкции, ср. невозможность варианта **Кончилось, что дети поссорились?* Предложения вмещающего типа не следует смешивать с изъяснительными СПП.

Выбор союза в лексико-обуславливающей контактной рамке определяется двумя основными факторами: 1) лексическим содержанием контактного слова и 2) модальностью придаточного предложения.

1) Наиболее специализированным является союз *чтобы*, употребляемый, главным образом, при контактном слове — глаголе волеизъявления и в отрицательных конструкциях:

Я умоляю ее, чтобы она дала мне и Дуне угол на эту ночь (Ф. М. Достоевский); *Но я не ждал, не гадал, чтобы так понимал он самого последнего солдата* (Н. Погодин).

2) Союзы *будто*, *ли* употребляются при придаточных, обладающих косвенной (предположительной и вопросительной) модальностью (1), в то время как союзы *что* и *как* употребляются при придаточных прямой модальности (2):

1) *Монашки шептались, будто Манефа — одна из дочерей старухи, будто в миру звалась она Мотрей* (Н. Задонский); *Я беспокоился лишь, придет ли на мой доклад Николай Антоныч* (В. Каверин); *Поднимаясь по лестнице, я гадала, дома ли Соня* (В. Каверин).

2) *Я уже упоминал, что великих актеров дало России крепостное крестьянство* (Ф. И. Шаляпин); *Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо* (А. П. Чехов).

Краткий обзор типов СПП нерасчлененной структуры

Сложноподчиненные предложения с **изъяснительной** придаточной частью (лексико-обуславливающая КР) употребляются

наиболее широко, поскольку являются наиболее выразительными средствами выражения антропоцентрической составляющей синтаксической системы. Другими словами, они наиболее частотны, поскольку выражение чувств, мыслей, волеизъявлений и т. п. — как своих, так и чужих — всегда является одной из центральных задач, которые человек решает при помощи языка; СПП с изъяснительным придаточным — это наиболее универсальная, удобная, прототипичная форма для решения этой задачи.

Второй по распространенности из нерасчлененных СПП является модель с придаточным **присубстантивным**, в которой контактное слово выражено именем существительным:

1) *Я посетил тот город, где когда-то*

Я женщину всем сердцем полюбил (Е. Винокуров).

В качестве средств связи в данном случае выступают не только местоимение *какой, который, чей, что*, но и местоименные наречия (*где, куда, откуда* и др.):

2) *Наташа вдруг нравственно съезжилась и приняла невольной такой небрежной тон, который еще более отталкивал от нее княжну Марью* (Л. Толстой);

3) *Деревня, где скучал Евгений,*

Была прелестный уголок (А. С. Пушкин).

Присубстантивным предложениям свойственны три функции: выделительная — ср. примеры (1) и (3), оценочная (пример см. ниже), распространительная — (2), ср. также (4):

4) *Между этими довольно неудачными, вялыми романами, и во время них, были сотни женщин, о которых он (Кречмар. — Авт.) мечтал, с которыми не удавалось как-то познакомиться и которые проходили мимо, оставив на день, на два ощущение невыносимой утраты* (В. В. Набоков).

В соответствии с функцией различают присубстантивные придаточные 1) **выделительно-определяющей**, 2) **определятельно-оценочной** и 3) **повествовательно-распространительной разновидностей**. Придаточные первой разновидности служат для выделения данного предмета из ряда подобных путем указания на отличительный признак этого предмета (ср.: существует много разных городов, но *город, где когда-то я женщину*

всем сердцем полюбил, — единственный). Контактное существительное в таких СПП всегда допускает наличие при себе указательного местоимения *тот* (в соответствующей форме): в примере (1) оно реально присутствует, в примере (3) оно может быть вставлено. Еще один пример:

Для искусства годится только тот материал, что завоевал место в сердце (К. Г. Паустовский. Золотая роза).

СПП с придаточными определятельно-оценочной разновидности:

Гениальнейший художник, который так изумительно тонко чувствовал силу зла, что казался творцом его, дьяволом, разоблачающим самого себя, — художник этот в стране, где большинство господ было такими же рабами, как их слуги, истерически кричал: «Смирись, гордый человек! Терпи, гордый человек!» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Такие придаточные содержат качественную оценку предмета (лица), который нередко уже имеет атрибутивный компонент в главной части (ср. в данном случае гениальный художник).

Наконец, присубстантивные придаточные повествовательно-распространительной разновидности отличаются тем, что они содержат принципиально важную и новую информацию — рему всего СПП. В этом отношении они противопоставлены предложениям первой разновидности, в которых придаточная часть содержит информацию, уже, как правило, известную из левого контекста и не несущую на себе рематического акцента. Например, в (3) придаточная часть *где скучал Евгений* — опора на уже известные читателю сведения, рема же этого СПП находится в главной части: *была прелестный уголок*. Совсем иное распределение тема-рематических ролей в (4): три однородных присубстантивных придаточных сообщают здесь новую и важную информацию, каждое из них содержит рему, значимую для характеристики персонажа в целом. С этой особенностью связаны еще два существенных признака повествовательно-распространительной разновидности: 1) продвигая повествование вперед, придаточные этой

разновидности располагаются в постпозиции по отношению к главной части и неспособны к интерпозиции — в отличие от выделительно-определительных, для которых интерпозиция вполне типична, ср. пример (3); 2) союзное слово здесь чаще всего легко заменяется местоимением 3-го лица (ср.: *Между этими довольно неудачными, вялыми романами, и во время них, были сотни женщин. О них он мечтал, с ними не удавалось как-то познакомиться, и они проходили мимо, оставив на день, на два ощущение невыносимой утраты*).

Особое место в системе СПП нерасчлененной структуры занимает группа **местоименно-соотносительных** предложений (с местоименно-обуславливающими КР) (*МС СПП*). В «Грамматике-70» она представлена тремя типами:

- предложения со значением **тождества**:

Кто весел, тот смеется;

- предложения со значением **вмещения**:

Брата оскорбили тем, что даже не предложили войти в дом;

- предложения **фразеологизированного типа**:

Брат показался всем таким заносчивым, что никто не решался с ним поговорить откровенно.

В предложениях отождествительного типа КР включает 2 местоимения (указательное, определительное, неопределенное или отрицательное в главной части — и относительное в придаточной). Это могут быть:

— местоимения-существительные: *Ото всего, что сердцу мило, / Тогда я сердце оторвал* (А. С. Пушкин) (предметная разновидность);

— местоимения-прилагательные: *Каким ты был, таким ты и остался* (М. Исаковский) (качественная разновидность);

— местоимения-числительные: *Интересного увидим столько, сколько вы и предположить не могли* (количественная разновидность);

— местоименные наречия: Там, где *капустные грядки / Красной водой поливает восход, / Клененочек маленький матке / Зеленое вымя сосет* (С. А. Есенин) (обстоятельственная разновидность).

Предложения вмещающего типа охарактеризованы выше — в связи с тем, что по способу организации они близки к изъяснительным, и следовало актуализировать различия между ними при непосредственном сопоставлении.

Предложения фразеологизированного типа представляют собой некий симбиоз, служащий для выражения одновременно определительных (в том числе определительно-обстоятельственных с оттенком меры и степени) и следственных отношений. Можно считать этот тип особым переходным случаем, совмещающим в себе черты как одночленного, так и двучленного предложения:

Для Тоуа такой ход был настолько неожиданным, что он просто замер от изумления (А. Розен. Времена и люди);

Он говорил так вызывающе, что все невольно разволновались.

В предложениях этого типа происходит сложное взаимодействие лексических, морфологических и собственно синтаксических факторов. Главная часть в них обычно содержит опорное слово, обозначающее качество (как признак предмета или действия, ср. в приведенных примерах *заносчивый, вызывающе*)¹⁸. Любое качество может характеризоваться мерой интенсивности своего проявления (откуда и способность качественных прилагательных и образованных от них определительных наречий сочетаться с наречиями степени *очень, весьма* и т. п.). Именно на эту степень указывает *T*-местоимение (*так, такой, до того, настолько* и под.), появляющееся при опорном слове в главной части: *таким заносчивым, так вызывающе*. С появлением этого местоимения присоединение придаточной части становится обя-

¹⁸ Иногда такое слово опускается, но оно всегда подразумевается и легко может быть восстановлено: *Люба так ударила локтем о край стола, что слезы брызнули у нее из глаз* (ударилась сильно); *Люба пришла на вечер встречи в таком платье, что все одноклассники ахнули* (в таком эффектном, красивом и т. п. платье).

зательным, так как оно не называет степень интенсивности проявления признака, а лишь указывает на нее, отсылая к придаточному и выполняя тем самым катафорическую функцию. Сравните: *Брат показался всем заносчивым; Он говорил вызывающе* — без *T*-местоимения главные части вполне могут функционировать как самостоятельные простые предложения; однако при наличии *T*-местоимения они утрачивают эту способность и без придаточной части воспринимаются как незаконченные фразы: *Брат показался всем таким заносчивым...*; *Он говорил так вызывающе...* Таким образом, главная организующая роль в предложениях этого типа принадлежит *T*-местоимению — что, впрочем, не умаляет и роли опорного слова с качественным значением.

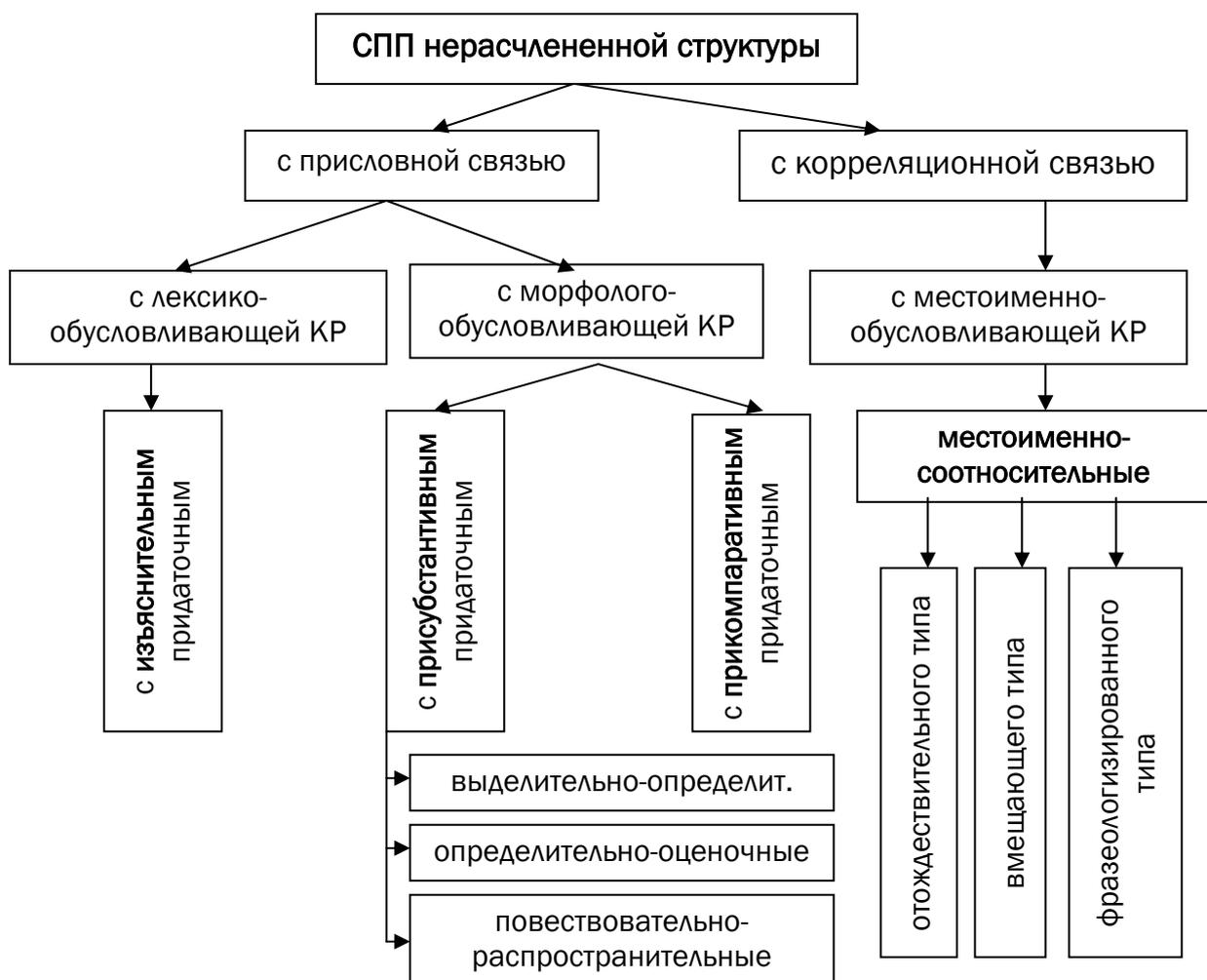
Однако самое удивительное происходит в придаточной части: хотя *T*-местоимение как бы предупреждает о том, что мера интенсивности, на которую оно лишь указывает, будет раскрыта в придаточном, само придаточное об этой мере ничего прямо не говорит; оно сообщает о следствии, вытекающем из степени интенсивности. В самом деле, *никто не решался поговорить с братом откровенно* — следствие из того факта, что *брат показался всем (очень) заносчивым*; *слезы брызнули из глаз Любы* — следствие из того факта, что *она (сильно) ударилась о край стола*.

Таким образом, предложения рассматриваемого типа представляют собой сложнейший структурно-семантический комплекс, в котором главная часть в обязательном порядке содержит (или подразумевает) опорное слово с качественным значением и указательное местоимение при нем, придаточная часть сообщает о следствии, прямо связанном со значением опорного слова, а семантика предложения в целом воспринимается как развернутая характеристика степени проявления того или иного качества субъекта или действия (если опорное слово только подразумевается, то придаточная часть приобретает дополнительную функцию качественной характеристики — см. второй пример в прим. 18). Решающую роль как в структурном, так и в семантическом плане играет *T*-местоимение: оно делает придаточную часть обязательной, и оно же, указывая на степень проявления признака, окрашивает этим значением (которого оно не выражает!) всю конструкцию СПП. Название этого типа местоименно-соотноси-

тельных СПП — фразеологизированный — тем и объясняется, что это одна из наиболее ярких синтаксических конструкций, в которых значение целого несводимо к сумме значений компонентов — а это и есть основной признак фразеологичности.

Близость же МС СПП данного типа к предложениям расчлененной структуры заключается в том, что следственные отношения, которые устанавливаются в них между придаточной частью и опорным словом, являются разновидностью семантики обусловленности, обычно выражаемой именно в двучленных СПП (см. ниже). Не случайно эти отношения могут легко приобрести еще один оттенок обусловленности — целевой, — когда речь идет не о состоявшемся, а о планируемом действии: *Мне надо — думала Люба — прийти на вечер встречи в таком платье, чтобы все ахнули!*

Завершим обзор типов СПП нерасчлененной структуры общей схемой их классификации.

Краткий обзор типов СПП расчлененной структуры

Разветвленной является и группа двучленных предложений, представленная целой системой детерминантных и относительно-распространительных СПП:

Типы придаточных		Примеры
Д е т е р м и н а н т н ы е		
Времени		<i>Эйнштейну, когда я его увидел, было шестьдесят шесть лет</i> (И. Эренбург). <i>Когда началась стрельба, все разбежались</i> (С. Довлатов).
Обусловленности	Причины	<i>На свободе жить очень трудно. Потому что свобода одинаково благосклонна и к дурному, и к хорошему</i> (С. Довлатов).
	Следствия	<i>Он</i> (Харлов. — С. И.) <i>вдруг ударил кулаком по столу, так что все в комнате подпрыгнуло и задрезжало</i> (И. С. Тургенев).
	Цели	<i>Я пришел на эту землю, чтоб ее скорей покинуть</i> (С. Есенин). <i>Чтобы жизнь повторилась сначала, загляните в семейный альбом</i> (М. Танич).
	Условия	<i>Если тринадцать за столом, то, значит, есть здесь влюбленные</i> (А. П. Чехов). <i>Человек не может жить, если не верит в завтрашнее счастье</i> (О. Форш).
	Уступки	<i>Но несмотря на то, что она</i> (Анна. — С. И.) <i>старалась быть спокойной, губы ее тряслись</i> (Л. Н. Толстой). <i>И лейтенант был бледен, хотя старался сохранить бодрый вид</i> (К. М. Станюкович).
Сравнительные		<i>Жизнь течение свое изменила, как река изменяет русло</i> (Н. А. Некрасов). <i>Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него</i> (Л. Н. Толстой).
Сравнительно-сопоставительные		<i>Но чем ближе подъезжал князь Андрей к цепи французов, тем самоувереннее становился вид наших войск</i> (Л. Н. Толстой).
Сопоставительные		<i>Если женские слезы вызывают сочувствие, то мужские рождают удивление.</i>

О т н о с и т е л ь н о -
р а с п р о с т р а н и т е л ь н ы е

И он (Павел. — С. И.) на самом ведь деле бросился к ее ногам, что, как известно, давно уже вышло из моды (М. Горький).

Каждое из детерминантных предложений имеет свои семантические подтипы. Их можно свести к следующим.

Временные сложноподчиненные предложения:

- собственно временные:

Пьер смотрел почти испуганными, восторженными глазами на эту красавицу, когда она проходила мимо его (Л. Толстой);

- условно-временные:

Военные картины имеют только право на существование, когда их пишут Васи Верещагины (В. Стасов);

- причинно-временные:

И как только была применена сравнительная грамматика, так загадочные тексты были прочитаны и поняты (Б. Казанский);

- противительно-временные:

Я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель (А. С. Пушкин).

Причинные сложноподчиненные предложения:

- собственно-причинные:

Вечера он проводил в конторе, потому что Анна Петровна по-прежнему не отпускала для него свечей (М. Е. Салтыков-Щедрин);

- оценочно-причинные:

Ах, какой этот Потугин умница, что привел вас! (И. С. Тургенев);

-
- условно-причинные:

Раз я зла, не говорите со мной. Не трогайте меня! (А. П. Чехов);

- сравнительно-причинные:

Его отчаяние было тем сильнее, что он чувствовал, что его собственная слабость была причиной его горя (Л. Толстой).

Целевые сложноподчиненные предложения

- собственно-целевые:

Чтоб сердце вечно молодым осталось, не бойся — обжигай его, тревожь! (Л. Ошанин);

- условно-целевые:

Всякое дело надо любить, чтобы хорошо его делать (М. Горький);

- целевые степени:

Этой одной фамилии было достаточно, чтобы весь банк вострепелся (Д. Н. Мамин-Сибиряк);

- причинно-целевые:

Я замирала, не смела обернуться, чтоб не увидеть того, кого не существовало (В. Инбер);

- определительно-целевые:

Грянем песню и звонко и смело, чтобы в ней наша сила жила, чтоб до самого солнца летела, чтоб до самого сердца дошла! (В. Лебедев-Кумач).

Условные сложноподчиненные предложения:

- собственно-условные:

Нежности во вкусе Ромео и Джульетты смешны, особенно если они происходят в пехотном армейском полку (А. И. Куприн);

-
- гипотетические:

Если бы Вы были композитором, то избегали бы писать марши (А. П. Чехов);

- условно-причинные:

Если бы не контузия, ушел бы и Рощин (А. Толстой);

- условно-целевые:

Была у него очень искусно вырезанная из дерева статуэтка какого-то святого; он ее показывал мне всего только один раз, и то с тем, чтобы я никому не говорил (Н. С. Лесков).

Уступительные сложноподчиненные предложения:

- собственно-уступительные:

Мамонтов тоже отнесся к «Псковитянке» с восторгом, хотя он и был горячим поклонником итальянской оперы (Ф. И. Шаляпин);

- противопоставительные:

Втайне старик очень сочувствовал этой местной газете, хотя открыто этого и не высказывал (Д. Н. Мамин-Сибиряк);

- уступительно-присовокупительные:

Я пользовался его расположением, хотя не знаю за что (Н. С. Лесков);

- уступительно-предпожительные:

Пускай умру, я должен ей помочь (А. Блок).

Спорность классификации некоторых частных оттенков детерминантных СПП объясняется диффузностью их семантики, а также сложностью анализа фактов семантико-грамматической координации самого общего характера.

Вместо заключения приведем весьма выразительное высказывание из эссе И. А. Бродского «Меньше единицы»: «Пожалуй, не существует более поглощающей, более емкой и более естественной формы для самоанализа, нежели та, что заложена в многоступенчатом синтаксисе русского сложноподчиненного предложения».

Дополнительная литература

1. *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М., 1950. С. 338–354.
2. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. — М.: Наука, 1986.
3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956 (главы 25–28).
4. *Кулагин А. Ф.* Об отнесении бессоюзных сложных предложений к категории сочинения и подчинения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1974. № 6.
5. *Соколова Г. В.* Бессоюзные предложения в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 1982. № 2.
6. *Николаева Т. М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. — М., 1969.

Бессоюзное сложное предложение (*БСП*) входит в известную триаду, представляющую типологию сложного предложения (так по крайней мере она представлена как в общих, так и во многих специальных работах):

— **сложносочиненное предложение:** *Дверь распахнулась, и перед Ириной предстал богатырь* (Н. Садур);

— **сложноподчиненное предложение:** *Чехов изумительно точно изобразил тот мир, в котором жил* (И. Эренбург);

— **бессоюзное сложное предложение:** *Я не люблю джипы, в них сидишь слишком высоко над дорогой* (В. Пелевин).

Эта триада, несмотря на ее распространенность, спорна во многих отношениях. Наиболее же уязвимой является конструкция, именуемая бессоюзным сложным предложением: речь идет

и о его терминовании, и о грамматическом объеме, а следовательно — и о его грамматической природе.

Разнообразие бессоюзных конструкций, которое до конца исследовательски еще не освоено, привело к появлению различных теоретических подходов к ним. Назовем **три основных подхода**.

1. Бессоюзные сложные предложения не выделяются в самостоятельную категорию, а распределяются как бессоюзные варианты между сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. Ср.:

В поле поют жаворонки, в лесу кричат дрозды (А. Чехов) — В поле поют жаворонки, а в лесу кричат дрозды;

Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело (М. Ю. Лермонтов) — Писать я не мог долго, так как тайное беспокойство мною овладело.

Этим подходом мотивировано и возникновение самого термина *бессоюзное СП* (Ф. И. Буслаев, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев и др.).

2. Бессоюзное сложное предложение выделяется наряду со сложносочиненными и сложноподчиненными в самостоятельный синтаксический тип сложного предложения. Подобное решение вопроса (Н. С. Поспелов, В. А. Белошапкова, Е. Н. Ширяев и др.) требует по существу другого термина для предложений типа: *Волны звучали, солнце сияло, море смеялось* (М. Горький), поскольку наименование «бессоюзное» ориентирует не на основное средство связи предикативных компонентов (как это происходит при определении ССП и СПП), а лишь на отсутствие в нем служебных лексико-грамматических показателей. Главнейшим же средством связи между предикативными компонентами БСП является интонация. Отсюда возникает целесообразность назвать их сложными интонационно-связанными предложениями.

Интонация выполняет в этом случае две функции: 1) объединяет предикативные части в единое целое, обнаруживая коммуникативную незавершенность предыдущей предикативной еди-

ницы; 2) становится психолингвистическим сигналом для того, чтобы нацелить слушателя на поиск смысловых отношений между предикативными частями.

3. Бессоюзные сложные предложения переводятся в разряд **бессоюзных соединений предложений**, т. е., по существу, в разряд текстовых категорий (Русская грамматика, 1980. Т. II. С. 634–656). См., в частности: «Бессоюзные соединения (сочетания) предложений — это особые синтаксические образования, в большей или меньшей степени соотносимые со сложными предложениями, но отличающиеся от них отсутствием союзной или местоименной связи между частями. Объединение предложений в бессоюзное сочетание осуществляется посредством интонации и, в одном случае (см. § 3164), при помощи специального грамматического оформления сказуемых (*Подними Макар на меня руку, я бы не вытерпела* (В. Шукшин); *Будь я поэт, непременно написал бы прощание с Италией* (П. В. Анненков)».

Наиболее приемлемой представляется вторая точка зрения, высказанная в 1950 г. Н. С. Пospelовым — правда, с тем уточнением, что в сфере БСП имеется весьма много различных подтипов, обусловленных не только их интонационными характеристиками и некоторыми особенностями структуры (порядок следования предикативных компонентов, порядок слов в этих компонентах, видо-временные и модальные соотношения глаголов-сказуемых), но и содержанием, возникающим благодаря семантико-синтаксической координации.

Хотя современная экспериментальная фонетика, оперирующая системой сложнейших и тонких методик, накопила немало сведений в том числе и об интонации русского сложного предложения, последовательный учет этих сведений и построение на этой основе соответствующей типологии БСП — пока еще дело будущего. В учебной же литературе виды интонации в БСП представлены весьма упрощенно: с ориентацией, главным образом, на повышение или понижение (что значительно реже) тона в конце первой предикативной части. В качестве примера приведем классификацию А. Н. Гвоздева, данную им в учебнике «Современный русский язык» (Ч. II), популярном в 60–70-е годы прошлого века.

В предложениях, **сопоставимых с ССП**, выделяются:

1) **перечислительная** интонация с некоторым повышением тона:

Кто-то играл на скрипке, девушка пела мягким контральто, слышался смех (М. Горький);

2) **противопоставительная**: повышение тона в конце первой части и тонирование ударного слога:

*Моим ты другом быть не хочешь,
Ты хочешь быть моим врагом* (В. Ходасевич).

В предложениях, **сопоставимых с СПП** (термины условны), выделяются:

1) **собственно подчинительная** (наиболее выразительная): повышение тона в конце первой части, что графически чаще всего обозначается тире:

Солжешь сегодня — не поверят завтра (пословица);

2) **пояснительная** (по А. Н. Гвоздеву — изъяснительная): лишь некоторое повышение тона в конце первой части и контрастное понижение во второй, что графически чаще всего обозначается знаком двоеточия:

Я читал залпом: мне хотелось понять жизнь (И. Эренбург);

3) **незаконченности**: крайне незначительное повышение тона в первой части:

Есть изречение: смерть каждого человека на него похожа (А. Куприн);

Будем исходить из предположения: есть области, историкам недоступные (М. Шишкин);

4) **присоединяющая**: неполное понижение тона:

Мне пятьдесят пять лет, уже поздно менять свою жизнь (А. Чехов).

Сказанное позволяет перейти к определению БСП. В учебнике под ред. проф. Л. А. Новикова оно звучит так: «Бессоюзное сложное предложение — это сложное предложение, в котором с помощью интонации в одно целое объединяются две (и более) предикативные конструкции с той целью, чтобы интонационно активизировать смысловые отношения, заложенные в содержании этих предикативных конструкций (С. 805)».

Это определение приемлемо, но с двумя важными уточнениями. Первое: **активизация отношений** благодаря интонации, безусловно, имеет в БСП место, но она связана не просто с «содержанием предикативных конструкций», а с теми отношениями, которые между ними возникают. Иначе говоря, активизируемые в БСП смысловые отношения — это отношения между предикативными частями, а не нечто «заложенное в содержании» этих частей. Отношения же эти могут быть весьма разнообразны: временные, причинные, условные, изъяснительные и др.

Второе уточнение: не следует думать, будто интонация является уникальным средством связи, присущим только БСП (то есть формулировку: «в котором с помощью интонации в одно целое объединяются...» и т. д. — не следует понимать как указание на признак, отличающий БСП от союзных СП). Интонация — неотъемлемая составляющая любого синтаксического построения, способного выполнять коммуникативную функцию; без определенного интонационного оформления любое предложение — всего лишь набор словоформ, но не высказывание. Ergo: отличительный признак БСП заключается не в том, что его части объединяются при помощи интонации, а в том, что они объединяются **исключительно при помощи интонации**. Именно поэтому интонационное оформление БСП разнообразнее, чем интонация союзных СП, и более строго закреплено за отдельными типами БСП.

В учебнике под ред. Л. А. Новикова классификация БСП (автор раздела — Е. Н. Ширяев) сводится к разграничению БСП с дифференцированными и недифференцированными отношениями¹⁹ (С. 807–810).

¹⁹ Представление о БСП как о сложном предложении с недифференцированной связью сформулировала В. А. Белошапкова.

Более соответствует реальному многообразию явлений, традиционно именуемых БСП, следующий подход.

Прежде всего, целесообразно признать, что не все явления, которые на письме оформлены как бессоюзные конструкции, соответствуют понятию о сложном предложении как о структурно-семантическом единстве. В письменной практике, в литературных текстах встречается множество случаев, когда точка между предложениями заменяется, например, точкой с запятой только по субъективным причинам — без объективных к тому оснований (каковыми могут быть прежде всего явные и достаточно тесные смысловые отношения между простыми предложениями). Пунктуационная норма в этом отношении весьма демократична: нарушениями она подобные явления не считает. Следовательно, требуется термин для того, чтобы охватить и такие случаи (когда то, что оформлено как БСП, на самом деле не является сложным предложением, поскольку лишено признаков структурно-семантического единства), и несомненные БСП (наделенные такими признаками). Очевидно, что термин *бессоюзное сложное предложение* для этой цели непригоден, так как он насильственно сводит реальное многообразие вещей к единому знаменателю. Более приемлемо для этой цели сочетание **ГРАФИЧЕСКОЕ БЕССОЮЗИЕ**: оно акцентирует лишь факт отсутствия союзов и факт графического (пунктуационного) оформления некоторой последовательности предикативных единиц как бессоюзной конструкции. Но оно не приписывает такой конструкции *заведомого* статуса сложного предложения.

Если принять этот подход, то выстраивается следующая схема.

Классификация явлений графического бессоюзия

Группа собственно бессоюзных СП, несоотносимых с союзными сложными предложениями, представлена собственно

интонационно-связанными предложениями. Однако, кроме интонационной связанности, предложения этой группы обладают признаками, обеспечивающими структурно-семантическое единство конструкции в целом. В общем случае к таким признакам относятся различные особенности предикативных частей (чаще — первой), которые делают невозможным функционирование данной части в качестве самостоятельного простого предложения, что, собственно, и является сигналом структурно-семантического единства конструкции. В отдельных случаях таким признаком является наличие «смыслового приращения», возникающего исключительно благодаря взаимодействию предикативных частей БСП (см. ниже *созерцательно-результативный тип*).

Условно назовем типы, относящиеся к группе собственно бессоюзных БСП, следующим образом:

а) **пояснительно-субстантивные**, в которых вторая часть раскрывает контекстуальное значение опорного слова первой части;

И вот на зимовке случилась беда:

Один из полярников ранен (С. Маршак);

Вдумайтесь в такой факт: в Петербурге по статистике шестьдесят солнечных дней в году (Т. Москвина);

У Екатерины Васильевны всегда была слабость: гуляя, она любила заглядывать в освещенные окна (А. Н. Толстой);

б) **пояснительно-предикативные**, в которых вторая часть уточняет сказуемое первой части;

Все вокруг него опустело: одни перемерли, другие ушли (М. Салтыков-Щедрин);

в) **созерцательно-результативные** (с эллипсисом в первой части), в которых вторая часть указывает на результат чувственного восприятия, хотя в первой части сказуемое — глагол восприятия — отсутствует (но подразумевается и всегда может быть восстановлен):

Нехлюдов подошел к окну — никого не видно было (Л. Толстой);

Оглянулся — человек бежит (М. Ю. Лермонтов);

г) условно-императивные, в которых одна из частей (как правило, первая) содержит форму повел. накл. 2 л. ед. ч. и имеет значение ирреального условия, а вторая часть рисует гипотетическую ситуацию, которая имела бы место, если бы ирреальное условие стало реальным:

Не приди автобус вовремя — опоздали бы мы на поезд (разг.);

Ему дай палец — он всю руку откусит (посл.);

И вся работа пошла бы насмарку, не подоспей как раз Андрей Палыч и Евгений Сидорыч со своим инструментом (Б. Лившиц).

Условно-императивные БСП синонимичны сложноподчиненным предложениям с детерминантными придаточными условиями, однако от аналогов СПП их отличает невозможность простой вставки соответствующего союза: такая операция потребует изменения формы предиката (*ему дай палец* → *если дать ему палец*; *не приди автобус вовремя* → *если бы автобус не пришел вовремя*). Условная семантика выражается здесь не союзом, а собственно морфологическим средством — специализированной формой императива, отличительная черта которой — отсутствие согласования с подлежащим (если оно есть) в числе и лице, что хорошо видно в третьем примере, где синтаксическое лицо — третье, а наличие однородных подлежащих предполагает форму мн. ч. сказуемого.

Ведущий признак БСП — **аналогов союзных сложных предложений** заключается в том, что они допускают восстановление как бы опущенного союза, причем эта операция не требует никаких дополнительных изменений в структуре предикативных частей.

К группе аналогов сложносочиненных предложений относятся БСП:

а) с соединительными отношениями:

Халат имел в глазах Обломова тьму неценных достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он как послушный раб покоряется самомалейшему движению тела (И. А. Гончаров).

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут* (А. С. Пушкин).

В последнем примере соединительный характер отношений подчеркивается использованием бессоюзия наряду со сложносочиненным предложением с союзом *и*. Перечислительные отношения, представленные здесь, как правило, характеризуются приобщенностью подобных предикативных частей к общему тезису. У Пушкина этот тезис — *Придет желанная пора*. См. также у А. Галича:

*Лил жуткий дождь,
Шел страшный снег,
Вовсю дурил двадцатый век,
Кричала кошка на трубе
И выли сто собак.*

б) с противительными отношениями:

*Ты богат, я очень беден,
Ты прозаик, я поэт* (А. С. Пушкин);
*Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там — сизо-темно...* (Ф. И. Тютчев).

К группе аналогов сложноподчиненных предложений относятся БСП:

а) с изъяснительными отношениями:

Я понял: медлить нельзя (Э. Радзинский) (ср.: *Я очень рано понял, что у деда — один бог, а у бабушки — другой* (М. Горький).

Повторяю: я вменил себе в обязанность писать, ничего не утаивая (Е. Замятин).

Помни: мы всегда вместе (Л. Соловьев).

б) с определительными отношениями:

*Тропинка тут вилась, она засохла,
[Давным-давно сюда никто не ходит]* (А. С. Пушкин).

*Дай поклониться мне Днепру:
Там я родился — там умру* (М. Ю. Лермонтов).

в) с временными отношениями:

Колокольный звон утих, настала глубокая тишина (А. С. Пушкин).
Солнце взошло, начинается день (Н. А. Некрасов).

г) с условными отношениями:

Волков бояться — в лес не ходить (посл.).
Будь уверен в себе — другие в тебя поверят (Франсуа де Ларош-фуко).

д) с причинными отношениями:

Печален я: со мною друга нет (А. С. Пушкин).
Трудно жилось ему (М. М. Коцюбинскому. — С. И.): *быть честным человеком на Руси очень дорого стоит* (М. Горький).

е) с отношениями следствия:

Прошлое забывается: кое-что можно припомнить, другое ушло навсегда (И. Эренбург)
Быль не сказка: из нее слов не выкинешь (посл.).

ж) с уступительными отношениями:

*Много близких есть путей и дальних,
Ты же отвергаешь все пути* (В. Инбер).

з) с пояснительными отношениями:

И он (Рудин. — С. И.) *не был спокоен: вихрем кружились в нем мысли* (И. С. Тургенев).

Трактуя грамматическую природу пояснения, надо иметь в виду его разные интерпретации в лингвистической литературе: не только выделение в качестве особого типа наряду с сочинением и подчинением (А. Ф. Прияткина), но и включение в одну из этих групп.

По отношению к двум группам БСП — аналогов союзных предложений нецелесообразно говорить о недифференцированной связи между предикативными компонентами. Связь в таких конструкциях соотнесена, соответственно, с сочинением и подчинением, более того — она приобретает все большее распространение, поскольку бессоюзие приобретает в синтаксисе современной прозы важнейшее значение, при этом «захватывая под свой покров» весьма разнообразные отношения между предикативными единицами. Именно конструкции подобного типа прежде всего и приводили к идее рассматривать бессоюзные предложения в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Группа «явлений текста» представлена конструкциями, части которых вполне автономны как в структурном, так и в содержательном плане и не вступают в очевидные соединительные, противительные отношения (тем более — в отношения обусловленности). К этим конструкциям применимо понятие открытой структуры, введенное в Грамматике-70. Их особенность заключается в возможности расширяться (теоретически беспредельно) однотипными предикативными компонентами. Выбор не точки, а другого, менее сильного, разделительного знака объясняется в подобных случаях индивидуально-авторскими предпочтениями, стремлением подчеркнуть наличие общих черт в описываемых явлениях и др.:

*Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди* (С. Есенин);

*Какой ты Горький? Ты светлый, ты радостный, ты дерзновенный,
ты солнечный* (А. Луначарский).

Особенно ярко «текстовость» проявляется в конструкциях с лексико-синтаксическими повторами:

*Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет* (В. Брюсов);
*Серебрится река,
Серебрится ручей,*

*Серебрится трава
Орошенных полей (С. Есенин);
Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач (Н. Заболоцкий);
Вспомнил я деревенское детство,
Вспомнил я деревенскую синь (С. Есенин);
Теперь не время серенад,
Теперь время набата (И. Эренбург);
Город начинается с улыбки,
Город начинается в бою (Ю. Друнина);
Лениво колышется вода, лениво носятся над нею белые чайки
(А. П. Чехов).*

Характеризуя БСП в целом (не имея в виду факты, которые отнесены нами к «явлениям текста») и сопоставляя его с ССП и СПП, следует отметить четыре его особенности:

1) вся совокупность семантики его разновидностей не совпадает с подобными совокупностями двух других основных типов СП;

2) в каждом БСП обнаруживается такое свойство, как **завуалированность** его значения, поскольку отношения между его предикативными компонентами можно понимать по-разному. Они могут быть синкретичными: *Прошла еще неделя, из театра не было никаких известий* (М. Булгаков) (возможен выбор двух вариантов: временных отношений и уступительных); *В мяч не любил он играть никогда: // Сам он был мячик — судьба им играла* (А. Плещеев). Синкретичность семантики — важнейшая отличительная черта БСП: внимание к ней позволяет понять, почему эта конструкция СП не растворяется среди других, хотя отсутствие союза, казалось бы, делает ее наиболее уязвимой. Грибоедовский Скалозуб произносит: *Чин следовал ему — он службу вдруг оставил*. Каковы здесь смысловые отношения между частями? Можно восстановить союз **а** (*Чин следовал ему, а он службу вдруг оставил*)²⁰ — получим противительные отношения; можно вос-

²⁰ Здесь возможно возражение: А. С. Грибоедов избрал бессоюзную конструкцию, исходя из требований метра. Однако это возражение отводится тем оче-

становить подчинительный *когда* или *хотя* — получим, соответственно, временные или уступительные отношения. Однако выражение конкретных смысловых отношений — удел именно союзных СП, а вот бессоюзное выражает все названные отношения **одновременно, сразу, недифференцированно**. В варианте с союзом имеем *или* противительную, *или* временную, *или* уступительную семантику, а в БСП — *и* противительную, *и* временную, *и* уступительную **одновременно**. Структурное «несовершенство» бессоюзных предложений на самом деле оказывается необходимым условием их **семантической универсальности**;

3) БСП принадлежит, главным образом, устной разговорной речи (Е. Н. Ширяев) — отсюда и первостепенная роль интонации в организации БСП;

4) В качестве дополнительных средств организации БСП используются местоименные слова, которые могут находиться как в первой, так и во второй части:

Не жалея себя — это самая гордая, самая красивая мудрость на земле (М. Горький);

Деревья были словно из золота на темно-синем небе — так бывает в хрустальные дни бабьего лета (А. Н. Толстой);

Некто переводил и объяснял слово «хамелеон» так:

— Хамелеон — это хам, желающий получить меллион (А. Аверченко).

Отстаивая грамматическую самостоятельность БСП именно как сложного предложения особого типа, следует подчеркнуть особую роль не только **интонации**, но и **порядка следования** предикативных частей. Часто именно только благодаря соответствующему порядку предикативных частей и возникает БСП как единое целое, компоненты которого невозможно отделить друг от друга: *Тебе бы в трактирах плясать — с ума свел бы ты людей* (М. Горький); *Еще рано — солнышко чуть только с ночи*

видным аргументом, что Грибоедов, когда требовалось, использовал и союзные конструкции: поэтического мастерства, чтобы построить именно нужную конструкцию, ему вполне хватало (вспомним пушкинскую оценку именно *стихов* комедии).

поднялось (М. Горький). Порядок компонентов оказывает существенное влияние и на смысл БСП. Легко заметить, например, что предложение: *Школьники выбежали из класса в коридор — раздался крик* — отличается по смыслу от предложения *Раздался крик — школьники выбежали из класса в коридор*.

Что же касается интонации, то необходимо различать два аспекта: роль интонации в оформлении конструкции БСП и роль ее в выражении смысловых отношений. Первая — бесспорна. А вот смысловые отношения связывать с интонацией вряд ли обоснованно. Еще А. М. Пешковский отвергал тезис о собственно смысловом назначении интонации. Однако при этом нельзя считать, что смысловые отношения в БСП возникают только благодаря соответствующему лексическому наполнению. Е. Н. Ширяев, известный специалист по бессоюзному предложению, анализируя причинные отношения в следующем БСП: *Он зашел в булочную: нужно было купить хлеб*, — пишет: «Лексическая семантика слов *булочная* и *хлеб* такова, что «подсказывает» причинные отношения». А вот предложение **Он зашел в булочную: в роще пел соловей* — бессмысленно: «Никаких реальных связей между словами *булочная* и *соловей* нет» (Современный русский язык: Учебник / Под ред. Л. А. Новикова. — М., 2004. С. 805).

Действительно, лексическое наполнение БСП имеет весьма существенное значение для его формирования. Но дело обстоит намного сложнее. БСП несет в себе определенную загадку: оно может пополнять свой состав за счет таких предикативных частей, которые, на первый взгляд, кажутся друг с другом несовместимыми. И *бессмысленная*, с точки зрения Е. Н. Ширяева, конструкция с *булочной* и *соловьём* окажется в соответствующем контексте вполне осмысленной. Пример такого текста:

Его вдруг стал преследовать навязчивый слуховой образ: в роще поет соловей. Куда ни взглянешь, о чем ни заставляешь себя думать — все одно: в роще пел соловей. Он выбежал на улицу — увы, по-прежнему в роще пел соловей, зашел в булочную — в роще пел соловей. Беспокойство охватило его не на шутку.

Все дело в том, что БСП оказывается более (чем союзные СП) склонно к так называемым асимметричным структурам (на-

блюдение Т. А. Колосовой) — с опущенным логически необходимым структурно-семантическим звеном. Ср.: *Если захотите почитать, то библиотека на втором этаже* — вместо: *Если захотите почитать, то имейте в виду, что библиотека на втором этаже*. В разговорной речи в таких случаях предпочтительнее БСП: *Захотите почитать — библиотека на втором этаже; Мечтаете об отдыхе — есть горячие путевки*.

И еще об одном распространенном заблуждении. Какую роль в выражении семантических отношений между предикативными компонентами БСП играет **пунктуация**? Роль эта, вопреки популярному мнению, очень невелика. Традиционная пунктуация затрагивает лишь несколько типов БСП, причем и двоеточие, и тире, согласно действующим пунктуационным правилам, используются при нескольких типах смысловых отношений, следовательно — не выражают ни одного из них. В современных же художественных произведениях, с точки зрения пунктуационной нормы, — полный «беспредел». В популярной газетно-журнальной периодике, к сожалению, — то же самое. Тем не менее, **ни в коем случае** не надо поощрять ни произвол, ни нарушения, даже малейшие.

Следует и предупредить об отсутствии полного соответствия между собственно синтаксисом и пунктуацией. Первое — многовековое общенародное достижение. Пунктуация же — это плод напряженной работы людей, занимающихся ею главным образом профессионально. Только в бытовом упрощенном понимании синтаксис сводится к пунктуации. Между тем даже в лингвистических работах бессоюзие часто выделяют только по знакам препинания. Полагаясь на пунктуацию, например, пушкинских (особенно поэтических) текстов, можно слишком раздвинуть рамки БСП. Так, если не учитывать специфики такого любимого Пушкиным знака, как точка с запятой, можно многие строфы «Евгения Онегина» квалифицировать как бессоюзные сложные предложения. Ср. XXXV строфу второй главы:

XXXV

*Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;*

*У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.*

Таким образом, понятие бессоюзного сложного предложения должно включать в себя 1) конструкции, которые были названы нами собственно бессоюзными, и 2) конструкции, синонимичные союзным СП. Те же явления, которые объединяются с названными в рамках графического бессоюзия, но представляют собой факты текстовой организации, должны быть безусловно выведены за рамки понятия БСП. «Пунктуационный» подход к БСП, который господствует в школьной практике, создает превратное представление об этой емкой в семантическом, структурном, коммуникативном и стилистическом отношении единице синтаксиса современного русского языка.

:

« VS. »

Дополнительная литература

1. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург, 2001.
2. *Борисова М. Б.* Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. — СПб., 1998. С. 248–258.
3. *Валюсинская З. В.* Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. — М., 1979. С. 299–313.
4. *Максимова Н. В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. — М., 2005. С. 6–43.
5. *Милых М. К.* Конструкция с прямой речью как синтаксическая единица // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 4.
6. *Светозарова Н. Д.* Интонация в художественном тексте. — СПб., 2000.
7. *Соколова Л. А.* Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. — Томск, 1968.
8. *Чумаков Г. М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. — Киев, 1976.
9. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. — М., 1986.

Начнем изложение со знакомых со школьной скамьи понятий прямой и косвенной речи:

— Да, никто не знает правды... — сказал Лаевский (А. П. Чехов. Дуэль).

Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости (М. Ю. Лермонтов. Фаталист).

Первый пример представляет конструкцию с прямой речью (*КПР*), второй — с косвенной (*ККР*). Оба примера иллюстрируют суть явления чужой речи. Главной ее собственно синтаксической характеристикой является **бинарность**, цель которой — обосо-

бить (зафиксировать) чужой голос. «“Чужая речь” — это *речь в речи, высказывание в высказывании*, но в то же время это и *речь о речи, высказывание о высказывании* <...> в формах передачи чужой речи выражено активное отношение одного высказывания к другому, притом выражено не в тематическом плане, а в устойчивых конструктивных формах самого языка» (М. М. Бахтин¹).

Формулировка «в устойчивых конструктивных формах самого языка» нуждается в пояснении. В строгом грамматическом смысле признак устойчивости языковой формы можно отнести к конструкции с косвенной речью, для грамматикализации которой используется структура изъяснительного сложноподчиненного предложения. В нем **придаточная часть** передает чужую речь конкретного говорящего лица (опуская, как правило, индивидуальную речевую специфику); **главная часть** передает так называемую авторскую речь. Эта синтаксическая модель СПП эффективно выполняет свою коммуникативную роль передачи информации в расчлененном виде, чему способствует ее бинарность:

Возвратясь домой, он (Драйер. — С. И.) мимоходом сказал Марте, что дело провалилось (В. В. Набоков).

При этом ККР может характеризовать способ произнесения чужой речи не менее эффективно, чем КПР:

В холле прозвенел звонок. Профессор с Юлией в один голос гаркнули, что открыто, господа, что ты — не знаешь? (Д. Рубина. Печерк Леонардо)

Однако при **структурной бинарности** (СПП представлено двумя основными частями, каждая из которых может включать в свой состав несколько предикативных единиц) СПП обладает грамматикализованностью и **коммуникативной целостностью** — главным признаком предложения как единицы синтаксиса.

Конструкция же с прямой речью, обладая признаком бинарности, не строго грамматикализована. А главное — она не обла-

¹ См.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. — Л., 1930. С. 114. Курсив автора. — С. И.

дает и коммуникативной целостностью: в состав собственно прямой речи могут входить десятки, а теоретически — сколь угодно большое количество коммуникативно самостоятельных простых предложений, разнообразных по цели высказывания.

— Личная жизнь, свои тайны... все это слова! Пойми, что ты меня оскорбляешь! — сказала Ольга Михайловна, поднимаясь и садясь на постели. — Если у тебя тяжело на душе, то почему ты скрываешь это от меня? И почему ты находишь более удобным откровенничать с чужими женщинами, а не с женой? Я ведь слышала, как ты сегодня на пасеке изливался перед Любочкой (А. П. Чехов. Именины).

Что же касается самого конструирования КПр, то оно весьма разнообразно. Это связано прежде всего с разными способами введения собственно прямой речи. Чужая речь вводится не только глаголами говорения, но также глаголами и существительными, прилагательными в краткой форме, принадлежащими к самым разным лексико-грамматическим разрядам. Сравните:

«Ложь и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася (И. С. Тургенев. Ася).

— Потерпите, братики! всего вдоволь будет! — вертелся бригадир (М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Конструкцию, которую принято определять термином «прямая речь», целесообразно называть «конструкцией с прямой речью», расчленяя ее на вводимую часть (так называемую *чужую речь*) и на вводящую часть (так называемую *речь автора*). Приведем пример из «Острова Сахалина» А. П. Чехова²:

Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, который, как будто догадавшись, о чем мне хочется спросить его, вздохнул и сказал:

² «Остров Сахалин» не только в творчестве А. П. Чехова, но и во всей русской литературе второй половины XIX века занимает исключительное место. Это особняком стоящее в творчестве Чехова произведение привлекает не только тем, что принято называть «подвигом повседневности», но и тем, что в нем происходит «синтез стилей» — научного, публицистического и художественного (см. комментарий проф. Герценовского ун-та М. Л. Семановой: *Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. — М., 1956. С. 558–573).*

— По доброй воле сюда не заедешь.

Без вводящей части высказывание чеховского матроса можно воспринять как самостоятельное высказывание, почти как афоризм. Только благодаря особому соотношению авторской и прямой речи и появляется бинарная по своей природе КПР.

Конструкция с прямой речью в лингвистической литературе квалифицируется по-разному. Ряд лингвистов (В. А. Белошапкина, И. П. Распопов и др.) выводит ее за пределы синтаксической системы. Другими исследователями она рассматривается как частный случай более широкой категории, а именно категории чужой речи, квалифицируемой в качестве синтаксической (Г. М. Чумаков³ и др.).

Феномен чужой речи действительно является весьма примечательной и глубинной категорией языка, на что в свое время обращал внимание М. М. Бахтин, указывая на ее всепроникающий характер и обособленность. Однако это категория **функционально-семантическая**. КПР же выступает как ее основная разновидность, как **композиционно-функциональная** категория. Ее следует отнести к числу **строевых единиц текста**.

И хотя КПР стала все чаще и чаще получать «убежище» в собственно синтаксических построениях, объяснение этому, видимо, нужно искать в практических устремлениях авторов: для методики преподавания русского языка, например, типично последовательное сопоставление прямой и косвенной речи. При этом, как правило, упускается из виду сопряженность прямой и косвенной речи в художественном повествовании. Между тем в текстовом употреблении эти конструкции дополняют друг друга, нередко оказываясь в общем контексте:

— Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что так и быть, принимаю его только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... Переведи ему это, Маша.

³ Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. — Киев, 1976. С. 11–12.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение (А. С. Пушкин. Дубровский);

Когда короля экрана (Чарли Чаплина. — С. И.), поселившегося на старости лет в Швейцарии, спросили, почему он выбрал именно берег Женевского озера, тот ответил: «Потому что я это заслужил всей моей жизнью». Что-то подобное мог сказать про себя самый швейцарский русский писатель, выбравший для жизни и смерти Монтрё.

Постоялец шестикомнатного люкса в «Монтрё-Палас» называет это свое последнее убежище «unreal estate». Когда-то, в далекие полунищие двадцатые годы, на вопрос, где бы он хотел жить, обитатель берлинских эмигрантских номеров (В. В. Набоков. — С. И.) ответил: «В большом комфортабельном отеле» (М. П. Шишкин. Русская Швейцария: Литературно-исторический путеводитель).

Теоретических оснований для квалификации КПР в качестве специфической **синтаксической** конструкции нет. Тем не менее, надо иметь в виду, что в 60-е годы XX в. идея выделения прямой речи в качестве особой синтаксической категории в грамматическом строе русского языка была поддержана большинством лингвистов⁴.

«Несинтаксичность» КПР проявляется прежде всего в двух важных признаках: 1) в полной синтаксической и содержательной самостоятельности собственно прямой речи и 2) в отнюдь не собственно линейном характере ее презентации. Автономность прямой («посторонней», по И. П. Распопову⁵) речи проявляется также в ее интонационной самостоятельности, а также в возможности ее крайней языковой обособленности, вплоть до использования другого языка:

Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: tout beau, Sbogar, ici... и молодой охотник показался из-за кустарника. «Небось, милая, — сказал он Лизе, — собака моя не кусается» (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка)⁶.

⁴ См., например: Милых М. К. Указ. соч.

⁵ Распопов И. П. Указ. соч. С. 575.

⁶ Первая реплика Алексея Берестова обращена к собаке и звучит по-французски («Тише, Сбогар, сюда»). Интересно, в свете фабулы произведения,

Подобное встречается и в романах И. С. Тургенева, не говоря уж о Л. Н. Толстом:

«Да здравствует Марья Петровна! — или нет, — прибавил он, — не Марья Петровна, ну да все равно! Ву ме компрене⁷» (И. С. Тургенев. Накануне).

По отношению к КПР можно говорить лишь о некоем элементарном синтаксическом ядре, используемом в ее текстовой структуре, не вводя его, тем не менее, в круг синтаксических единиц.

Конструкция с прямой речью — поликоммуникативное образование со своими многогранными задачами: семантико-функциональными (передать «многоголосие» мира), делимитационными (членение текста), антропоцентрическими (представить говорящего), прагматическими (выступить в книжно-письменном

что Сбогар (Jean Sbogar) — персонаж известного одноименного романа Шарля Нодье (1818). См. в «Евгении Онегине» (гл. III, строфа XII):

*И стал теперь ее [отроковицы. — С. Г.] кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.*

Герой романа Ш. Нодье назван «таинственным» не случайно. В эпоху популярности этого романа имя его героя служило нарицательным именем благородного разбойника, прошлое которого, в том числе и причины его разрыва со своим сословием, окутано тайной. Имя собаки Алексея Берестова, таким образом, многое говорит о ее хозяине.

Сам же Ш. Нодье был не только известным писателем, но и мыслителем, публицистом, отношение которого к языку было весьма близко к пушкинскому. Вот что он писал, например, по поводу предложений уничтожить диалекты (патуа) на всей территории Франции, активно обсуждавшихся как в эпоху Великой французской революции, так и в последовавшую эпоху новой империи: «Во имя цивилизации ныне настаивают на полном уничтожении патуа <...> Уничтожить нижнебретонский, говорите вы? <...> А каким образом можно добиться этого? Если бы только знали, что такое язык, как глубоко он укоренен в народном гении и какая трогательная гармония заключена в выражаемых им чувствах? <...> Раз уж дошли до подобных теорий, то надо по крайней мере набраться смелости и бестрепетно принять их последствия. Надо огнем испепелить селения, мечом истребить их жителей» (*Nodier C. Notions élémentaires de linguistique // Nodier C. Œuvres complètes. Т. XII. — Paris, 1834. P. 256–261. Цит. по: Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. Изд. 2-е. — М., 2006. С. 189).*

⁷ Вы меня понимаете (*франц. Vous me comprenez*).

типе в качестве средства адаптации устной речи: ее особого восприятия слушателем, способного воспринимать слово по отдельным слогам). Это последнее свойство чужой речи хорошо отражено в воспоминаниях В. А. Каверина «Освещенные окна»:

Фельдфебель командовал хрипло, самозабвенно, колонна шла, отбивая шаг, и когда раздавалось протяжное «Кру-у...» — все еще шла, хотя вот-вот должна была с размаху врезаться в решетку... «Гом!» — радостно кричал фельдфебель, и, строго держа равнение, колонна делала полный поворот.

Конструкции с чужой речью многообразны: основными, как было сказано, являются КТР (конструкция текстообразовательного типа) и КТР (конструкция **синтаксического типа**). Последняя, кстати, может быть представлена не только изъяснительным сложноподчиненным предложением, но и его бессоюзным аналогом, ср.:

*Все говорят: нет правды на земле (А. С. Пушкин);
Мой друг Сельвинский говорит,
Что ямб изжил себя (В. М. Инбер).*

Кроме этих основных конструкций, многие исследователи выделяют еще 1) категорию несобственно-прямой речи, а также 2) так называемую «тематическую речь».

Несобственно-прямая речь (НПР) — категория стилистики⁸. Она характеризуется включением в авторскую речь элементов речи персонажей в том или ином объеме, начиная от отдельного слова и словосочетания до предложения или даже ССЦ (с вкраплениями «персонажных» слов). Вот одно из определений сути этого явления: «Несобственно-прямая речь — одна из тайн писательского мастерства: она позволяет проводить тенденцию автора скрыто, часто незаметно для читателя, воплощая ее в образы, тем самым способствуя реализации требований, которые предъявляются к любому произведению искусства: тенденция должна

⁸ Так квалифицирует эту категорию Л. А. Соколова, называя ее не несобственно-прямой, а *несобственно-авторской* речью.

вытекать из образов. Прием несобственно-прямой речи позволяет освещать одно и то же явление одновременно с разных точек зрения (с точки зрения субъективной и объективной), благодаря чему оно приобретает большую глубину» (И. И. Ковтунова).

Как любая стилистическая категория, несобственно-прямая речь имеет свою историю; существовала она отнюдь не всегда.

Первые провозвестники НПР находим уже у Пушкина. Вспомним хотя бы сцену дуэли, где в прямой речи Евгения Онегина появляется характеристика Гильо «малый честный», которая затем с минимальным изменением (порядок слов) вводится в текст авторского повествования, выделяясь при этом курсивом:

«Хоть человек он неизвестный,
Но уж, конечно, малый честный».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнем, пожалуй», —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор.

Однако это еще не НПР в собственном смысле — это лишь цитирование автором слов персонажа, причем с явной иронией, которая и подчеркивается курсивным выделением. Ирония и шрифтовое выделение подчеркивают дистанцию между речью автора и речью персонажа; между тем сущность явления НПР заключается в уничтожении этой дистанции.

Значительно ближе к НПР другой фрагмент той же главы пушкинского романа — строфы X и XI:

И поделом: в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так **подшутил вечер небрежно**.
А во-вторых: **пускай поэт**

Дурачится: в восемнадцать лет
Оно простительно. <...>
**Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;**
Он должен был обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж — он мыслит — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...»

Хотя Пушкин прибегает к выделению прямой речи при помощи кавычек, выделенные (нами. — *Авт.*) полужирным шрифтом фрагменты, не включенные автором в прямую речь персонажа, вполне могут восприниматься именно как дословная — или почти дословная, с сохранением прежде всего лексических особенностей — передача размышлений Онегина: *небрежно подшутил, поэт дурачится* и т. д. — это оценки, скорее, Онегина, а не Автора. Здесь Пушкин вплотную приближается к созданию приема НПР, хотя строгая граница между речью автора и речью персонажа в его романе — хотя бы формально — сохраняется.

В конце XIX в. прием НПР был широко разработан — прежде всего в прозе А. П. Чехова (хрестоматийный пример — рассказ «Ионыч», см. в особенности его первую часть). Постепенно НПР входит в арсенал стилистических и текстообразующих средств, которыми широко пользуются писатели разных художественных направлений:

Ивану Ильичу нужно было явиться в штаб армии, рапортовать о прибытии парохода с огнеприпасами и передать накладную. Но черт его знает, где искать этот штаб! (А. Н. Толстой. Хождение по мукам)

Дистанция между авторской и персонажной речью не уничтожается полностью, но и никак не подчеркивается (ср. пушкинский курсив!). Различие между ними ощущается только потому, что в тексте сохраняется собственно авторская речь — норматив-

ная, лишенная разговорных, просторечных и др. особенностей речи персонажа (ср. соотношение первого и второго предложений в приведенном примере из А. Н. Толстого)⁹.

Если в конце XIX — начале XX вв. НПР функционировала как прием, используемый писателями не на всем протяжении текста, а время от времени, то в прозе конца XX — начала XXI в. прием НПР перерастает в своеобразную стилизацию повествования, **целиком** написанного так, словно оно принадлежит изображаемому персонажу, хотя читатель ощущает, что на самом деле это не так: прием несобственно-прямой речи как бы балансирует на грани перерастания в сказ — но удерживается (ср. в следующем примере выделенные приметы авторской речи — выражения, появление которых в речи персонажей, мальчишек-сирот, «детдомовской шантрапы», невероятно):

Да и что за странная фантазия в грязеньком Подмоскovie говорить о каком-то Кавказе, о котором лишь по школьным чтениям вслух (учебников-то не было!) известно детдомовской шантрапе, что он существует, верней, существовал в какие-то отдаленные непонятные времена, когда палил во врагов чернобородый, взбалмошный горец Хаджи Мурат, когда предводитель мюридов имам Шамиль оборонялся в осажденной крепости, а русские солдаты Жилин и Костылин томились в глубокой яме (А. И. Приставкин. Ночевала тучка золотая).

Хотя дистанция между речью автора и речью персонажей здесь не подчеркивается, она, тем не менее, очень хорошо ощущается: достаточно обратить внимание не только на выделенные выражения, но и на использованные здесь синтаксические конструкции. Ясно, что конструкции *странная фантазия говорить о Кавказе, школьные чтения вслух, о котором известно детдомовской шантрапе* и др. принадлежат книжно-письменному типу речи — прежде всего по своей сложности, по широте использования способов распространения стержневого слова. Наконец, книжно-письменному типу речи принадлежит и приведенная конструкция в целом: известно, что для разговорной речи (кото-

⁹ В случае отсутствия такого различия возникает уже не НПР, а сказ.

рой только и владеют персонажи А. И. Приставкина) построение столь разветвленных конструкций (сложноподчиненное предложение с пятью придаточными первой, второй и третьей степени при последовательном и однородном их подчинении) — нехарактерно. В подлинной разговорной речи содержание этой конструкции было бы передано, скорее всего, рядом сочиненных или связанных бессоюзно предложений (разговорной речи вообще свойственно не подчинение, а «нанизывание» предложений).

На расширении понятия чужой речи настаивал Г. М. Чумаков, предлагая ввести в круг синтаксических категорий не только КПр, ККР, НПр, но и тематическую речь, объявив их изучение репрезентологией и ставя вопрос о выделении ее в синтаксисе в специальный раздел. Приведем пример так называемой тематической речи:

Она (Алевтина. — Авт.) рассказывает о детстве или о матери, продолжающей доить коров в курской деревне (В. Маканин. Отдушина).

Строго говоря, подводить тематическую речь под категорию чужой речи некорректно, поскольку она не обладает главным признаком чужой речи — бинарностью.

Перейдем к характеристике ядерной конструкции чужой речи — конструкции с прямой речью.

Для обозначения собственно прямой речи будем использовать термин **вводимый компонент**¹⁰, для обозначения части, принадлежащей автору (в широком смысле слова), — **вводящий компонент**¹¹.

Расположение вводящего и вводимого компонентов может быть различным.

1. Вводящие слова предшествуют вводимой части:

*Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:
«Не спится, няня, здесь так душно...»
(А. С. Пушкин. Евгений Онегин).*

¹⁰ Также: *вводимая часть*.

¹¹ Также: *вводящая часть, вводящие слова, слова автора*.

2. Вводящие слова следуют за вводимой частью:

Лучше оставайся. Ты один теперь в доме. Береги мать и бабу, — сказал Хаджи Мурат (Л. Н. Толстой).

3. Вводящие слова разрывают собственно прямую речь:

— Вы знаете, — продолжал Сильвио, — что я служил в гусарском полку (А. С. Пушкин. Выстрел).

Таким образом, существуют три вида позиций вводящих слов по отношению к собственно прямой речи: препозиция, постпозиция и интерпозиция. Встречаются и более сложные образования, как, например, в следующем предложении из «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова, объединяющем две КНР:

Если бы в следующее утро Степе Лиходееву сказали бы так: «Степа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!» — Степа ответил бы томным, чуть слышным голосом: «Расстреливайте, делайте со мною что хотите, но я не встану».

Характеризуя структуру вводящего компонента, следует иметь в виду также два обстоятельства: 1) его принадлежность к тому или иному типу предложений, 2) меньшую или большую его распространенность.

1. Вводящий компонент может быть представлен, прежде всего, как:

а) двусоставное предложение:

— Вызываю парашютистов! — крикнул Петька (А. В. Геласимов);

б) определенно-личное предложение:

*В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе? (Б. Л. Пастернак);*

в) неопределенно-личное предложение:

— *Любовь скрыть легко, ненависть — трудно, равнодушие невозможно, — говорили в одном углу* (В. М. Инбер);

г) неполное двусоставное предложение, причем во вводящем компоненте представлено сказуемое, а позицию подлежащего занимает собственно прямая речь, в данном примере — междометие «ах»:

— *Ах! — вырвалось у Обломова* (И. А. Гончаров);

д) сложное предложение:

Профессор поманил обоих к себе и, когда они наклонились, прошептал:

— *Имейте в виду, что Иисус существовал* (М. А. Булгаков).

2. Меньшая или большая распространенность вводящего компонента связана с наличием трех основных компонентов классического представления ввода прямой речи:

1) *кто говорит*;

2) *кто кому говорит*;

3) *кто кому как говорит*.

Приведем примеры из одного и того же произведения — романа «Тяжелый песок» А. Н. Рыбакова, написанного от первого лица:

(1) *И я ответил:*

— *И я вас, Василий Алексеевич, благодарю за доброе отношение и всегда буду вас помнить.*

(2) *И я говорю Соне:*

— *Мне бы хотелось познакомить тебя с моими родителями.*

(3) *И я грубо спрашиваю (ее. — С. И.):*

— *Лейтенант тебя не устраивает?*

В учебных пособиях не принято различать **одиoчное** и **диалоговое употребление** конструкции с прямой речью. Между тем, если подходить к КПР с текстовой точки зрения, это обстоятельство оказывается весьма важным: текстовый подход, в конечном итоге, — подход коммуникативный. Не случайно «Коммуника-

тивная грамматика русского языка» Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой ориентирована на текстовую роль синтаксических единиц.

Диалогическая речь — один из способов коммуникации, характеризующийся **бикоммуникативностью**, противопоставленной и монокоммуникативности (монологу), и транскоммуникативности (конструкции с прямой речью).

Смысл этой категории (ориентированной на оппозицию *свое vs. чужое*, в концепции М. М. Бахтина) прозрачнее всего проявляется в **диалоге**. В непосредственном виде диалог предстает в драме:

— *Где Заречная?*

— *Она уехала домой* (А. П. Чехов. Чайка).

Включение диалогической речи в художественную прозу с минимальным «вводом» также целесообразно называть диалогом. Он чаще встречается в произведениях, написанных от первого лица (что было характерно, например, для С. Д. Довлатова):

Я говорю:

— *Ну-с, был счастлив лицезреть вас, мадам.*

— *Чао, Джонни! — сказала Алла.*

— *Тогда уж не Джонни, а Джованни.*

— *Гуд бай, Джованни!* (С. Д. Довлатов. Компромисс)

Однако, как правило, в прозаическом произведении диалогическая речь, принадлежащая персонажам, имеет обширное сопровождение, принадлежащее повествователю. Это текстовое сопряжение собственно диалогической речи персонажей и монологической речи повествователя целесообразно назвать **диалогемой**. **Диалогема** представляет собой фрагмент текста, включающий диалог и сопровождающие его авторские слова, обладая при этом сигналами начала и завершения. Являясь функционально-текстовой категорией, диалогема использует и собственно синтаксические средства, начиная с расчлененности на собственно прямую (персонажную) речь и авторскую речь (нарратив) и кончая одиночными синтаксическими показателями.

Однажды вечером, когда она, собираясь в театр, стояла перед трюмо, в спальню вошел Дымов во фраке и белом галстуке. Он кротко улыбался и, как прежде, радостно смотрел жене прямо в глаза. Лицо его сияло.

— Я сейчас диссертацию защищал, — сказал он, садясь и поглаживая колена.

— Защитил? — спросила Ольга Ивановна.

— Ого! — засмеялся он и вытянул шею, чтобы увидеть в зеркале лицо жены, которая продолжала стоять к нему спиной и поправлять прическу. — Ого! — повторил он. — Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии. Этим пахнет.

Видно было по его блаженному сияющему лицу, что если бы Ольга Ивановна поделила с ним его радость и торжество, то он простил бы ей все, и настоящее, и будущее, и все бы забыл, но она не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр и ничего не сказала (А. П. Чехов. Попрыгунья).

Лексическая характеристика глаголов, вводящих прямую речь

Глаголам, вводящим прямую речь, посвящены многочисленные специальные работы. В данном случае уместно вспомнить сюжет, предложенный А. Вежбицкой и связанный со сравнением роли этих глаголов в английском и русском языках. Обратим внимание на довольно значительный пассаж из ее известной книги:

«...активность русских эмоциональных глаголов выражается, помимо прочего, в том, что многие из них (в форме совершенного вида) могут вводить в текст прямую речь. <...> Например:

«Маша — здесь?» — удивился Иван.

«Иван — здесь!» — обрадовалась Маша.

В английском языке тоже есть глаголы, которые могут использоваться для интерпретации речи человека в виде одной из форм проявления чувств. К ним относятся, например, enthuse 'прийти в восторг', exult 'ликовать, торжествовать', moan 'стонать', thunder 'греметь, грохотать' или fume 'кипеть; волноваться, раздражаться'.

«No prince has ever known the power that I have!» Nero exulted. ' «Ни у одного правителя не было такой власти, какая есть у меня!» — ликовал Нерон' <...>

Как правило, однако, такие глаголы имеют чуть негативные или иронические коннотации и в равной мере подчеркивают эмоцию и манеру речи. Русские же глаголы чувств типа удивляться или обрадоваться ис-

пользуются как «чисто» речевые, а не как глаголы способа ведения речи (manner-of-speech verbs). В этом я вижу еще одно проявление упомянутого выше культурного различия: англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи»¹².

На фоне этого высказывания одного из ярких лингвистов современности весьма уместно описание разнообразия глаголов, вводящих прямую речь, в творчестве писателя, особенно чуткого к использованию этого стилистическому средства, — М. Горького. Обратимся к его повести «Детство».

Горький всегда уделял большое внимание работе над теми авторскими словами, которые вводят прямую речь. Примечательно его указание редактору и переводчику рассказов Джекобса: «Все рассказы испещрены глаголами *говорить* в настоящем времени — это дает читателю право упрекнуть переводчика в небрежности или в безграмотности. Кроме «говорит», можно употреблять формы: «сказал», «заметил», «отозвался», «откликнулся», «повторил», «молвил» и т. д.»¹³

Герои повести «Детство» не просто *говорят*, но — в зависимости от ситуации и собственных характеров — *шепчут, кричат, ворчат, сообщают, командуют* и т. д.

В качестве вводящих слов в ремарках к репликам любимой бабушки Акулины Ивановны Горький использует различные глаголы. Нейтральные глаголы говорения: *говорить, говаривать, проговорить, рассказывать, спрашивать, отвечать, указывать, беседовать, откликнуться, сказать*; экспрессивно-эмоциональные глаголы говорения: *шипеть, ворчать, шептать, взывать, восклицать, бормотать, вскрикивать, покрикивать, рычать*; глаголы, указывающие на основную мысль реплики, обобщающие ее содержание: *предупреждать, уговаривать, просить, командовать, вспоминать, объяснять, грозить, наказывать, похваливать, советовать, вызывать, журить, призывать, позвать, пожаловаться, предложить, подда-*

¹² Вежбицка А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. — М., 1996. С. 43.

¹³ Горький (Воспоминания) / Под ред. И. Груздева. — М., 1928. С. 344.

кивать, ругать, соболезновать, уличать, упрекать, успокаивать, умолять; глаголы, указывающие на композиционное место реплики: продолжать, повторять, твердить, вступиться; глаголы, раскрывающие состояние говорящего, его жесты и поведение: сердиться, вздыхать, встрепетаться, засмеяться, замахать рукой; сочетания глаголов с существительными: голос, слова, совет; сказать страшным голосом, сказать теплым и мягким голосом, говорить тяжелым голосом, сказать памятные слова, лились сочные, веские слова, давать хозяйственные советы.

Как видим, более пятидесяти различных глаголов вводят речь бабушки в авторское повествование. Отметим, что совсем иные глаголы вводят речь деда. Помимо некоторых глаголов говорения, общих для характеристики речи как деда, так и Акулины Ивановны (*бормотать, ворчать, восклицать, сказать, рассказывать, спрашивать, отвечать, шептать, проговорить, говорить, кричать*), при введении речи деда мы встречаем глаголы, типичные только для Василия Васильевича Каширина: *взвизгнуть, грубить, хрипеть, взвыть, протянуть, завизжать, как пила на сучке, тянуть, внушать, крякать, мычать, взреветь, зануть, поучать, ползет к нам скрипучий голос деда, сильным голосом сказать, ронять тяжелые слова, дикий его крик. Часто повторяются глаголы кричать — закричать, при них писатель широко употребляет обстоятельства образа действия, уточняющие обычную дедовскую манеру обращаться к окружающим: оглушительно закричал; кричал взвизгивая; яростно кричал; строго кричал; петухом закричал.*

Использование глаголов, вводящих прямую речь, бывает столь выразительно, что по ним можно составить достаточное представление о том или другом конкретном персонаже. Безусловно, однако, что для полной характеристики того или иного лица, изображаемого писателем, необходима вся совокупность языковых и композиционных средств, представленных и такой разновидностью, как диалогема. В лучших по вниманию к языковой форме образцах современной прозы «диалоговому пространству» принадлежит большая роль. В нем последовательно и органично учитывается и сама структура диалога, и диалоговое

поведение персонажа. Важной оказывается и содержательная часть диалогемы, отражающая нравственные, интеллектуальные, эмоциональные, психологические особенности речи не только главного героя, но и эпизодических персонажей. В одном из романов А. В. Геласимова понимание образа главного героя Петьки немислимо без учета такого феномена, как чужая речь. Фрагментом из этого произведения мы и завершим разговор о прямой, косвенной, несобственно-прямой речи и диалоге в современном русском языке и русском тексте.

— Взял и написал маршалу Жукову письмо.

Петькины глаза при словах «маршалу Жукову» стали совсем круглые, и он, в общем-то, даже перестал дышать.

— Не знаю — читал он или не читал. Но из армии вроде бы не поперли. Сижу теперь здесь. Кантуюсь...

Старший лейтенант замолчал и стал смотреть в окно. Потом усмехнулся.

— Кстати, насчет «кантуюсь»... Мне потом в госпитале один политрук сказал, тоже контуженый, что в Кенигсберге немецкий философ похоронен, по фамилии Кант... В честь него, наверное, кант у фуражки называется... Так вот этот самый философ говорил, что счастливым стать очень легко... Надо только хотеть поменьше.

Одинцов продолжал смотреть в окно, за которым охранники подталкивали прикладами бредущих с лесоповала пленных.

— А может, и наврал политрук. Я не знаю. Я до Кенигсберга так и не дошел. Сам этого Канта не видел, врать не буду.

Они сидели молча несколько минут, курили в обступившей их темноте, смотрели в окно и как будто ждали чего-то (А. В. Геласимов. Степные боги).

()

Дополнительная литература

1. *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. — М., 1990.
2. *Арутюнова Н. Д.* О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. — М., 1972.
3. *Золотова Г. А. и др.* Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.
4. *Караулов Ю. Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. — М., 1992.
5. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века — М., 1997.
6. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995).* — М., 2000.

Синтаксис — живой процесс, в котором, как в лексике и морфологии, находит выражение динамика развития русского языка. Но изменения в нем происходят не столь быстро, многие синтаксические единицы формируются в течение веков. Мы являемся свидетелями формирования сложного синтаксического целого, новых типов бессоюзного сложного предложения и др. синтаксических единиц¹.

Актуальные синтаксические процессы приобретают особенную наглядность в прозе последнего двадцатилетия (в произведениях А. Королева, В. Маканина, Т. Толстой, Д. Рубиной, Л. Улицкой, В. Пелевина, Л. Петрушевской, М. Палей, С. Болматта и др. авторов). В наше время, по мнению критика В. Курицына, «не только в “жизни”, но и “в словесности” на передний план выходит проблема организации высказывания...»², что напоминает ставшее почти афоризмом *поэзия — это слово, проза — это предложение*.

¹ *Ильенко С. Г.* Русистика: Избр. труды. — СПб., 2003.

² *Курицын В.* О сладчайших мирах // Знамя. 1995. № 4. С. 192.

Сегодня стало иным само понимание *Нового*: «Мир меняется эластично, новое не хочет подменять собой старое, оно не отвоевывает, а просто растягивает пространство для самореализации...» (Н. Иванова³). Чтобы понять новое, необходим подход, преодолевающий схоластику изучения синтаксиса⁴. Очевидно, что анализ актуальных синтаксических процессов не может быть сугубо грамматическим: для его эффективности необходим выход в культурную и социальную проблематику, но при этом тенденции синтаксического развития не могут интерпретироваться как непосредственное отражение тенденций социокультурных⁵.

Обращаясь к проблеме синтаксических инноваций, следует учитывать аспекты диахронии и синхронии, синтаксической нормы, дифференцировать общие языковые факторы (например, взаимообусловленность экономии / избыточности языковых средств) и тенденции развития русского синтаксиса.

Исследователи развития современного русского синтаксиса (Г. Н. Акимова, Н. Ю. Шведова и др.) его ведущей тенденцией считают аналитичность, находящую выражение в разрушении «классической» фразы, в формировании так называемого «рубленого» типа прозы. Аналитичность интерпретируется как вторичное расчленение (первичное расчленение датируется концом XVII — началом XVIII вв.). Сегодня «...расчлененные синтаксические конструкции «возвращаются» в письменный язык на новом этапе развития»⁶.

³ Цит. по: *Тимина С. И.* Современный литературный процесс (90-е годы) // *Русская литература XX века в зеркале критики.* — СПб; М., 2003. С. 26. Показательно, что многие современные отечественные авторы ощущают «генетическую близость» с литературой двадцатых — начала тридцатых годов XX века.

⁴ На этом настаивал еще О. Мандельштам: «...все наше учение о синтаксисе является мощнейшим пережитком схоластики, и, будучи в философии, в теории познания, поставлено на должное, служебное место, будучи совершенно преодолено математикой, которая имеет свой самостоятельный, самобытный синтаксис, — в искусствоведенье эта схоластика синтаксиса не преодолевается и наносит ежечасно колоссальный вред» («Разговор о Данте»).

⁵ Например, так, как это делает Е. А. Покровская: «...есть нечто общее между кубизмом Пикассо, расщеплением атомного ядра и парцелляцией предложения» (Этапы развития русского синтаксиса в лингвокультурологическом аспекте // *Русский язык.* 2001. № 8).

⁶ *Акимова Г. Н.* Указ. соч. С. 161.

В синтаксических исследованиях 60–80-х гг. аналитичность, или аналитизм, расшифровывается следующим образом: изменения в структуре словосочетаний (прежде всего со связью управления), в употреблении односоставных номинативных предложений; появление новых разновидностей бессоюзных сложных предложений и синтаксических объединений на базе диалогических сцеплений; усиление процессов сегментации и парцелляции и др.

Парцеллированные высказывания и — шире — сегментированные конструкции (предикативные перифразы, вовлекаемые в сферу связей слов и словосочетаний; именная тема; конструкции со сращением *вот что* и др.) приобретают особую эстетическую значимость в современном тексте, в частности в киносценарии. Киносценарий, прежде всего в качестве текста нового, формирующегося типа⁷, обладает способностью стимулировать сегментацию и парцелляцию, что обусловлено монтажной техникой его композиции, установкой на передачу естественной речи:

А когда они вошли в квартиру матери, она вдруг — не раздеваясь — страшно быстро! — пробежала на кухню! — схватила туристский топорик! (О. Осетинский. Продается рояль...);

— Есть чем записать? Нет? Шахов — запомни фамилию. Это адвокат. На Первомайской, в консультации (А. Миндадзе. Охота на лис).

Аналитическая тенденция не должна пониматься упрощенно, только как «дробление» предложения (высказывания) и текста. Она демонстрирует диалектику расчлененности/интеграции, стимулирует развитие средств своей компенсации, в качестве которых выступают разнообразные скрепы: сочинительные и подчинительные союзы, союзные слова, дейктические элементы, частицы, их сочетания с наречиями (*и вот уже, вдруг* и т. п.)⁸.

⁷ См.: Мартянова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. — СПб., 2002.

⁸ Они живут в современной прозе особой жизнью, нередко выступая в роли самостоятельных высказываний или их частей (*коммуникем*), получающих абзацное выделение:

И.

Наконец — Чехов-3;

Поэтому (В. Сорокин. Голубое сало).

Расчлененность уравнивается интеграцией, которая стимулирует развитие текстоорганизующей функции обобщающего слова⁹, поддержанной приемом парцелляции придаточной части:

И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи:

Что спать на воздухе лучше.

Что жить среди зелени лучше.

Что надо поднять упавшего.

Что надо впустить в дом переночевать.

Что надо угостить каждого, кто вошел... (М. Жванецкий. Простые вещи)

Один из самых явных показателей аналитической тенденции — прием парцелляции — не только членит предложение, но и подчеркивает его взаимосвязь с компонентами разного объема (членом предложения, предикативной частью и др.), отделенными от базового предложения паузой и / или знаком препинания:

Впереди, в самом первом ряду. Прямо под ногами президиума. Сидел самый подлинный, настоящий герой «Скверного анекдота» — не повести. А фильма 1969 года. Каждая часть лица жила у него отдельно — и как жила! (М. Чудакова. Людская молвь...);

В браке же от него требовала немногого. Чтобы всегда был при ней. Против музыки Шуберта не возражала. Только чтобы звучала потихоньку (Ю. Пупынин. Глаза).

В «аналитической» («рваной», «рубленной») прозе прием парцелляции мотивирован не только стремлением автора к выражению иронии, передаче устно-разговорной стихии — он является производным от его общей манеры письма.

Так, аналитичность стиля С. Довлатова, одним из средств выражения которой выступает прием парцелляции, неотделима от его попыток мучительного синтеза, от установки на спонтан-

⁹ Равилова А. Р. Предложения с однородными членами в прозе К. Г. Паустовского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1969; Силантьев Е. Е. Синтаксическая специализация обобщающего слова *всё* в предложении и тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985.

ную фиксацию действительности — того, что сам прозаик называл «импрессионистичностью»:

Я помню тесноту около доски с расписаниями. Запах тающего снега в раздевалке. Факультетскую стенгазету напротив двери. Следы бесчисленных кнопок на ее загибающихся уголках. Отполированные до блеска скамьи возле фотолаборатории... (С. Довлатов. Филиал)

Таким образом, традиционный подход к исследованию аналитической тенденции в определенной мере себя исчерпал. Нельзя не согласиться с С. Г. Ильенко в том, что следует дифференцировать языковой, речевой и текстовый аспекты аналитизма. В первом случае речь идет о собственно грамматических закономерностях, во втором — о влиянии на литературный язык устно-разговорной стихии. В текстовом же ракурсе на передний план выступают делимитационные процессы, обусловленные не только задачей изображения звучащей речи, но и более глубинными факторами (типологическими, жанровыми, идиостилевыми).

Характеристика актуальных синтаксических процессов современного русского языка подразумевает анализ нового не только в его строе, но и в стимулах, в самом характере речевого и (в соответствии с темой нашей лекции) текстового функционирования синтаксических единиц.

В работах Н. Ю. Шведовой, Г. Н. Акимовой и других ученых выявлены следующие изменения в системе **словосочетаний**: образование компактных словосочетаний, распад и опрощение многочленных словосочетаний (*бананы из Африки, подать заявление на апелляцию / подать апелляцию*).

Ослабление синтагматической цепочки провоцирует использование формы именительного падежа в зависимых синтаксических позициях (Им. одиночный, Им. кратный): *по маршруту Петербург — Москва, матч «Реал» — «Барселона*». Г. Н. Акимова удачно иллюстрирует этот сдвиг примером почтового адреса в гоголевском «Ревизоре»: «В Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу...»¹⁰. Ср. современное написание: *Санкт-Петербург, ул. Почтамтская...*

¹⁰ Акимова Г. Н. Указ. соч. С. 32.

Ослабление синтаксических связей выражается также в активизации слабого управления, в употреблении переходных глаголов без распространителей (*смотреть, любить, читать, шить* и т. п.).

Безобъектное использование переходных (и непереходных) глаголов имеет также речевые и текстовые стимулы. У М. Жванецкого оно становится средством выражения самоиронии: *И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи...* (М. Жванецкий. Простые вещи). Безобъектное использование глаголов лежит в основе демагогического приема затемнения смысла: *Почти везде приходилось бывать, встречаться (с кем? — И. М.), помогать (кому? — И. М.)...* (Г. А. Зюганов).

В современном тексте погружение во внутренний мир персонажа может синтаксически оформляться как расширение объектной позиции. Это, в свою очередь, провоцирует отрыв распространенного объекта, для выражения которого может использоваться несколько предикативных частей, от переходного глагола:

Я почувствовал чей-то взгляд, оглянулся и увидел глаза матери. Это меня она искала в толпе. Я понял, что она вспомнила...

...Тот осенний день, когда лошадь, чего-то испугавшись, выбросила меня из седла и я запутался одной ногой в стремях (А. Мишарин, А. Тарковский. Зеркало).

В структуре **простого предложения** отмечена активизация детерминирующих обстоятельств. Этот процесс обусловлен не только собственно языковым фактором (ослаблением присловных связей), но и характером функционирования детерминантов в современном тексте, увеличением их *семантического радиуса действия*. В следующем примере (в котором речь идет о казни декабристов) под воздействие детерминантов (*в этот день под Петербургом, в Царкосельском парке*) подпадает не только отдельное высказывание, но и весь текстовый фрагмент:

*В ЭТОТ ДЕНЬ ПОД ПЕТЕРБУРГОМ, В ЦАРКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ ...
Прогуливаясь по аллее над прудом, где плавали лебеди, царь Николай бросал платок, и сопровождавший его пудель прыгал в воду*

и снова возвращался к ногам царя. День был солнечный, тихий. Развлечения царя прервал голос адъютанта.

— Свершилось, ваше величество!

Николай перекрестился и быстро зашагал к Александровскому дворцу (В. Мотыль, О. Осетинский. Звезда пленительного счастья).

Интеграция на уровне предложения выражается в «создании лексем, возникших под диктатом синтаксической схемы», «вовлечении в семантико-структурные типы предложения новых пластов лексики»¹¹. Это привело к пополнению состава безличного предложения глаголами *ходится, работается, бегаются* и др., к значительному расширению лексического состава номинативных предложений (названия деталей лица и одежды, наименование частей человеческого тела и т. п.) (см. там же):

Наши первые игрушки, перешитые курточки старших братьев. Бутерброды, завернутые в газету, девочки в строгих коричневых юбках. Мелочь из отцовского кармана. Экзамены, шпаргалки... нелепые, ужасающие стихи... Мысли о самоубийстве... Стакан «Агдама» в подворотне... Армейская махорка... Дочка, варежки, рейтузы, подвернувшийся задник крошечного ботинка... Косо перечеркнутые строки... (С. Довлатов. Заповедник).

Изменениям в текстовом поведении номинативных предложений было уделено внимание многих исследователей¹². Особенно интересным представляется формирование их синтаксических синонимов¹³ (*Комната / В комнате; Причал / У причала*), задающих иной, по сравнению с формой Им. падежа, ракурс восприятия изображаемой действительности. Их частотному употреблению во многом способствовало развитие драматургии и киносценария:

У корчмы. Мазепа, вскочив на лошадь, кричит запорожцам: Тикайте, хлопцы! (А. Толстой и др. Петр I).

¹¹ Ильенко С. Г. Указ. соч. С. 398.

¹² Среди прочих отметим прежде всего работу: Проничев В. П. Функционирование именных односоставных конструкций в тексте: предметно-ситуативные номинации. — Л., 1991.

¹³ Ильенко С. Г. О специфике второстепенных членов в неполных предложениях // Ильенко С. Г. Русистика. — СПб., 2003. С. 57–79.

Особняком стоит вопрос о неполном предложении, которое должно рассматриваться с новых позиций, не только как языковое, но и как речевое и текстовое явление¹⁴. В современном прозаическом дискурсе оно получает дополнительные стимулы развития: его *неполнота* может мотивироваться более широким понятием *лакунарности*. В киносценарии, который требует от читателя-зрителя домысливания, «дорисовывания» события, неполное предложение используется, подобно фигуре умолчания в риторике, в качестве сильного средства воздействия на воспринимающего (например, в сцене убийства митрополита Филиппа):

*Из темного угла две ноги торчат: ноги Филиппа...
Вдрогнули.
Вытянулись* (С. Эйзенштейн. Иван Грозный).

Для понимания актуальных процессов в системе **сложного предложения** является принципиальной его трактовка в качестве структурно-семантического единства, составляющими которого выступают не простые предложения, а предикативные части. Одной из тенденций его развития выступает функционирование предикативных частей в позиции членов предложения, что приводит к «свертыванию» сложных предложений в полипредикативные простые¹⁵:

...Одна была как Брижит Бардо, русский смуглый вариант, все в большом порядке и мальчики смотрят со значением... (Л. Петрушевская. О, счастье)

Не менее важным является представление о центре и периферии поля сложного предложения. Ядром системы, наиболее устойчивым к изменениям, выступает сложноподчиненное предложение (прежде всего нерасчлененного типа). Далее располага-

¹⁴ Ильенко С. Г. Об одном из синтаксических парадоксов: коммуникативное превосходство неполного предложения как следствие его структурной ущербности // Ильенко С. Г. Русистика. — СПб., 2003. С. 47–56; Грудева Е. В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2008.

¹⁵ Акимова Г. Н. Указ. соч. С. 52.

ются сложносочиненное и бессоюзное сложное предложения, граничащие со сверхфразовыми, текстовыми образованиями.

Границы сложносочиненного предложения размываются и «сверху», и «снизу»: с одной стороны, по сути текстовыми взаимоотношениями его частей, связанных сочинительными союзами, а с другой — мнимой однородностью членов предложения, для связи которых используются те же сочинительные союзы:

...Симеонов тушил свет... и очень часто сдавался, и тогда ел на ужин горячее... (Т. Толстая. Река Оккервиль)

В составе графического бессоюзия развиваются новые типы собственно бессоюзных сложных предложений¹⁶:

Первый признак действительно талантливого человека: он радуется чужому успеху (Е. Шварц. Записные книжки);

Поздно было оправдываться или нападать, девушка Соня из Красноярска бросилась вниз по лестнице, каблучки застучали, и на болячку наплевала (О. Кучкина. Этаж, или И сомкнулись воды).

Не менее интересные процессы происходят в сфере многокомпонентных сложных предложений с одинаковыми и разными видами связи. Ранее интерпретировался их размер и структурные особенности, но этот герметичный, собственно грамматический подход должен быть дополнен выходом в текст¹⁷, что необходимо для дифференциации собственно предложений и текстовых образований не только в составе бессоюзия и сочинения, но теперь уже и ядра системы — сложноподчиненного предложения.

Многокомпонентные предложения имеют разные стимулы функционирования в прозе Т. Толстой, В. Пелевина, В. Тучкова, Л. Петрушевской, С. Болмата, А. Слаповского и др. авторов. Оно осуществляется как с ориентацией на модель предложения со

¹⁶ Ильенко С. Г. Указ. соч. С. 317–325.

¹⁷ Это с успехом было продемонстрировано Г. Н. Акимовой в анализе рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня», текст которого представляет собой одно развернутое сложное предложение. См.: Акимова Г. Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина — синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. 2006. № 3.

структурным или коммуникативным осложнением, так и с ориентацией на модель ССЦ (или сложного тематического целого).

Изменения в словосочетании, простом и сложном предложении имеют **взаимообусловленный характер**. Активизация описательных глагольно-именных оборотов (*перестроить — произвести перестройку*) повлияла на характер предиката и увеличила объем простого предложения (Г. Н. Акимова). Изменения в употреблении синтаксически связанных компонентов оказали влияние на развитие предложений с некоординированными главными членами: *Угрюмость — от одиночества*. Безобъектное использование переходных глаголов ведет к «перерождению» субъектно-объектных предложений в собственно субъектные: *Сестра шьет платье — Сестра шьет*¹⁸.

В настоящее время усилилась тенденция к использованию придаточных частей в качестве компонентов простых предложений:

Самое страшное — это когда звонят по телефону (С. Болмат. Сами по себе); *Первая причина была что все мужики дураки* (Л. Петрушевская. Новые приключения Елены Прекрасной).

На синтаксическом строе сказывается несомненное влияние **устно-разговорной стихии**. Рассматривая актуальные процессы русского синтаксиса в речевом аспекте¹⁹, необходимо различать новации и собственно нарушения нормы, подчас имеющие взаимообусловленный характер.

Несомненным фактором, повлиявшим на развитие синтаксического строя русского языка, является актуализация диалогизированности. Ею пронизаны разнообразные единицы синтаксиса

¹⁸ Ильенко С. Г. Указ. соч. С. 399.

¹⁹ Русская разговорная речь: Тексты. — М., 1978; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981; Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. — М., 1993; Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования // Текст как целое и компоненты текста. — М., 1982. С. 106–121; Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. — М., 1976.

(от словосочетания — до многокомпонентного сложного предложения²⁰).

В современной прозе появляются новые способы развертывания диалога («внутри абзаца», по выражению Л. Петрушевской), обусловленные не в последнюю очередь тем, чем для автора является диалог — формой общения с другим (а) и / или с самим собой (б):

(а) *Никакого билета у меня нет, оскалив зубы в злоеющей усмешке, отозвался режиссер, лечу в белый свет, как в копеечку. Настолько срочно надо, спросил Андрей. А вам не надо, вопросом на вопрос ответил режиссер* (О. Кучкина. *Этаж, или И сомкнулись воды*);

(б) *...Включи же на полный удар всю оптику своей уходящей души, — что видишь ты? — душа взмывает все выше, — что видишь ты? — выше! — отсрочек больше не будет, — так что же ты видишь в последний миг своего безвозвратного зренья? Я вижу счастье* (М. Палей. *Long distance...*).

В текстовом плане новации в изображении многоголосия окружающего мира связаны с изменением оппозиции *свой / чужой*. *Чужая* (и *другая*) речь иначе, не так, как в классическом тексте, входит в современный прозаический дискурс и взаимодействует с окружающим контекстом.

В анализе способов синтаксической передачи чужой речи необходимо учитывать смену литературного кода (изменение ролей автора, персонажа и читателя). Так, Л. Петрушевская, устанавливая конвенцию взаимоотношений с читателем, задает принципы композиционно-синтаксического развертывания чужой речи: «...в рассказах я не должна была ничем завлекать и забавлять читателя. Никаких диалогов, остроумных сравнений и эпитетов. Если разго-

²⁰ С диахронической точки зрения, в основе сложноподчиненного предложения лежит вопросо-ответный диалог (С. О. Карцевский). Современный дискурс демонстрирует его актуализацию в развертывании многокомпонентных сложноподчиненных предложений:

Если ты раньше не был удачлив.

Если ты раньше не был терпим.

Если ты раньше завидовал чужому.

Если ты раньше мечтал отнять и поделить...

Зачем тебе Америка? (М. Жванецкий. *Зачем тебе Америка?*)

вор, то спрятать его в кавычки внутри абзаца» (*Лекция о жанрах*). Подобный подход определяет развертывание чужой речи в прозе не только Л. Петрушевской, но и многих других авторов:

А говорит он общеизвестные парадоксы — симулянтами, вещает он, полны кладбища, и Бог не имеет отношения к религии, и единственное, к чему стремятся все политики, это переизбрание, сигаретку попрошу?

Такие же речи он носит и в гости, в очень редкие гости (не зовут, он сам приходит, буквально стоит у подъезда и беззубо, умильно просится в домофон: я тут пролетая над вашей территорией, можно к вам?).

А секрет в том, что его боятся, вдруг да начнет оставаться (любимая фраза женщин: “Чувствую, он начинает оставаться”) (Л. Петрушевская. Ребенок Тамары);

Двое впавших в детство. Качающие головами, да, да, да, да на своих кроватях, и я тоже кивну — да. На прогулках во внутреннем дворе больницы — оба — будем смотреть на ручьи после дождя, как много-много весен назад! (Вернулись!) А отец и мать с небес смогут увидеть своих чад у ручья вместе: двух стариков, седых и безмозглых, с бумажными корабликами (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени).

Влияние устно-разговорной стихии, разумеется, расшатывает литературную норму (следует учитывать и влияние синтаксиса других языков, прежде всего английского), что находит отражение в разнообразных синтаксических «неправильностях» (Л. Петрушевской, В. Сорокина, В. Маканина и др. авторов). Но думается, что на этот процесс можно смотреть и шире — как на стремление современных прозаиков «заставить работать» **аномалии текста** (Н. Д. Арутюнова), демонстрирующие сдвиги в мировосприятии автора и читателя.

Обратим внимание на подчеркнутую аномальность (тавтологичность, неточность, инвертированность и т. п.) соединения компонентов словосочетания, провоцируемую современным текстом:

Ежик Гарик очень выступал перед волком Семеном Алексеевичем, который сидел поперек его пути... (Л. Петрушевская. Снимается кино);

...другая была пришей кобыле хвост подруга, преданная и любящая подколотная змея, которая обожала свою Марусю до такой степени, что заодно влюбилась в ее мальчика Боба, и иногда они втроем ходили куда-нибудь в гости, к Боба знакомым художникам и поэтам (Л. Петрушевская. О, счастье).

В современном дискурсе стимулами бесконечного развертывания однородного ряда становятся алогичность и ассоциативность сочетаемости его компонентов:

Тема, однако, не слышал его. Дом, яхту, думал он, автомобиль, вертолет. Библиотеку. Видеотеку. Слугу, камердинера, лакея, экономку. Зеркало до потолка в старинной раме. <...> Дисков пятнадцать тысяч. Симфонический оркестр. Пепел Марии Калас. Остров в Индийском океане... (С. Болмат. Сами по себе).

Смысловый критерий однородности все чаще «разъедается» аномалиями текста, создавая, например, напряжение между традиционным пониманием однородности сказуемых и их принципиальной неоднородностью:

*...на «Але» не откликнулась, а только дышала в трубку.
В результате моллюск Адриан перестал вообще подходить к телефону, боялся (Л. Петрушевская. «Лав стори (Роман)»).*

При рассмотрении **речевого** и **текстового** аспектов аналитичности невозможно обойти вниманием активное использование вставных конструкций. С одной стороны, они характерны для спонтанной устной речи (и способны создавать ее иллюзию в разных типах текста), а с другой — обладают большим текстообразующим потенциалом. С их помощью актуализируются диалогические отношения автора и читателя, вовлекаемого в поиск средств художественного выражения:

Я прямо-таки увидел нашу сцену встречи, Веня и я. Реальность будущего оборачивалась (обеспечивалась) реальностью прошлого. (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени);

Таких сидело на бортике человек десять—пятнадцать. Чего-то в жизни не угадавшие (не нашедшие). Не знающие, куда теперь идти дальше (В. Маканин. Удавшийся рассказ о любви).

В современной прозе в виде вставки оформляются предикативные части сложных предложений, прямая речь и слова автора:

Если угодно, здесь драма минуты, столь любимая в перипетиях кино. Не успевает человек перейти мост (мост уже взлетает на воздух). Не успевают удрать за границу (их арестовывают). Не успевают уехать из отеля (а там бубонная чума) (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени);

Как много, как бесконечно много может провалиться (объяснял ей старый Арсеньич) — уйти в зазор меж двух слов. Туда и выбрасывает лишнее искусный хитрец-автор (В. Маканин. Удавшийся рассказ о любви);

Я встречала ее в спёртом воздухе кинотеатра (снимите шляпу, бабуля! ничего же не видно!). Невпопад экранным страстям Александра Эрнестовна шумно дышала, трещала мятым шоколадным серебром, склеивая вязкой сладкой глиной хрупкие аптечные челюсти (Т. Толстая. Милая Шура).

Вставные конструкции со всей очевидностью демонстрируют диалектику интеграции и расчлененности. Г. Н. Акимова, дифференцируя типы вставок по степени их связанности с основным предложением, отметила преобладание синтагматически не связанных вставных конструкций²¹. Однако в современной прозе, наряду с подобными конструкциями, в роли вставок частотны и связанные с основным предложением сегменты:

Поэтому (на безрыбье рак рыба) Елена Прекрасная села даже немного боком и в упор стала смотреть на первую слабенькую звезду над горами, чуть выше и левее незнакомца, а потом перевела взор на собственные босоножки (быстро) и так же мгновенно взглянула на сам объект, который в ответ на это зевнул, потер руками лицо и ушел вон (Л. Петрушевская. Новые приключения Елены Прекрасной).

Важнейшим стимулом развития вставных конструкций, как показал В. А. Шаймиев²², является их участие не только в делимитации, но и в интеграции текста, в реализации про- и ретроспективных связей. Включение вставных конструкций не только

²¹ Акимова Г. Н. Указ. соч. С. 63.

²² Шаймиев В. А. Вставные конструкции в аспекте их текстового изучения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1982.

увеличивает объем предложения, но и создает иллюзию неограниченного, подобно гипертексту, развертывания его структуры:

...Честный человек, внешне очень похожий на образ Пьера Безухова из романа «Война и мир» Толстого, очки, полнота, доброта, этот человек вдруг встречает энергичную, целеустремленную женщину старше себя, и эта женщина начинает любить Пьера с огромной, неистовствующей силой, буквально уводит его с неведомого одинокого пути, по которому он шел в монахи, он теряет голову, они, двое влюбленных, мотаются то там, то здесь, то в Питере (она из Питера), то на родине предков в Москве, в его квартире, которую он должен был (кстати говоря) перед уходом в монахи отдать тетке, прописать ее к себе через, скажем, фиктивный брак, в монастыре ему ничего не понадобится, — или же негласно отдать монастырю: была некоторая борьба в душе Пьера по этому поводу заранее, между монастырем и семейным долгом, мужу тетки предстояло оплачивать дорогое лечение у тибетского ламы (нашли знахаря, врачи не в счет, они хирурги, им бы лишь бы отрезать), а сыну ее необходимо было дать деньги, так как он угнал в пьяном виде чужую машину (Л. Петрушевская. Лавина).

Подводя итог, подтвердим тот факт, что аналитическая тенденция, демонстрирующая диалектику расчлененности и интеграции, остается важнейшей тенденцией развития современного русского синтаксиса.

Появляются дополнительные факторы аналитичности, не только языковые, но и речевые, текстовые. Она проявляется с наибольшей полнотой в прозе тех авторов, трагикомический дискурс которых отмечен дисгармонией миро- и самовосприятия, иронией и самоиронией (С. Довлатов, Л. Петрушевская, В. Сорокин и др.).

Сегодня одновременное упрощение (аналитическая дробность) и усложнение синтаксиса (создаваемое, в частности, комплексным использованием новых явлений) выступает на передний план как специальная забота автора. Современные прозаики если и не исповедуют провозглашенный В. П. Рудневым (1997) принцип «не лексика, а синтаксис», то в полной мере ощущают измененную пластику фразы. Новаии элитарной литературы становятся отработанными приемами литературы массовой.

Таким образом, современный прозаический дискурс стимулирует развитие новых синтаксических явлений.

Рекомендуемая литература

1. Бурвикова [Зарубина] Н. Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста: Сб. науч. ст. — М.: Наука, 1979. С. 103–112.
2. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 36. 1977. № 4. С. 348–361.
3. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. Изд. 3-е, испр. — М., 2006 (Раздел I: «Элементы теории текстообразования»).
4. Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте: Пособие к спецкурсу. — Л., 1989. [Или в кн.: Ильенко С. Г. Русистика: Избр. труды. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.]
5. Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста: Сб. науч. ст. — М.: Наука, 1979. С. 113–133.
6. Левковская Н. А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Науч. докл. высшей школы. Филологические науки. 1980. № 1. С. 75–78.
7. Лосева Л. М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // Русский язык в школе. 1977. № 1. С. 90–94.
8. Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: Избр. труды. — М.: Наука, 1990. С. 99–117.
9. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). Изд. 2-е. — М.: Высшая школа, 1991.
10. Daneš F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective. — Prague, 1974. P. 106–128.

Вопрос о сложном синтаксическом целом (ССЦ), его лингвистическом статусе, его формальной и смысловой структуре принадлежит в современной русистике к числу дискуссионных: если в одних учебниках можно прочитать, что ССЦ — одна из единиц синтаксической системы языка, то в других оно характеризуется как единица строя речи, а в третьих о нем вообще не упоминается.

Под ССЦ понимают группу формально законченных предложений, объединенных по смыслу и грамматически и образующих относительно самостоятельный фрагмент текста, обычно оформляемый отдельным абзацем:

Он (Левицкий. — *М. Д.*) перешел на пятый курс, ему было двадцать четыре года, но у Данилевских только сам доктор говорил ему «коллега», а все остальные звали его Жоржем и Жоржиком. По причине одиночества и влюбчивости, он постоянно привязывался к какому-нибудь знакомому дому, скоро становился в нем своим человеком, гостем изо дня в день и даже с утра до вечера, если позволяли занятия, — теперь стал он таким у Данилевских. И тут не только хозяйка, но даже дети, очень полная Зойка и ушастый Гришка, обращались с ним, как с каким-нибудь дальним и бездомным родственником. Был он с виду прост и добр, услужлив и неразговорчив, хотя с большой готовностью отзывался на всякое слово, обращенное к нему (И. А. Бунин. *Зойка и Валерия*).

Для того, чтобы разобраться в проблеме ССЦ, отделить бесспорные факты от явных преувеличений, вычленив главное, обратимся сначала к истории учения об этой единице, а затем рассмотрим ее основные признаки.

Развитие европейской лингвистики в середине XX в. протекало, в основном, под знаком двух идей: идеи структурного подхода к языку (восходящей к учению Ф. де Соссюра) и дополняющей его идеи функционализма, то есть подхода к изучению языка через описание функций его единиц в построении речевого целого (в основных чертах этот подход был сформулирован в известных «Тезисах Пражского лингвистического кружка», 1929 г.). Этим обстоятельством был обусловлен, в частности, тот факт, что в 40–50-е гг. лингвисты нескольких стран независимо друг от друга высказали мысль о существовании тесной связи между формально самостоятельными предложениями, соседствующими в речи. Немецкий ученый К. Боост, например, писал о том, что предложение не является самостоятельной единицей речи, и в связи с этим — о «содружестве, сообществе предложений» (*Satzgemeinschaft*): «Нити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны, образуют такую плотную сетку, что можно говорить о переплетенности, о сплетении предложе-

ний в единую сеть, так что каждое отдельное предложение как бы неразрывно связано с остальными»¹.

Однако наиболее законченный вид эта мысль приобрела в работах Н. С. Поспелова, предложившего в 1948 г.² понятие *сложного синтаксического целого*, под которым он подразумевал «реальную синтаксическую единицу связной, монологической речи» — «группу предложений, образующих авторское высказывание». В качестве важнейших признаков ССЦ Н. С. Поспелов называет:

1) *смысловую независимость* («Извлеченное из контекста связной речи, ... [оно] не меняет своего смысла, потому что его смысловое содержание не зависит от других высказываний, окружающих его в контексте связной авторской речи»;

2) *синтаксическую независимость*, вытекающую из первого признака («оно оказывается, таким образом, синтаксически независимым от окружающего его контекста»;

3) *«замкнутость синтаксической структуры»;*

4) *«прерывистый характер синтаксических связей между предложениями, входящими в его состав»* (в частности, между предложениями регулярно отсутствие союзов, а если используются сочинительные союзы, то связи часто приобретают присоединительный характер)³.

Примеры, приводимые Н. С. Поспеловым в этой статье, извлечены из «Медного всадника» А. С. Пушкина. Ср.: *На берегу пустынных волн / Стоял Он, дум великих полн, / И вдаль глядел. Пред ним широко / Река неслася; бедный челн / По ней стремился одиноко.*

¹ Boost K. Der deutsche Satz. Die Satzverflechtung // Deutschunterricht. Н. 3. 1949. S. 9.

² Впервые это понятие было введено в его канд. дисс. «Синтаксический строй поэмы Пушкина “Медный всадник” (Строение сложных синтаксических целых в окончательном тексте поэмы)» (1943), однако широкую известность приобрело после публикации в 1948 г. двух статей, специально посвященных этому понятию.

³ Поспелов Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: Избр. труды. — М.: Наука, 1990. С. 99–117 [первая публикация — 1948].

Здесь же автор высказывает справедливое суждение о том, что в функциональном отношении ССЦ близко к разветвленному сложному предложению.

Идея, высказанная Н. С. Пospelовым, оказалась настолько отвечающей духу времени, что ее мгновенно поддержали такие авторитетные ученые, как акад. В. В. Виноградов и акад. Л. А. Булаховский⁴.

Следующий этап исследования ССЦ наступает в 60-е гг. Он ознаменован работами чешского ученого Ф. Данеша и российских исследователей — Г. Я. Солганика и Л. М. Лосевой.

Г. Я. Солганик, называющий ССЦ «прозаической строфой», кладет в основу своего исследования представление о том, что в основе речевых построений лежат построения логические. Исследуя последние, он обнаруживает «соединения суждений» — «логические единства», внутри которых суждения связаны либо «через субъект» (параллельная связь), либо «через предикат» (цепная связь). По мнению Г. Я. Солганика, «любая связная речь легко и естественно членится на части, представляющие собой логические единства. В практике письменной речи они отделяются обычно абзацами»⁵. Другими словами, ССЦ, по мнению автора, — это естественное воплощение в речи логических единств. Связи внутри «прозаических строф» те же, что и внутри логических единств: цепные и параллельные (отметим, что эти понятия

⁴ В. В. Виноградов пишет о «совсем неисследованной области стилистического синтаксиса, в центре которой лежит проблема строя сложных синтаксических единств с типичными для него приемами расслоения и сцепления синтагм как предельных синтаксических единиц в структуре этих *сложных синтаксических целых*» (Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1972 [1-е изд. — 1947]. С. 598; курсив наш. — М. Д.), а Л. А. Булаховский говорит о «тех бóльших, чем фразы, но еще обыкновенно отчетливо схватываемых единствах словесного выражения, в которых налицо бывают конкретные приметы синтаксического характера — так называемых *сверхфразных единствах*» (Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. I. — Киев, 1952. С. 392). Термин, предложенный Л. А. Булаховским, впоследствии превратился — в чуть отредактированном виде — в широко распространенный синоним термина ССЦ — *сверхфразовое единство (СФЕ)*.

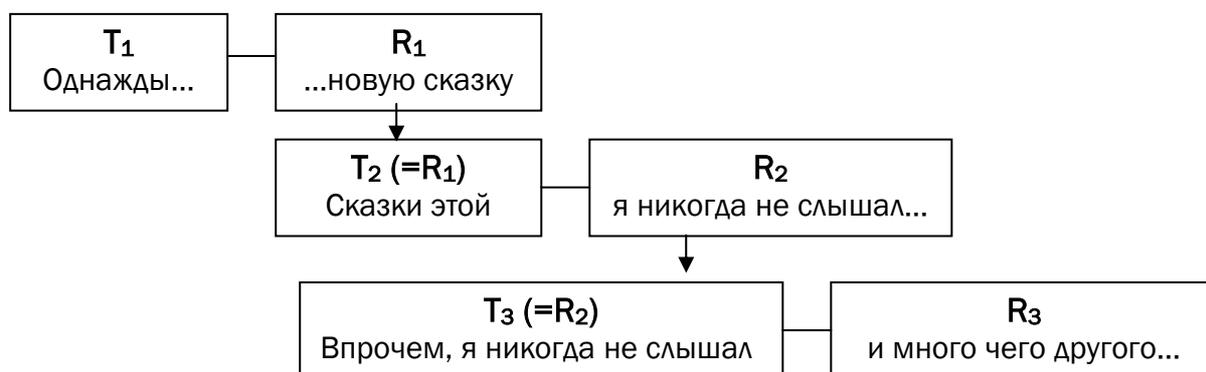
⁵ Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). Изд. 2-е. — М.: Высшая школа, 1991 [1-е изд. — 1973]. С. 33. (В основу этой книги положена кандидатская диссертация, защищенная Г. Я. Солгаником в 1965 г.)

прочно вошли в школьные программы по русскому языку). В приведенном выше примере из «Медного всадника» следует видеть, в таком случае, связь «через субъект»: ...стоял он... — пред ним...; река неслася — ...по ней..., — хотя само понятие субъекта в данном случае оказывается не вполне ясным, поскольку грамматический субъект (подлежащее) отнюдь не обязательно является субъектом логическим и, тем более, отправным пунктом высказывания.

Именно по этой последней причине реальному положению дел лучше отвечает концепция, выдвинутая Ф. Данешем также в середине 60-х гг.⁶ В отличие от Г. Я. Солганика, Ф. Данеш опирается на учение об актуальном членении предложения, то есть не на связи высказываний с логикой — весьма неоднозначные и не всегда существующие в живой речи, — а на тот аспект организации высказывания, который присутствует в нем всегда и непосредственно связан с актуальной ситуацией общения. В результате ученым были выявлены три типа связей, которые возникают в тексте между высказываниями на уровне компонентов актуального членения:

1) простая линейная тема-рематическая прогрессия. В этом случае тема каждого следующего высказывания повторяет ремю предыдущего, ср.:

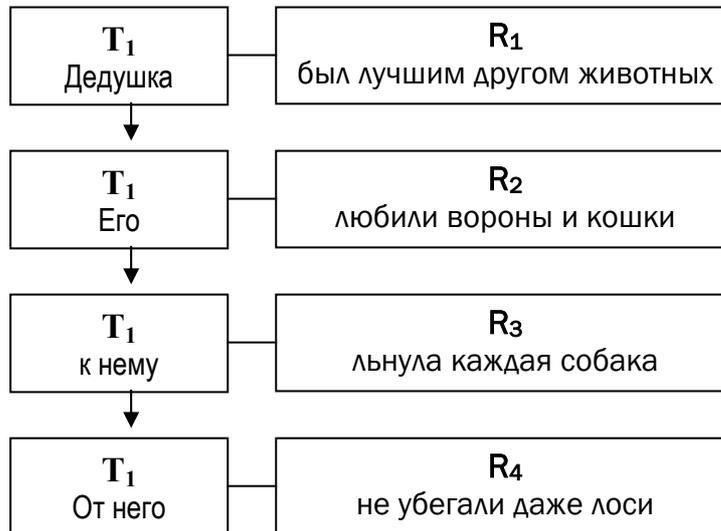
Однажды дедушка рассказал мне новую сказку. Сказки этой я никогда не слышал ни до, ни после того. Впрочем, я никогда не слышал и много чего другого из рассказов дедушки...

⁶ Его широко известной статье «Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text» (Papers on Functional Sentence Perspective. — Prague, 1974) во второй половине 60-х гг. предшествовала серия работ, написанных по-чешски и по-немецки.

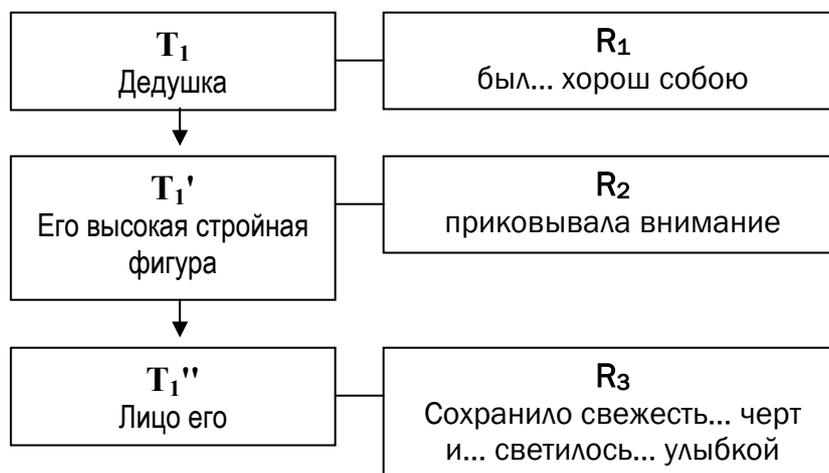
2) сквозная тема. В этом случае темы всех высказываний совпадают, ср.:

Дедушка был лучшим другом всех животных в нашей округе. Его любили вороны и кошки, к нему льнула каждая собака. От него не убегали даже пугливые лоси, иногда забредавшие к нам из неведомых чащ!

3) тема-рематическое расщепление. Представляет собой частный случай сквозной темы: последняя как бы расщепляется на отдельные подтемы, аспекты, отражаемые в последовательности высказываний. Ср.:

Дедушка, несмотря на старость, был удивительно хорош собою. Его высокая, стройная фигура неизменно приковывала внимание, когда он еще только появлялся в дальнем конце аллеи. Лицо его сохранило свежесть и ясность черт и всегда светилось лукавой улыбкой. <...>

Расщепление некоторой общей идеи на отдельные аспекты наблюдается и на рематической вертикали: ясно, что ремы *приковывала внимание, сохранило свежесть черт* представляют собой вариации общей ремы *был хорош собою*. Аналогичное расщепление может наблюдаться и в случае сквозной темы:

Стоит подчеркнуть, что результаты, полученные Г. Я. Солгаником и Ф. Данешем, принципиально сходны: по сути, речь идет об одном и том же явлении, описанном в разных понятийных и терминологических системах. Это становится особенно ясным, если учесть, что тема-рематическое расщепление представляет собой частный случай сквозной темы — типа связи, соответствующего параллельной связи у Г. Я. Солганика. Обобщая, можно сказать, что явление, продемонстрированное обоими учеными, — это отношения **тождества** (и прежде всего — **неполного тождества**), которые пронизывают ССЦ и обеспечивают его смысловое единство. На фоне *тождественного* рельефно выступает *отличное* — та информация, ради сообщения которой создается ССЦ.

Несколько упрощая реальную картину, можно поставить в один ряд с работами названных ученых серию статей Л. М. Лосевой и ее докторскую диссертацию (1969), где, в частности, были показаны те же отношения (неполного) тождества, устанавливаемые между сквозными семантическими компонентами ССЦ, находящимися в начальных позициях высказываний (выраженными, например, подлежащими).

Таким образом, к началу 70-х гг. учение о сложном синтаксическом целом обогатилось принципиально важными положениями об особой роли, которую играют тема-рематические отношения между высказываниями в создании связности, внутреннего единства ССЦ, и о смысловых отношениях (неполного) тождества, обеспечиваемых взаимодействием высказываний на тема-рематическом уровне. Кроме этого, были накоплены многочисленные частные наблюдения, среди которых важнейшее —

особая роль зачина (первого высказывания) в организации ССЦ. Г. Я. Солганик классифицировал ССЦ по доминирующим типам связи («цепные строфы», «параллельные строфы»), а внутри этих классов различал виды в зависимости от типа зачина.

Изучение ССЦ в этот период существенно активизировалось в связи с оформлением в особое направление языкознания *лингвистики текста*, изучающей текст с лингвистических позиций. Если для Н. С. Поспелова, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского и др. ССЦ представляло собой еще одну, надстраивающуюся над сложным предложением, единицу синтаксического строя речи, то теперь проблематика ССЦ естественным образом оказалась включена в сферу интересов лингвистики текста. Возникла новая проблема: каков лингвистический статус ССЦ? Следует ли считать его единицей синтаксического строя языка? Или, может быть, речи? А может быть, ССЦ не является единицей ни того, ни другого, а представляет собой компонент строя текста, *текстовую единицу*?

Особую остроту этой проблеме придавало то, что в 60-е гг. были созданы 1) учение о структурной схеме простого предложения как отвлеченном образце, модели, принадлежащей синтаксическому строю языка, и 2) структурно-семантическая классификация сложного предложения, также позволяющая говорить о моделях сложного предложения, принадлежащих языковой системе — и так же, как и структурные схемы, исчислимых и регулярно воспроизводимых в речи. Общая картина синтаксических представлений приобрела, таким образом, известную законченность и стройность: была выстроена иерархия языковых синтаксических моделей — и параллельная ей иерархия речевых реализаций этих моделей:

словосочетание	—	синтагма
структурная схема простого предложения	—	простое высказывание
модель сложного предложения	—	сложное высказывание

Продолжая иерархическое древо языковых единиц низших уровней и их речевых реализаций (фонема — звук, морфема —

морф, лексема — словоформа), эта схема создавала впечатление полной завершенности общих представлений об устройстве языковой системы и ее отношениях с речью. Однако учение об ССЦ «мешало» этой завершенности, ставило «неудобные» вопросы. Казалось вполне логичным продолжить иерархию синтаксических единиц:

...	...
модель сложного предложения	— сложное высказывание
модель сложного синтаксического целого (?)	— сложное синтаксическое целое

Тем не менее, для того, чтобы осуществить этот шаг на научной основе (а не декларировать его), следовало доказать, что модели ССЦ действительно *существуют* — причем такие, которым присущи свойства *исчислимости* (количество моделей должно быть конечным и обозримым) и регулярной *воспроизводимости*.

Вот почему проблематика ССЦ оказалась в центре внимания многих лингвистов, и вот почему, кстати, открытые Ф. Данешем модели тема-рематических взаимодействий многие лингвисты восприняли поначалу как модели организации ССЦ. Очень скоро, однако, оказалось, что это не модели ССЦ, а универсальные способы тема-рематических взаимодействий между высказываниями, свойственные не только тексту, но речи вообще. В тексте эти способы свободно, без ограничений, сочетаются, а в «чистом» виде встречаются весьма редко, следовательно — моделями ССЦ признаны быть не могут.

Точно так же не было оснований интерпретировать в качестве *языковых моделей* ССЦ слишком широкие категории функционально-смысловых типов речи — описания, повествования и рассуждения (такие попытки предпринимались О. А. Нечаевой, Л. М. Лосевой и др.).

Несмотря на эти разочарования, поиски путей моделирования структуры ССЦ продолжались.

Ведущей линией в этом плане стало выявление собственно синтаксической организованности ССЦ, которую исследователи пытались обнаружить в отношениях между зачином (организу-

щая роль которого уже ни у кого не вызывала сомнений) и остальными высказываниями, входящими в ССЦ. Для того, чтобы выявить на этом пути искомую структуру, поддающуюся моделированию, требовалось 1) типизировать зачины; 2) установить некую специфику синтаксического воплощения остальных высказываний ССЦ, каким-то образом соответствующую типу зачина. Исследования показали, что желаемых результатов этот путь не дает. Выяснилось, что встречаются зачины, представленные какой-либо специализированной синтаксической конструкцией (например, конструкцией с именительным темой, с предложением тождества и др.), но синтаксического воплощения остальных высказываний ССЦ даже такой зачин не «предсказывает». В большинстве же случаев как форма зачина, так и формы остальных высказываний прекрасно обходятся без специализированных конструкций и друг другом никак не обусловлены. Организующая роль зачина в смысловом отношении бесспорна, но в организующую роль в плане синтаксической формы она не перерастает.

Предпринимались и попытки выявить закономерности структуры ССЦ на уровне взаимодействия синтаксических структур соседствующих предложений, однако они также привели к отрицательному результату (Б. М. Гаспаров).

Эти факты легли в основу гипотезы, которую в 1981 г. высказала С. Г. Ильенко: возможно, ССЦ — это категория, которая еще находится в стадии формирования. Отдельные типы (с зачинами, которые отмечены яркими, специализированными конструкциями) можно считать уже входящими в синтаксическую систему языка; собственно, только их и имеет смысл именовать сложными *синтаксическими* целыми. Все же остальные типы существуют пока только в речи (или в тексте), об их кристаллизации говорить рано, и называть их надо как-то иначе — например, *секвенциями* (от лат. *sequentia* — последовательность). Позже С. Г. Ильенко предложила вместо этого термина другой: сложное *тематическое* целое⁷.

⁷ См.: Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте (1989) // Ильенко С. Г. Русистика: Избр. труды. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.

К отказу от попыток моделировать структуру ССЦ на уровне собственно синтаксическом побуждали и новые удачи, достигнутые на ином пути — при изучении семантики ССЦ в ее соотносительности с тема-рематической организацией. В 1979 г. Г. А. Золотовой удалось показать, что типовая семантика текстового фрагмента (описание внешности персонажа, интерьера, пейзажа; повествование о последовательности чьих-либо действий, чьем-либо состоянии или изменении состояния; о чьих-либо впечатлениях и др.) получает регулярное воплощение в рамках высказываний, составляющих фрагмент. Например, при описании интерьера или пейзажа в позициях рем закономерно оказываются слова с предметным значением; при описании внешности человека или его характера — с качественно-характеризующим значением; при повествовании о последовательности действий — со значением действия, и т. д. Ср. фрагмент текста, содержание которого квалифицируется как изменение состояния — в составе рем закономерно оказываются слова (они подчеркнуты), либо называющие состояние, либо указывающие на его изменение:

Дом Кузьмы Михалыча, и так-то ветхий, после смерти хозяина совсем запустел и стал рассыпаться на глазах. В выбитом верхнем окне подсобной постройки болтался на ветру кусок обтрепанной мешковины, должно быть, когда-то служившей там старику шторой. Сейчас эта штора напоминала лохмотья призрака в темной глазнице оконного проема. На заросшем сорняком дворе лежали сваленными в кучу подгнившие бревна, сучья, доски. Дом был старый, когда-то оштукатуренный и даже побеленный, но сейчас во многих местах штукатурка осыпалась, обнажая ребра оплетки (А. Урис. Тая, Тая, Тая...).

На основе этих наблюдений Г. А. Золотова ввела понятие **рематической доминанты** текстового фрагмента, выделив 6 ее типов:

- предметная доминанта (описание интерьера, местности);
- качественная доминанта (характеристика персонажа и т. п.);
- статальная доминанта (описание состояния);

— статально-динамическая доминанта (описание изменения состояния — именно этот тип представлен в приведенном выше примере);

— акциональная доминанта (повествование о последовательности действий);

— импрессивная доминанта (впечатления воспринимающего субъекта от окружающей среды и т. п.)⁸.

Следует добавить, что понятие рематической доминанты добавляет к обнаруженным ранее еще один аспект отношений (неполного) тождества, пронизывающих ССЦ на всем его протяжении.

Итогом этого этапа изучения ССЦ (завершившегося приблизительно к середине 80-х гг.) стали, таким образом, два важных вывода:

1) для причисления ССЦ к системе языковых синтаксических единиц нет достаточных оснований;

2) в структуре ССЦ существенную роль играет взаимодействие типовой семантики текстового фрагмента и коммуникативной организации высказываний.

Если учесть, что не только типовая семантика текстового фрагмента, но и коммуникативная организация высказываний суть явления текстовые (ибо коммуникативная организация возникает только при вхождении высказывания в текст), то можно сказать, что общим итогом этого этапа стал вывод о **принадлежности ССЦ системе текста**. Типизация аспектов организации ССЦ возможна (см. дополнительно об этом ниже), однако она не приводит к обнаружению моделей, которые обладали бы признаками исчислимости и регулярной воспроизводимости, обязательными для единиц системы языка.

⁸ Подробнее см.: *Золотова Г. А.* Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста: Сб. науч. ст. — М.: Наука, 1979. С. 113–133. Показательно, что в этой статье автор не пользуется термином *ССЦ*, хотя четвертью века раньше одну из первых своих работ Г. А. Золотова назвала «Структура сложного синтаксического целого в карамзинской повести» (Труды Ин-та языкознания АН СССР, 1954. Т. 3). По-видимому, в 1979 г. Г. А. Золотова уже считала термин *ССЦ* неприемлемым, предпочитая говорить о данном явлении как о явлении текста, а не синтаксической системы языка.

В связи с этими выводами стала очевидной условность самого термина *ССЦ*. В самом деле, если попытки моделировать структуру *ССЦ* на собственно синтаксическом уровне ни к чему не приводят, если признать *ССЦ* единицей синтаксического строя языка нельзя, то почему нужно именовать эту единицу именно *сложным синтаксическим целым*? Многие лингвисты, исходя из таких соображений, предпочитают термин *сверхфразовое единство*: действительно, он удачнее тем, что в нем отсутствует указание на синтаксический характер данной единицы; но, к сожалению, точкой отсчета в нем выступает *фраза* — понятие по преимуществу фонетическое. Предпринимались попытки придумать иное наименование, которое могло бы заменить термин *ССЦ* (*прозаическая строфа, коммуникат* и др.), однако общепринятыми — и, главное, общепонятными! — по-прежнему остаются два традиционных термина: *ССЦ* и *СФЕ*.

Итак⁹, **сложное синтаксическое целое** — это строевая единица текста, представляющая собой группу формально законченных высказываний, объединенных вокруг единого смыслового центра. Главная идея, лежащая в основе организации *ССЦ* — «содружество предложений», «несколько об одном», то есть ряд высказываний, посвященных одной (микро-)теме.

В данном определении отражены два ведущих признака *ССЦ*: 1) представленность рядом высказываний, формально самостоятельных коммуникативных единиц, или *поликоммуникативность*, и 2) подчиненность реализации одной микротемы, или *монотематичность*.

Аспекты организации *ССЦ* поддаются типизации. Тема-рема-тические взаимодействия между высказываниями были описаны Ф. Данешем; общие логико-смысловые отношения внутри *ССЦ* были описаны в работах Г. Я. Солганика, О. И. Москальской, М. В. Сосаре и ряда других исследователей; логико-смысловые отношения на уровне тем и рем высказываний были описаны, кроме того, Л. М. Лосевой и Г. А. Золотовой.

⁹ Излагаемое ниже (как, впрочем, и в приведенном выше обзоре) подробнее см. в кн.: *Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования...*

Тема-рематическую перспективу ССЦ целесообразно рассматривать как **ведущий принцип структурной организации ССЦ**. Если учесть, что тема-рематическая перспектива имеет место в любом ССЦ, так как каждое высказывание в обязательном порядке обладает аспектом актуального членения, то возникает представление о структурном инварианте ССЦ как о **матрице**, образуемой — по горизонтали — коммуникативно-синтаксическими позициями тем и рем высказываний и — по вертикали — собственно рядом высказываний (если в целях анализа расположить их на листе бумаги, начиная каждое с новой строки). Создавая ССЦ, пишущий не просто создает ряд высказываний, посвященных одной микротеме, но неизбежно устанавливает совокупность отношений внутри них и между ними, и проявляются эти отношения прежде всего на уровне тема-рематических взаимодействий. Получается, что пишущий, создавая ССЦ, как бы «заполняет» таблицу — инвариантную матрицу, — распределяя содержание между позициями тем и рем высказываний:

	Тема 1	Рема 1 / Тема 2	Рема 2 / Тема 3	Рема 3...
1				
2				
3				
4				
...				

Примечание. Количество коммуникативно-синтаксических позиций тем и рем в инвариантной матрице не является строго заданным: оно может быть и больше, и меньше представленного здесь. Это зависит от меры глубины содержания ССЦ (появление побочной темы, например, неизбежно приводит к усложнению структуры); кроме того, следует учитывать, что в художественном повествовательном тексте всегда открыты позиции для темы с хромотопическим значением и для темы с субъектным значением.

Подобный структурный принцип базируется, помимо неперенного свойства высказывания иметь определенную коммуникативную перспективу, еще и на том, что в основе объединения ряда высказываний в относительно обособленную и относительно завершенную последовательность лежит не просто их смысловая общность, но регулярное и неизбежное использование в тек-

стах любых жанров известных логико-смысловых субстратов¹⁰. Ведущую роль среди них играют:

1) субстрат **хронологический** (движение от высказывания к высказыванию соответствует движению по оси времени: это типично для повествовательных фрагментов);

2) субстрат **собственно-логический** (движение от высказывания к высказыванию определяется разворачиванием логических отношений между ними: это типично для фрагментов, содержащих рассуждения);

3) (в художественных текстах) субстрат **ассоциативного** типа (движение от высказывания к высказыванию определяется индивидуально-авторскими ассоциациями).

Доминирование одного из этих субстратов определяется жанром, индивидуальными авторскими предпочтениями и т. п.

Таким образом, за формой матрицы стоят два типа содержательных отношений: **коммуникативно-смысловые**, цементирующие матрицу по горизонтали, и **логико-смысловые**, скрепляющие ее вертикаль.

Собственно семантические отношения, характерные для вертикали ССЦ и описанные в работах Л. М. Лосевой, Г. А. Золотовой и др., также поддаются типизации и могут быть обобщены в понятие интегральной семантической структуры ССЦ.

Интегральная семантическая структура ССЦ — это субъективированное отображение на семантическом уровне структуры единой для данного ССЦ сигнификативной ситуации, являющееся семантической основой, на которой строится ССЦ.

Прокомментируем это определение. Под *сигнификативной ситуацией* здесь подразумевается та ситуация реальной или воображаемой действительности, которая представлена группой высказываний, составляющих ССЦ. Отображение является *субъективированным* потому, что оно представляет собой результат отбора аспектов ситуации (ведь все аспекты отобразить сразу невозможно), а отбирает не кто иной, как говорящий (пишущий),

¹⁰ Субстрат (*лат.* substratum основа, подкладка) — «общая основа многообразных явлений, основа общности или сходства однородных явлений» (Словарь иностранных слов). Логико-смысловый субстрат текста — тип логико-смысловых отношений, положенный в основу разворачивания текста или его фрагмента.

то есть *субъект речи*. Отображение на семантическом уровне — потому, что здесь речь идет лишь о семантических компонентах (например, субъект действия плюс его действие, или субъект характеристики плюс его характеристика и т. п.).

В структуру отражаемой ССЦ сигнификативной ситуации с той или иной степенью обязательности входят следующие компоненты: *P* — ситуант(ы) (лица, персонажи; отвлеченные понятия, являющиеся предметом речи); *A* — действия, процессы, участниками которых являюсь ситуанты; *R* — отношение (стержень статических ситуаций), причем возможны R_{pp} (взаимоотношения между ситуантами) и R_p (отношение ситуанта к миру в пределах данной ситуации, то есть его состояние, в том числе психологическое); *L* — место, локальный компонент ситуации; *T* — время, темпоральный компонент ситуации; *Circ* — другие обстоятельства, условия протекания ситуации; *Ch* — характеристики, свойства, признаки компонентов ситуации (два последних элемента, строго говоря, самостоятельными компонентами сигнификативной ситуации не являются, однако в тексте могут вычленяться из состава других компонентов). Пользуясь этими обозначениями, можно представить инвариантную структуру сигнификативной ситуации следующим образом:

{ P_1, \dots, P_n ; A и/или R; L; T; (Circ); (Ch)}.

В сложном синтаксическом целом подлежат отображению, разумеется, не обязательно все перечисленные компоненты; более того, сама природа ССЦ диктует концентрацию внимания лишь на некоторых из них, которые приобретают характер *сквозных*. Именно этот факт был впервые описан в работах Л. М. Лосевой и Г. А. Золотовой (см. выше).

В общем случае интегральная семантическая структура (ИСС) двукомпонентна: ее элементы можно назвать *сквозным актантом* (предмет сообщения) и *сквозным предикатом*. Однако вполне возможны — и частотны, особенно в художественном тексте — осложнения, в результате которых на основе элементарных (бинарных) типов ИСС возникают трех- и даже четырехкомпонентные.

Ниже приводятся **7 элементарных бинарных типов** (в формулах на первом месте указывается сквозной актанта; в примерах стержневые компоненты сквозного актанта выделены полужирным шрифтом, сквозного предиката — подчеркнуты).

1) $P — A$ (субъект, персонаж — его действия):

Максимка встал. Выйдя во двор, **он** уже не слышал, как хрустел под его ногами снег, не замечал ни луны, ни звезд на небе, ни лохматого Кунака, с визгом и радостью бросившегося к нему от ворот. Одна только мысль наполняла **его** всего. С этой мыслью **он** перешел весь двор, отворил сарай и нащупал впотьмах веревку. **Он** схватил ее дрожащими руками и наскоро засунул за пазуху, чтобы согреть. Потом, не торопясь, направился к дому и решительным движением руки отворил и захлопнул за собою дверь, которая в ожидании Курганова была не заперта. (*Н. Д. Телешов. Сухая беда*)

2) $P — R$ (субъект, персонаж — его состояние, отношение к миру):

В доме **все** присмирели. **Африкан Ильич** ходил в одних носках, черный как туча. **Машутка**, избитая за волосы Василисой, пряталась по темным пыльным чуланам, которых много было в туреневском доме. **Николушка** лежал, не вставая с постели, закрывшись с головой, — не принимал ни питья, ни пищи. **Настя** бродила, не находя себе места, осунулась, нос у нее заострился, будто все в ней горело, жгло ее огнем. (*А. Н. Толстой. Петушок [Неделя в Туреневе]*)

3) $P_1 — R_{P_2}$ (субъект, персонаж — его отношение к другому персонажу):

Росту его власти, славы соответствовал **в моем воображении** рост меры наказания, которую я желал бы к нему применить. Так, сначала **я** удовольствовался бы его поражением на выборах, охлаждением к нему толпы, затем **мне** уже нужно было его заключения в тюрьму, еще позже — изгнания на далекий плоский остров с единственной пальмой, подобной черной звезде сноски, вечно низводящей в ад одиночества, позора, бессилия; теперь, наконец, только его смерть могла бы меня утолить. (*В. В. Набоков. Истребление тиранов*)

4) $P — Ch$ (субъект, персонаж, предмет — его характеристика):

Однако, несмотря на то, что мир не обратился еще окончательно и полностью в состояние вещественности, а еще хранил там и сям области неосязаемые и неприкосновенные, братья чувствовали себя в жизни плотно и уверенно. Старший, Густав, служил на мебельном складе; младший находился временно без работы, но не унывал. Сплошь розовое лицо Густава с длинными, торчащими, льняными бровями. Его широкая, как шкаф, грудная клетка, и вечный пуловер из крутой серой шерсти, и резинки на сгибах толстых рук, — чтобы ничего не делалось спустя рукава. Оспой выщербленное лицо Антона с темными усами, подстриженными трапецией. Его красная фуфайка и жилистая худощавость. Но когда они оба облокачивались на железные перильца балкона, зады были у них точь-в-точь одинаковые — большие, торжествующие, туго обтянутые по окатам одинаковым клетчатым сукном. (В. В. Набоков. *Королек*)

5) $A_p — Ch$ (действие персонажа, субъекта — его [действия] характеристика):

Ровно без десяти минут десять вышла из лагеря пятая рота. Твердо, большим частым шагом, от которого равномерно вздрагивала земля, прошли на глазах у всего полка эти сто человек, все, как на подбор, ловкие, молодцеватые, прямые, все со свежими, чисто вымытыми лицами, с бескозырками, лихо надвинутыми на правое ухо. Капитан Стельковский, маленький, худощавый человек в широчайших шароварах, шел небрежно и не в ногу, шагах в пяти сбоку правого фланга, и, весело щурясь, наклоняя голову то на один, то на другой бок, присматривался к равнению. <... > (А. И. Куприн. *Поединок*)

6) $T — A$ (время — действие):

На другой день опять допрос и ужин — с тою же обстановкой. На третий, на четвертый день и так далее — то же. Наконец, на седьмой день, мы так вклепались друг в друга и того сами на себя наболтали, что хоть всех на каторгу, так впору. В тот же день нам было объявлено, что хотя мы по-прежнему остаемся заарестованными на честном слове в своих квартирах, но совместное жительство уже не допускается. (М. Е. Салтыков-Щедрин. *Дневник провинциала в Петербурге*)

7) $L — Ch$ (место — его характеристика):

Собор внутри был полон таинственной, тяжелой тьмы, благодаря которой стрельчатые узкие окна казались синими, а купол уходил

бесконечно в вышину. Пять-шесть свечей горело перед иконами алтаря, не освещая черных старинных ликов и лишь чуть поблескивая на ризах и на острых концах золотых сияний. Пахло ладаном, свечной гарью и еще той особенной холодной, подвальной сыростью древнего храма, которая всегда напоминает о смерти. (А. И. Куприн. *Мирное житие*)

Следует обратить внимание на многообразие конструктивно-синтаксических способов представления сквозных семантических компонентов в конкретных высказываниях: сквозной актанта, например, может быть выражен как (в терминах теории членов предложения) подлежащим, так и дополнением, и определением, и обстоятельством (при соответствующих условиях), и даже синтаксическим нулем.

При таком многообразии актуальным становится **соотношение интегральной семантической структуры ССЦ и его тематической перспективы**. В самом общем виде это соотношение описывается понятием «**реализация**»: тематическая перспектива «закрепляет» сквозные семантические компоненты на тематической и рематической вертикалях. Это наименее очевидно при тройных совпадениях — например, сквозного актанта, сквозного подлежащего и сквозной темы ССЦ. Но это отчетливо проявляется уже в тех случаях, когда сквозной актанта не совпадает с подлежащим и удерживается только сквозной темой; примером могут служить ССЦ, в которых в качестве сквозного актанта выступает локальный или темпоральный компонент сигнификативной ситуации, выражаемый тематизированными обстоятельными формами (детерминантами).

Осложнение интегральной семантической структуры ССЦ типично для художественного текста. Рассмотрим для примера фрагмент из романа Ю. Н. Тынянова «Пушкин» (для полноты восприятия пример приводится с левым контекстом):

Сад был мал, и в этом было его достоинство. Огромность противоречила простоте, а правильные сады более не действовали на воображение. Сельский букет стоял на круглом столе. Лет десять назад такой букет не поставили бы на стол.

Время было тревожное и неверное. Каждый стремился теперь к деревенской тишине и тесному кругу, потому что в широком кругу

некому было довериться. Огород, всегда свежий редис, козы, стакан густых желтых сливок, благовонная малина, простые гроздья рябины и омытые дождем сельские виды — все вдруг вспомнили это, как утраченное детство и как бы впервые открыв существование природы. Даже участь мещанина или цехового вдруг показалась счастливой. Свой лоскут земли, плодовый при доме садик, на окошечке в бурачке розовый бальзамин — как старые поэты не замечали прелести такого существования! Они пристрастились к войне, пожарам природы и всеобщему землетрясению. А эти домики походили на чистые клетки певчих птиц. Но ведь таково счастье человека.

Таблица 1

**Тема-рематическое членение
и интегральная семантическая структура ССЦ**

№	Тема	Рема	
1	Время (T)	было тревожное и неверное ($Ch_{(-1)}$)	
2	Каждый (P_T) ... теперь (T)	стремился ... к деревенской тишине... (R_1)	
3	все (P_T) вдруг (T)	вспомнили это (огород...) (R_1')	
4	[всем] вдруг (T)	даже участь мещанина ($P_{R1'}$)	показалась счастливой (R_2)
5	старые поэты ($P_{(-T)}$)	не замечали прелести такого существования ($R_{(-1)}$)	
6	Они ($P_{(-T)}$)	пристрастились к войне... ($R_{(-1)'}^1$)	
7	[в восприятии нынешних людей]	эти домики ($P_{R1''}$)	походили на клетки певчих птиц ($Ch_{1'''}$)
8		таково ($Ch_{1'''}$)	счастье человека (R_2)

(Примечание. $Ch_{(-1)}$ означает отрицательную характеристику эпохи, из которой, собственно, и вытекают аксиологические предпочтения «всех». R_1 означает типичную для представителей данной эпохи аксиологическую позицию (которая здесь интерпретирована как разновидность отношения к миру). R_2 символизирует некую абсолютную ценность (счастье). Символы с отрицательными индексами означают представителей предшествующей эпохи, противопоставляемой данной, и их ценностные ориентации. Символ P_{R1} читается как «носители аксиологической позиции R_1 ».)

Из табл. 1 ясно видно, что для того, чтобы относительно точно отобразить устройство анализируемого ССЦ, одной рематической вертикали недостаточно — поэтому и пришлось несколько «рематических клеток» таблицы делить пополам. В дей-

ствительности следует говорить, разумеется, не о делении клеток таблицы, а о наличии в данном ССЦ рем нескольких уровней. Если учесть эту многоступенчатость рем, итог анализа можно представить следующим образом:

Таблица 2

**Интегральная семантическая структура ССЦ
в тема-рематической сетке**

№	Тема 1	Тема 2	Рема 1/Тема 3	Рема 2/Тема 4	Рема 3
1	T		Ch ₍₋₁₎		
2	T	P _T	R ₁		
3	T	P _T	R _{1'}		
4	T	[P _T]	P _{R1'}	R ₂	
5		P _(-T)	R ₍₋₁₎		
6		P _(-T)	R _{(-1)'}		
7		[P _T]	P _{R1''}	Ch _{1'''}	
8				Ch _{1'''}	R ₂

Из табл. 2 хорошо видно взаимодействие разворачиваемой интегральной семантической структуры с тема-рематической перспективой ССЦ. Первые актанты пропозиций, соответствующие избранной модели ИСС, удерживаются на тематической вертикали, однако эта вертикаль расщепляется по причине осложнения ИСС. Аналогичное верно и по отношению к рематической вертикали. Если базовой моделью для этого ССЦ служит редко встречающийся тип $T — Ch$, то в результате его контаминации с типом $P_T — R$, возникающей вследствие подстановки P_T вместо T и R вместо Ch , реальным семантическим субстратом этого ССЦ оказывается осложненная модель $T/P_T — Ch/R$.

В основе интегральной семантической структуры ССЦ лежит, как можно было видеть, принцип простой или циклической повторяемости семантических конфигураций. Сходный принцип воспроизводится и на более высоком уровне — в так называемой *мотивной структуре текста* (Б. М. Гаспаров). По мысли Б. М. Гаспарова, смысловая организация (художественного) текста может быть представлена как бесконечное переплетение, взаимодействие ряда сквозных мотивов, что было показано им

на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». А неотъемлемым признаком мотива является, как известно, его повторяемость при постоянной изменчивости¹¹. Ясно, что это сходство семантических структур есть проявление глубинной общности, одноприродности ССЦ и текста. Это соображение, в свою очередь, подтверждает справедливость признания ССЦ ведущей единицей текстообразования (строевой единицей текста).

¹¹ Первоначально «принцип лейтмотивного построения повествования» был охарактеризован Б. М. Гаспаровым как «основной прием, определяющий всю смысловую структуру “Мастера и Маргариты” как *романа-мифа*»: «Имеется в виду такой принцип, при котором некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно” <...> единственное, что определяет мотив, — это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами (“персонажами” или “событиями”), здесь не существует заданного “алфавита” — он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» (*Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы.* — М., 1994. С. 30–31). Позже, однако, Б. М. Гаспаров распространил такое понимание и на текст вообще, в том числе и на тексты «традиционного сюжетного повествования», выдвинув и теоретически обосновав «способ анализа», который «принципиально отказывается от понятия фиксированных блоков структуры, имеющих объективно заданную функцию в построении текста. Вместо этого основной “единицей” анализа <...> оказывается *мотив*: подвижный компонент, вплетающийся в ткань текста и существующий только в процессе слияния с другими компонентами» (Там же. С: 301; курсив автора. — М. Д.). Теоретические положения проиллюстрированы в указанной статье, в частности, анализом сцены из романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Одна из главных идей этой учебной книги — понимание синтаксиса как «полигона взаимодействия» всех единиц языковой системы. В этом отношении «Лингвистические сказочки» Людмилы Петрушевской представляют собой не только оригинальное художественное явление, но и благодарный объект для анализа интегрирующей роли синтаксиса.

Парадокс «Лингвистических сказочек» Л. Петрушевской заключается в том, что они допускают множественность интерпретаций, сохраняя при этом некое стабильное содержание, создаваемое грамматическим взаимодействием единиц разных уровней.

Неподготовленный читатель, дав себе труд (а восприятие текста Л. Петрушевской требует определенных усилий), почувствует прелесть ироничной манеры и своеобразие текста современного автора. Но от филолога, проникшегося идеями предлагаемой учебной книги, можно потребовать и большего — понимания того, «как это сделано» (любимый вопрос русских формалистов).

Выбрав одну из «сказочек», назовите признаки, по которым можно определить лексико-тематическое значение слов, придуманных Л. Петрушевской (оценочные существительные, прилагательные и наречия; глаголы говорения, движения и др.).

Обратите внимание на то, в какой синтаксической роли они функционируют в предложении, вступают ли (и как?) в отношения однородности. Дайте семантическую и грамматическую характеристику словосочетаниям. Определите предложения по цели высказывания, составьте их структурные схемы. Проанализируйте сцепление реплик в диалогических единствах.

Людмила Петрушевская. Лингвистические сказочки

1. ПУСЬКИ БЯТЫЕ

Сяпала Калуша с Калушатами по напушке. И увазила Бутявку, и волит:

— Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

— Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата Бутявку вычучили.

Бутявка вздрезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит калушатам:

— Калушаточки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюомо-зюомо некузявые. От бутявок дудонятся.

А Бутявка за напушкой волит:

— Калушата подудонились! Зюомо некузявые! Пуськи бятые!

2. БУРЛАК

Часть I

Сяпали Калуша с Помиком по напушке и увазили Ляпупу. А Ляпупа трямкала Бутявку.

А Калуша волит:

— Киси-миси, Ляпупа!

А Ляпупа не киси и не миси, а трямкает Бутявку. Полбутявки у Ляпупы в клямсах, полбутявки по бурдысьям лепещется.

А Помик волит:

— Калуша, Ляпупы, трямкающие бутявок, не волят «киси-миси», а то бутявки из клямс вычучиваются.

А Калуша волит:

— А по клямсам? За некузявость?

И — бздым! — Ляпупу по клямсам.

Ляпупа разбызила клямсы и как заволит:

— Оее! Оее!

Бутявка из клямс Ляпупы вычучилась, вздрезнулась, сопри-
тюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит:

— Киси-миси, Ляпупа!

А Ляпупа усяпала с напушки и за напушкой волит:

— Киси-миси, Помик. А Калушаточки-то не помиковичи!

Часть II

А Помик волит:

— Калуша, а Калушаточки помиковичи?

А Калуша разбызила клямсы и волит:

— Йоу?

Помик тырснул в бурдысья и волит зюмо-зюмо:

— Калуша, а Калушаточки помиковичи?

А Калуша как заволит:

— Некузяво, ое, так волить!

А Помик в бурдысьях как забурлыкает: бурлы, бурлы, бурлы.

А Калуша волит:

— Не бурлыкай, бурлак. Калушаточки не помиковичи, а поми-
ковны!

3. КУЗЯВОСТЬ

Сяпала Калуша по напушке и увазила Бутявку, и волит:

— О, бутявище некузявое.

И — тюк Бутявку за сяпалки.

И ну трямять Бутявку.

Полбутявки у Калуши в клямсах, полбутявки об напушку лепе-
щется.

Но тут Бутявка как заволит:

— Ое, ое!

И подудонилась Бутявка Калуше в клямсы: бздым!

Калуша обезвалдела, в клямсах у Калуши зюмо-зюмо некузяво,
а тут Ляпупа по напушке шається, блуки бятые, пши натыром:

— О! Киси-миси, Калущечка! Как калушаточки? Как Помик?

Калуша же клямсы сопритюкнула, не волит ни киси и ни миси (Бутявка-то в клямсах и дудонится и дудонится).

Но тут из клямс у Калуши уже птум-птум, птум-птум (Бутявкино дудо).

— Эска! — волит Ляпупа, — о-по-по, вазьте, о индякие! Калуша подудонилась! От Калуши аж дудом фурдяет!

Калуша Бутявку вычучила, из клямс дудо отбьябькала и волит:

— Не Калуша подудонилась, а Бутявка! От Бутявки фурд!

А Бутявка, вычучившись из калушиных клямс, вздрезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки в бурдысья, и волит из бурдысьев:

— Калуша подудонилась, Калуша подудонилась!

А Ляпупа пши аж растюкнула, блуки бьтые вымзила и волит:

— И! И! Калушка зюмо некузявая! Фурдючая! С Ляпупой и Бутявкой бирить — дуда натрямкать — И! И! Калушка зюмо некузявая! Фурдючая!

А Калуша бирит:

— С Ляпупой и Бутявкой бирить — дуда натрямкаться. Индякие, не тючьте дудо, не зафурдяет. Ляпупа с Бутявкой волят — у индяких пши сбькиваются!

И усяпала с напушки кузявая-кузявая.

4. ПЕРЕБИРЮШКА

Сяпала Калуша по напушке и увазила Ляпупу, и бирит:

— Оее! Оеее! Ляпупа! Калушаточки!

Калушата присяпали: Канна, Манна, Гуранна и Кукуся. И вазят то на Калушу, то на Ляпупу.

А Калуша бирит:

— Калушаточки, к ляпупам не подсяпывайте ни на кыс! Ни кыса к ляпупам! Ляпупы дьубые и зюмо-зюмо некузявые!

А Ляпупа бирит:

— Йоу?

А Калуша волит:

— Вазьте, калушаточки, како ляпупы некузявые и нетюйные!

— Нетюйные? (бирит Ляпупа).

— Нетюйные!

— Биришь?
— Бирю! (волит Ляпупа).
— От нетюной смычу! — бирит Ляпупа. — И от некузявой.
— Ляпупушка перебирюшка, Ляпупушка перебирюшка! — бирит Калуша. — Хахт! Хахт!
И калушата захахтали:
— Хахт! Хахт! Хахт!
А Ляпупа усяпала с напушки и волит:
— Хахтают, кайодлы! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

5. МММКВЯ

Сяпала Калуша по напушке.
А по напушке — оее! — Ляпупа хвиндиляет.
Дохвиндила до Калуши, клямсы ако разбызила и волит:
— Киси-миси, Калушечка! Киси-миси, кузявенькая!
А Калуша:
— Йоу?
— Киси-миси, — бирит Ляпупа, вымзивши блуки на Калушу.
— Ну, киси, — бирит Калуша. — Ну, миси.
А Ляпупа волит:
— А у Ляпупы — мммквя! Потрямкай!
— Не. Мммквя — убня (бирит Калуша).
— Не убня! Кузявая мммквя! Потрямкай!
И возобнулась Ляпупа и — бздым! — вчучила Калуше мммквью аж в клямсы! Инда клямсы у Калуши сопритюкнулись!
Сопритюкнулись — и ни втырь, ни оттырь! Сбьякнулись клямсы-то!
И Калуша бирит:
— Некузявая мммквя! Убня! (а бирит «Декузявая ббквя, убдя», клямсы-то сбьякнутые инда).
А Ляпупа аж облампела и волит:
— О-е-е! Некузяво-то как биришь! Биришь «ды-ды-ды» да «бы-бы-бы»! С клямсами-то йоу?
А Калуша не отбирила никс и как некузявая посяпала с напушки (мммквью с клямс отбьябживать).
Ну и Ляпупа похвиндила — кузявая-кузявая.
Клямсы разбызила и как зашмерендит:
— Змсяу! Йиу! Хфуф-оп-оп!

6. АНТИБУТЯВКА

Сяпала Калуша по напушке и увазила Бутявку.

Бутявка же не вазит Калушу, а шмерендит:

— Куги-туги... буду-вуду... Ам-лям-лям!

Клямсы разбызила — шмерендит и шмерендит:

— Ам-лям-лям!

А Калуша волит:

— Оое, бутявище некузявое! Да забызь клямсы-то! Не Оое, бутявище некузявое! Да забызь клямсы-то! Не ам-лям-лямкай! А ну, не шмерендеть!

А Бутявка шмерендит, инда в пшах у Калуши свирикает:

— Муги-буги... Ам-тям-тям! Муги-буги... Ам-тям-тям!

А Калуша сяпалками пши запритюкнула и как забирит:

— Оое! О, пши калушины! Оое, яко в пшах свирикает! Оое! О, пши калушины! Оое, яко в пшах свирикает! А ну, не шмерендеть! А то как стрямкаю! А ну, бутявище некузявое, с напушки — тырсь!

А Бутявка шмерендеть презяла и бирит:

— О-е-е! О индякие! Калуша — некузявая! Калуша бутявок трямкает! Калуша — антибутявка!

Индякие присяпали и вазят — то на Бутявку, то на Калушу. Некузяво вазят на Калушу.

А Калуша вазит на индяких и волит:

— Ни! (волит Калуша) Не антибутявка! Но антишмерендя... Антишмерендявка.

7. НЕ ПСНИ!

Сяпала Бутявка с Бутявчонком по напушке и увазила Калушу.

И волит:

— Пфя! Вазь на Калушу, Бутявчонок! Калушка-то — зюмо некузявая. Пуська бятая. Калуша волит:

— Йоу? Йоу Бутявка бирит?

А Бутявка волит:

— Не Бутявка, а Бутява. И бирю: Калушка — пуська бятая! Зюмо-зюмо некузявая.

А Калуша волит (блуки вымзивши на Бутявку):

— А по клямсам? За некузявость?

А Бутявка волит:
— Калушиха! Калушиха! Блуки-то вымзила! Калушати́на мырдя-
вая. Бутявчонок! А ну фьюро за Бутявкой!
И с напушки — счирк! В бурдыся.
А Бутявчонок сяпает и сяпает по напушке. Подзастремяжился.
Ну и Калуша бутявчонка сцирила. А бутявчонок как забурлыкает!
(Бурлы-бурлы, бурлы-бурлы).
А Бутявка из бурдысьев как заволит:
— Оее! Оее! Бутявчонок у Калушихи! Оее, инда Бутявчонка
стрямкают!
А Калуша волит:
— Ну, и йоу Бутявка про Калушу бирила?
А Бутявка волит:
— Бирила... Бирила, йоу Калусечка кузявенькая. И калушаточки
кузявые. Не трямкай Бутявчонка! Мммм... Калуша не мырдявая, не
пуська и не бятая! Отчучь Бутявчонка!
И забурлыкала Бутявка:
— Оее, оее! Бурлы-бурлы!
— Не бурлыкай! — волит Калуша, — на!
И Бутявчонка вытырснула.
Бутявчонок вздрезнулся, сопритюкнулся и усяпал с напушки.
А Калуша волит в бурдыся:
— И не псни, Бутявка-некузявка.
И прошаялось по-над напушкой Зюище, и пробамболило:
— Оее, некузяво-то инда...
А Калуша волит:
— О Буи-Зюи, Зюище! Егды Бутявки волят некузявости, то и Ка-
луши волят некузявости! За некузявость — некузявость! Блук за блук!
Не псни, и не пснённый усяпаешь! Псня за псню!

8. АБВУКА

Калуша бирит калусатам:
— Калусаточки! А калусаточки! Канна, Манна, Гуранна и Кукуся!
— И, — бирят калусата.
А Калуша:
— Инда, калусата, побирим об АБВ! Яете АБВ?
— АБВ? — волят калусата. — Не, не яем. АБВ трямкают?

— Ни.
 — АБВ дюбые?
 — Ни, ни! — бирит Калуша. — Яйте, калушата: АБВ — абвука!
 Ну и калушата посяпали с напушки на оттырь, в бурдысья.
 А Калуша за калушатами сяпает и волит:
 — Яйте, калушаточки, — волит Калуша. — АБВ — кузявая абвука!
 Без АБВ калушата не высяпают в калуши.
 Калушата аж блуки вымзили:
 — Абвука?
 А Калуша волит:
 — Ну! Без абвуки на напушке некузяво. Индякие — и напушане,
 и напушанки — абвуку яют. А! Б! В! Бирьте: Ааа...
 А калушата бирят:
 — Оу... Ня... Пся... Кгг...
 — Ни! (волит Калуша) Ааа! Бэээ! Вэээ!
 Но калушата как тырснут в бурдысья! (Не уявши абвуки).
 А бутявка за напушкой волит:
 — Калушата не яют АБВ! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

9. И-ПЫЗЯВА

У Калуши — калушата: Канна, Манна, Гуранна и Кукуся.
 У Бутявки — бутявчонок: Гага Прюшка.
 И огды-егды бутявчонок Гага напызявил и-пызяву и оттырснул
 Кукусе:

Кукуся @пуськи.ги

О Кукуся! Шошляю Кукусю зюмо-зюмо!
 Кукуся+Бутявчонок = ; ^) ^ ; Кукуся и Бутявчонок — бдан-бдан!
 Шошляю Кукусю! С шошлью — Бутявчонок, кукусин на обагды!
 Чмяк! Кукусин Гага П. :))
 А Кукуся напызявила Бутявчонку и-пызяву:
 Бутявчонок. гагап@пуськи. ги
 О Бутявчонок! Не бдан-бдан и не чмяк. Шошляешь Кукусю? Не
 яю. Огды... егды... Кукуся : ^ +
 И Калуша напызявила и-пызяву Бутявчонку:

Бутявчонок. гагап@пуськи.гу

Йоу, @, пызявишь пызявы Кукусе? Йоу за «чмяки»? Чмякаться некузяво. Калуши не шошляют бутявок, прышек и гаг. Бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. И не пызявь Кукусе ниогды! А то стрямкаю!

Ей-ей не v.гу

С некузявостью Калуша Помикова (; ^ (

А Бутявка (за Бутявчонка) отпызявила Калуше:

Калуша@пуськи.гу

От @ смычим. С мырдявостью — Бутява Бутявишна Йовович-Шер

! : ^ ((

10. ПРО ГЛОКУЮ КУЗДРУ И БОКРЕНКА

Калуша как забирит:

— Калушата! Калушаточки! Сяпайте на напушку!

Калушата вымзились из бурдысьев:

— Йоу?

— Сяпайте, сяпайте на напушку!

Калушата (Канна, Манна, Гуранна и Кукуся) присяпали.

— Ну, калушаточки (волит Калуша), распритюкивайтесь по напушке.

Калушата распритюкнулись: Канна, Манна, Гуранна — и наоттырь — Кукуся.

А Калуша волит:

— Инда побирим про Щербу.

— Йоу Щерба? — бирят калушата.

— А Щерба, — бирит Калуша, — огдысь-егдысь нацирикал: «Глокая куздра кудланула бокра и курдячит бокренка».

— Ну и йоу? — бирят калушата.

— Йоу: куздра кузявая? А, калушаточки?

— Ни, — бирят калушата. — Куздр некузявая.

— А йоу куздр некузявая?

— А куздр некузявая, ибо куздр кудланула бокра, — волят калушата.

— Ну! И курдючит бокренка! — бирит Калуша. — Ну и бирьте: кузяво ли, егды Канна, Манна и Гуранна курдючат Кукусю? А? Кудланули и курдючат? А?

— Некузяво, — бирит Кукуся. — Пуськи бятые, Канна, Манна и Гуранна.

А Канна, Манна и Гуранна не бирят ни-ни. Блуки вымзили наотпень и не бирят ни йоу.

Инда Канна волит Калуше:

— А Кукуся с Бутявчонком бирила, в бурдысьях-то.

А Кукуся возбнулась и усяпала с напушки.

— К Бутявчонку посяпала, — бирят Манна и Гуранна.

— А ну! — волит Калуша. — А ну, сяпайте за Кукусей — и без курдюченья! И Бутявчонка кудланите из бурдысьев! Фьюро!

Калушата усяпали с напушки. А Калуша волит:

— Щерба бятая.

11. ТРЕСЬ

1

Сяпала Калуша с Помиком по напушке и волит то ли Помику, то ли в бурдысья:

— Ин у Калуши с Помиком калушаточки: и Канна, и Манна, и Гуранна, и Кукуся!

А Ляпупа по напушке шається, пши натыром (ну Ляпупа и Ляпупа) и волит:

— Калушаточки-то некузявые. И Канна, и Манна, и Гуранна. А Кукуся ажник тресь.

— Кукуся тресь?! — возбнулась Калуша. — Кукуся тресь, а, Помик? Обезвалдеваю.

А Ляпупа волит, блуки у Ляпупы бятые-бятые:

— Эска, Кукуся в бурдысьях с Бутявчонком! Щуньте, ин бурдысья-то лепещутся!

А Калуша волит зюмо-зюмо:

— Кукуся в бурдысьях? Эска, Кукуся в бурдысьях бутявчонка трямкает, бурдысья-то и лепещутся!

А Помик волит:

— Оее. Бутявок не трямкают. Бутявки зюмо-зюмо некузявые.

А Калуша волит:
— Сяпай за Кукусей в бурдысья и отвинь бутявчонка у Кукуси.
И Помик посяпал.
— Сяпай, Помик, — бирит Ляпупа. — Сяпай в бурдысья. Отвинишь, как же! Помик-некузявик.

2

А бурдысья лепещутся, лепещутся, инда Ляпупа йокает: йок, йок, йок!

А Помик высяпал из бурдысьев и волит:

— Калушечка, Кукуся не трямкала бутявчонка.

А Калуша волит:

— Кукуся не трямкала? Так стрямкай же! Стрямкай бутявчонка, Помик!

А Ляпупа йокает:

— Йок, йок, йок! — (так и лепещется). — Пуськи бятые, Канна, Манна, Гуранна и Кукуська.

Ин из бурдысьев высяпывает Бутявчонок, а с Бутявчонком сяпает Кукуся, клямсы в клямсы с Бутявчонком, сяпалка за сяпалку.

Оее.

Калуша клямсы разбызила ажник.

Помик набурбушился.

Ляпупа йокнула:

— О! Щуньте, щуньте! Кукуся с бутявчонком сяпает! Кукуся тресь!

А Калуша вздрезнулась и волит:

— Никс!

— Тресь, тресь, — бирит Ляпупа. — Кукуся тресь!

(Инда сопритюкивается.)

А Кукуся с Бутявчонком усяпали с напушки.

— Посяпать разбамболить про Кукусю, — забирила Ляпупа. — Разбамболить про бурдысья, про Калушу с Помиком, ой кузяво! Ой кузяво! Кукуся с Бутявчонком в бурдысьях...

— Аи обезвалдела, Ляпупа? — волит Калуша. — Не Кукуся, а Кукуся Помиковна Бутявчонок-Прюшкина.

— Йоу? — бирит Ляпупа. — Йоу?

— Кукуся Прюшкина, йоу.

А Ляпупа как заволит:
— Кукуся-шмукуся! Бутявчонок-шмутявчонок!
И усяпала с напушки бятым-бятая.

15. КШИ

Пъс, Психа и псята сяпали по напушке.
Навстрызь хвиндиляла Бутявка.
Бутявка увазила Пъса и волит:
— Сяпаете по напушке, а напушка-то индяцкая! Не Пъсова напушка! Не Пъсам шаяться бтысь.
Пъс обезвалдел и волит Психе:
— Обезвалдеваю от бутявок. Бутявки, а волят с Пъсом яко тако некузяво! А ну, бутявщина, кши от Пъсов!
А Бутявка волит:
— Опо-по, опопо, галивнок. От Пъса арсаждусь и обяюсь! Сяпай в геесу!
— За галивнока отволишь! — бирит Пъс. — И за геесу! Не Пъс галивнок, а Бутявка!
И птум сяпалкой по напушке!
Бутявка инда тырснула в бурдыся.

Представленная в этой книге модель описания синтаксической системы современного русского языка опирается на ее коммуникативно-структурную трактовку. Именно она воспринимается нами как наиболее эффективная для процесса **обучения**. Отнюдь не отвергая аспектное видение языка и высоко оценивая его широкие исследовательские возможности, автор в данном случае исходит из более широкого понимания коммуникативной функции языка, складывающейся из двух оснований: 1) **отражения действительности** (не только фактически имеющейся в окружающем человека мире, но и созданной воображением человека в результате осмысления мира) и 2) **межличностного общения**, т. е. того, что выделяет человека из всего живущего в этом мире.

При этом языковая подсистема второй составляющей значительно расширена по сравнению с тем, что во второй половине XX в. стало принято подавать в качестве так называемого «коммуникативного аспекта», сводимого к фактам актуального членения предложения и типам предложений по цели высказывания. Введен достаточно широкий набор языковых средств, обеспечивающих речи говорящего бóльшую ясность, доступность, действенность, экономность в ее осмыслении слушающим — и эстетичность (если не удовольствие, то хотя бы удовлетворение от смысла и формы).

Не совсем в принятом сегодня значении следует расшифровывать не только компонент названия *коммуникативный*, но и компонент *структурный*. Структура в данном случае представлена не в чисто формальном ее облике, а как формализация (*оструктуривание*) определенного обобщенного грамматического значения. Можно выразиться и так: представление обобщенного,

абстрактного значения в неразрывной связи с присущей ему грамматикализацией.

Благодаря такому пониманию стало возможным, не «разделяя» всю синтаксическую систему на три известных аспекта (структурный, семантический и собственно коммуникативный), представить ее в виде двух взаимосвязанных блоков, двух составляющих. В основной единице синтаксиса — предложении — это проявляется в двух его исходных характеристиках: в предикативной оси (предикативности) и коммуникативной оси, — объединенных категорией лица.

Выдвижение категории лица на особую роль в обновленной модели описания синтаксиса вполне созвучно идее антропоцентризма, столь важной для сегодняшнего осознания смысла языкового существования человека.

Представленная модель синтаксического описания имеет целью прежде всего процесс обучения. Она формировалась под влиянием целого ряда лингвистических идей — прежде всего тех, которые оформились в XVIII — первой половине XX вв. в трудах выдающихся отечественных (и не только!) языковедов: М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы. Великих грамматистов прошлого в учебной литературе, как правило, аттестуют как представителей того или иного направления в языкознании. Между тем история отечественной филологии, и в том числе лингвистики, складывалась настолько своеобразно, что, по сути дела, каждый из названных ученых не принадлежал к какому-либо строго определенному направлению, а создавал собственное. А. М. Пешковского, например, принято относить к формалистам: нет ничего более далекого от действительности. Пешковский, с его тончайшим филологическим чутьем, с его непревзойденным мастерством анализа грамматической семантики, не развивал формальное направление, строго придерживаясь предписанных им рамок, а широко раздвинул их и в итоге создал свое — до сих пор по достоинству не оцененное.

Коммуникативно-структурная концепция синтаксиса складывалась и под влиянием идей, окончательно сформулированных

в середине и второй половине XX в.: это идеи лингвистического функционализма (в нескольких его широко известных версиях), актуального членения, семантического синтаксиса.

Наконец, нельзя не отметить и влияние трех академических грамматик русского языка, созданных на протяжении второй половины XX в. («Грамматики русского языка» 1952–54 гг., редколлегия синтаксического тома которой была представлена В. В. Виноградовым и Е. С. Истриной, а также «Грамматики современного русского литературного языка» 1970 г. и «Русской грамматики» 1980 г., вышедших под ред. Н. Ю. Шведовой). Каждый из этих фундаментальных сводов не просто отражал состояние науки о русском языке, но содержал целые комплексы идей, так или иначе (но в разной мере) отразившихся в представленной концепции коммуникативно-структурного синтаксиса.

Автор и редакторы настоящего издания предложили свой опыт коммуникативно-структурного описания синтаксиса современного русского языка. Для подобного решения были как внешние, так и внутренние импульсы. Первые связаны с сегодняшним состоянием рынка учебной книги, который остается практически монолитным в ориентации на единственный — аспектный — способ интерпретации синтаксической системы русского языка. Внутренним же импульсом послужила убежденность в возможности представить такое описание синтаксиса, в котором в качестве центральной рассматривается категория лица, предопределяющая сущность двух составляющих синтаксического строя: объектно-референциальной и межличностной, — воплощаемых, в свою очередь, в двух основных категориях предложения — предикативности и коммуникативной оси.

Время «стабильного учебника» — законсервированного, не меняющегося на протяжении десятков лет — думается, прошло. Мне нередко вспоминается рассказ профессора Д. Э. Розенталя. В течение многих лет он успешно руководил кафедрой стилистики факультета журналистики МГУ, был всегда любим и уважаем студентами. Но вот что он однажды рассказал. Как-то в доверительной беседе один из участников его семинара вдруг признался: «Как хорошо и интересно говорить с вами о языке! Но читать главы ваших учебников — скучно... А вам не скучно их писать?» Несколько обескураженный, Дитмар Эльяшевич — не вдруг, но тем не менее — произнес: «Скучно... или, вернее, — бывает и скучновато... но ведь надо!»

Именно это признание: «Скучновато, но надо», — запомнившееся мне на всю жизнь, заставило задуматься об обновлении жанра учебного пособия.

Приглядываясь к учебникам по русскому языку для высшей школы последних трех-четырех десятилетий XX в., часто обнаруживаешь (к счастью, не во всех) некое сходство с фольклором: повторяющиеся сюжеты с одними и теми же «героями-функциями», без какой-либо строгости в указании источников... Правда, вместо традиционных речевых приемов, пословиц и поговорок — увлеченность цитатами, часто одними и теми же (из трудов Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова). Конечно, были и счастливые исключения. К ним относится учебник по синтаксису В. А. Белошапковой (вышедший в 1977 г.). Это до сих пор лучший учебник с аспектной трактовкой синтаксического строя русского языка. За ним стояли новый подход к осмыслению синтаксической системы, увлеченность, редкостная методическая интуиция и неповторимый опыт мудрого лектора.

Подлинным новатором, наделенным отчаянной научной дерзновенностью и обладающим большой филологической культурой, проявила себя и Г. А. Золотова. И ее книга, написанная в соавторстве с учениками — Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой, — по-настоящему собственно авторская (Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998; 2004). Этой книге предшествовал ряд фундаментальных трудов Г. А. Золотовой, и прежде всего — «Очерк функционального синтаксиса русского языка» (М., 1973).

Безусловно, написать учебник — это для автора одно из сложнейших теоретических, прагматических, стилистических испытаний. Это всегда и риск.

Мы попробовали рискнуть.

Еще раз благодарю главных своих «соучастников»: М. Я. Дымарского, ответственного редактора, сочетающего в себе самые разнообразные, но необходимые для этой роли качества: высокий уровень профессионализма в области синтаксиса и текстообразования, чувство стиля, острый редакторский глаз и — отнюдь не в последнюю очередь — навыки владения компьютером, далеко выходящие за пределы обычных для нашей среды, — и И. А. Мартянову, редактора, синтаксиста-профессионала, читателя-филолога, чрезвычайно осведомленного не только в русской

литературе прошлого, но и — что бывает намного реже — в современной прозе, а помимо прочего — редчайшего специалиста в изучении текстовой организации киносценариев.

С. Г. Ильенко
август 2009

*

- Ажеж К.*, 325
Акимова Г. Н., 6, 12, 21, 24, 338, 339, 342, 345–347, 351
Апресян Ю. Д., 6, 18
Аристотель, 29, 39, 214
Арутюнова Н. Д., 6, 13, 45, 86, 180, 338, 349
Бабайцева В. В., 13, 37, 44, 92, 150, 242
Баевский В. С., 71
Баландин Р. К., 10
Балли Ш., 180
Балясникова Л. А., 22
Батожок Н. И., 22
Бахтин М. М., 33, 34, 321, 323, 333
Белошапкина В. А., 6, 15, 38, 45, 47, 61–63, 73, 78, 79, 158, 165, 170, 177, 261, 263, 273–275, 285, 286, 305, 308, 391
Бирюлин Л. А., 183
Богородицкий В. А., 36, 261, 278, 279, 283, 284
Бондарко А. В., 7, 13, 108, 121, 180, 220, 227
Боост К., 354
Борисова И. Н., 180, 320
Борисова М. Б., 6, 320
Бубер М., 16, 32–34, 41
Булаховский Л. А., 88, 356
Булыгина Т. В., 121
Бурвикова [Зарубина] Н. Д., 353
Буслаев Ф. И., 6, 35, 36, 150, 152, 258, 305, 388, 391
Валимова Г. В., 183
Валюсинская З. В., 320
Ванников Ю. В., 6

* В Именной указатель включены имена ученых, так или иначе упоминаемых в данном издании. Цифры указывают на номера страниц.

Вежбицка А., 138, 140, 335
Вернадский В. И., 10
Виноградов В. В., 6, 28, 31, 40, 63, 66, 68, 69, 73, 78, 132, 137, 143, 153,
180, 219, 220, 224, 279, 285, 356, 360, 388, 389, 391
Винокур Т. Г., 13, 347
Воейкова М. Д., 13
Востоков А. Х., 388
Всеволодова М. В., 38
Вяткина С. В., 21
Гайсина Р. М., 180, 219
Гак В. Г., 108
Галкина-Федорук Е. М., 73, 132, 137, 201
Гальперин И. Р., 13
Гаспаров Б. М., 362, 373, 374
Гаузенблас К., 45, 46
Гвоздев А. Н., 48, 282, 305–307
Гиндин С. И., 353
Гиро-Вебер М., 108
Гольдин В. Е., 214, 215, 219
Граудина Л. К., 6, 90
Греч Н. И., 35
Гринкова Н. П., 22
Грот Я. К., 21
Грудева Е. В., 335
Гуревич В. В., 220
Данеш Ф., 45, 46, 53, 356, 357, 359, 361, 365
Дерибас Л. А., 19
Дмитревский А. А., 88
Дмитриева Л. К., 214
Дымарский М. Я., 2, 6, 7, 9, 15, 23, 24, 157, 353, 365, 394, 399
Дьячкова Н. А., 278
Ельмслев Л., 30
Жуков В. Н., 16
Зверева Е. А., 220
Земская Е. А., 7, 22, 51, 55, 347
Золотова Г. А., 6, 7, 13, 18, 20, 40, 48, 50, 52, 74, 109, 163, 164, 174,
228, 333, 338, 353, 363, 364, 365, 368, 391
Иванова В. Ф., 7

Ивич М., 108
Ильенко С. Г., 7, 9, 14, 19, 24, 41, 338, 342, 344–347, 353, 362, 392
Ицкович В. А., 6, 90
Казаков В. П., 12, 21
Караулов Ю. Н., 13, 83, 338
Карцевский С. О., 182, 183, 261, 347
Катлинская Л. П., 6, 90
Кацнельсон С. Д., 58, 109, 110
Китайгородская М. В., 7, 51
Классовский В. И., 140
Ковтунова И. И., 14, 38, 228, 327
Кожевников А. Ю., 22
Кожина М. Н., 223
Козырев В. А., 22–24
Колосова Т. А., 261, 279, 280, 318
Колианский Г. В., 151
Косериу Э., 46
Кротевич Е. В., 236
Крылова О. А., 14, 38
Крючков С. Е., 263
Кузмина Е. С., 61
Кулагин А. Ф., 304
Курилович Е., 61, 86
Кухарж Я., 46, 47
Лаптева О. А., 7, 14, 229, 232, 347
Лёвина И. Н., 41
Левинас Э., 33
Левицкий Ю. А., 273, 276, 277
Левковская Н. А., 353
Лекант П. А., 77, 86, 120
Лешка О., 46
Ломоносов М. В., 82, 226, 388
Лосев А. Ф., 33
Лосева Л. М., 353, 356, 361, 365, 367
Лотман Ю. М., 71, 159, 221
Ляпон М. В., 180
Максимов В. И., 68
Максимов Л. Ю., 13, 37, 44, 263

Максимова Н. В., 320
Малащенко В. П., 77, 157
Манаенко Г. Н., 233, 258
Мандельштам О. Э., 136, 251, 267, 339
Мартьянова И. А., 7, 24, 340, 391
Матезиус В., 53, 229
Мельничук А. С., 45, 46
Мигирин В. Н., 236
Милых М. К., 320, 324
Москальская О. И., 13, 365
Мухин А. М., 219
Нечаева О. А., 361
Николаева Т. М., 13, 229, 279, 304
Новиков Л. А., 6, 14, 308, 317
Норман Б. Ю., 47, 233
Овсяннико-Куликовский Д. Н., 88
Онипенко Н. К., 6, 20, 40, 50, 109, 163, 159, 214, 391
Остин Дж., 185
Павилёнис Р. И., 13
Падучева Е. В., 13, 38
Панов М. В., 11, 18, 60
Перетрухин В. Н., 233, 236
Петерсон М. Н., 38, 63, 152, 271
Пешковский А. М., 6, 31, 36, 63–65, 73, 88, 110, 123, 129, 131, 140, 150,
151, 219, 233, 258, 261, 271–273, 276, 283, 284, 304, 317, 388,
391
Покровская Е. А., 339
Попов А. С., 108, 233, 236
Попова И. А., 203
Поспелов Н. С., 37, 261, 280, 281, 285, 304–306, 353, 355, 356, 360
Потебня А. А., 6, 31, 36, 38, 64, 154, 195, 283, 391
Прияткина А. Ф., 214, 233, 313
Прокопович Е. Н., 19
Прокопович Н. Н., 19, 61
Проничев В. П., 108, 214, 219, 344
Пупынин Ю. А., 341
Раилова А. Р., 249, 341
Распопов И. П., 7, 14, 86, 88, 216, 229, 323, 324

Рассел Б., 39
Рестан П., 184
Рогова К. А., 24, 108, 123, 124, 131
Розенталь Д. Э., 390
Розениток-Хюсси О., 33, 34
Руднев А. Г., 214, 216, 233
Руднев В. П., 227, 338, 352
Руднев Д. В., 21
Рябцева Н. К., 184
Светозарова Н. Д., 61, 320
Седельников Е. А., 121
Сёрль Дж., 185
Сидорова М. Ю., 6, 20, 40, 50, 109, 163, 333
Силантьев Е. Е., 341
Сиротинина О. Б., 22
Скобликова Е. С., 48, 61
Слюсарева Н. А., 13
Смирницкий А. И., 61
Смирнов И. Н., 22
Смольянинова Е. Н., 61
Соколова Г. В., 304
Соколова Л. А., 320, 326
Солганик Г. Я., 353, 356, 357, 359, 360, 365
Сосаре М. В., 365
Соссюр Ф. де, 354
Сухотин В. П., 66, 67
Сятковский С. И., 121
Тарланов З. К., 7, 140
Тимина С. И., 339
Тимофеев К. А., 132
Трубецкой Н. С., 50
Тулина Т. А., 61, 82
Урысон Е. В., 233
Успенский Б. А., 30
Ушаков Д. Н., 60, 68
Фирбас Я., 232
Фортулатов Ф. Ф., 31, 38, 61, 63, 388, 391
Фужерон И., 279

Фурашов В. И., 233
Холодов Н. Н., 276, 277
Храковский В. С., 86, 88, 150, 183
Чагешева В. И., 22
Черемисина М. И., 261, 279, 280
Чернов В. И., 86, 106
Чернышева М. М., 233
Черняк В. Д., 23, 24
Чеснокова Л. Д., 92, 157
Чумаков Г. М., 320, 323
Шаймиев В. А., 7, 23, 351
Шанский Н. М., 7, 258
Шапиро А. Б., 285
Шарандин А. Л., 19
Шахматов А. А., 6, 21, 38, 63, 82, 86, 111, 112, 114, 123, 129, 131, 139–
142, 144, 145, 150–152, 167, 219, 388, 391
Шведова Н. Ю., 7, 38, 63, 77, 87, 121, 133, 139, 145, 150, 152, 153, 160,
168, 169, 339, 342, 389
Ширяев Е. Н., 7, 51, 261, 276, 277, 304, 308, 316, 317, 347
Шмелев А. Д., 121
Шмелев Д. Н., 66, 67
Шмелева Т. В., 13, 38, 61, 79, 162
Штайн К. Э., 10
Шубина Н. Л., 23
Щерба Л. В., 17, 30, 31, 65, 108, 150, 151, 305, 388
Юрченко В. С., 86, 108
Якобсон Р. О., 181
Якубинский Л. П., 320
Nichols J., 156

Сакмара Георгиевна Ильенко

**КОММУНИКАТИВНО-СТРУКТУРНЫЙ СИНТАКСИС
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Учебное пособие

Редактор *М. Я. Дымарский*
Компьютерная верстка *Е. Н. Груздевой*

Подписано в печать .09.2009 г. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем: 16,75 уч.-изд. л.; 25,0 усл. печ. л.
Тираж 150 экз. Заказ
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена. 191186, Санкт-Петербург,
наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48